

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

CARTE
DE
L'ISLE DE TAMAN
Levée
Par M. Hablitz

HYRANIS

ТОМ

ТРУДЫ ОТДЕЛА
КЛАССИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
ИА РАН

5

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

HYRANIS

ТРУДЫ ОТДЕЛА КЛАССИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ИА РАН

Под общей редакцией В. Д. Кузнецова

5

МОСКВА 2023

УДК 902/904
ББК 63.4
Н99

Редколлегия:

О. М. Ворошилова (секретарь), Н. Д. Двуреченская, А. А. Завойкин,
В. Д. Кузнецов (главный редактор), А. А. Масленников

Рецензенты:

д. и. н. А. А. Масленников
д. и. н. С. Ю. Внуков

*Утвержден на заседании
Ученого совета Института археологии РАН*

Н99 **Hypanis.** Труды отдела классической археологии ИА РАН. Т. 5. – М.,
2023. 200 с.: илл.

ISBN 978-5-94375-419-7

Сборник научных статей по археологии, истории и нумизматике Боспора античной эпохи и раннесредневекового периода, а также исследований памятников Центральной Азии и Абхазии.

В сборнике публикуются материалы работ, выполненных сотрудниками отдела классической археологии ИА РАН по теме «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

**УДК 902/904
ББК 63.4**

ISBN 978-5-94375-419-7
DOI: 10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-419-7

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2023
© Авторы статей, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абрамзон М. Г., Ефимова Ю. Ю., Копцева Н. В.</i> Металлографический анализ статеров Рескупорида V с ошибочной датой АЭФ из Фанагорийского клада 2011 г.	5
<i>Алексеева Е. М.</i> Погребальные обряды Синдики в период греческой колонизации	23
<i>Голофаст Л. А., Рыжов С. Г.</i> Комплекс 7 века из Херсонеса	51
<i>Завойкин А. А., Кузнецов В. Д.</i> Священный участок на «Верхнем городе» Фанагории	92
<i>Завойкина Н. В.</i> Сарматская тамга на медных монетах Аспурга: проблема интерпретации	132
<i>Пилипко В. Н.</i> Стратиграфия Тоголок-депе (Южный Туркменистан)	153
<i>Требелева Г. В., Шведчикова Т. Ю., Юрков В. Г., Яворская Л. В.</i> Раскопки на Маркульском городище (2021–2022 гг.)	178
Список сокращений	197

CONTENTS

<i>Abramzon M. G., Efimova Yu. Yu., Koptseva N. V.</i> Metallographic Analysis of Rhescuporis V Staters with the Erroneous Date ΑΞΦ from the Phanagorian 2011 Hoard	5
<i>Alexeeva E. M.</i> Sindian Burial Rites During Greek Colonization	23
<i>Golofast L. A., Ryzhov S. G.</i> Ceramic Assamblage of the Seventh Century AD from Khersonesos	51
<i>Zavoykin A. A., Kuznetsov V. D.</i> A Sacred Area at Phanagoria's Acropolis	92
<i>Zavoykina N. V.</i> Sarmatian Tamga on Bronze Coins of Aspurgos: Problems of Interpretation	132
<i>Pilipko V. N.</i> Stratigraphy of Togolok–depe (Southern Turkmenistan)	153
<i>Trebeleva G. V., Shvedchikova T. Yu., Yourkova V. G., Yavorskaya L. V.</i> Excavations at Markul City–Site (2021–2022)	178
Abbreviations	197

М. Г. Абрамзон, Ю. Ю. Ефимова, Н. В. Копцева

МЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТАТЕРОВ РЕСКУПОРИДА V С ОШИБОЧНОЙ ДАТОЙ АΞΦ ИЗ ФАНАГОРИЙСКОГО КЛАДА 2011 г.¹

Аннотация. В 565–571 гг. боспорской эры (= 268–274 гг. н. э.) в чеканке Рескупорида V происходит перерыв. Осенью 274 г. н. э. чеканка возродилась, но на статерах этого года стоит ошибочная дата АΞΦ (561 г. б. э. = 264/265 г. н. э.) вместо АОΦ (571 г. б. э. = 274/275 г. н. э.). Фанагорийский клад 2011 г. включает 27 таких статеров – крупнейший гомогенный комплекс, который открывает новые возможности для изучения металлургии боспорского статера последней четверти 3 в. н. э. На поверхности статеров с ошибочным годом АΞΦ из данного клада сохранились остатки серебряного слоя, что привело первоначально к предположению, что статеры Рескупорида V с датами АΞΦ и ВОΦ (все со следами серебра на поверхности), связанные общим штемпелем аверса, изготавливались по единой технологии (она же применялась и для выпусков Савромата IV и Тейрана, а также Фофорса 286/287 г. н. э.). Металлографическое исследование и рентгеноспектральный микроанализ монет Рескупорида V с датой ВОΦ, а также статеров его преемников, позволили впервые говорить о возможном использовании для серебрения боспорских статеров, начиная с 275 г., н. э. специальных серебрящих паст. Однако технология изготовления статеров с ошибочной датой АΞΦ до сих пор специально не изучалась. Результаты металлографического анализа поверхности таких статеров свидетельствуют, что для обогащения серебром их поверхности, по-видимому, применялась та же техника «обедненного серебрения» (the depletion-silvering), что для билонных статеров Рескупорида V 242/243–267/268 гг. с более высоким содержанием серебра в сплаве, чем в выпуске 274/275 г. н. э. Однако уже с 275/276 г. н. э. растущий дефицит серебра у властей привел к дальнейшей порче монеты и замене техники «обедненного серебрения» техникой серебрения поверхности монет с помощью специальных серебрящих паст, содержащих, скорее всего, хлориды серебра, натрия, аммония и ртути, гидротартрат калия и мел в качестве загустителя. Таким образом, новое микрохимическое исследование поверхности статеров с датами АΞΦ и ВОΦ позволяет зафиксировать момент смены технологии серебрения статеров на Боспоре в 275 г. н. э.

Ключевые слова: Боспор, статер, Рескупорид V, техника серебрения монет, микроанализ, металлография, археометрия.

M. G. Abramzon, Yu. Yu. Efimova, N. V. Koptseva

METALLOGRAPHIC ANALYSIS OF RHESCUPORIS V STATERS

WITH THE ERRONEOUS DATE АΞΦ FROM THE PHANAGORIAN 2011 HOARD

Abstract. In 565–571 BE (Bosporan era) = AD 268–274, the interruption took place in the coinage of Rhescuporis V. At the end of AD 275, the Bosporan coinage was revived, but the staters of this year bear the erroneous date АΞΦ – 561 BE (= AD 264/5) instead of АОΦ – 571 BE (= AD 274/5). The Phanagorian 2011 hoard includes 27 АΞΦ staters forming the largest homogeneous assemblage, which opens new possibilities in the studying the metallurgy of the Bosporan stater of the last quarter of the 3rd century AD. The remains of a surface silver layer were preserved on the hoard staters with the erroneous date АΞΦ, which initially suggested that Rhescuporis V staters with the dates АΞΦ and ВОΦ, all with traces of silver on their surface and struck from the same obverse die, were produced using a common silvering technique, which was also used for the coating of Sauromates IV and Teiranes' coins, as well as Thothorses' staters of AD 286/7. Metallographic study and X-ray microanalysis of Rhescuporis V's staters with the date ВОΦ, as well as the coins of his successors, for the first time allowed us to talk about

¹ Исследование выполнено в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

the application of special pastes for the silvering staters since AD 275. Meanwhile, the technique of silvering staters with the erroneous date АЭФ still remains poorly studied. The metallographic analysis of the surface of АЭФ staters confirmed that the same “depletion-silvering” technique was apparently applied to enrich their surface with silver as for the AD 242/3–267/8 billon staters of Rhescuporis V, which contained more silver in the alloy than the AD 274/5 issue. However, already from AD 275/6, the increasing shortage of silver for the production of money by the authorities resulted in the further debasement of the stater and the replacement of the “depletion-silvering” technique with a technique of silvering the surface of coins using special silvering pastes, most likely containing chlorides of silver, sodium, ammonium, mercury, potassium hydrotartrate, and chalk as a thickener. Thus, a new microchemical study of the surface of АЭФ and ВОФ coins records the moment of change in the technique of silvering Bosphoran staters in AD 275.

Key words. Cimmerian Bosphorus, stater, Rhescuporis V, technique of silvering coins, microanalysis, metallography, archaeometry.

Фанагорийский клад 2011 г. включает 27 статеров Рескупорида V типа «бюст царя/бюст императора» с ошибочной датой АЭФ (561 г. б. э. = 264/265 г. н. э.), без знака ценности.² Все они отчеканены одним штемпелем аверса и десятию – реверса.³ Это крупнейший гомогенный комплекс статеров данного типа – около половины всех зарегистрированных к настоящему моменту экземпляров.⁴ Изредка единичные находки таких статеров встречаются в слоях боспорских поселений, включая городище Фанагории.⁵ Присутствуют они и в кладах из Судака (1958 г.)⁶ и Батарейки (1958 г.)⁷ – по два экземпляра в каждом.

Давно установлено, что штемпель л.с. рассматриваемых статеров АЭФ был использован при чеканке статеров с датами ВОФ (571 г. б. э. = 275/276 г. н. э.) и ГОФ (572 г. б. э. = 276/277 г. н. э.). Стиль, иконография и фактура таких статеров АЭФ имеют мало общего с блестящим билонном этого царя 264/265 г. н. э. (и вообще с его статерами 240–260-х гг.) и очень близки к выпускам Рескупорида V, Савромата IV и Тейрана 275/276–278/279 гг. Эти наблюдения позволили А. А. Ашрафиану и В. А. Анохину предположить, что на статерах дата АЭФ (561 г. б. э.) вырезана ошибочно вместо АОФ (571 г. б. э.), и они относятся к 274/275 г. н. э.⁸ К. В. Голенко же полагал, что статеры Рескупорида V 275/276 и 276/277 гг. могли быть случайно отчеканены старым штемпелем л.с. статеров, изъятых из обращения.⁹ А. А. Ашрафиан правильно полагал, что вся эта серия была выпущена после перерыва в монетной чеканке в 565–571 гг. б. э., но одновременно допускал, что «нет ничего невозможного и в том, что старый штемпель “дореформенных” (то есть лишенных знака ценности) статеров был использован при возобновлении чеканки Рескупорида».¹⁰ Наконец, Н. А. Фролова твердо относил такие статеры АЭФ к 264/265 г. н. э., отмечая, что их штемпель л.с. будет использован через 10 лет при чеканке статеров этого царя с датами ВОФ и ГОФ.¹¹

Эта датировка была поддержана и при полной публикации Фанагорийского клада.¹² Однако дальнейшие исследования металла статеров Рескупорида V из данного комплекса безусловно доказывают последовательность выпусков АЭФ, ВОФ и ГОФ, отчеканенных общим штемпелем л.с. Кроме того, статеры Рескупорида V и Савромата IV с датой ВОФ оказались связаны общим штемпелем о.с.¹³ Таким образом, бесспорно следует считать, что возродившаяся после перерыва в 565–571 гг. б. э. чеканка Рескупорида V стартует с эмиссии статеров с ошибочной датой АЭФ (561 г. б. э.) вместо АОФ (571 г. б. э.). Общий штемпель л.с. и близость состава монетного сплава статеров с годами АЭФ,

² Анохин 1986, 171, № 716; 2011, 292, № 2081; Фролова 1997, 267–268, табл. LII. 15–21.

³ Абрамзон, Кузнецов 2011, № 1074–1099.

⁴ Н. А. Фролова (1997, 267–268, табл. LII. 15–21) учла 7 экз., все отчеканенные разными штемпелями о.с., электронный каталог-архив «Монеты Боспора» зарегистрировал еще 25 единичных экз. См.: <http://bosporan-kingdom.com/716-4402/1.html> (и далее).

⁵ ГИАМЗ «Фанагория». ФМ-КП 46/35 Н 392.

⁶ Фролова 1983, 101, табл. III. 3–4.

⁷ Там же, 114, табл. X. 8–9.

⁸ Ашрафиан 1982, 70; Анохин 1986, 123–124.

⁹ Голенко 1978, 23, прим. 57.

¹⁰ Ашрафиан 1982, 70.

¹¹ Фролова 1997, 267–268, табл. LII. 15–21.

¹² Абрамзон, Кузнецов 2017, 39–40.

¹³ Abramzon et al. 2023, 37, 125, fig. 71.

Рис. 1. Статеры 274/275 г. н. э. с остатками серебряного поверхностного слоя из Фанагорийского клада 2011 г. (увел. $\times 7,5$)

ВОФ и ГОФ подтверждает предложенную В. А. Анохиным датировку монет АΞΦ самым концом 571 г. б.э. (осень 275 г. н. э.), когда Рескупорид V мог получить право на возобновление чеканки от императора Тацита, вступившего на трон 25 сентября 275 г. н. э. Очень короткий период чеканки статеров АΞΦ объясняет их редкость.¹⁴

До новейшего анализа металла статеров с ошибочной датой АΞΦ из Фанагорийского клада 2011 г. одни исследователи считали их медными, другие – билонными.¹⁵ В 2016–2017 гг. все такие статеры из данного клада были исследованы методом РФА в отделе реставрации Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория» на спектрометре М1 «Мистраль» (Bruker). Результаты РФА показали, что они изготовлены из сплава на основе меди, содержащего около 5–10% серебра и 90–95% меди.¹⁶ На поверхности статеров зафиксировано присутствие серебра, и это привело нас к предположению,

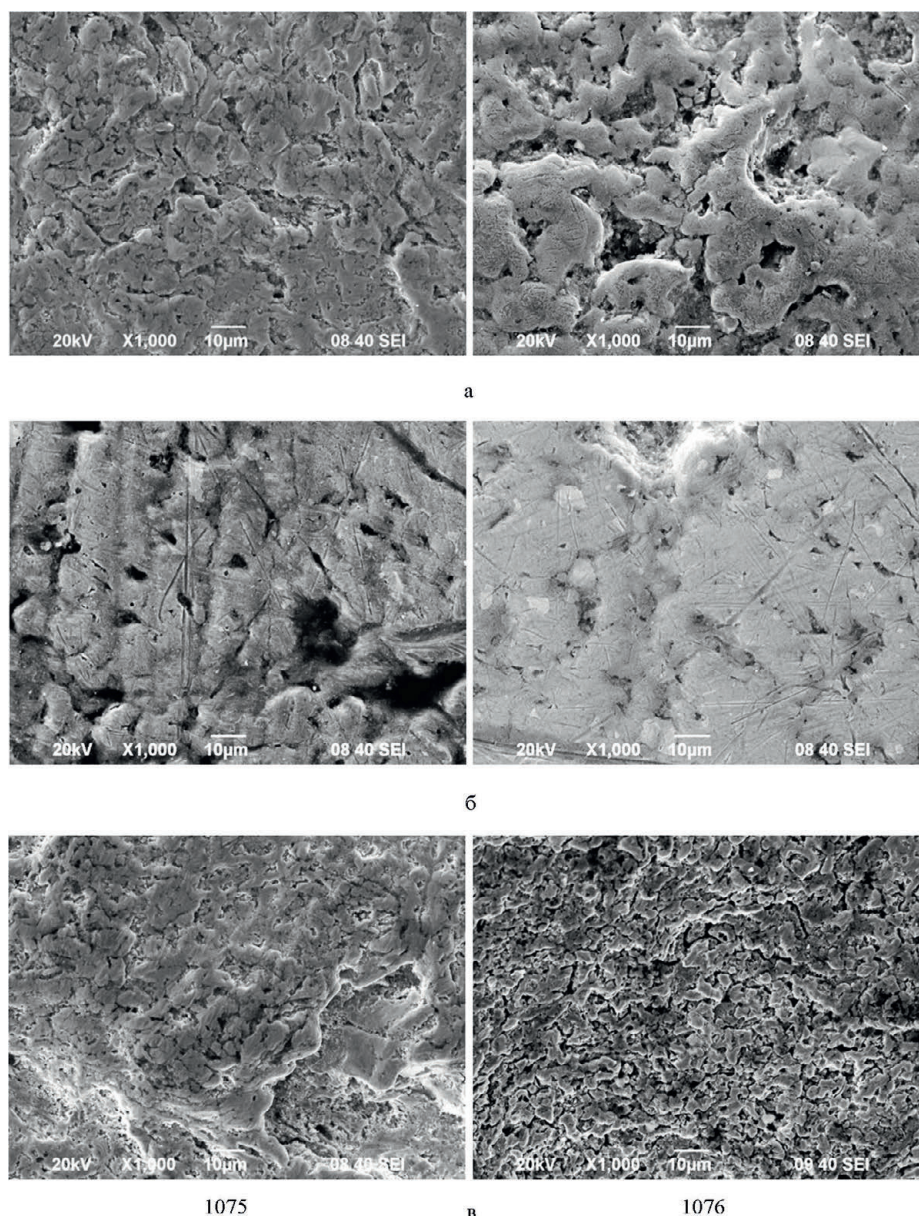
¹⁴ Анохин 1986, 124.

¹⁵ См.: <https://bosporan-kingdom.com/716-4402/12.html>.

¹⁶ Сапрыкина, Гунчина 2017, 357–359, № 1074–1099; Abramzon et al. 2023, 37.

Рис. 2. Характерное строение микрорельефа поверхности статеров № 1075 и 1076: темный участок монетного поля (а), изношенный участок (б), светлый участок рельефа (в)

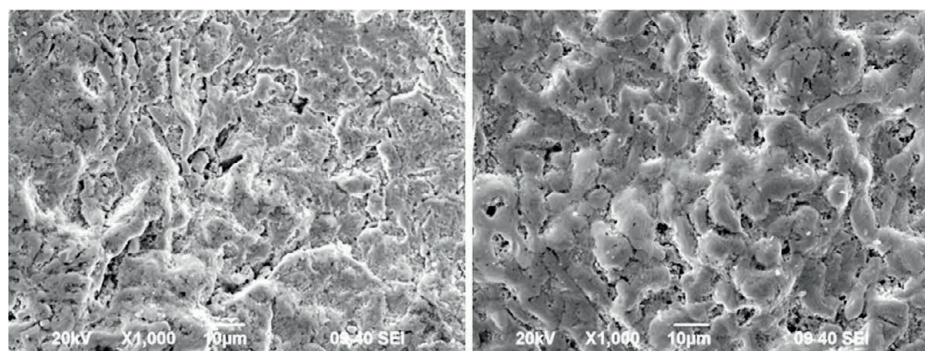

что статеры Рескупорида V с датами АЭФ и ВОФ (все со следами серебра на поверхности), отчеканенные общим штемпелем аверса, изготавливались по единой технологии со статерами его соправителей Савромата IV и Тейрана, а также выпуском Фофорса 286/287 г. н. э. Металлографическое исследование и рентгеноспектральный микроанализ монет Рескупорида V с датой ВОФ, а также статеров Савромата IV, Тейрана и Фофорса, позволили впервые говорить о возможном применении для серебрения боспорских статеров, начиная с 275 г. н. э., специальных паст, предположительно содержащих хлориды серебра, натрия, аммония и ртути, гидротартрат калия и мел.¹⁷

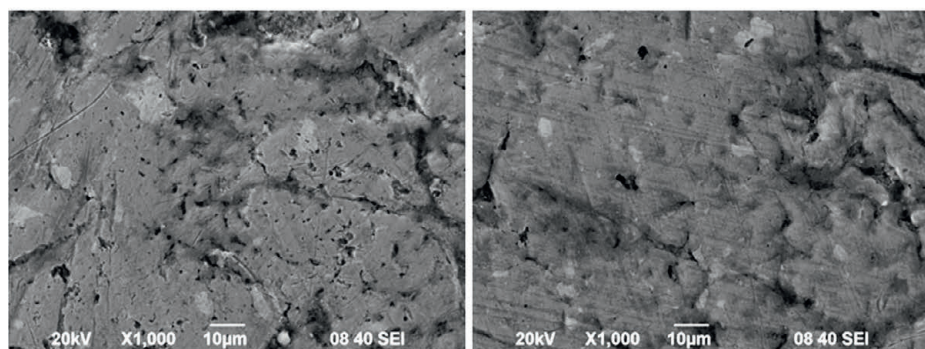
Между тем технология изготовления статеров с ошибочной датой АЭФ до сих пор специально не изучалась. Дополнительная серия анализов проводилась в ЦКП НИИ «Наностали» МГТУ им. Г. И. Носова на выборке из 10 таких статеров Рескупорида V из Фанагорийского клада 2011 г. (рис. 1).¹⁸

¹⁷ Abramzon et al. 2020; 2022; 2023, 37–52.

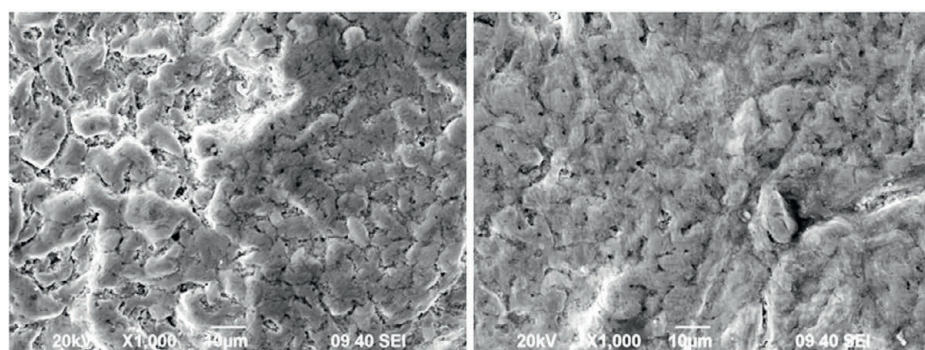
¹⁸ № 1075, 1076, 1078, 1080, 1082, 1084, 1086, 1090, 1092, 1094.

а

б

1078

в

1080

Рис. 3. Характерное строение микрорельефа поверхности статоров № 1078 и 1080: темный участок монетного поля (а), изношенный участок (б), светлый участок рельефа (в)

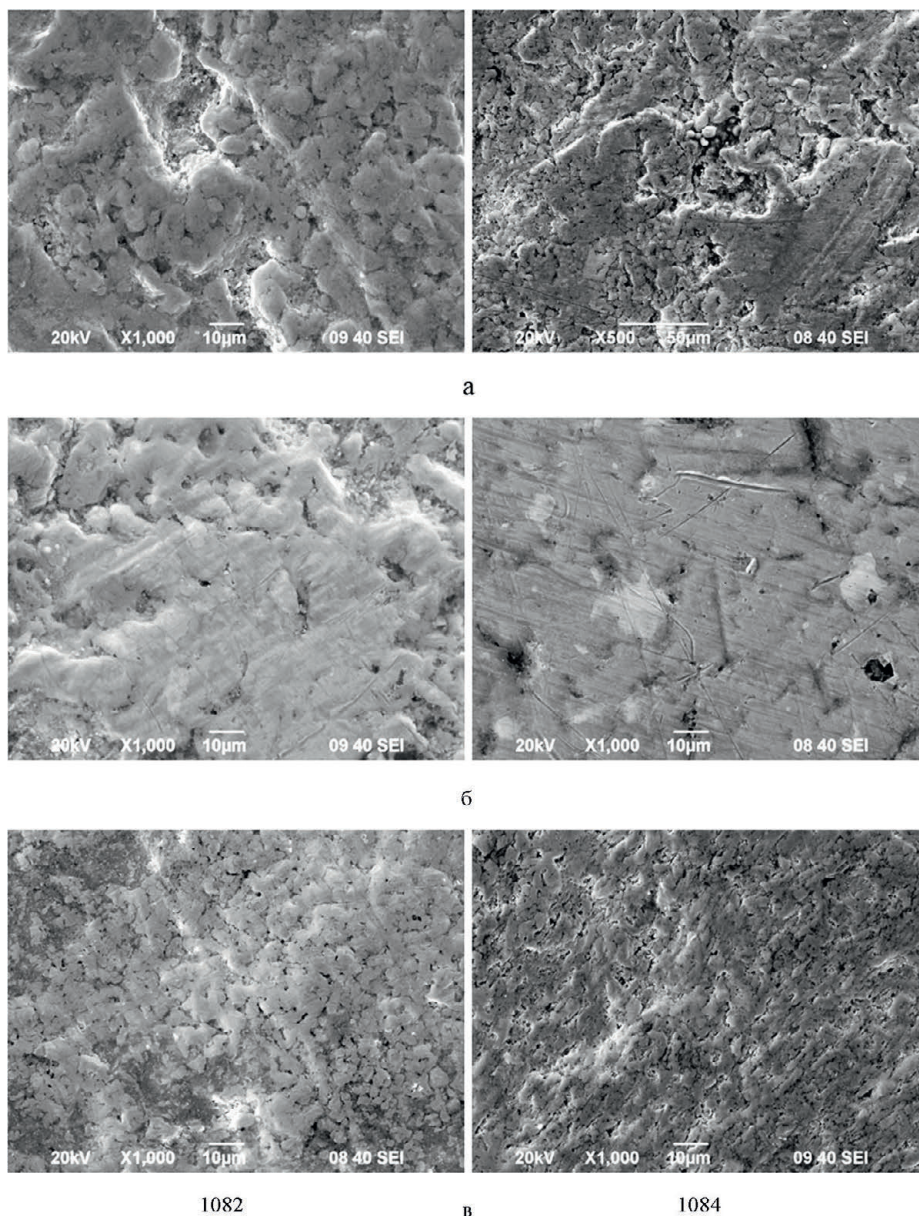
Методика исследования

Металлографический анализ проводился на стереомикроскопе Meiji Techno RZ-B при увеличениях 7,5 крат, с использованием системы компьютерного анализа изображений Thixomet PRO. Изображение микроструктуры с помощью цифровой камеры вводилось в компьютер и затем анализировалось с применением специализированных программ.

Микроструктура и поверхность монет исследовалась с помощью сканирующего электронного микроскопа (СЭМ) JSM 6490 LV во вторичных электронах.

Рентгеноспектральный микроанализ (РСМА) проводился с использованием специальной приставки к сканирующему микроскопу – энергодисперсионного спектрометра INCA Energy, который позволяет одновременно регистрировать рентгеновский спектр от всех элементов, присутствующих в анализируемом образце,

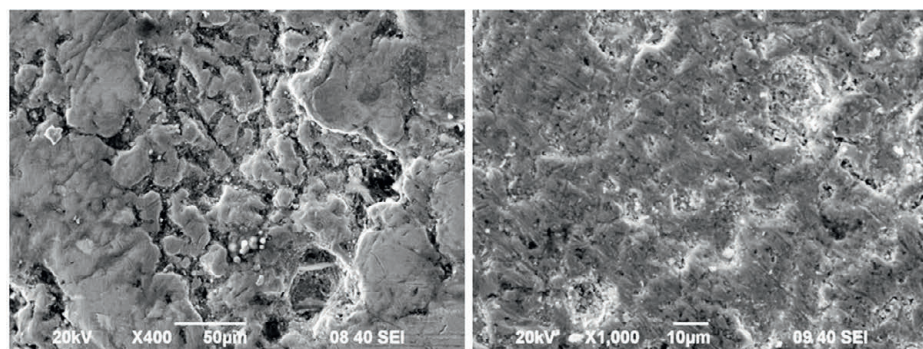
Рис. 4. Характерное строение микрорельефа поверхности статеров № 1082 и 1084: темный участок монетного поля (а), изношенный участок (б), светлый участок рельефа (в)

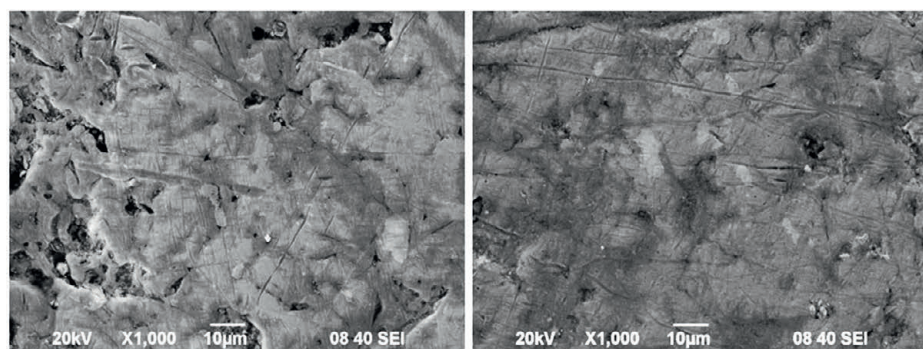
в координатах «относительная интенсивность, имп./с – энергия, кэВ». Качественный и количественный анализ выполнялся в режиме автоматической идентификации рентгеновских пиков элементов, находящихся в рассматриваемой области, путем набора спектра в точке, сканированием вдоль выбранной прямой линии или сканированием по площади выбранного участка на растровом изображении. Кроме того, строилась карта распределения элементов по поверхности статера.

Результаты исследования и их обсуждение

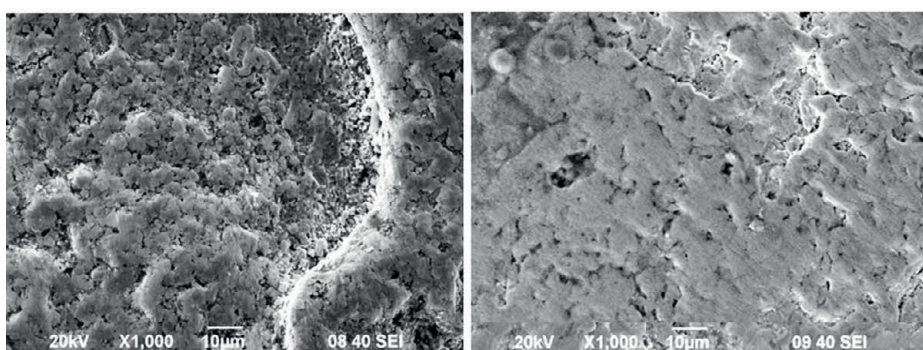
Общий вид статеров со следами серебра на поверхности представлен на рис. 1. Визуальный анализ монет показывает, что их поверхность имеет оттенки красновато-медного цвета с отдельными локальными участками характерного серебристого цвета.

а

б

1086

в

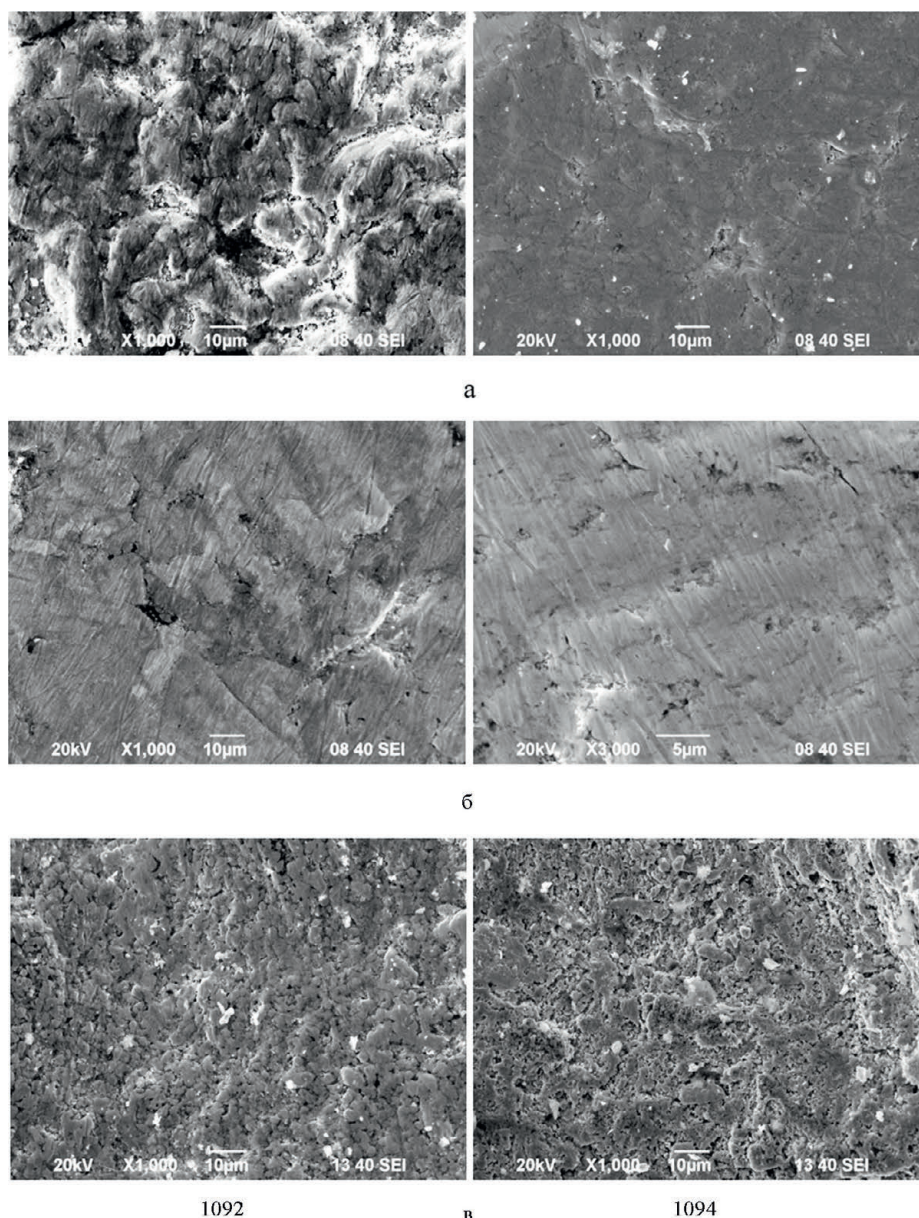
1090

Рис. 5. Характерное строение микрорельефа поверхности статеров № 1086 и 1090: темный участок монетного поля (а), изношенный участок (б), светлый участок рельефа (в)

При СЭМ-исследовании на поверхности всех монет выявлены области с различным строением микрорельефа (рис. 2–6). На поверхности отчетливо фиксируются темные области, расположенные на поле монеты без чеканного рельефа (а), темные гладкие области на выпуклых элементах чеканного рельефа или на поле монеты (б) и светлые участки, расположенные, главным образом, в углублениях чеканного рельефа и в некоторых случаях – на поле монеты (в). Сопоставление результатов СЭМ и визуального осмотра позволяет заключить, что темные области, расположенные на поле монеты без рельефа, являются участками поверхности монеты, имеющими оттенки медного цвета. На этих участках обнаруживаются как относительно гладкий микрорельеф с небольшой шероховатостью, так и углубления произвольной формы и размеров (рис. 2. а – б. а).

На темных гладких областях на поле монеты выявлены риски и царапины – это, безусловно, участки, подвергнувшиеся естественному износу в про-

Рис. 6. Характерное строение микрорельефа поверхности статеров № 1092 и 1094: темный участок монетного поля (а), изношенный участок (б), светлый участок рельефа (в)

цессе обращения монеты (рис. 2. б – 6. б). Кроме того, на данных участках наблюдаются светлые пятна различной формы размером от 1 до 10 мкм и мелкие округлые пятна, размер которых не превышает 1 мкм. Эти пятна равномерно распределены по таким участкам поверхности. Наконец, на участках поверхности монет, имеющих при визуальном осмотре светлый серебристый цвет, наблюдается однородный микрорельеф, состоящий из плотно прилегающих друг к другу плоских округлых «зерен» серебра размером 5–10 мкм (рис. 2. в – 6. в).

В различных локальных участках на поверхности исследуемых монет был выполнен рентгеноспектральный микроанализ (РСМА) (рис. 7–8). Фиксировались характеристические рентгеновские спектры как с выбором анализируемой области в точке, так и сканированием по площади выбранного участка микрошлифа. Результаты РСМА исследуемой поверхности монет показали наличие в рентгеновских спектрах пиков серебра, меди и кислорода. Содержание этих

Таблица 1. Результаты количественного рентгеноспектрального микроанализа поверхности статеров

№	Среднее содержание элементов, %						
	Выступ рельефа		Впадина рельефа		Гладкое поле монеты		По всей площади
	Cu	Ag	Cu	Ag	Cu	Ag	O
1075	78.1	11.8	56.1	29.7	84.1	12.1	6.2
1076	75.4	15.6	51.5	45.7	61.6	27.9	7.6
1078	71.7	19.1	60.6	23.4	78.3	16.4	6.0
1080	71.7	22.4	37.5	54.9	74.3	18.0	6.6
1082	71.9	13.1	73.1	23.3	63.7	29.3	7.2
1084	85.7	9.6	43.8	44.3	75.2	18.4	5.6
1086	81.3	14.2	40.9	51.6	69.0	21.6	7.6
1090	87.2	13.9	56.1	35.3	70.1	22.3	7.3
1092	78.6	16.2	32.5	62.3	83.2	13.6	5.6
1094	70.1	20.1	36.9	52.8	75.4	14.1	5.1

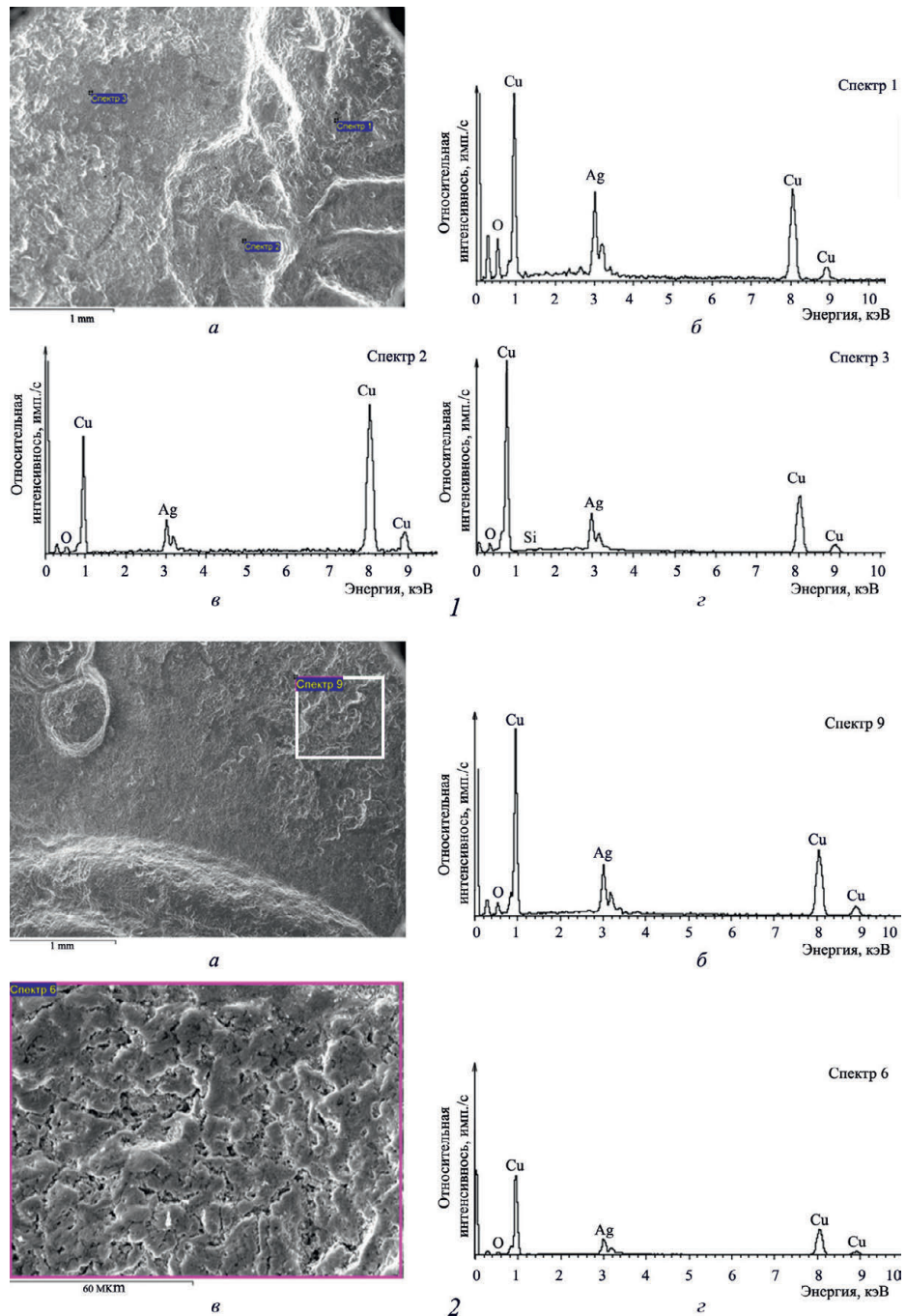
линий характеризует присутствие в химическом составе монетного сплава меди и серебра, а кислород связан с присутствием окислов меди на поверхности монет, образовавшихся в результате процесса коррозии во время пребывания монет в культурном слое. При этом содержание указанных элементов оказалось различным в разных участках поверхности монет: на выпуклой части чеканного рельефа, в локальном светлом участке во впадине рельефа и темном участке поля монеты без рельефа (рис. 8).

Сопоставление интенсивностей пиков спектров выявленных элементов в характеристических спектрах, полученных с различных участков монет, свидетельствует о том, что максимальное количество серебра концентрируется во впадинах чеканного рельефа, а минимальное – на его выпуклостях и монетном поле без него (рис. 9).

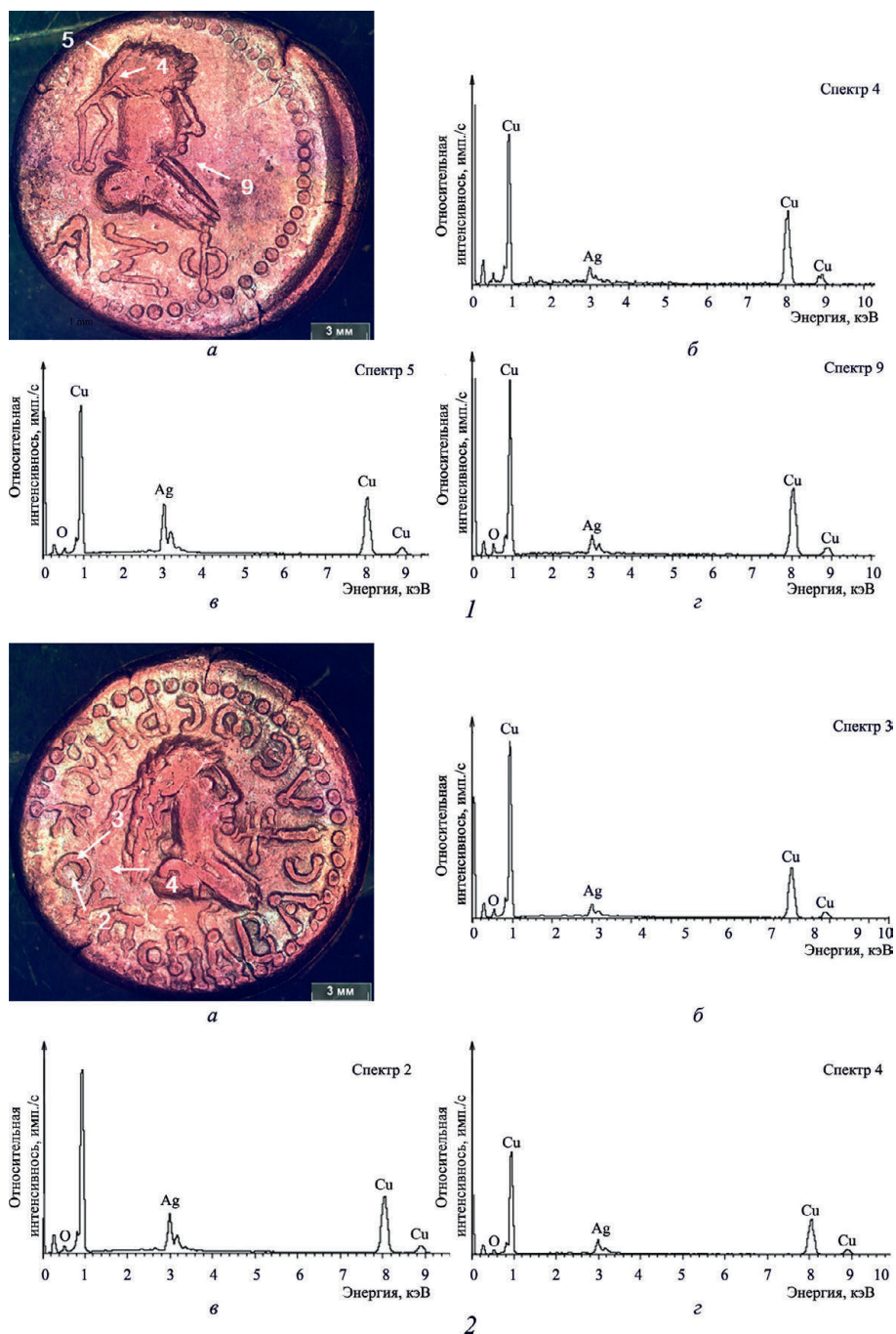
Количественный анализ показал, что содержание металлов на выпуклых частях рельефа поверхности монет составило 70,1–87,2% Cu и 9,6–20,1% Ag, во впадинах рельефа – 32,5–60,6% Cu и 23,3–62,3% Ag, на поле монеты – 61,6–83,2% Cu и 12,1–29,3% Ag. Содержание кислорода на разных участках поверхности монеты различается мало и варьируется в пределах 5,1–7,6% (табл. 1). Обращает на себя внимание, что наиболее сильно различается содержание серебра на выпуклых элементах и во впадинах рельефа поверхности разных монет, что является следствием неравномерного истирания поверхностного нанесенного слоя серебра при обращении монет.

РСМА по площади шлифа с получением изображения в характеристическом излучении (картирование) дает наглядную картину распределения элементов на выбранных участках поверхности (рис. 10). Карты распределения элементов по поверхности статеров показали, что в повышенных количествах медь локализуется на выпуклых элементах чеканного рельефа (рис. 10. а–в), где серебро не регистрируется или присутствует в пониженном количестве, либо она распределена равномерно по полю поверхности монеты без рельефа (рис. 10. г–д). В отличие от меди серебро в повышенных количествах локализуется преимущественно во впадинах рельефа вблизи от выпуклых элементов (рис. 10. а–в) и на участках

Рис. 7. Типичные результаты РСМА (статер № 1078) с выбором анализируемой области в точке (1): *а* – электронное изображение поверхности; *б–г* – характеристические рентгеновские спектры с точек; со сканированием по площади выбранного участка микрошлифа (2): *а, б* – электронные изображения поверхности; *в, г* – характеристические рентгеновские спектры с площади выбранных участков микрошлифа

поля монеты, которые в процессе обращения подверглись стиранию в меньшей степени, причем в таких участках медь при картировании регистрируется в пониженных количествах (рис. 10. г–д). Эти результаты имеют хорошую степень совместимости с визуально фиксируемым серебристым цветом отдельных участков поля монеты на рис. 1. Кроме того, области, содержащие серебро в повышенном количестве, выявлены на сильно стертых участках высокого рельефа поверхности, где они распределены более или менее однородно в виде отдельных включений различной формы размеров размером от 1 до 10 мкм и более мелких округлых равномерно распределенных включений размером до 1 мкм (рис. 10. е).

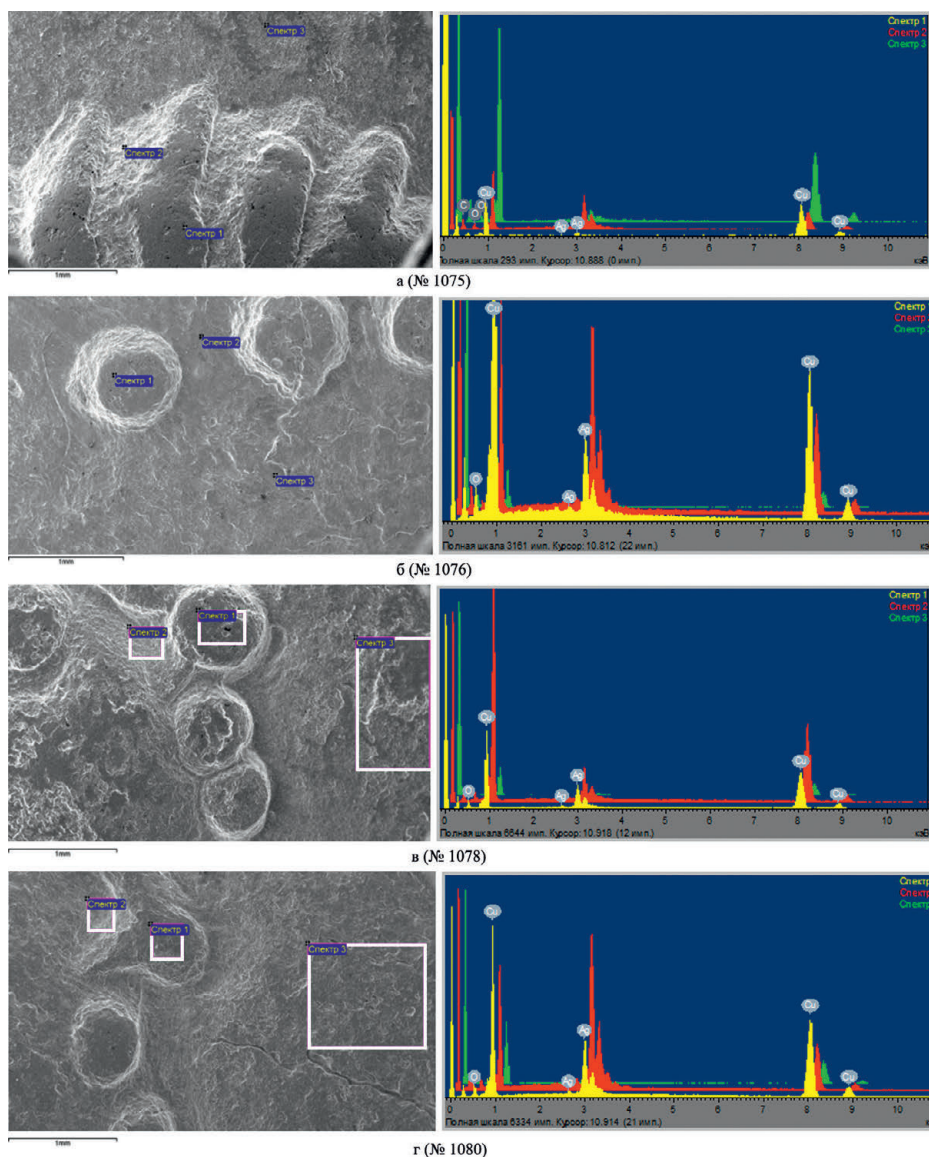

Рис. 8. Электронное изображение (а) поверхности статов № 1082 (1) и 1086 (2) и характеристические рентгеновские спектры с указанных точек на выступающей части чеканного рельефа (б), локальном светлом участке во впадине (в) и темном участке поля монеты без рельефа (г)

Анализ полученных результатов позволяет, во-первых, сделать заключение, что на поверхности монет присутствовал серебряный слой, о чем свидетельствует наличие достаточно крупных областей, содержащих до 55% Ag, на отдельных участках поля монеты и во впадинах чеканного рельефа, которые были изношены в меньшей степени, чем выпуклые элементы, на которых серебро фиксируется, как правило, в пониженном количестве и не превышает 20%, что объясняется более интенсивным истиранием поверхностного слоя в таких участках. Это заключение подтверждают карты распределения элементов на данных участках. На малоизношенных (не стертых) участках поля монеты четко фиксируется

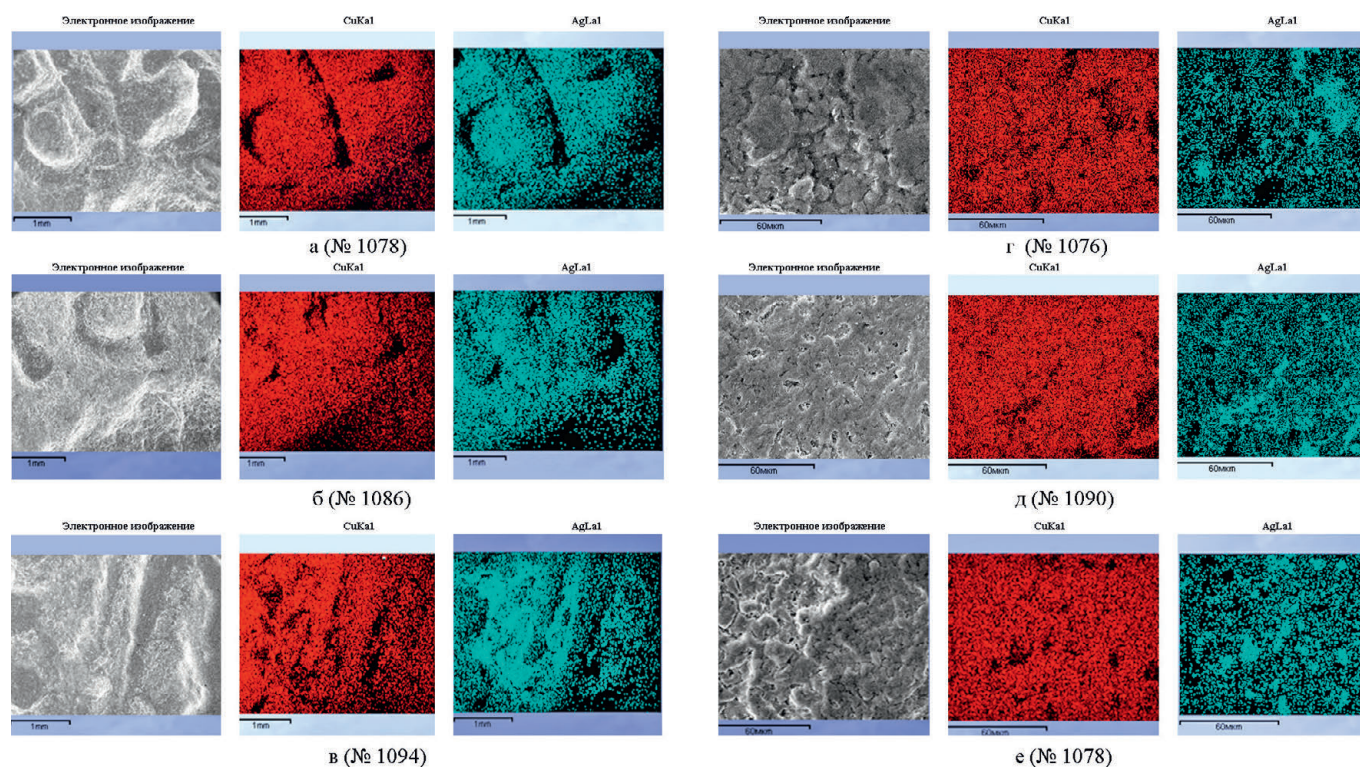

Рис. 9. Электронное изображение поверхности статеров № 1075, 1076, 1078, 1080 и наложение характеристических рентгеновских спектров (справа) с различных участков рельефа монет: выпуклого рельефа (спектр 1), с впадины (спектр 2) и с поля монеты (спектр 3)

наличие сплошного достаточно плотного поверхностного слоя с повышенным содержанием серебра и пониженным содержанием меди (рис. 11. а, в). На более изношенных участках низкого рельефа такой слой сохранился только в виде локальных областей с повышенным содержанием серебра, а локализация меди обнаруживается только между этими участками (рис. 11. б, г). В редких случаях серебряное покрытие на поле монеты выглядит гладким и сохранилось практически не разрушенным, содержа 95,9% Ag и 4,1% Cu (рис. 12).

Во-вторых, присутствие частиц, содержащих серебро, равномерно распределенных на сильно изношенных поверхностях выпуклого рельефа, где серебряное покрытие исчезло в результате обращения монеты, свидетельствует о том, что они являются структурными составляющими монетного сплава, из которого изготовлены анализируемые статеры. Это подтверждают результаты количественного анализа химического состава этих частиц (рис. 13). Они свидетельствуют, что в них содержится около 87% Ag и 9% Cu (рис. 13. а, б) в отличие от матрицы (медной основы сплава), где присутствует около 6% Ag и 92% Cu (рис. 13. в, г).

Рис. 10. Распределение серебра и меди по рельефному участку поверхности статеров № 1078 (а), № 1086 (б), № 1094 (в); гладкому полю монеты – № 1076 (г) и № 1090 (д); изношенному участку высокого рельефа – № 1078 (е)

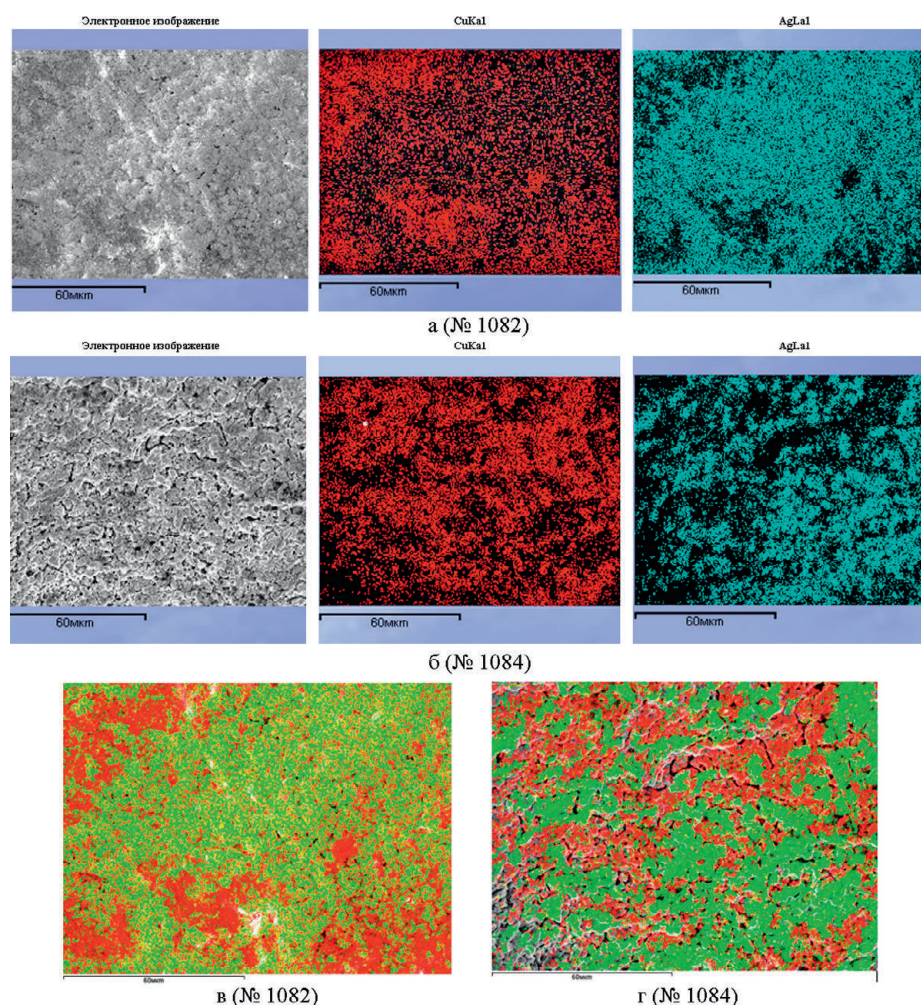
Смешанные карты распределения элементов отчетливо фиксируют присутствие в сплаве отдельных крупных включений размером от 2,4 до 12 мкм и дисперсных частиц серебра размером не более 1,0 мкм, равномерно распределенных в медной основе (рис. 14. а, б). Суммарные спектры, полученные по площади участков изношенной поверхности, на которой отсутствовали светлые участки, но наблюдались частицы, содержащие серебро (рис. 14. в), демонстрируют, что монетный сплав включает 67,5–90,5% Cu и 5,5–8,5% Ag.

Анализ микроструктуры истертой поверхности статеров и локальный РСМА позволяют определить, что серебро в структуре монетного сплава присутствует в виде отдельных (эвтектических и вторичных) включений, в которых его количество составляет около 87%, и в виде твердого раствора на основе меди, где содержание серебра не превышает 6%, что согласуется с предельной растворимостью компонентов в α - и β -твердых растворах серебра в меди, входящих в состав эвтектики. Наличие твердого раствора серебра в меди, твердого раствора меди в серебре и закиси меди ранее было подтверждено рентгеноструктурным анализом статеров Рескупорида V № 523–528.¹⁹

Полученные результаты, характеризующие строение микрорельефа поверхности статеров 274/275 г. н. э., содержание и распределение элементов по ней, очевидно, позволяют предполагать применение при изготовлении монет технологии так называемого обедненного серебрения (the depletion silvering), при которой серебро обогащало поверхность бланков до операции чеканки, а медь выводилась с нее в результате процесса рафинирования. Электронные изображения микроструктуры поверхностного слоя (рис. 11) хорошо согласуются со способом получения рыхлого поверхностного слоя серебра, который уплотнялся при помощи молотка до операции чеканки, в результате чего поверхность монетного кружка приобретала серебряный блеск. Использование такой техники

¹⁹ Abramzon et al. 2023, 97–102, fig. 25–34.

Рис. 11. Электронное изображение светлого участка на мало изношенной поверхности статеров № 1082 и 1084 с отдельными картами распределения серебра и меди (а, б) и совмещенной картой распределения элементов (в, г): оранжевый цвет – медь; зеленый цвет – серебро

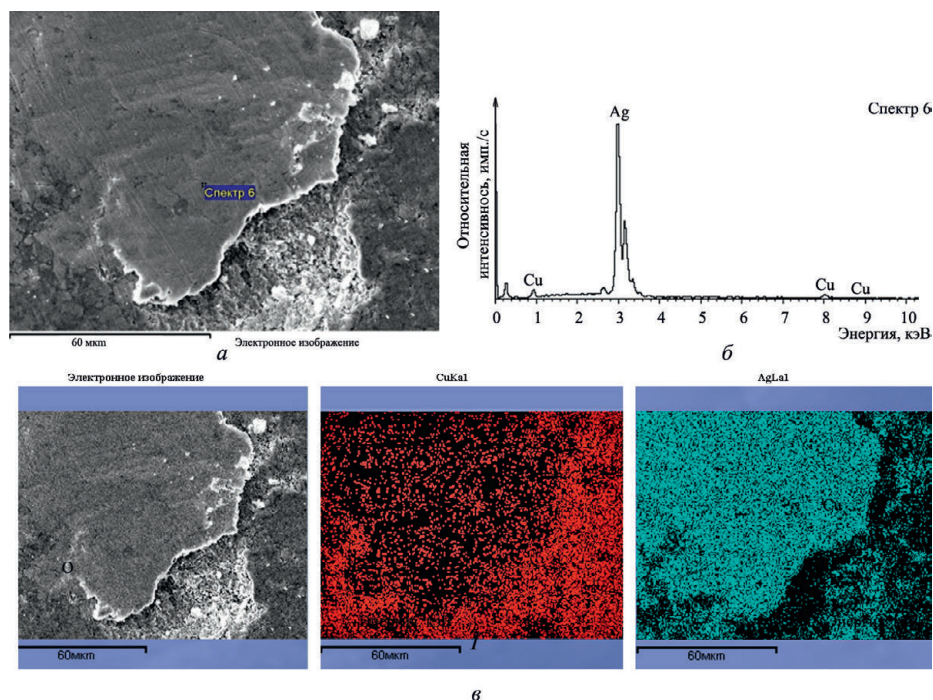

в монетном деле Римской империи и позднего Боспора стало обычной практикой, что подтверждается многократными экспериментами по формированию посеребренной поверхности реплик монетных заготовок. Так, например, К. Батчер и М. Понтинг установили, что бланки-заготовки для монет часто преднамеренно улучшали перед чеканкой. Цель метода обедненного серебрения заключалась в том, чтобы монеты, изготовленные из сплава на основе меди, выглядели чисто серебряными. Преднамеренно удаляя часть меди из монетного сплава, античные монетные дворы искусственно повышали содержание серебра нем. Количество удаленной меди варьировалось от монеты к монете, отсюда общее содержание серебра в каждой отчеканенной на дворе монете тоже варьировалось, но всегда было выше, чем в исходном сплаве, из которого отливались кружки-заготовки.²⁰

Л. Х. Коуп предположил, что способ формирования серебряной поверхности монет из серебряного сплава, обедненного медью, включал пять последовательных этапов: 1) отливка заготовки из серебряно-медного сплава; 2) нагрев ее на открытом воздухе для образования слоя оксидов меди; 3) кислотное травление заготовки для удаления оксидов меди и выявления серебряной фазы; 4) удары молотком по заготовке для латерального распределения серебряной фазы; 5) чеканка монетным штемпелем.²¹ Экспериментально проверив гипотезу Л. Х. Коупа, Л. Бек убедился, что изготовление реплик заготовок монет

²⁰ Butcher, Ponting 2014, 78–79.

²¹ Cope 1972, 261; Beck et al. 2004, 158.

Рис. 12. Электронное изображение (а) и карты распределения серебра и меди (б) на мало изношенной поверхности статера № 1094

из серебряно-медного сплава демонстрирует возможность непосредственного формирования внешней поверхности, обогащенной серебром.²² Другие исследования поверхности римских монет 3 в. н. э., экспериментально подтвержденные с помощью ED-XRF, привели к аналогичным выводам: 1) серебрение с обеднением было обычной практикой и выполнялось сначала путем нагревания и окисления бланка, а затем его травления в органических кислотах (уксусной или винной), с добавлением соли или без нее, до чеканки; 2) получаемая толщина серебряного слоя составляла, вероятно, 20–30 мкм, и он изнашивался в процессе обращения монеты в среднем примерно за 50–80 лет.²³

Позитивный ответ на вопрос о том, применялась ли технология обедненного серебрения при изготовлении заготовок для биллонных статеров Рескупорида V с содержанием серебра менее 15–20%, дали результаты эксперимента по изготовлению реплики монетного кружка, проведенного в отделе реставрации ГИАМЗ «Фанагория» в 2016 г.²⁴ Было установлено, что повышение содержания серебра на поверхности монет достигалось в процессе отливки и последующего охлаждения заготовки-бланка, естественной сегрегации серебра на поверхность монетного кружка и последующего упрочнения серебряного слоя с помощью молотка. Как отмечалось выше, эта техника сходна с синхронной римской: римское государство также намеренно скрывало свои манипуляции с содержанием серебра в выпускаемых им монетах. Известны два способа, которыми это можно было сделать. Первый – процесс поверхностного обогащения серебром путем удаления меди из сплава на поверхности заготовки до операции чеканки, в ходе которого формировался твердый поверхностный слой почти чистого серебра. Второй метод основан на естественном процессе обратной (или дендритной) сегрегации. Естественные процессы сегрегации при затвердевании серебряных сплавов, содержащих более 72% серебра (эвтектический состав), приводят к образованию богатого серебром слоя толщиной от 20 до 80 мкм, а в литых заготовках из сплава, содержащего от 18% до 72%, элементное серебро создает богатую серебром поверхность толщиной от 10 до 40 мкм.²⁵

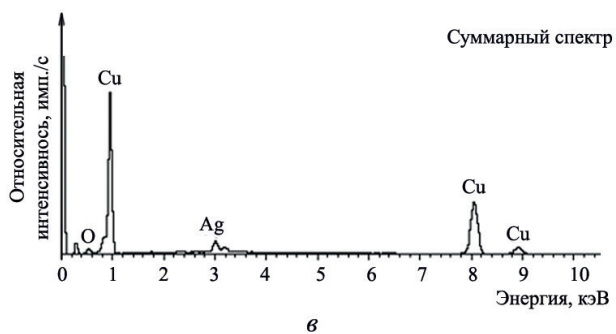
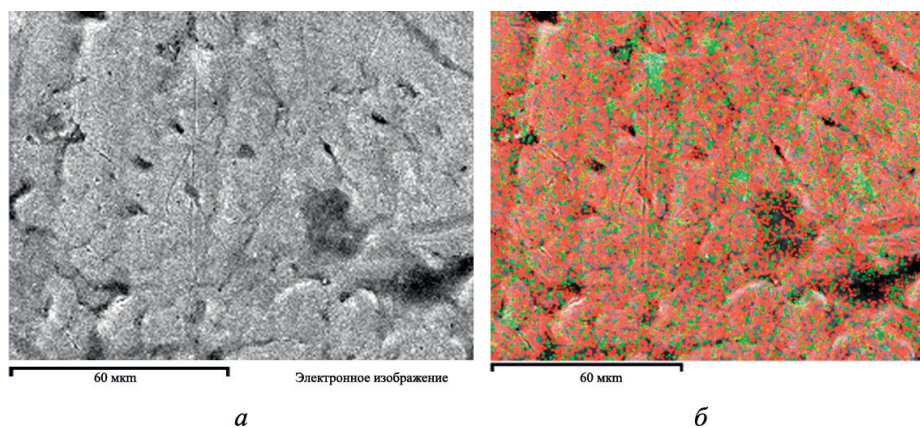
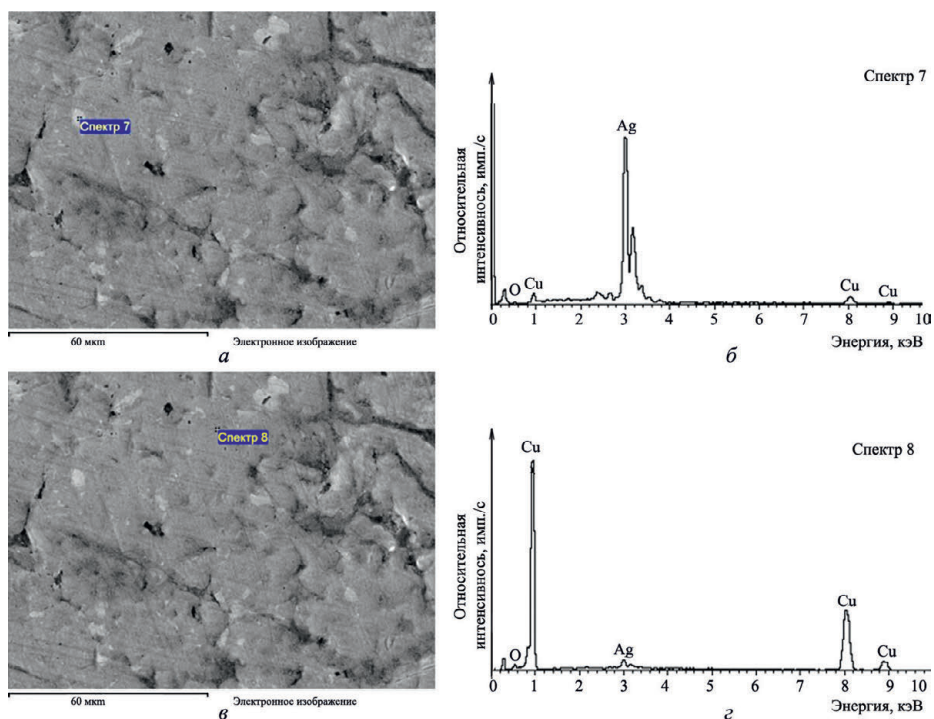
²² Beck et al. 2004.

²³ Zwicky-Sobczyk, Stern 1997, 404.

²⁴ Сапрыкина и др. 2017, 489–490; Abramson et al. 2018, 117; 2023, 23–25, 93, fig. 21.

²⁵ Butcher, Ponting 2014, 107–108.

Рис. 13. Электронное изображение (а, в) и характеристические рентгеновские спектры (б, г) с указанных точек на изношенной поверхности статера № 1080

Рис. 14. Электронное изображение изношенной поверхности статера № 1075 (а) и совмещенная карта распределения элементов (б): оранжевый цвет – медь; зеленый цвет – серебро

Заключение

Таким образом, полученные результаты металлографического и микро-рентгеноспектрального исследований поверхности анализируемых статеров свидетельствуют о том, что после возрождения монетной чеканки в самом конце 571 г. б. э. (осень 275 г. н. э.) первая серия статеров – с ошибочной датой АΞΦ – была изготовлена из сплава на основе меди с небольшим количеством серебра (около 90,5% Cu и 5,5–8,5% Ag). Поверхность кружков-заготовок подвергалась обогащению серебром, предположительно, способом «обедненного серебрения» (the depletion-silvering), применяемым в синхронном монетном производстве Римской империи. Но уже в следующем году, как показали наши предыдущие исследования, технология обогащения серебром поверхностного слоя изменилась: статеры 275/276–278/279 и 286/287 гг. н. э. подвергались серебрению с помощью специальных паст, содержащих, скорее всего, хлориды серебра, натрия, аммония и ртути, гидротартрат калия и мел в качестве загустителя.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. 2017. Клад позднебоспорских статеров из Фанагории (Фанагория 5). Москва.
- Анохин В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев.
- Анохин В. А. 2011. Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог. Киев.
- Ашрафиан А. А. 1982. О некоторых нумизматических датах Боспора в III в. н. э. // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 64–71.
- Сапрыкина И. А., Гунчина О. Л. 2017. Химический состав металла боспорских статеров Фанагорийского клада 2011 г. // Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. Клад позднебоспорских статеров из Фанагории (Фанагория 5). Москва, 272–483.
- Сапрыкина И. А., Пельгунова Л. А., Гунчина О. Л., Равич И. Г., Кичанов С. Е., Козленко Д. П., Назаров К. М. 2017. Некоторые замечания о технике изготовления боспорских статеров из Фанагорийского клада 2011 г. // Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. Клад позднебоспорских статеров из Фанагории (Фанагория 5), 484–493.
- Фролова Н. А. 1983. Клады позднебоспорских монет как источник по истории Боспора III в. н. э. // Нумизматические памятники Исторического музея (Нумизматический сборник 8. Труды ГИМ 57). Москва, 3–23.
- Фролова Н. А. 1997. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.). Ч. II. Москва.
- Abramzon M. G., Saprykina I. A., Kichanov S. E., Kozlenko D. P., Nazarov K. M. 2018. A Study of the Chemical Composition of the 3rd Century AD Bosporan Billon Staters by XRF-Analysis, Neutron Tomography and Diffraction // J. Surf. Invest.: X-ray, Synchrotron Neutron Tech. 12/1, 114–117.
- Abramzon M. G., Baryshnikov M. P., Efimova Yu. Yu., Koptseva N. V., Saprykina I. A., Smekalova T. N. 2020. X-Ray Microanalysis of Surface of the AD 286/287 Staters of Thothorses: New Data on the Silvering Process of the Bosporan Coins // J. Surf. Invest.: X-ray, Synchrotron Neutron Tech. 14/3, 529–533.
- Abramzon M. G., Efimova Yu. Yu., Koptseva N. V., Saprykina I. A., Smekalova T. N. 2022. Microanalysis of the Chemical Composition of the Surface of Teiranes Staters of AD 276/7–278/9: Silvering Technique // Nanobiotechnology Reports 17/5, 638–643.
- Abramzon M. G., Efimova Yu. Yu., Koptseva N. V., Saprykina I. A., Smekalova T. N. 2023. The Metallurgy of Bosporan Silver Coinage: Third Century AD (Colloquia Antiqua 37). Leuven–Paris–Bristol.

- Beck L., Bosonnet S., Révellion S., Eliot D., Pilon F. 2004. Silver Surface Enrichment of Silver-Copper Alloys: A Limitation for the Analysis of Ancient Silver Coins by Surface Techniques // *Nuclear Instruments and Methods in Physics Research Section B* 226, 153–162.
- Butcher K., Ponting M. 2014. *The Metallurgy of Roman Silver Coinage. From the Reform of Nero to the Reform of Trajan*. Cambridge.
- Cope L. H. 1972. Surface-Silvered Ancient Coins // E. T. Hall, D. M. Metcalf (eds.), *Methods of Chemical and Metallurgical Investigation of Ancient Coinage. A Symposium Held by the Royal Numismatic Society at Burlington House, London, December 9–11, 1972* (Royal Numismatic Society Special Publication 8). London, 261–278.
- Zwicky-Sobczyk C. N., Stern W. B. 1997. X-Ray Fluorescence and Density Measurements on Surface-Treated Roman Silver Coins // *Archaeometry* 39.2, 393–405.

Е. М. Алексеева

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ СИНДИКИ В ПЕРИОД ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ¹

Аннотация. Многие десятилетия прошлого столетия исследователи считали древней Синдикой современный Таманский полуостров, однако в пределах Тамани археологически не зафиксировано остатков какой-либо местной материальной культуры, которую можно было бы соотнести с синдами. находка 1986 г. на Семибратнем городище надписи с его названием (Лабрис), определением статуса как резиденции синдских царей и указанием на нахождение «в земле синдов» определила локализацию исторической Синдики на материке юго-восточнее Тамани, на левобережье древнего русла р. Кубань/Гипаниса. Семибратнее городище и его курганы подвергались раскопкам довольно широко, однако до сих пор не удалось конкретизировать материальную культуру синдов. Среди этносов, относимых к меотской культуре, которых насчитывается около 15, выделена локальная синдская группа, но она не характеризуется как самостоятельная археологическая культура.

В погребальной обрядности большинства царских Семибратних курганов 5 в. до н. э. (раскопаны в 1875–1876 гг.) очевиден синкретизм: с одной стороны, скифской традиции устройства подкурганных больших глубоких прямоугольных гробниц с деревянными перекрытиями и конскими захоронениями, с другой – опыт греческих полисов в использовании сырцовых кирпичей для облицовки стен и устройства внутренних перегородок. Этот культурный синкретизм очевиден и в наборах погребального инвентаря, что демонстрирует тесное переплетение традиций мира ираноязычных варваров с утвердившейся в Причерноморье античной культурой. Формы лепных сосудов с Семибратнего городища демонстрируют сознательный выбор форм, близких к греческим.

В 1970-е годы экспедиция Института археологии РАН исследовала вблизи пос. Уташ под разрушенной курганной насыпью гробницу, аналогичную по конструкции гробницам в Семибратних курганах. Она лежит на той же высокой левой террасе над древним руслом Кубани/Гипаниса, как бы продолжая до причерноморских лиманов зону Семибратнего городища с его курганами. Уцелевшие остатки погребального инвентаря из золота и слоновой кости ставят Уташскую гробницу в один ряд с широко известными погребальными комплексами Семибратних курганов.

Согласно сведениям древних авторов, владения синдов на юг простирались до Синдской гавани (совр. Анапы), за ней начиналась территория керкетов на п-ове Абрау в районе Новороссийска.

Между Семибратним городищем и Синдской гаванью, на землях Синдики, раскапывались также могильники местного населения 6–4 вв. до н. э. со специфическим обликом погребальных сооружений, выделяющиеся обильным использованием необработанных камней. Захоронения на них совершены в конструкциях двух разновидностей: 1) в каменных ящиках с грунтовым дном; 2) в овальных широких, почти поверхностных ямах-лунках. Те и другие перекрыты каменными плитами, окружены кольцом/кромлехом из дикарных камней и сверху засыпаны мелкими камнями (наподобие невысоких курганных насыпей). Обе разновидности погребальных сооружений перемешаны в пределах одного некрополя. Различие ящик – ямка может отражать разные корни слившихся в более древние времена родовых общин.

Истоки традиции «каменных некрополей» в северокавказской причерноморской зоне, возможно, лежат в древних пластах археологических культур Центрального и Северо-Западного Кавказа – в поздних этапах западного варианта кобанской культуры эпохи поздней бронзы. Какая-то группа населения, занимавшая крайние западные территории кобанской культурной общности, могла переместиться по левому приходу Кубани – Уруп в сторону Туапсе и Геленджика. Здесь у побережья, ещё свободного от поселения греков, локальные племенные общности формируют к рубежу 7–6 вв.

¹ Работа выполнена в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (НИОКТР 122011200269-4).

до н. э. культуру каменных некрополей. В 6–5 вв. до н. э. это население продвинулось в сторону Новороссийска – Анапы, а затем и за Керченский пролив в Восточный Крым. В 1978 г. вблизи Туапсе, на стыке позднекобанской и античной культур, выявлены подобные исследованным на «каменных некрополях» в районе Анапы конструкции погребальных сооружений, датированные 7–6 вв. до н. э.

Таким образом, на территории исторических синдов археологически фиксируются два несхожих погребальных обряда. Их полное несовпадение позволяет предполагать разные генетические корни этих двух ветвей соседствующего на одной территории населения.

Ключевые слова. Синдика, 7–5 вв. до н.э., скифские традиции, Семибратние курганы, гробница, Уташ, «каменные некрополи», позднекобанская культура.

Е. М. Alekseeva

SINDIAN FUNERAL RITES DURING GREEK COLONIZATION

Abstract. For many decades of the last century, researchers considered the modern Taman Peninsula to be ancient Sindike, but there are there no archaeologically recorded remains of any material culture that could point to the Sindians. The 1986 discovery of an inscription on the Semibratny city-site with the settlement's name, Labris, defining its status as the residence of the Sindian kings and indicating its location "in the land of the Sindians" determined the localization of the historical Sindike on the mainland southeast of Taman, on the left bank of the Kuban / Hypanis river. The Semibratny city-site and its mounds have been excavated extensively, but it is not possible to determine the presence of material remains attributed to the Sindians. Among the ethnic groups classified as Maeotian culture, of which there are about fifteen, a local Sindian group has been identified, but it is not characterised as an independent archaeological culture.

In the funerary rituals of most of the royal burial mounds from Semibratny attributed to the fifth century BC (excavated in 1875–1876), syncretism is quite obvious: on the one hand, the Scythian tradition of constructing large, deep rectangular tombs with wooden ceilings and horse burials under burial mounds, and on the other, the influence of Greek city-states, using mud bricks for cladding walls and constructing internal partitions. This cultural syncretism is also evident in the funeral goods sets, which demonstrate a mixture of traditions of Iranian-speaking barbarians with the ancient culture established in the Black Sea region. The shapes of the moulded vessels from the Semibratny city-site demonstrate a conscious choice of Greek-related shapes.

In the 1970s, an expedition from the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences worked on a burial site near modern village of Utash, under the destroyed mound, similar in design to the tombs at Semibratny mounds. It lies on the elevated left-positioned terrace above the ancient bed of the Kuban / Hypanis river, as if continuing the area of the Semibratny city-site and its mounds. The surviving remains of burial goods made of gold and ivory place the Utash tomb on a par with the well-known burial complexes of the Semibratny mounds.

According to ancient sources, the Sindike extended to the south until the Sindian Harbour (modern Anapa), followed by the territory of the Kerketai on the Abrau Peninsula in the Novorossiysk region.

Between the Semibratny city-site and the Sindian Harbour, on the lands of Sindike, local burials from the 6–4 centuries BC were also excavated. There, a specific pattern of burial structures, distinguished by the abundant use of unprocessed stones, can be observed. Said burials can be divided in two types: 1) stone boxes with a ground bottom; 2) oval, superficial pit-holes. Both types are covered with stone slabs, surrounded by boulders and topped with small stones (much like low burial mounds). Both types of burial structures are present at the same necropolis. The difference between a "box" burial and a "hole" burial may reflect the different roots of clan communities that merged previously.

The origins of the “stone necropoleis” tradition in the North Caucasian Black Sea zone may lie in the ancient layers of archaeological cultures of the Central and North-Western Caucasus – in the late Koban culture of the Late Bronze Age. Some groups of the population that occupied the western territories of the Koban culture could have moved to the left tributary of the Kuban / Urup river, towards Tuapse and Gelendzhik. Here, near the coast, still free of Greek expansion, the local tribal communities formed a culture of stone necropoleis at the turn of the 7–6 centuries BC. In the 6–5 centuries BC, this population moved towards Novorossiysk/Anapa, and then across the Kerch Strait to Eastern Crimea. In 1978, near Tuapse, funerary structures belonging to the intertwining of the late Koban and ancient Greek cultures, similar to those studied at the “stone necropoleis” at the Anapa region were discovered, dating back to the 7–6 centuries BC.

Thus, on the territory of Sindians, two different funerary rites are archaeologically recorded. Their complete discrepancy suggests different genetic roots of these two branches of the neighbouring population present in the same territory.

Key-words. Sindike, 7–5 centuries BC, Scythian traditions, Semibratny mounds, tomb, Utash, “stone necropoleis”, late Koban culture.

Земли вокруг современной Анапы были обитаемы за многие столетия до появления на них греческих переселенцев из Средиземноморья. Эпоха бронзы оставила здесь курганы, от плоско распаханных до довлеющих над степным простором. Синхронно с ранней античностью население в Прикубанье и в Северо-Западном Предкавказье образовывало несколько общностей.

Располагающаяся у Чёрного моря Анапа окружена плодородными равнинными землями, пригодными для любой сельскохозяйственной деятельности, ныне в основной массе распаханными. Они примыкают к морю и Витязевскому лиману неровной полосой шириной 20–30 км. С севера равнина ограничена топиями старого русла р. Кубань/Гипаниса. На краю равнины с северо-востока, востока и юга начинаются пологие (+250) отроги Большого Кавказа по ломанной линии современных пунктов Варениковская, Гостагаевская, Су-Псех, Гайкодзор, Варваровка, становясь более высокими (+470, +530) в Утрише, к востоку от Натухаевской и Нижне-Баканской.

В нескольких местах на равнинных землях в 70–80-х гг. прошлого столетия Анапская экспедиция Института археологии АН СССР провела раскопки некрополей со специфическим обликом погребальных сооружений 6–4 вв. до н. э. (рис. 1):

1) Между посёлками Красный Курган и Красная Скала, на краю взлётного поля строящегося анапского аэропорта «Витязево» (1973–1976 гг., 13–15 км от Анапы; рис. 2).

2) На строительной площадке в анапской промзоне около пос. Воскресенского (1977–1978 гг., не более 10 км от Анапы).²

3) На территории опытного хозяйства (ОПХ) «Анапа» в Усатовой балке (1981 г.).³

4) На ближайшей к Семибратнему городищу свиноферме.⁴

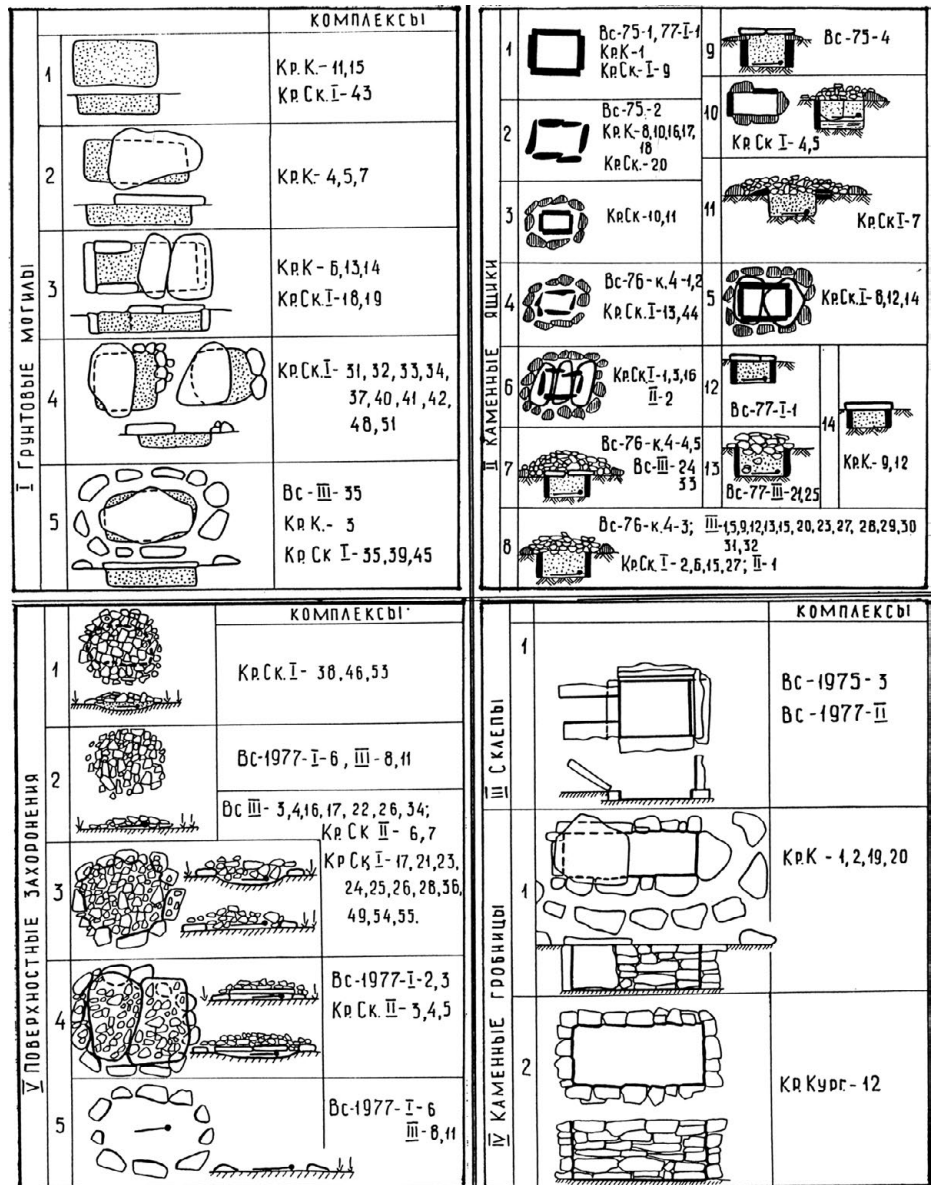
Самобытные могильники местного населения выделяются обильным использованием камня. Они получили условное название «каменных». Захоронения на них совершены в конструкциях двух разновидностей: в каменных ящиках с грунтовым дном, рассчитанных на вытянутое положение умерших (рис. 3. 1, 2), и в округлых/овальных широких и неглубоких ямах, почти лунках, на скалистых грунтах (рис. 3. 3). Те и другие перекрыты каменными плитами (иногда очень массивными), наиболее распространённый вариант – два-три плоских камня в перекрытии в зависимости от величины могилы. Те и другие по поверхности

² Алексеева 2000, 167, рис. 2а.

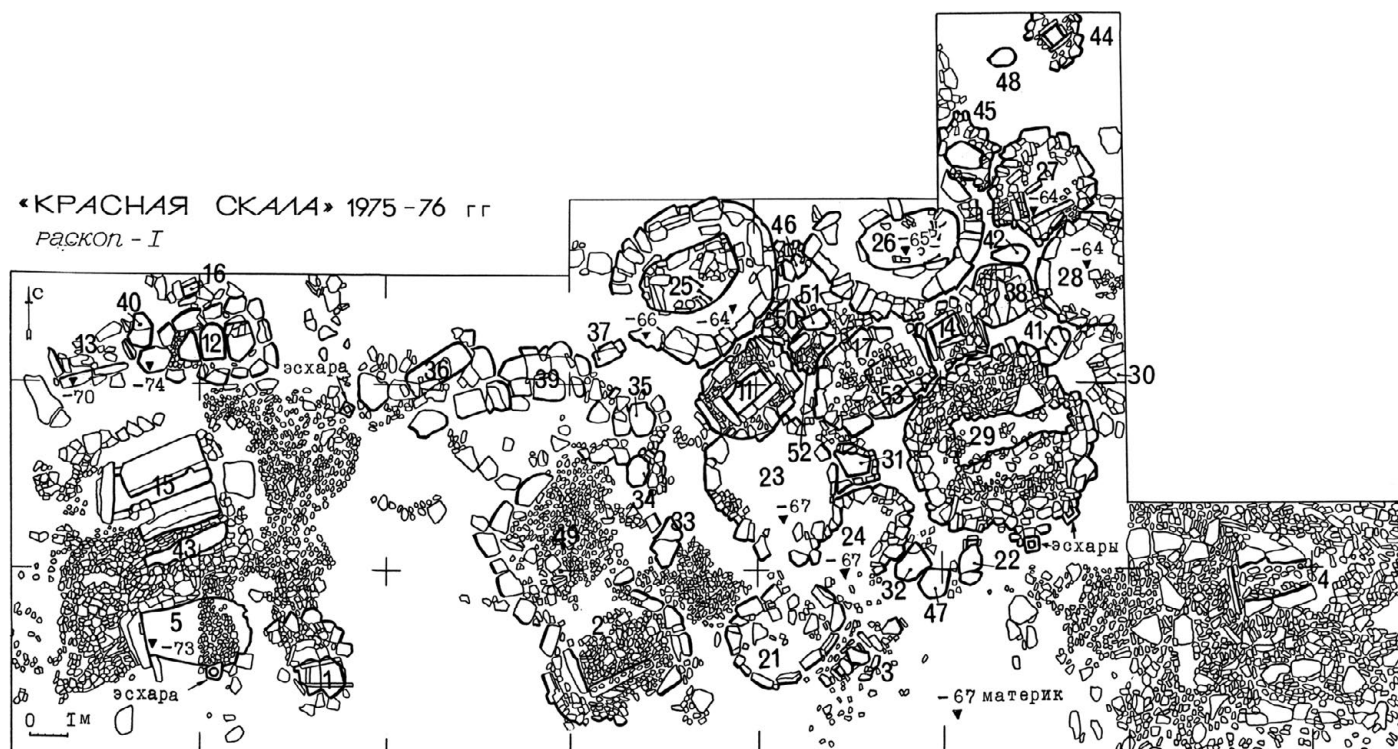
³ В 0,4 км к востоку от природной высоты, на которой исследовалась крепость рубежа тысячелетий – форпост на подступах к Гор-гиппии на краю станицы Анапской. Алексеева 1991, 56–60; Зуйков 1994.

⁴ Открыто 5 каменных ящиков с небольшими набросками из колотых камней. Каменные наброски над ящиками вблизи Семибратнего городища менее выразительны в сравнении с отмеченными выше некрополями.

Рис. 1. Разновидности конструкций погребальных сооружений на «каменных» некрополях в окрестностях Анапы (Кр. К. – Красный Курган, Кр. Ск. I – Красная Скала, раскоп I, Вc – Воскресенский)

древнего горизонта, едва отступя от краёв ящика или погребальной лунки, окружены кольцом/кромлехом из дикарных камней (преобладают уплощенные), все уложены в один ряд часто с небольшим интервалом друг от друга. Те и другие наподобие низких курганчиков (по перекрытию и без него) засыпаны мелкими и средней величины колотыми камнями; со временем насыпи расплылись до 3–5-ти и даже 25 м² на свободных участках. Все использованные камни обычно не обработаны, только среди составляющих ящики встречаются как отёсанные плиты, так и слегка подправленные плоские камни. В каменные насыпи бывают включены жертвенные камни с одним-двумя отверстиями для возлияний («эсхары») или небольшие камни с углублениями для подношений, а также осколки разбитых сосудов (амфор и гончарной посуды). Создаётся впечатление, что к месту погребения приносили разные черепки для разбрасывания, так как между собой осколки не стыкуются и керамический бой не воссоздаётся в формы. В зависимости от плотности грунта ящики бывают либо едва впущены в него,

либо заглублены почти до верхнего края. Обе разновидности погребальных сооружений (ящики и ямки) перемешаны в пределах одного могильника. Различие «ящик – ямка» может отражать разные корни слившихся в более древние времена родовых общин. В тех и других преобладает ориентация в восточном секторе и вытянутое положение погребённых. В окрестностях Анапы исследовано несколько сотен таких погребений.

Для ящиков наиболее характерны одиночные захоронения, редко погребены двое, ещё реже можно встретить коллективное или семейное погребение в одном ящике (до 3–10 человек). «Погребальные лунки» часто являются семейными усыпальницами со множественными подзахоронениями. Лунки небольшого диаметра служили для одиночных скорченных захоронений. Ввиду небольшой глубины погребений в лунках сохранность костных останков в них бывает ничтожной, что не позволяет определять исходное положение умерших.

Ящики (или своеобразные каменные гробницы⁵) разнообразны. Их стенки составлены из дикарных камней или известняковых плит, редко подправленных. Для одного ящика могут быть использованы камни разной величины – как размером с длинную стенку, так и поставленные на ребро мелкие, плоские, почти отщепы. Некоторые такие гробницы образованы однорядными каменными кладками, частично соединёнными впереплёт наподобие углов в подвалах домов. В других ящиках плиты сочетаются с участками однорядных кладок из грубых колотых камней (рис. 4). Разновидности этих гробниц перемешаны внутри одного могильника. Создаётся впечатление, что конструкции ящиков зависят от характера камня, который удалось приобрести. Понятия «плита» и «ящик» часто применимы лишь условно, так как вместо плоских камней используются, например, массивные удлинённой формы любой конфигурации, по одному-два в каждой длинной стенке.

Рис. 2. Некрополь местного населения на территории хоры Горгииппии около пос. Красная Скала, 6–4 вв. до н. э. План. Вид погребений по состоянию первичной зачистки до вскрытия перекрытий

⁵ Уточнение редакторов.

Рис. 3. Конструкции погребальных сооружений на «каменных некрополях» в окрестностях Анапы: 1 – перекрытие плитовой могилы, с кромлехом; 2 – та же плитовая гробница со снятым перекрытием; 3 – расчистка поверхностного захоронения-«лунки» около пос. Красная Скала

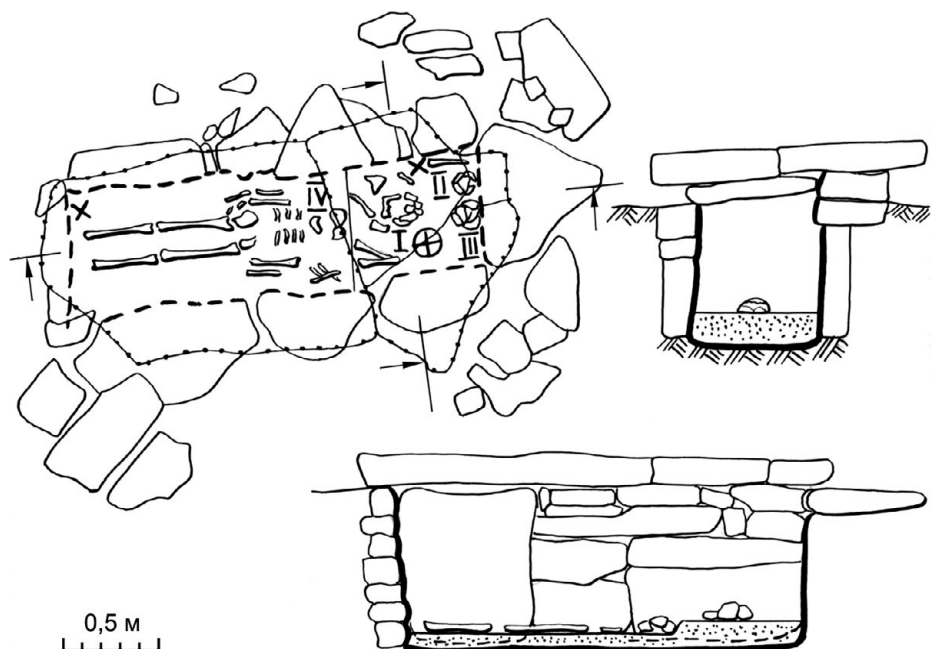

Рис. 4. Каменный «ящик», образованный сочетанием плит с колотыми камнями

Удаленные от Синдской Гавани/Горгиппии и моря вглубь территории некрополи в районе Красной Скалы и Красного Кургана отличаются чрезвычайной бедностью.⁶ Широкая равнина с тонким плодородным грунтом лежит между двумя скалистыми плато. Вдоль средней части равнины тянется небольшая ложбина – возможно, она соответствует старому руслу древней реки.⁷ На не попавшей на территорию взлетного поля аэродрома части равнины зафиксировано свыше 40 пятен площадью около 20 м² с камнями и керамикой античного времени на поверхности. Преобладают осколки амфор 5–3 вв. до н. э., некоторые пятна насыщены керамикой первых веков н. э., свидетельствуя о долговременной жизни в урочище. Вместе с ранней керамикой встречаются огромные необработанные камни, а с керамикой первых веков н. э. – россыпь мелких колотых камней. Каменистые пятна скрывают стены – остатки жилищ владельцев соседних «каменных некрополей». Надо думать, в 4 в. до н. э. данная территория уже была включена в хору Горгиппии.

На скалистых плато «каменные некрополи» исследовались тремя участками. Раскопы II и III содержали впускные захоронения в разрушенные курганы эпохи бронзы с широкими (1–1,3 м) плоскими кромлехами в основаниях насыпей по краю их окружности. Раскоп I размещался на материковом скалистом основании, на нём раскрыто 55 погребений (рис. 2), из которых только 12 содержали ничтожно малый погребальный инвентарь (нельзя утверждать, что перекрытия погребений нарушены, а инвентарь растащен). В большинстве безинвентарных захоронений отмечено скопление битой керамики (преимущественно стенок амфор, простой круговой и лепной посуды, но включены также ручки амфор, донья и венчики гончарной посуды). Керамический бой насыщает преимущественно каменные насыпи над кромлехами и перекрытиями, но осколки встречены и под плитами перекрытий в грунтовой засыпи погребальных конструкций. Осколки сосудов над одним погребальным сооружением могут насчитывать до 50–100 не стыкующихся между собой фрагментов от разных сосудов. Инвентари из 12 погребений включают: тёмнолещёный и красноглиняный гончарные

⁶ Здесь работы велись у края взлётного поля строящегося анапского аэропорта «Витязево», на котором грейдером снимались все культурные напластования, обнажая твёрдые материковые породы.

⁷ Именно на ней в наше время устраиваются колодцы для сбора воды на нужды сельскохозяйственных работ.

кувшины, маленькую чернолаковую чашечку с мягко загнутыми внутрь краями, лепной горшок, два пряслица из амфорных стенок, бронзовый псалий, фрагментированный наконечник железного дротика, серебряную серьгу, бусины в 7 погребениях (бисер из египетского фаянса и гагата, рубленные из цветных стеклянных трубочек и глазчатые бусины из синего и белого стекла). Рубленный бисер из стеклянных трубочек характерен для эпохи эллинизма, глазчатые бусы исполнены навивкой стеклянной ленты на песчанистый сердечник, что практиковалось в 6–5 вв. до н. э.

В 1958–1960 гг. аналогичный некрополь с погребениями 6–5 вв. до н. э. исследовался в 12 км восточнее Анапы у хутора Рассвет Синдской экспедицией Московского областного педагогического института (МОПИ) им. Н. К. Крупской под руководством Ю. С. Крушкол. Работы на нём были продолжены в 1969, 1972 и 1975 гг. под руководством В. Н. Карасёва. В общей сложности на памятнике раскопано 156 погребальных комплексов и ещё 4 впускных в соседний курган эпохи бронзы.⁸

Раскапывая в 1875–1878 гг. царские Семибратние курганы, В. Г. Тизенгаузен открыл вблизи городища 12 гробниц с плитовыми перекрытиями – участок «каменного некрополя» рядовых жителей Семибратнего городища, либо соседнего с ним сельского поселения.

На территории бывшей Алексеевки, ныне слившейся с Анапой, в 1987 г. А. М. Новичихин и Н. Д. Нестеренко доследованы два оформленных подобным образом захоронения в глубине поймы речки Анапки рядом с Алексеевским поселением (эмпорием греков, предшествовавшим возникновению греческого полиса – Синдской Гавани – в центре Анапы).⁹

Н. И. Сударев археологическими исследованиями последних лет расширяет в восточном направлении (по отношению к Анапской равнине) зону распространения территориальной общности, в его интерпретации синдов, основываясь, в частности, на характерном погребальном обряде «каменных некрополей», возможно, доводя её до Красно-Батарейного, Крымского района, станиц Натухаевской и Раевской. В ходе этих работ на отдалённых от моря территориях выявлена связь поселений местного земледельческого населения с близлежащими к ним некрополями рассматриваемого облика.¹⁰

Подобные «каменные некрополи» (с локальными отличиями от анапской зоны распространения) известны в окрестностях Новороссийска, они занимают приморское предгорье полуострова Абрау.¹¹ Это некрополи Широкая Балка, Лобанова щель, Большие хутора, Шесхарис, Цемдолинский, Владимирский.¹² «Каменные некрополи» в районе Новороссийска сохраняются вплоть до первых веков н. э.¹³ В районе Анапы некрополи варварского населения римской эпохи нами не исследовались.

«Каменные некрополи» не дублируют друг друга, мелкие различия характеризуют особенности отдельных могильников. Например, вид ящиков может отражать характер месторождения используемого камня. Ящики из некрополя в хут. Рассвет имеют боковые стенки, значительно выступающие за пределы коротких. На некрополе Широкая Балка кольцевые оградки гробниц отсутствуют. В 4–2 вв. до н. э. в районе Новороссийска вокруг захоронений в погребальных ямах и ящиках, возведённых практически на дневной поверхности, сооружали кольцевые оградки в виде «башенок» из нескольких неровных рядов уплощенных камней, уложенных друг на друга.¹⁴ Для окрестностей Анапы такие конструкции не характерны. Различаясь в деталях, все вместе отмеченные могильники

⁸ Некрополь у хут. Рассвет подготовлен к печати и опубликован А. М. Новичихиним (2010а).

⁹ Новичихин 2010б.

¹⁰ Сударев 2014.

¹¹ Дмитриев, Малышев 1999, 54, карта.

¹² Новичихин 2006, 10.

¹³ Дмитриев, Масленников, Онайко 1986, 81–83.

¹⁴ Малышев 1995, 151; Дмитриев, Малышев 1999, 58, рис. 4.

выявляют этно-территориальную область обитания определённой группы местного населения.

Наиболее ранние каменные ящики, датируемые 8–7 вв. до н. э., открыты в районе Новороссийска на некрополях Большие хутора и Широкая Балка. Одновременные им захоронения прослежены южнее по побережью у Туапсе.¹⁵ В окрестностях Анапы «каменные некрополи» появляются, судя по ионийской керамике, ближе к середине 6 в. до н. э. На этом основании А. М. Новичихин предположил, что в район Анапы захоронения с отмеченным оформлением проникали со стороны Новороссийска в результате перемещения какой-то группы населения.¹⁶

Традицию использования каменных ящиков в погребальной архитектуре в окрестностях Новороссийска исследователи этого региона генетически связывали с дольменной культурой бронзового века в районе Геленджика¹⁷, основываясь на мегалитическом облике наиболее ранних ящиков и «дольменном» способе подзахоронений в них через торцевую стенку.¹⁸ При всей широте датировок дольменов (в разных вариациях 3200/2400–1800/1300 гг. до н. э.) хронологический разрыв между концом дольменной культуры и каменными ящиками ранней античности слишком велик для сохранения традиции; захоронения протомеотского времени в дольменах этой зоны являются вторичными.¹⁹

А. М. Новичихин рассматривает отдельно традиции возведения кромлехов и собственно ящиков, предполагая, что их слияние произошло в окрестностях Анапы.²⁰

Погребальный инвентарь ранних комплексов «каменных некрополей» ареала Анапы – Новороссийска содержит, помимо привезённых из Средиземноморья керамических сосудов, оружие скифского образца (получившее широкое распространение) и лепную посуду. Последняя находит параллели среди некоторых типов лепной протомеотской и меотской керамики (рис. 5).²¹ Это объяснимо, так как на Левобережье Прикубанья выявлены памятники переходной эпохи от бронзового к раннему железному веку (8 – первая половина 7 в. до н. э.), отнесённые исследователями к протомеотской группе памятников. Это население вело оседлый образ жизни, оставив долговременные могильники. Дальнейшее развитие привело к формированию здесь с конца 7 в. до н. э. приморско-абинского варианта археологической культуры меотов. На п-ове Абрау, основываясь на свидетельствах древних авторов (Ps.-Scyl. Per. 72–75), исследователи локализируют упомянутые греками меотские племена керкетов и торетов: «керкеты жили ближе к Синдской гавани, далее располагались тореты и эллинский город с гаванью, получивший название Торик».²² Близость погребальных конструкций на территориях Анапского района и п-ова Абрау допускает этническую близость населения двух соседних регионов внутри широкой общности меотов.

Таманский п-ов не входит в зону распространения «каменных некрополей», возможно, в силу бедности камнем, но за Керченским проливом, в Восточном Крыму подобные рассмотренным погребальные конструкции с некоторыми различиями исследованы в достаточном количестве. По мнению А. А. Масленникова, ранние каменные ящики/плитовые гробницы с оградками в бескурганых могильниках Крымского Приазовья появляются внезапно на рубеже 6–5 вв. до н. э.²³ По наблюдениям С. Г. Колтухова, это происходит «в конце 6 или первой половине 5 в. до н. э.²⁴, на полстолетия позже, чем их появление фиксируется в окрестностях Анапы.

Для Северо-Западного Крыма характерны и подкурганные плитовые гробницы рассматриваемого облика. Они возведены на древней дневной поверхности

¹⁵ Тешев 1983, 209–213; Новичихин 2006, 19.

¹⁶ Новичихин 2006, 74.

¹⁷ Аханов 1961.

¹⁸ Малышев 1995, 151; Новичихин 2006, 74.

¹⁹ Эрлих 2010, 173.

²⁰ Новичихин 2006, 74.

²¹ Ср.: Лимберис, Марченко 2010, 193, рис. 4; 2012, рис. 8–11, 21, 23; Каменецкий 2011, рис. 227, 228.

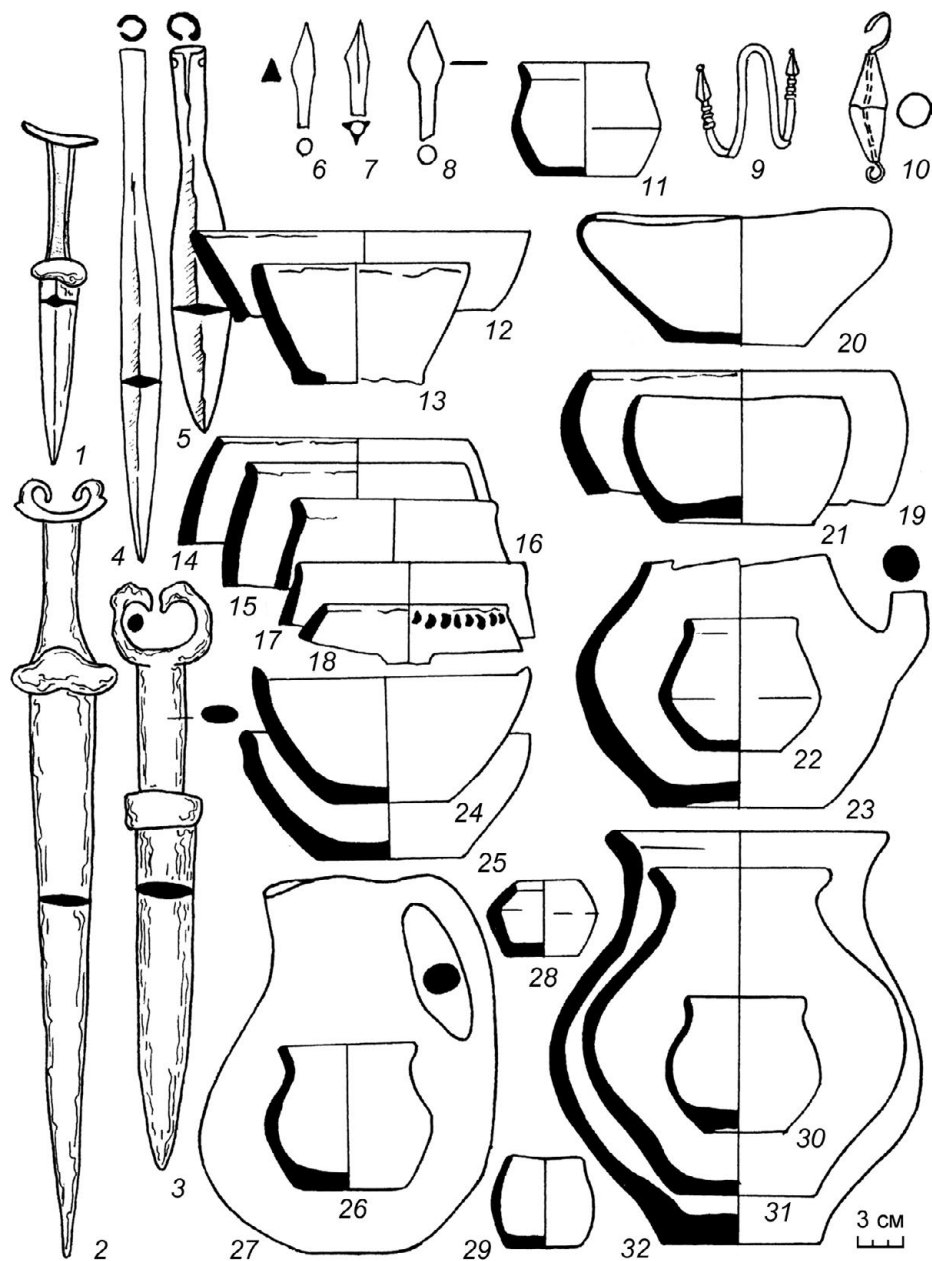
²² Дмитриев, Малышев 2009, 53.

²³ Масленников 1995, 61.

²⁴ Колтухов 2005, 239, 248.

Рис. 5. Лепная посуда, оружие, подвеска и серьга из некрополей местного населения в окрестностях Горгиппии

или впущены в неё, затем перекрыты грунтовой курганной насыпью.²⁵ Такой курган исследован и под Анапой около пос. Воскресенского. Он содержал 5 гробниц под небольшой насыпью из суглинка со щебнем, ломанными камнями и галькой материкового происхождения.²⁶ Ящики однотипны – сложены из колотого известняка. Они впущены в рыхлый скалистый материк таким образом, что их верхние края подведены к подошве кургана и древней дневной поверхности (высота плит 0,5–0,7 м). Кромлехи положены вровень с верхним краем гробниц. Ящики имели плитовые перекрытия и в разной степени вместе с кромлехами были присыпаны мелкими камнями. Насыпь кургана испорчена перекопом военного времени, поэтому не выяснено, в какой последовательности она формировалась. Останки погребённых сохранились в трех ящиках. Из них два являлись семейными усыпальницами: в одном находилось 3 скелета (мужской, женский

²⁵ Колтухов 2005, 240, 244

²⁶ Алексеева 1991, 56–60, табл. 36–43.

и детский), в другом, судя по количеству черепов, размещено не менее 10 чело-
век; ориентация погребённых – восточная. Третий ящик содержал скорченное
захоронение на левом боку головой на запад. Таким образом, под насыпью одно-
го кургана в однотипных погребальных конструкциях захоронения осуществлены
с использованием разных обрядов.

Первооткрыватели плитовых гробниц рассматриваемого облика на Керчен-
ском полуострове связывали их с горными таврами и носителями предгорной
кизил-кобинской культуры²⁷, не акцентируя внимание на очевидных различиях:
тавры на всех этапах развития хоронили умерших в скорченном положении,
поэтому их каменные ящики строго квадратные, как и «укороченные» оградки
вокруг захоронений.

В.Н. Зинько и В.Н. Корпусова отмечали синдские аналогии для каменных
конструкций могильников Восточного Крыма²⁸, не отрицает их и С.Г. Колтухов.²⁹
А.А. Масленников также однажды отметил, что каменным ящикам Восточного
Крыма «известные аналогии дают некоторые типы гробниц 6–5 вв. до н. э. синдских
могильников, открытых в окрестностях Анапы у хуторов Рассвет и Красная Скала».³⁰

А.А. Масленников истоки культуры каменных ящиков с кольцевыми об-
кладками Восточного Крыма хотел бы видеть в среде легендарных киммерий-
цев, неоднократно возвращаясь к этой мысли.³¹ Проблему определения проис-
хождения этой группы памятников в Восточном Крыму он оставляет дискусион-
ной, то склоняясь к её автохтонности, то к скифо-кизил-кобинским корням.³² Эти
версии не объясняют очевидную близость гробниц Восточного Крыма с «камен-
ными некрополями» в приморской зоне Северо-Западного Кавказа.

Кавказоведы допускают устойчивые связи населения восточной части
Таврики с районами Прикубанья/Предкавказья в позднем бронзовом и раннем
железном веках.³³ В подтверждение существования таких связей называются
находки на этих территориях одинаковых типов некоторых вещей, например,
листовидных и трёхлопастных наконечников стрел с остроугольным вырезом
на втулке и колчаных застёжек с зооморфными окончаниями 7–5 вв. до н. э.³⁴
Индикаторами контактов населения, оставившего протомеотские памятники
Прикубанья приморско-абинского варианта, и населения горного Крыма ранее
середины 7 в. до н. э. называются листовидные булавки и черпаки с гвоздевид-
ными выступами. Керамика предскифского времени из ям на городище Патрей
близка кизил-кобинским формам Крыма.³⁵ Связи этих регионов продолжались
и в 6–5 вв. до н. э., поскольку в Крыму (в плитовых гробницах с кромлехами
и скифских погребениях), как и в северо-западном Прикубанье (в погребениях
меотов и «каменных» некрополях), распространены одинаковые украшения:
бронзовые и серебряные подвески в полтора оборота с пирамидками на концах
(рис. 5. 9), а также браслеты из бронзового или серебряного прута с насечками
на расширенных концах или дужке.³⁶

Подразумевать прямую преемственность «каменных некрополей» от куль-
тур эпохи бронзы в районе Анапы нет оснований. Около хутора Рассвет в сосед-
стве с обширным «каменным некрополем» 6–5 вв. до н. э. раскопаны курганы
эпохи бронзы, отнесённые их исследовательницей, Ю.С. Крушкол, к майкопской
культуре. Лучшее сохранившийся курган имел широкий плоский кромлех из ло-
маных камней в основании насыпи по краю её окружности и такое же кольцо
на древней дневной поверхности вокруг центрального погребения. Сектор та-
кого же кургана при утрате центрального захоронения, уцелевший от выборки
материкового грунта для подсыпки на взлётное поле, исследован в 1973 г. около

²⁷ Лесков 1961, 261 и сл.; Кругликова 1973, 162 и сл.

²⁸ Зинько 2002, 228; Корпусова, Орлов 1978, 75.

²⁹ Колтухов 2005, 241.

³⁰ Масленников 1976, 21.

³¹ Масленников 1976, 22; 1980, 15–16; 1981, 24 и сл.; 1995, 57.

³² Масленников 1976; 1981, 24–26; 1995, 60–61.

³³ Бобин 1957, 60; Крупнов 1960, 248–252, 259, 294; Лесков 1965, 133–136; Эрлих 2010, 174.

³⁴ Колтухов 2005, 236.

³⁵ Эрлих 2010, 173, 174.

³⁶ Каменецкий 1980, табл. 93. 41, 66; Нови-
чихин 2006, рис. 5–8,

пос. Красный Курган. Большой хронологический разрыв между такими курганами и ранними погребениями «каменных некрополей» не позволяет видеть в них прототип оградок вокруг отдельных гробниц раннеантичного времени. Очевидны и визуальные различия кромлехов. Плоское кольцо в виде чёткого круга шириной 1–1,3 м в основании кургана эпохи бронзы состоит из плотного наброска мелких камней. Оградки погребений раннеантичного времени образованы крупными и средней величины бесформенными камнями, уложенными цепочкой с небольшим отступом друг от друга. Ю. С. Крушкол отметила, что антропологические материалы из курганов эпохи бронзы у хутора Рассвет допускают связь оставившего их населения с Центральным Кавказом, что подтверждает миграционные процессы с Кавказа в сторону Причерноморья ещё в глубокой древности.³⁷ В эпоху развитой и поздней бронзы происходили миграции на большие расстояния. Группы населения степей Юго-Восточной Европы устремлялись в Предкавказье и Прикубанье, инвазия происходила широким фронтом и последовательными этапами. В Восточном и Западном Предкавказье сейчас открыто огромное количество, «исчисляющееся несколькими тысячами погребальных комплексов степных культур бронзового века».³⁸ Среди них взаимосвязанные культуры эпохи бронзы: ямная, катакомбная, затем срубная, получившие имена в соответствии с обликом погребальных сооружений. Целью миграций исследователи называют поиск новых пастбищ, а в направлении Кавказа – ещё и стремление к центрам металлообработки.

Истоки традиции «каменных некрополей» в северокавказской причерноморской зоне, возможно, лежат в древних пластах археологических культур Центрального и Северо-Западного Кавказа. Исследователи северокавказской и кобанской культур второго и начала первого тысячелетий до н. э., пришедших на смену майкопской культуре третьего тысячелетия до н. э., относят к местной кавказской традиции устройство каменных набросков над могильными ящиками, окружение их каменными кольцами наподобие кромлехов и вымостками по поверхности древнего горизонта.³⁹ Хронологический диапазон кобанской культуры охватывает почти тысячелетие и определяется в пределах 12–4 вв. до н. э., разделяясь на три хронологических периода: **1** – формирование и становление (сер. 12 – сер. 9 вв.); **2** – расцвет (сер. 9–7 вв.); **3** – переоформление под влиянием культур скифо-савроматского круга (вторая пол. 7–5 / нач. 4 вв.).⁴⁰ Наиболее близким к рассматриваемому региону является западный вариант кобанской культуры, западная граница которого проходит по верховьям левого берега притока Кубани реки Уруп.

«Каменные ящики с перекрытием из одной или двух-трёх небольших плит остаются характерным типом погребальной камеры для всех периодов существования западного варианта кобанской культуры... Только для позднего периода её развития (скифского) засвидетельствованы каменные ящики, заключённые в кромлехи – каменные оградки кольцевидной или квадратной формы».⁴¹ В погребальной архитектуре позднего хронологического периода «традиционными остаются каменные ящики; ... возросло число ям с булыжной обкладкой и каменной наброской сверху...».⁴² Пестрота конструкций каменных погребальных сооружений западного варианта кобанской культуры подобна облику «каменных некрополей» эпохи ранней античности. Основное отличие – в кобанском варианте положение погребаемых скорченное на боку (как и у кизил-кобинцев) с руками перед грудью; в поздний период кобанской культуры встречены и нетипичные для региона вытянутые захоронения.⁴³

³⁷ Крушкол 1973, 37 и сл.

³⁸ Мунчаев 2010, 164–166.

³⁹ Марковин 1959, 3–20; Козенкова 1977, 128.

⁴⁰ Крупнов 1960, 16; Козенкова 1989а, 12.

⁴¹ Козенкова 1989а, 75, 77.

⁴² Козенкова 1989б, 263.

⁴³ Там же, 252.

В Прикубанье по общности некоторых предметов прослежены связи протомеотских памятников локального предгорного варианта предскифского времени с западным вариантом кобанской культуры – двукольчатый удилам с ранним ложным рифлением, петельчатым псалям, некоторым формам булавок, серии уздечных блях.⁴⁴ Какая-то группа населения, занимавшая крайние западные территории кобанской культурной общности по левому берегу притока Кубани реки Уруп, могла переместиться в сторону Туапсе и Геленджика. Здесь у побережья, ещё свободного от поселений греков, локальные племенные общности формируют к рубежу 7–6 вв. до н. э. культуру «каменных некрополей», перенимая и некоторые бытовые предметы протомеотского круга, например, лепную посуду. В 6–5 вв. до н. э. это население встретилось с греками и продвинулось в сторону современной Анапы, а затем, возможно, и за пролив в Восточный Крым, восприняв там влияние скифской материальной культуры (лепная керамика из плитовых гробниц Крымского Приазовья тяготеет к скифским образцам).

Наконец, при строительных работах 1978 г. вблизи Туапсе на стыке позднекобанской и античной культур выявлены подобные исследованным в окрестностях Анапы каменные конструкции погребальных сооружений, датированные 7–6 вв. до н. э.⁴⁵ В них найдены крупные бронзовые серьги из двух соединённых основаниями свёрнутых в конус бронзовых пластин, сквозь которые проходит двойной проволочный стержень-застёжка (рис. 5. 10). Аналогичные серьги встречены в окрестностях Анапы, в раннем комплексе обширного «каменного некрополя» на скальных выходах над взлётным полем анапского аэропорта «Витязево» и в погребениях на некрополях около Воскресенского.⁴⁶ Такие серьги, неизвестные в Скифии, найдены как в традиционных памятниках кобанской культуры⁴⁷, так и в таврских каменных ящиках горного Крыма⁴⁸, причём в кобанских древностях они происходят из комплексов сер. 12 – сер. 7 в. до н. э., а в Крыму – 6–5 вв. до н. э. Ареал бытования этих серёг свидетельствует о широте и прочности налаженных связей внутри крупного древнего региона, включающего Северо-Западный Кавказ и Восточный Крым.

Культура «каменных некрополей» в ранний античный период занимает значительную по площади территорию в Северо-Западном Предкавказье: земли к югу от Семибратнего городища по Анапской равнине (Красная Скала, Красный Курган, Воскресенский, Рассвет); отроги Кавказа на полуострове Абрау, где древние авторы размещали керкетов и торетов, входивших наряду с другими в обширную группу меотских племён; возможно, предгорья до Туапсе; а также земли в Восточном Крыму, что свидетельствует о связях двух берегов Керченского пролива. Зона «каменных некрополей» соответствует этнокультурной общности родственных племён, образовавшейся слиянием близких локальных групп населения, занимавших достаточно обширную территорию. Функционирование «каменных некрополей» в окрестностях Анапы происходило вплоть до эпохи эллинизма (отдельные погребения 3–2 вв. до н. э. зафиксированы в непосредственной близости к Горгиппии – на территории анапской промзоны на скалистом плато около посёлка Воскресенского). Некрополи первых вв. н. э., подобные «каменным», в окрестностях Анапы нами не исследовались.

* * *

Многие десятилетия прошлого столетия исследователи обосновывали локализацию синдов, упоминаемых надписями и древними авторами, на Таманском

⁴⁴ Лесков 1999, 53–58; Эрлих 2010, 179.

⁴⁵ Ковалевская, Козенкова 1979, 128.

⁴⁶ Алексеева 1991, табл. 41. 19; Новичихин 2006, 64, рис. 96. 1.

⁴⁷ Козенкова 1989б, табл. 102. 34; 106. 11.

⁴⁸ Крупнов 1960, рис. 48. 28; Крис 1981, 46, табл. 34. 6.

полуострове. Свидетельства древних содержат этнонимы и связанную с ними неоднозначную географическую локализацию вокруг наименований «Синд», «Синдик», «Синдика», «земля синдов», «деревня Синда», «Синдская гавань». Недавно А. М. Новичихиным осуществлена трактовка древних свидетельств и мнений исследователей, занимавшихся вопросами этой темы. В. И. Мошинская, В. Ф. Гайдукевич, В. П. Шилов, Н. В. Анфимов, Б. Н. Граков, Ю. С. Крушкол, Л. А. Ельницкий, Л. И. Лавров⁴⁹ – все эти исследователи находили место Синдике не только на Таманском «архипелаге», но и расширяли её границы в Причерноморье на Анапскую равнину и далее до Раевской, Натухаевской, некоторые – даже в Правобережье Кубани (в районы станиц Елизаветинской и Пашковской), а затем южнее – к Геленджику и Туапсе, не обосновывая свои предположения анализом какой-либо археологической культуры, которую можно было бы предложить в подтверждение выдвинутых ими гипотез ни в пределах Тамани, ни на широкой плоскости Западного Прикубанья. Одна лишь Т. В. Блаватская исключала Таманский «архипелаг» из зоны обитания синдов, предположив, что этот народ обитал не на островах, из которых в античные времена состоял современный Таманский п-в, а по обоим берегам нижнего Гипаниса/р. Кубань в древности.⁵⁰ Однако оба берега низовий Гипаниса в наши дни сильно заболочены и вряд ли подходили для долгого обитания в древности, тем более для занятия земледелием. До сих пор вопрос о местном населении современного Таманского п-ова во времена, соответствующие началу греческой колонизации, остаётся открытым. Ещё В. Д. Блаватский, возглавлявший в 1950-х гг. официально называвшуюся «Синдской» экспедицию на Тамань, засвидетельствовал итоги поисков: «остатков синдской материальной культуры почти совершенно не встречено; выделить местные поселения в настоящее время не представляется возможным».⁵¹

Напротив, на землях к югу от Тамани, южнее старого русла Гипаниса и Семибратнего городища в пределах причерноморской Анапской равнины вплоть до предгорий Су-Псефа, Варваровки и п-ова Абрау на широкой площади выявлены и раскопаны «каменные некрополи» с погребениями 6–5 вв. до н. э. Оставшее их население и явилось тем местным населением, которое встретило здесь греков, сперва мореплавателей-разведывателей, основавших «Алексеевский эмпорий» в глубине русла речки Анапки (конец 7–6 в. до н. э.), а затем и первопоселенцев, выстроивших полис на месте центра совр. Анапы (сер. 6–5 в. до н. э.). Судя по всему, это и есть долго искомая «Синдика» между единственным ярко выраженным греческим полисом Синдской Гаванью (в современной Анапе) у южных рубежей с древними керкетами и сильно эллинизированным Семибратним городищем на севере, около русла древнего Гипаниса. Остальные греческие полисы на азиатской стороне Боспора лежат в «эллинской», «номинальной» Синдике, известной грекам от их морепроходцев. «Греческая» Синдика – Азиатский Боспор с греческими полисами (Таманский «архипелаг» до древнего русла Кубани/Гипаниса), – надо думать, «растворилась» в более общем наименовании «Боспор».⁵²

Я долго воздерживалась от локализации Синдской Гавани именно в Анапе, надеясь найти бесспорное материальное подтверждение этому названию подобное тому, как имя более поздней Горгиппии надёжно доказано «анапской» эпиграфикой и нумизматикой. В Анапе, однако, три десятилетия в угоду курортному строительству не велось серьёзных исследований памятника (даже в местах строительства в пределах города). Но ещё в 1980-е гг. нам посчастливилось

⁴⁹ Мошинская 1946, 204; Гайдукевич 1949, 34; Шилов 1950, 116, 123; Анфимов 1963, 182–184; Граков 1971, 111, 117; Крушкол 1971; Ельницкий 1977, 110; Лавров 1978.

⁵⁰ Блаватская 1959, 94.

⁵¹ Анфимов 1963, 182–184; Блаватский 1985, 55–58. В настоящее время некоторые исследователи считают, что первые греки на Таманском п-ове встретились с потомками населения срубного времени эпохи поздней бронзы (Иванов, Сударев 2012, 198).

⁵² Завойкин 2004, 153.

раскопать в центре Анапы, на месте строительства здравницы «Океан» и соседних с ней зданий, на площади до 3000 м² участок территории раннего греческого полиса с пятью последовательными строительными периодами, каждый из которых завершался пожаром.⁵³ Мы исследовали полуземлянки и 60 м рва на линии защиты первопоселения греков, сменяющие друг друга первые дома из сырцовых кирпичей на каменных фундаментах, сперва с широкими стенами (1 м), а после возведения городской каменной стены – с узкими (0,8 м). Более того, город ещё дважды сгорал прежде, чем был (насильно) включён в формирующееся Боспорское царство. Затем, «превращаясь в Горгиппию», на рубеже 5–4 вв. до н. э. он был заново спланирован, поглотив новой расширившейся городской застройкой некрополь независимого архаического – раннеклассического полиса. Выявив все эти строительные периоды с пожаром в конце каждого, а также «двойной» пожар в ходе включения полиса в состав Боспора, мы, наконец, получили археологическое подтверждение тому, что этот он, скорее всего, и есть Синдская Гавань. Другого равноценного полиса с подобной сложной стратиграфией на соседних землях в «истинной» Синдике, надо думать, не существует.

А. М. Новичихин, суммировав все полученные наукой сведения о древней Синдике и синдах, также пришёл к обоснованному выводу, что Таманский архипелаг в древности не входил в зону расселения синдов и историческая Синдика находилась на материке восточнее Тамани.⁵⁴

Синдская Гавань в центре Анапы все полтора столетия своего существования оставалась типичным полисом. Своеобразный облик «каменных некрополей» из её ближайших окрестностей не коснулся его некрополя. На некрополе Синдской Гавани раскопано едва ли больше 30 погребальных комплексов.⁵⁵ Раскопанные погребения архаического полиса случайно уцелели не столько среди перекопов современной Анапы, сколько под полами глубоких подвалов Горгиппии римского времени, составлявших целый подвальный этаж в громадных домах 2 – первой трети 3 в. н. э. (площади домов этой эпохи достигали 400–800 м²). Из раскопанных погребений архаического некрополя только в одном мы зафиксировали на краю нарушенной могильной ямы что-то вроде сползшей в неё части кромлеха (?) из небольших одиночных камней. Остальные раскопанные погребения раннего полиса представляют собой либо ящики с грунтовым дном в предскальном глинистом материке, либо обычные могильные ямы в рыхлой скальной породе – привычные для погребений греков в Причерноморье. Положение погребённых вытянутое, одиночное, ориентация в восточном секторе, сопровождающий инвентарь привезён из Средиземноморья, известно надгробие с эпитафией на ионийском диалекте греческого языка, оружие скифского образца, но найден и греческий меч – *махайра*, ранние стеклянные флаконы и бусы сформованы на песчаных сердечниках и привезены из Средиземноморья (Сирии, Финикии, Египта), лепная керамика в погребениях архаического некрополя присутствует крайне редко в единичных экземплярах.⁵⁶

* * *

Захоронения в «каменных некрополях» – не единственный местный погребальный обряд в окрестностях Анапы/Синдской Гавани, синхронный появлению здесь средиземноморских греков. Южнее русла Гипаниса, где локализуются выявленные «каменные некрополи», принадлежавшие, как мы полагаем, рядовым землепашцам, в 28 км к северо-востоку от Анапы/Горгиппии и в 12 км на запад

⁵³ Алексеева 1991, 7–18, табл. 3; 2003, 18–22, рис. 2–4.

⁵⁴ Новичихин 2011, 13.

⁵⁵ Для сравнения: на собственно горгиппийском некрополе исследовано несколько сотен могил.

⁵⁶ Алексеева 1991, табл. 7–17.

от станции Варениковской, на высокой левой террасе над древним руслом реки лежит большое Семибратнее городище (площадью 9 га). Рядом с ним – группа из семи крупных курганов, названных в научных публикациях Большими Семибратними курганами (наибольший имел высоту 15 м). Древнее название этого пункта – Лабрис – установлено находкой 1986 г. каменного блока с надписью, служившего постаментом для статуи. Стихотворный текст надписи содержал посвящение от имени царя Боспора Левкона I (389–349 гг. до н. э.) Фебу Аполлонову – «владыке сего города лабритян».⁵⁷ Из текста стало ясно, что Лабрис являлся столицей Синдского царства, в нём находилась резиденция синдских царей. Надпись засвидетельствовала локализацию Лабриса «в земле синдов» – в Синдике. В ней названы имена исторических личностей, членов синдской правящей семьи – царя с греческим именем Гекатей и его мятежного сына Октамасада с иранским именем, которое носил также один из скифских царей 5 в. до н. э., упомянутый Геродотом (Herod. IV. 80). Имена двух членов синдского царского дома свидетельствуют о широких династических связях синдской правящей элиты. Это подтверждается и богатейшими погребальными комплексами, уводящими как в эллинский, так и в скифский мир, уцелевшими нетронутыми в некоторых из Семибратних курганов. На восток от Больших Семибратних курганов, на противоположной стороне долины речки Чекон, расположена группа из 15 меньших курганов, известных под названием Малых Семибратних.

Большие и Малые Семибратние курганы, расположенные на водоразделах, господствующих над местностью, раскапывались в 1875–1876, 1878 гг. В. Г. Тизенгаузеном – востоковедом-тюркологом, нумизматом, членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. К сожалению, ни один из курганов не был полностью исследован. Не было полностью опубликовано и всё найденное, многократно в альбомах издавались только наиболее яркие вещи. В группе Больших Семибратних курганов 1, 3, 5 и 7 оказались ограбленными, в них сохранились только конские могилы с отдельными предметами; курган 4 затронут грабителями частично; курганы 2 и 6 уцелели нетронутыми, сохранив произведения древнего искусства.

Многие поколения исследователей, изучая Семибратние курганы, отмечали сходство отдельных компонентов погребальных комплексов со скифской культурой.⁵⁸ Присутствие скифов в Прикубанье, на Северо-Западном Кавказе и возле Меотиды крайне скупо, но отмечено греческой литературной традицией.⁵⁹ Скифское присутствие подтверждено и археологическими материалами. Хроника событий, связанных со скифским присутствием в этом регионе, начинается, вероятно, в конце 8 в. до н. э. с появлением скифов в предгорьях Кавказа из центральноазиатской области. На 7 в. до н. э. приходится переднеазиатские походы скифов вплоть до Сирии и Египта, ставившие целью военную добычу. Начало походов относится к 670-м годам, что подтверждается контекстом ассирийских источников. «Гегемония» скифов приходится на 630–610 гг. до н. э.⁶⁰

Окончание переднеазиатской скифской кампании синхронизируется с проникновением в Северное Причерноморье греческих первопроходцев: в Северо-Восточном Причерноморье – Таганрогский эмпорий (последняя треть 7 в. до н. э.) и эмпорий вблизи Анапы – Алексеевское поселение в глубине речки Анапки (вторая половина 7 в. до н. э. – 30/40-е годы 5 в. до н. э.). В дальнейшем фиксируется «скифизация» лесостепной зоны Приднепровья, то есть движение скифов по степям в западном направлении. Архаический период северопричерноморской Скифии завершается войной с персидским царём Дарием I и победой над ним около 515–512 гг. до н. э.

⁵⁷ Тохтасьев 1998.

⁵⁸ Ростовцев 1925, 352 и сл.; Коровина 1957; Ильинская, Тереножкин 1983, 213 и сл.

⁵⁹ Алексеев, Рябкова 2010, 237–239.

⁶⁰ Там же, 250–251.

В Прикубанье исследователи условно выделяют три большие зоны распространения раннескифских (7–6 вв. до н. э.) погребальных памятников: 1) *левобережье Кубани* с эталонными курганными группами в лесостепном и предгорном Закубанье – курганы у станицы Келермесской и аула Уляп, Костромской курган и др.; 2) *правобережье*: степное Прикубанье – территория между реками Кубанью и Нижним Доном; 3) *таманско-причерноморская зона* – берег Цукурского лимана, районы городов Крымска и Новороссийска.⁶¹ Среди погребальных комплексов Прикубанья отмечены захоронения как предшествующие переднеазиатским походам (ранее 670-х гг. до н. э.), так и после них, вплоть до первой четверти 6 в. до н. э.

Оказавшись в Прикубанье, скифы встретились с местными племенами – носителями прото- и раннемеотской археологических культур. Отношения с местным населением складывались по-разному. В Закубанье и Предкавказье они осваивали «различные географические и этнографические ниши».⁶² Судя по характеру некоторых могильников, в ряде случаев скифам удавалось занять доминирующее положение и сосуществовать с местным населением. На территории постоянных скифских кочевий на Левобережье Кубани в междуречье её притоков Белой и Лабы, между богатейшими скифскими курганами Келермесской группы рубежа 7–6 вв. до н. э. раскопаны грунтовые могильники рядового местного населения. Многие черты погребального обряда этих некрополей прослеживаются с протомеотского периода – культуры оседлого населения, выделенной археологически для периода ранее середины 7 в. до н. э.⁶³ Сочетание на одной территории курганов кочевников (традиционно скифских) с могильниками местного земледельческого населения объясняет выявляющееся взаимодействие на данной территории меотского и скифского этносов. Считается, что в Прикубанье с середины 7 в. до конца 6 в. до н. э. местная культура приобретает синкретический облик. Исследователи называют её «меото-скифской», относя её начало то к середине 7 в.,⁶⁴ то к концу 6 в. до н. э.⁶⁵ В. Р. Эрлих продлевает развитие меото-скифского этапа меотской культуры до конца 4 в. до н. э. По мнению других исследователей, культура меотов приобретает «свой классический облик» с 4 в. до н. э.⁶⁶

В 5 в. до н. э. причерноморские скифы-кочевники новой волны эпизодически появлялись в низовьях Кубани и восточном Крыму. Высказывались предположения, что скифы перегоняли скот по льду замёрзшего Керченского пролива на зимние пастбища в низовья Кубани. На меотских городищах наиболее ранние укрепления в виде рва и вала исследователи Прикубанья датируют концом 6 – началом 5 в. до н. э., связывая их с угрозой, исходившей от скифов-кочевников.⁶⁷ В 4 в. до н. э. скифы на территории Прикубанья «бывали лишь в качестве наёмников» – например, в междоусобном конфликте сыновей Перисада I.⁶⁸

Долгое скифское присутствие в Прикубанье объясняет наличие скифских черт в погребальных комплексах Семибратних курганов на синдской земле. Синдский царский дом был связан династическими браками с окружающим миром степей. Сын царя Гекатея Октамасад мог получить скифское имя благодаря династическим бракам между представителями царских родов скифских и синдских племён.⁶⁹

Тиргитао, первая жена синдского царя с греческим именем Гекатей, была дочерью вождя племени иксаматов, живших рядом с Синдикой, упомянутых Гекатеем Милетским и другими античными авторами. Звучание этого этнонима передаётся в разных вариациях (иксибаты – язабаты – иксиматы – язаматы),

⁶¹ Алексеев, Рябкова 2010, 240–249.

⁶² Петренко 1989, 221.

⁶³ Эрлих 2010, 172 и сл.

⁶⁴ Там же, 181.

⁶⁵ Алексеев, Рябкова, 2010, 252.

⁶⁶ Лимберис, Марченко 2010, 189.

⁶⁷ Там же, 190.

⁶⁸ Алексеев, Рябкова 2010, 239, 252.

⁶⁹ Тохтасьев 2004.

древние авторы называют этот народ то меотским племенем, то относят его к савроматам. Многие исследователи считают язаматов ираноязычными кочевниками, носителями скифской археологической культуры, обитавшими в 5 в. до н. э. в низовьях Гипаниса, а позднее переселившимися в низовья Дона.⁷⁰ А. М. Новичихин связывает с язаматами курганные погребения раннескифского времени на Левобережье низовьев дельты Гипаниса. На этой территории отмечены признаки смены населения, произошедшей в 7 в. до н. э.: исчезают памятники протомеотской археологической культуры, и им на смену приходят подкурганные большие глубокие прямоугольные ямы с массивными древесными перекрытиями и погребениями коней. Многие элементы погребального обряда и материальной культуры пришлого населения указывают на сходство с раннескифской культурой, особенно предкавказского и кубанского её вариантов.⁷¹ Население с культурой скифского облика в Западном Закубанье сохранялось около двух столетий, его присутствие отмечено на широкой территории равнинной и предгорной зон.⁷² В 6 в. до н. э. этот пришлый этнический массив вблизи Черноморского побережья сосуществует с культурой населения, оставившего некрополи с обильным использованием камня.

Большие квадратные ямы, впущенные в материк глубже чем на 2 м, с древесным настилом перекрытий оказались и на левобережье Кубани под насыпями Келермесских курганов скифов рубежа 7–6 вв. до н. э. Погребённых сопровождали множественные конские захоронения. Подобные громадные гробницы с древесными перекрытиями обнаружены наряду с каменными гробницами и под большинством Семибратних курганов 5–4 вв. до н. э. Гробницы Семибратних курганов, однако, отличаются своеобразием: их стенки, включая и конские могилы, облицованы широкими, положенными плашмя, сырцовыми кирпичами, из которых также образованы перегородки внутри гробниц, отделяющие основные захоронения от конских.

Анализ погребального инвентаря позволил М. И. Ростовцеву решить вопрос об этнической принадлежности Семибратних курганов в пользу скифов.⁷³ Артамонов связывал Семибратние курганы с местной династией царей-вождей, сырцовые конструкции в подкурганных гробницах он определял как синдские.⁷⁴ Синдскими их считал и Анфимов.⁷⁵ В Северном Причерноморье (Ольвия, Пантикапей, Нимфей, Западный Крым) есть немало примеров использования сырцовых кирпичей в погребальной архитектуре: грунтовые могилы с обложенными сырцами стенками; сырцовые могилы, перекрытые каменными плитами; подкурганные сырцовые склепы, возведённые на древней дневной поверхности.⁷⁶ На Тамани устраивали сырцовые заклады склепов и ограды кострищ. Исследователи Тамани А. К. Коровина⁷⁷ и Н. П. Сорокина⁷⁸ относили использование сырца в погребальных обрядах северопричерноморского региона к местной традиции. Часть исследователей, однако, обратила внимание на использование сырцов в погребальной архитектуре первого тыс. до н. э. в Средиземноморье, в том числе в Греции.⁷⁹ Сырцовые кирпичи в нимфейских склепах В. С. Ольховский рассматривал как пример влияния греческой погребальной традиции на местную погребальную архитектуру.⁸⁰ Исследователи некрополей Калос Лимена и Панского I в Западном Крыму в могилах со стенками из сырцовых кирпичей и подкурганных склепах из сырцов, возведённых на древней дневной поверхности (рубежа 5/4–3 вв. до н. э.) видели соответствие погребальным нормам, свойственным ионийским грекам.⁸¹

Левая терраса над Гипанисом тянется к Чёрному морю, как бы продолжаясь от Чекона с Малыми Семибратними курганами до разливной поймы древней

⁷⁰ См.: Каменецкий 2000, 220; Тохтасьев 2005, 295 и сл.; Алексеев, Рябкова 2010, 238.

⁷¹ Новичихин 2006, 78 и сл.; Петренко 1989, 216 и сл.

⁷² Посёлки Холмский, Циплиевский Кут, Фадеево, Суук-Дере, округа г. Крымска; Цукур-Лиман на Тамани; Шехарис и Цемдолина около Новороссийска (Новичихин 2006, 78 и сл.).

⁷³ Ростовцев 1925, 302 и сл.

⁷⁴ Артамонов 1974, 63, 121.

⁷⁵ Анфимов 1987, 92–98.

⁷⁶ Кутайсов 2011, 63.

⁷⁷ Коровина 1957, 177 и сл.

⁷⁸ Сорокина 1963.

⁷⁹ Кругликова 1984, 56.

⁸⁰ Ольховский 1991, 152.

⁸¹ Рогов 1985, 45–50; Кутайсов 2011, 69.

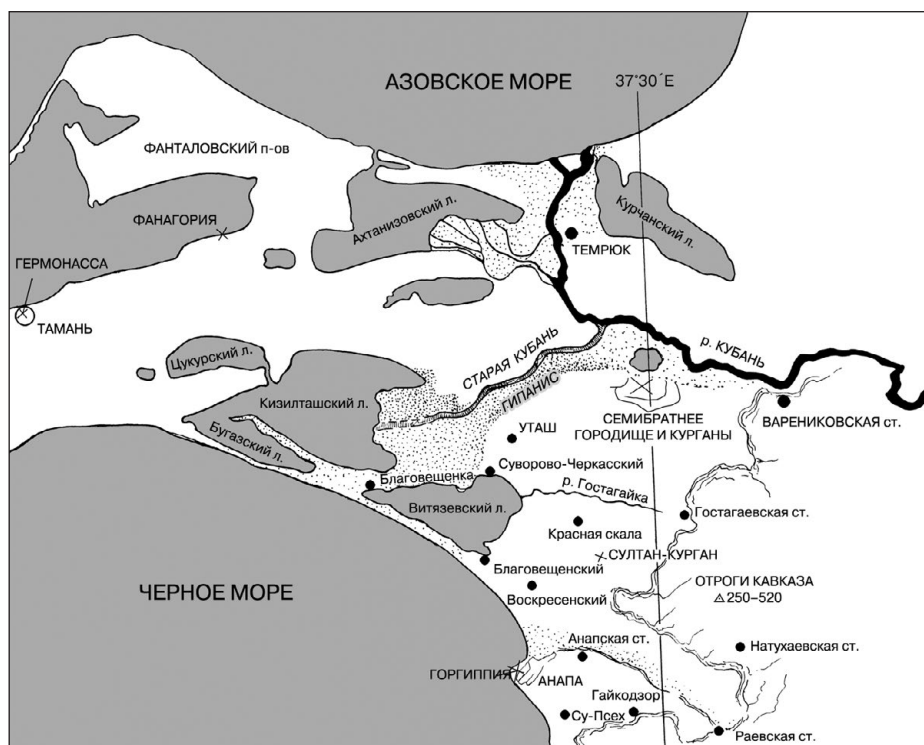

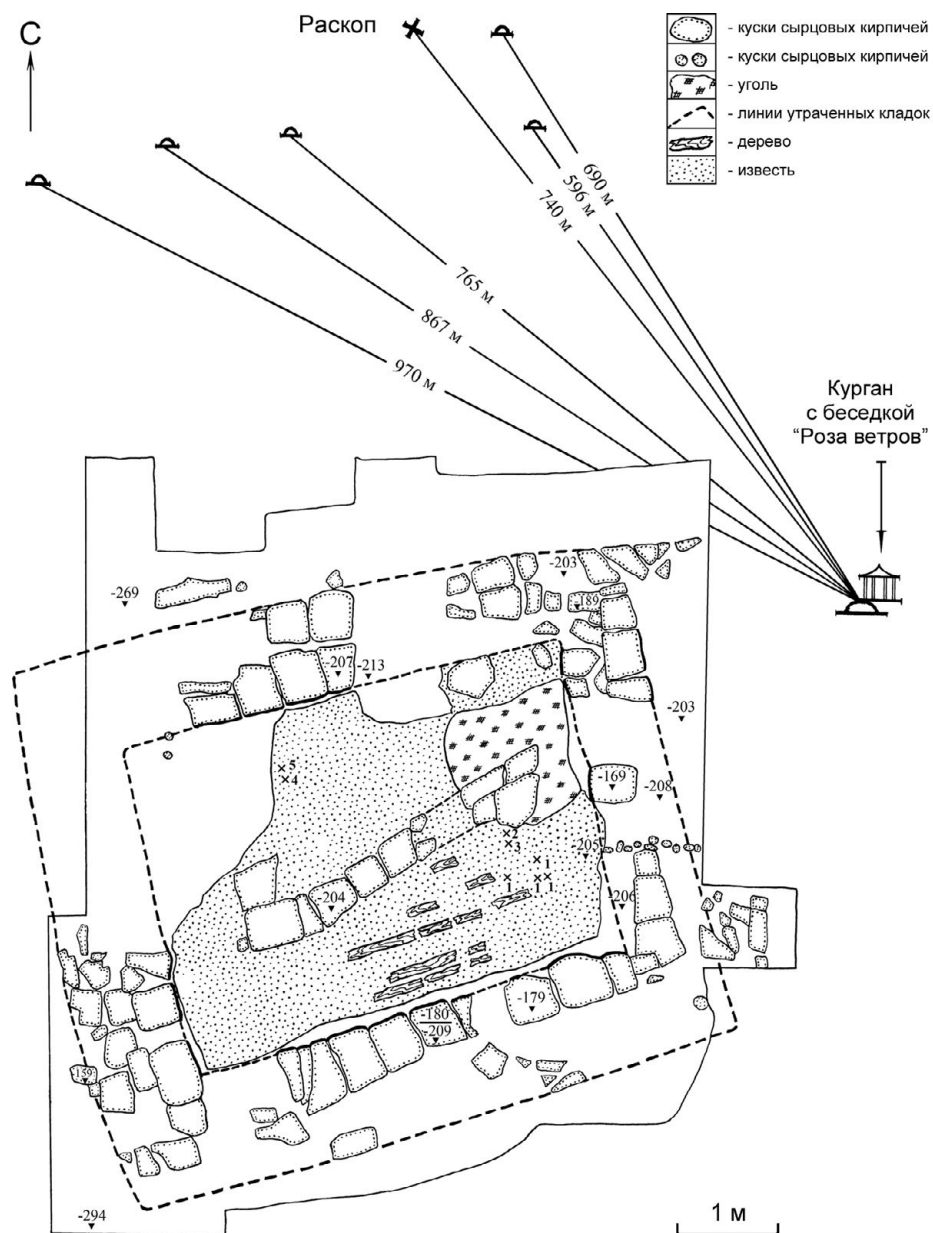
Рис. 6. Окрестности Анапы вблизи Таманского п-ова

реки от Джигинки в сторону Кизилташского лимана и от Уташа к Витязевскому лиману. Большой интерес в историческом аспекте до недавнего времени могла представлять местность вблизи пос. Уташ (рис. 6). К сожалению, основная масса археологических памятников здесь ныне уже утрачена. Особенности местности не могли быть недооценены древними: Уташ занимает высокий мыс между старым руслом Кубани/Гипаниса и Витязевским лиманом; удалённость от Анапы/Синдской Гавани – Горгиппии по морскому берегу в сторону Тамани близка 25 км. Проводя разведки, мы выяснили у местных жителей, что в самом посёлке Уташ погибло большое поселение, обращённое к древнему руслу (на нём при сооружении пруда были уничтожены круглые гончарные печи). Вблизи погибшего поселения на виноградниках зафиксированы семь курганных насыпей, известных и ранее. На поле с этими насыпями в 1976 г. Анапская экспедиция Института археологии раскопала разрушенную монументальную гробницу (рис. 7), в которую при пахоте на винограднике провалился плуг.⁸² В древности и эта гробница была перекрыта насыпью, к настоящему времени от кургана ничего не осталось. Гробница разграблена и повреждена регулярной пахотой. Площадь погребальной комнаты внутри облицовочных стен – 15,6 м². Стены сложены из широких плоских сырцовых кирпичей 0,5×0,5 м при их толщине 0,06–0,11 м. Пол лежит на глубине 2,1 м от современной дневной поверхности. Кирпичные кладки в стенах прослежены в высоту до 1 м, что соответствует 10 горизонтальным рядам сырцов. Гробница не имела входа и представляла собой вырытую с дневной поверхности большую яму (как и в Семибратних курганах) площадью 36 м² под облицовку кирпичами. Пол обмазан известью и выстлан камкой, нанесёнными на плотный материковый песок, около пола отмечено присутствие углей. Гробницу перекрывал накат из брёвен, которые, прогнив, провалились (с помощью трактора) внутрь. Используются брёвна дуба, вяза и берёста.⁸³

⁸² Алексеева 1991, 30–33, рис. 49–57.

⁸³ Берест – порода дерева, не путать с берестой – корой берёзы.

Рис. 7. Гробница из сырцовых кирпичей около пос. Уташ, рубеж 5 – 4 в. до н.э. План 1976 г.

Перегородка, уцелевшая в один плоско положенный на камку кирпич, аналогичная более высоким многорядным перегородкам в гробницах Семибратних курганов, делила внутреннее пространство Уташской гробницы надвое. В южном отсеке на толстом слое камки первоначально стоял саркофаг (от него сохранились отдельные доски из тополя и клёна), часть досок окрашена сыпучей розовой краской, сохранились и некоторые из нарисованных пальметт и розетт. Рядом найдены выточенные из самшита и клёна конструктивные детали (фигурные деревянные фрагменты могли принадлежать как саркофагу, так и *клине*, на которой он, вероятно, стоял).

Центральное место во всей композиции украшения деревянных саркофага и/или *клине*, надо думать, занимали сцены, связанные с повествованием мифа о Персее, обезглавившем горгону Медузу. Версия мифа представляет трёх сестёр-горгон, обитавших у западного предела Земли, около Океана, в царстве

Ночи и бога смерти Танатоса. У Гесиода (Theog. 270) одна названа могучей, вторая – широко блуждающей, третья – Медузой (властительницей). Из них только Медуза была смертной. Царь Полидект поручил Персею добыть голову Медузы (её взгляд превращал живых в камень). Архаическая трактовка горгон в виде страшилищ в период классики уступила место образам прекрасных и сильных дев – такими горгоны изображены на костяных пластинах в Уташской гробнице. Обезглавленная Персеем Медуза повержена на скалу (рис. 8. 1). Уцелела фигура ещё одной горгоны, осторожно карабкающейся по скалам (рис. 8. 2). Структура скалы передана пучками тонких насечек. Обе сохранившиеся фигуры горгон вырезаны по контуру изображений из пластин слоновой кости и покрыты тончайшей гравировкой (лица, руки, волосы, сложное оперение крыльев, складки одежды). Рядом лежали две плакетки из слоновой кости (6×13 см) с изображением в низком рельефе идущих в противоположных направлениях льва (рис. 8. 3) и львицы (рис. 8. 4); фигуры этих зверей также покрыты гравировкой (детали морд, шерсть), фон испещрён насечками и густо окрашен сыпучей синей краской. Эти пластины могли украшать как общую композицию, так и ларец или шкатулку.

Саркофаг или клине (возможно, то и другое) были обильно инкрустированы слоновой костью – резными, точёными и с тонкой гравировкой пластинами и составными полосами орнаментов – ов, разной величины меандров, пальметт, волют, разнообразных валиков; детали раскрашены красной и белой нестойкими

Рис. 8. Уташская гробница. Пластины из слоновой кости. Резьба, гравировка: 1 – поверженная на скалу обезглавленная Персеем горгона Медуза; 2 – одна из горгон в облике юной девы карабкается по скалам; 3 – на плакетке – лев, вправо (фон окрашен синей краской); 4 – на плакетке – львица, влево (фон окрашен синей краской)

Рис. 9. Уташская гробница. Точёные и резные орнаменты из слоновой кости для инкрустации дерева (волюты, пальметты). Резьба, гравировка, красная краска

красками (рис. 9, 10, 11. 4). Помимо орнаментальных деталей уцелели мелкие фрагменты выточенных из пластин слоновой кости фигур сфинксов, львов, крылатых персонажей, людей, покрытых гравировкой, задействованных в повествовании мифа и утраченных к моменту обнаружения гробницы (рис. 11. 5 а–д).

От погребального инвентаря в Уташской гробнице уцелели золотая бусина с инкрустацией золотыми проволочками, звено золотого ожерелья из округлой бусины с подвеской на ней стилизованной амфорки и три золотые штампованные нашивные бляшки. На маленькой бляшечке три сферы объединены обрамлениями из шишечек. На другой бляшке свившаяся восьмёркой змея с головами на обоих концах и длинным клювом на каждой оплетает две розетты (рис. 11. 1). Змея в древних культах прочно связана с погребальными действиями. Третья нашивная бляшка (разорвана) изображает петуха, изогнувшегося к своему крылу (рис. 11. 2). Петух причастен к хтоническим культам эпохи классики, он мог быть спутником различных богов в их хтонических ипостасях – Афродиты, Персефоны, Аполлона, Диониса, Кабиров, он мог также символизировать героизацию умерших.⁸⁴

В засыпи Уташской гробницы отмечены лошадиные кости – конское погребение было устроено, вероятно, в северном отсеке за сырцовой перегородкой, подобно некоторым из Семибратних курганов.

⁸⁴ Так же как жертвенным животным героя, приобретшего после смерти духовное могущество, считался конь (Ходза 1987, 109–113).

Рис. 10. Уташская гробница Точёные орнаменты из слоновой кости для инкрустации дерева (меандр, овы, составные детали пальметт). Резьба, гравировка, красная краска

Уташская гробница интересна тем, что она как бы продолжает зону Семибратнего городища и Семибратних курганов вплоть до Причерноморья – до обширного устья Гипаниса, где река впадала в приморские лиманы. По конструкции гробница аналогична большинству погребальных конструкций в группе Семибратних курганов, где представлены огромные прямоугольные ямы в материке с облицовкой стен кладками из сырцовых кирпичей, с массивными древесными перекрытиями и делением погребальных камер сырцовыми перегородками на отсеки, использованные как для захоронения лошадей, так и для совместного погребения знатных членов семьи вместе с конями. Несколько уцелевших золотых бляшек наряду с остатками художественных пластин из слоновой кости ставят Уташскую гробницу в один ряд с богатыми Семибратними курганами. Найденный в Уташской гробнице золотой петух, изогнувшийся к крылу, подобен нашивной

Рис. 11. Уташская гробница.

Фрагменты погребального инвентаря:
 1 – нашивная бляшка: свившаяся восьмёркой змея с головами на обоих концах и клювом на каждой оплетает две розетты. Золото, штамповка, длина 3,5 см;
 2 – нашивная бляшка: петух, изогнувшийся к своему крылу. Золото, штамповка, диаметр 2,8 см;
 3 – нашивная бляшка: петух с зубастыми челюстями изогнулся к своему крылу. Курган 2, середина 5 в. до н. э. в группе Больших Семибратних курганов. Золото, штамповка, диаметр 2,6 (Власова 2010, рис. 22);
 4 – пластина с узором пальметты и меандра. Слоновая кость, гравировка, размер: 4,7×5 см;
 5а–д – фрагменты фигур персонажей из повествования мифа о Персее, обезглавившем горгону Медузу. Слоновая кость, гравировка

бляшке-птице из Большого Семибратнего кургана 2 середины 5 в. до н. э.⁸⁵ Петух из Уташа исполнен более схематично. В Семибратнем кургане 2 и Уташской гробнице петух показан хищной птицей с большими зубастыми челюстями (?), более чётко изображёнными у птицы из Семибратнего кургана 2 (рис. 11. 3).

В погребальной обрядности Семибратних курганов и Уташской гробницы очевиден синкретизм пришлых культур, утвердившийся в 5 в. до н. э. на данной территории. В нём соединились, с одной стороны, традиции пришлого населения, очевидно, в основе скифского, потеснившего в 7 в. до н. э. носителей местной протомеотской культуры и принёсшего с собой обычай устройства в Левобережье

⁸⁵ Власова 2010, 207, рис. 22.

дельты Гипаниса больших глубоких прямоугольных подкурганых гробниц с массивными деревянными перекрытиями и конскими захоронениями, с другой стороны – опыт античных полисов в использовании сырцов в погребальной архитектуре (6–5 вв. до н. э.). Этот культурный синкретизм очевиден и в наборах погребального инвентаря как из Семибратних курганов, так и в сохранившихся артефактах Уташской гробницы. Они демонстрируют тесное переплетение культуры ираноязычных варваров (обилие конских захоронений, оружие скифского образца, конский убор, оформленные в скифском зверином стиле предметы, ахеменидский серебряный ритон с золотой аппликацией, золотые рога для питья) с утвердившейся в Причерноморье античной культурой и привезёнными из Средиземноморья высокохудожественными изделиями эллинского мира. Это серебряные сосуды со сценами и персонажами греческой мифологии – Никой, Беллерофонтом на летящем Пегасе, Химерой, Дионисом с менадой, героем цикла мифов о Троянской войне или Одиссеем – в Семибратних курганах; сюжет мифа о Персее, обезглавившем горгону Медузу, в инкрустации слоновой костью саркофага или клине – в Уташской гробнице, а также – чернолаковая посуда, дорогие ювелирные изделия, эллинская орнаментика (пальметты, волюты, овы, меандры), использование в погребальной архитектуре сырцов, – всё это отражает сложную эклектику взаимодействия скифского и эллинского миров на освоенной территории.

Племя синдов неизменно упоминается в титулатуре боспорских царей Левкона I (КБН 6, 6а, 8, 25), Перисада I (КБН 971, 972, 1014), позже – Аспурга (КБН 39, 40). Надпись 1986 г. из Лабриса приводит географическое понятие «земля синдов» (= Синдика). Надпись Теопропида из Нимфея вводит широкое территориальное понятие «вся Синдика».⁸⁶ После находки надписи в 1986 г. идентификация Семибратнего городища со столицей синдского царства Лабрисом и историческими синдами не может вызывать сомнения.⁸⁷ Однако при том, что этот памятник довольно широко подвергался раскопкам, материальная культура синдов до сих пор не конкретизирована. И. С. Каменецкий выделил среди этносов меотской культуры, которых насчитывается около 15, локальную синдскую группу, обозначив в ней единственным памятником – Семибратним городищем, но не характеризовал её как самостоятельную археологическую культуру.⁸⁸ В настоящее время ввиду культурной и территориальной близости в эту группу можно добавить соседнюю с Семибратними курганами Уташскую гробницу.

Как была велика Синдика, упоминавшаяся первой в титулатуре боспорских правителей среди «всех» меотских племён? Насколько простиралась её владения в восточном направлении? Удалось ли синдам Семибратнего городища занять доминирующее положение, и на каких условиях существовало соседнее с ним население, оставившее на широкой площади кавказских предгорий могильники с обильным использованием камня, «придвинувшее» свои специфические некрополи почти вплотную к Семибратнему городищу? Распространялся ли этноним «синды» на население с «каменными некрополями»? Все эти вопросы остаются для будущих исследований.

Итак, в пределах одной территориальной общности сосуществуют два несхожих погребальных обряда. Отсутствие общих черт, кроме заметной эллинизации материальной культуры (6–5 вв. до н. э.), в элитарной культуре богатых подкурганых захоронений (Семибратние курганы, гробница на Уташе) и культуре «каменных некрополей» рядового населения региона при полном несовпадении их погребальных традиций позволяет предполагать генетически разные корни для

⁸⁶ Соколова 2001.

⁸⁷ Горончаровский, Иванчик 2010, 221, 224.

⁸⁸ Каменецкий 1989, 216, карта 16.

этих двух ветвей территориально местного населения. В 5–4 вв. до н. э. зависимость тех и других от рынка центров античной культуры безусловна: владельцев каменных некрополей – на бытовом уровне (спрос на рядовую чернолаковую посуду, продукты в амфорах, массовые украшения); владельцев монументальных подкурганных гробниц – как на бытовом уровне для повседневной жизни, так и на уровне эксклюзивных товаров и предметов роскоши.

Совмещения на территории равнины населения, оставившего «каменные некрополи», с могильниками какого-либо иного облика (протомеотского, раннемеотского) массово не выявлено. Очевидно, население, оставившее эти могильники, переместилось на пустующие земли в окрестностях современной Анапы в начале железного века с Северо-Западного Предкавказья из районов, находившихся под влиянием западного варианта позднекобанской культуры, что подтверждают каменные конструкции некрополей, выявленные на стыке западного варианта позднекобанской и раннеантичной культуры около Туапсе.⁸⁹

Корни населения, сформировавшего элиту синдского общества, возможно, лежат на Левобережье низовьев дельты Гипаниса, где А. М. Новичихин связывает с язаматами курганные погребения раннескифского времени с большими глубокими прямоугольными ямами с деревянными перекрытиями, имевшими сходство с раннескифской культурой предкавказского и кубанского вариантов. В 7 в. до н. э. это пришлое население вытеснило местное население протомеотской археологической культуры. Огромные подкурганные ямы с массивными деревянными перекрытиями и захоронениями коней известны в Прикубанье и в скифских Келермесских курганах рубежа 7–6 вв. до н. э. В 5 в. до н. э. такого рода гробницы Семибратних курганов и Уташа отличает облицовка стен кладками из сырцовых кирпичей и деление внутреннего пространства на отсеки перегородками из таких же сырцов. В этом элементе конструкции можно видеть влияние территориально близкой эллинской культуры Таманского п-ова.

Как отмечалось исследователями⁹⁰, на левобережье низовьев Гипаниса, в районе богатейших Келермесских курганов, после возвращения из восточных походов часть скифов «слилась» с разными племенными общностями протомеотов и осела на их землях. В период разложения первобытнообщинных отношений скифская часть смешанного общества получила шанс выделиться благодаря привезённым из военных походов богатствам, превратилась в аристократию и овладела властью. Возможно, аналогичный процесс происходил и на территории Синдики, что объясняет высокий социальный статус элиты синдского общества, в глубинных истоках скифского (?), на фоне окружения рядовым населением, оставившим своеобразные «каменные некрополи».

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е. М. 1991. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. Москва.
 Алексеева Е. М. 2000. Местная среда ранней Горгиипии // ПИФК VIII, 160–169.
 Алексеева Е. М. 2003. Анапа. Динамика развития центральной части античного города (VI в. до н. э. – III в. н. э.) // ДБ 6, 18–43.
 Алексеев А. Ю., Рябкова Т. В. 2010. Скифы // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани I, Москва, 236–259.
 Анфимов Н. В. 1963. Синдика в VI–IV вв. до н. э. // Труды Краснодарского государственного педагогического института XXXIII, 182–185.

⁸⁹ Ковалевская, Козенкова 1979; Козенкова 1989а.

⁹⁰ Петренко 1989, 221 и сл.

- Анфимов 1987. Древнее золото Кубани. Краснодар.
- Артамонов М. И. 1974. Киммерийцы и скифы. Ленинград.
- Аханов И. И. 1961. Геленджикские подкурганные дольмены // СА 1, 139–149.
- Блаватская Т. В. 1959. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н. э. Москва.
- Блаватский В. Д. 1985. Древнейшее свидетельство о Синдике // Античная археология и история. Москва, 55–58.
- Бобин В. В. 1957. Черты сходства культур древнего Крыма и Северного Кавказа времени перехода от бронзы к железу // История и археология Северного Крыма. Симферополь.
- Власова Е. В. 2010. Древности эллинские и местные // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани III. Москва, 198–261.
- Гайдукевич В. Ф. 1949. Боспорское царство. Москва–Ленинград.
- Горончаровский В. А., Иванчик А. И. 2010. Синды // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани I. Москва, 218–234.
- Граков Б. Н. 1971. Скифы. Москва.
- Дмитриев А. В., Масленников А. А. Онайко Н. А. 1986. Раскопки могильника в урочище Широкая Балка // КСИА 186, 80–83.
- Дмитриев А. В., Малышев А. А. 1999. Могильник VI–II вв. до н. э. в устье Лобановой щели // Историко-археологический Альманах 5. Армавир–Москва, 17–52.
- Дмитриев А. В., Малышев А. А. 2009. Население предгорий Северо-Западного Кавказа в VIII–IV вв. до н. э. // ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. Москва, 53–73.
- Ельницкий Л. А. 1977. Скифия евразийских степей. Новосибирск.
- Завойкин А. А. 2004. «Две Синдики» (заметки касаясь исторической значимости посвящения Теопротида, сына Мегакла из Нимфея) // ДБ 7, 150–158.
- Зинько В. Н. 2002. Новый грунтовый могильник на хоре Нимфея // БИ 2, 219–248.
- Зуйков Ю. В. 1994. Раскопки некрополя на территории опытного хозяйства «Анапа» в 1993 г. // БС 4, 164–168.
- Иванов А. В., Сударев Н. И. 2012. К вопросу о догреческом населении Таманского полуострова // ДБ 16, 178–198.
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И. 1983. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев.
- Каменецкий И. С. 1989. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н. э. – III в. н. э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР). Москва, 224–250.
- Каменецкий И. С. 2000. О язаматах // Археологические памятники меотов Кубани. Краснодар, 220–237.
- Каменецкий И. С. 2011. История изучения меотов. Москва.
- Ковалевская В. Б., Козенкова В. И. 1979. О работах Мало-Карачаевского отряда // АО за 1978 г., 128–129.
- Козенкова В. И. 1977. Кобанская культура. Восточный вариант (САИ В2–5). Москва.
- Козенкова В. И. 1989а. Кобанская культура. Западный вариант (САИ В2–5). Москва.
- Козенкова В. И. 1989б. Кобанская культура Кавказа // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР). Москва, 252–265.
- Колтухов С. Г. 2005. Каменные ящики и овалы гробницы варварского населения степного Крыма // ДБ 8, 235–251.
- Коровина А. К. 1957. К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА 2, 174–187.
- Корпусова В. Н., Орлов Р. С. 1978. Могильник VI–IV ст. на Керченском півострові // Археологія 28. Киев, 65–75.
- Кругликова И. Т. 1984. Античная археология. Москва
- Крупнов Е. И. 1960. Древняя история Северного Кавказа. Москва
- Крушкол Ю. С. 1963. Археологические исследования древней Синдики (Анапский район) экспедициями Московского областного Педагогического института им. Н. К. Крупской // УЗ МОПИ 4, 47–109.

- Крушкол Ю. С. 1971. Древняя Синдика. Москва.
- Кутайсов В. А. 2011. Курганный некрополь Калос Лимена. Киев.
- Лесков А. М. 1961. Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове // СА 1, 259–265.
- Лесков А. М. 1965. Горный Крым в I тысячелетии до н. э. Киев.
- Лесков А. М. 1999. Могильник Фарс // Клады: Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. Москва, 53–60.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 2010. Меоты // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани I. Москва, 186–217.
- Малышев А. А. 1995. К вопросу о причерноморской локальной группе меотской культуры // БС 6, 151–157.
- Марковин В. И. 1959. О происхождении северокавказской культуры // СА 1, 3–20.
- Масленников А. А. 1976. Этническая принадлежность погребений в каменных ящиках Восточного Крыма // КСИА 145, 19–22.
- Масленников А. А. 1980. О населении прибрежных районов Восточного Крыма в VI–I вв. до н. э. // СА 1, 5–17.
- Масленников А. А. 1981. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э. Москва.
- Масленников А. А. 1995. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н. э.) (БС 8). Москва.
- Мошинская В. И. 1946. О государстве синдов // ВДИ 3, 203–208.
- Мунчаев Р. М. 2010. Древние культуры Кубани эпохи камня и бронзы // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани I. Москва, 146–167.
- Новичихин А. М. 1993. Исследование архаических памятников у посёлка Алексеевка // Музейный вестник КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицина I. Краснодар, 23–30.
- Новичихин А. М. 2006. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. Москва.
- Новичихин А. М. 2010а (ред.). Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хутора Рассвет (Некрополи Черноморья III). Москва.
- Новичихин А. М. 2010б. Древнейший образец раннегреческой расписной керамики с территории Синдики // Археология, древний мир и средние века IV. К юбилею В. Е. Максимова. Ростов-на-Дону, 37–40.
- Новичихин А. М. 2011. Границы Синдики // Былые годы. Черноморский исторический журнал 3, 11–15.
- Петренко В. Г. 1989. Скифы на Северном Кавказе // Степи евразийской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР). Москва, 216–223.
- Рогов Е. Я. 1985. Сырцовые конструкции на некрополе Панское I // КСИА. 182, 45–55.
- Ростовцев М. И. 1925. Скифия и Боспор. Ленинград.
- Соколова О. Ю. 2001. Новая надпись из Нимфея (Предварительное Сообщение) // ДБ 4, 368–374.
- Сударев Н. И. 2014. Греки и варвары в Синдике // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвящённого 100-летию со дня рождения М. М. Кубланова. СПб., 95–102.
- Тешев М. К. 1983. Гробница Псыбе – памятник позднемайкопской культуры на Черноморском побережье // Новое в археологии Северного Кавказа. Москва, 52–57.
- Тохтасьев С. Р. 1998. К чтению и интерпретации посвяtitельной надписи Левкона I с Семибратнего городища // Nurborgueus 4/2, 286–301.
- Тохтасьев С. Р. 2004. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I // ВДИ 3, 144–179.
- Ходза Е. Н. 1987. Терракотные статуэтки юношей с петухами в собрании Гос. Эрмитажа // ВДИ 4, 100–117.
- Шилов В. П. 1950. О расселении меотских племен // СА XIV, 102–123.
- Эрлих В. Р. 2010. Кубань в начале железного века // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани I. Москва, 168–185.
- Яйленко В. П. 2010. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. Москва.

Л. А. Голофаст, С. Г. Рыжов

КОМПЛЕКС 7 ВЕКА ИЗ ХЕРСОНЕСА*

Аннотация. Статья является продолжением серии публикаций, посвященных раскопкам комплексов ранневизантийского времени, открытых в Северном районе Херсонеса.¹ В предлагаемой статье представлен материал, выявленный в одной из рыбозасолочных цистерн, открытых в квартале IX. Структура заполнения цистерны и однородность материала, извлеченного с разных ее уровней, свидетельствует о том, что цистерна была засыпана одновременно грунтом, взятым из нивелировочной засыпи или мусорной свалки. Этим объясняется тот факт, что фрагменты керамики, принадлежащие разным периодам, были распределены по всей толще засыпи равномерно. Хронологический диапазон материала довольно широк и охватывает большой отрезок времени, начиная с эллинистического периода до 7 в. включительно, при абсолютном доминировании ранневизантийского материала. Среди амфор превалирует продукция причерноморского производства (амфоры типа *Opaiṭ B-Id*), доля которых (30,1%) превышает долю вторых по численности амфор типа LR1 (14%) более, чем в 2 раза. В комплексе красного лака безраздельно господствует посуда группы «Фокейская краснолаковая», остальные группы представлены единичными фрагментами.

Судя по самой поздней керамике, выявленной в заполнении цистерны, засыпка ее была произведена в рамках 7 в. Присутствие в комплексе фрагментов шаровидных амфор подтверждает предположение об их появлении в Крыму в 7 в., т. е. одновременно с их появлением в других регионах Византии, что, в свою очередь, свидетельствует о вовлеченности Северного Причерноморья в систему византийской торговли, тщательно регулируемой со стороны центральной власти. О последнем говорит стандартизация амфорной тары и производство амфор схожей формы в далеко друг от друга расположенных центрах.

Несомненный интерес представляют и фрагменты горшков с пальцевым вдавлением у верхнего прилепа ручек, характерным для керамики 8–10 вв.

Выделяются две уникальные амфоры, аналогии которым удалось найти только на Афинской агоре, где подобная амфора была найдена в комплексе 7 в.

Представленный материал демонстрирует вовлеченность Херсонеса в систему средиземноморско-причерноморской торговли, включающей различные центры как Средиземноморья вплоть до Палестины, так и Причерноморья, преимущественно его южное и юго-восточное побережье.

Изучение материала из заполнения многочисленных цистерн и колодцев ранневизантийского Херсонеса показало, что особой логики или системы, которой бы следовали те, кто занимался их засыпкой, нет. Об этом свидетельствует разное процентное соотношение разных групп керамики, в том числе хронологических, даже в рядом расположенных комплексах. Поэтому уверенно определить, какая часть материала выпала из употребления непосредственно перед тем, как попасть в засыпь, чрезвычайно трудно, если вообще возможно. Тем не менее, полная публикация таких комплексов необходима, поскольку самый поздний материал из их заполнения позволяет определить с большей или меньшей точностью время засыпи и таким образом восстановить историю застройки городской территории, что, в свою очередь, позволяет проследить изменения структуры городской экономики.

Кроме того, изучение массового археологического материала дает возможность выявить соотношение разных групп керамики, привезенных из разных регионов в различные хронологические периоды и, таким образом, реконструировать основные направления торговых связей и их изменения, а в некоторых случаях – определить появление некоторых типов керамики и стекла.

Необходимость полной публикации открываемых комплексов диктуется еще и существующими между исследователями разногласиями относительно дат целого ряда ключевых форм красного лака, корректировка которых позволит в будущем скорректировать ранее полученные выводы.

* Исследование выполнено в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

¹ Голофаст 2001; Голофаст, Рыжов 2011; 2013.

Ключевые слова. Северное Причерноморье, ранневизантийский период, амфоры, красный лак, кухонная керамика, стекло.

L. A. Golofast, S. G. Ryzhov

A SEVENTH CENTURY COMPLEX FROM CHERSONESOS

Abstract. The present article serves as a continuation of a series of publications describing excavations of complexes of the early Byzantine period discovered in the Northern district of Chersonesos. The article discusses the material identified in one of the fish-salting tanks opened in quarter IX. The structure of the filling of the tank and the uniformity of the material recovered from its different levels indicate that the tank was filled with soil taken from a levelling layer or a garbage dump. This explains the fact that fragments of ceramics belonging to different periods were distributed evenly through the entire fill. The chronological range of the material is quite wide and covers a large period of time, from the Hellenistic period to the 7 century AD, with the absolute dominance of early Byzantine material. Among the amphorae, the products of the Black Sea region are dominant (amphorae of the Opait B-Id type), the share of which (30.1%) exceeds the share of the second largest amphorae of the LR1 type (14%) by more than two times. In the complex of red slip ware, the ware of the "Phocaeen red slip ware" group is supreme, while the other groups are represented by single fragments.

According to the latest ceramics discovered in the filling of the cistern, it was filled within the seventh century. The presence of fragments of globular amphorae in the complex confirms the assumption of their appearance in the Crimea in the seventh century, simultaneously with their appearance in other regions of Byzantium, which, in turn, indicates the involvement of the Northern Black Sea region in the Byzantine trade system, regulated by the central government. This is supported by the standardisation of amphora containers and the production of amphorae of similar shapes in centres located far from each other.

Surely, the fragments of pots with finger indentations at the top of the handles, characteristic of ceramics of the 8–10 centuries AD, are of interest.

Two unique amphorae stand out, analogues of which could only be found in the Athenian agora, where a similar amphora was found in a seventh century complex.

The presented material demonstrates the involvement of Chersonesos in the Mediterranean–Black Sea trade system, which includes various centres of both the Mediterranean up to Palestine and the Black Sea region, mainly its southern and south-eastern coasts.

The study of material from the filling of numerous cisterns and wells of the early Byzantine Chersonesos showed that there is no special logic or system followed during the filling. This is supported by the different percentages of different groups of ceramics, including chronological ones, even in nearby complexes. Therefore, it is extremely difficult, if at all possible, to determine how much of the material was disused immediately before entering the fill. However, the complete publication of such complexes is necessary, since the latest material from their filling allows to determine with some accuracy the time of filling and thus restore the history of the development of the urban area, which, in turn, allows us to trace the changes in the structure of urban economy.

Moreover, the study of mass archaeological material makes it possible to identify the correlation between different groups of ceramics brought from different regions in different chronological periods and, thus, to reconstruct the main directions of trade links and their changes, and in some cases, to determine the appearance of certain types of ceramics and glass.

The necessity of a complete publication of the discovered complexes is also dictated by the disagreements between scholars regarding the dates of a number of key forms of red slip ware, the correction of which will make it possible to correct previous conclusions.

Key-words. Northern Black Sea region, early Byzantine period, amphorae, red slip ware, cooking pottery, glass.

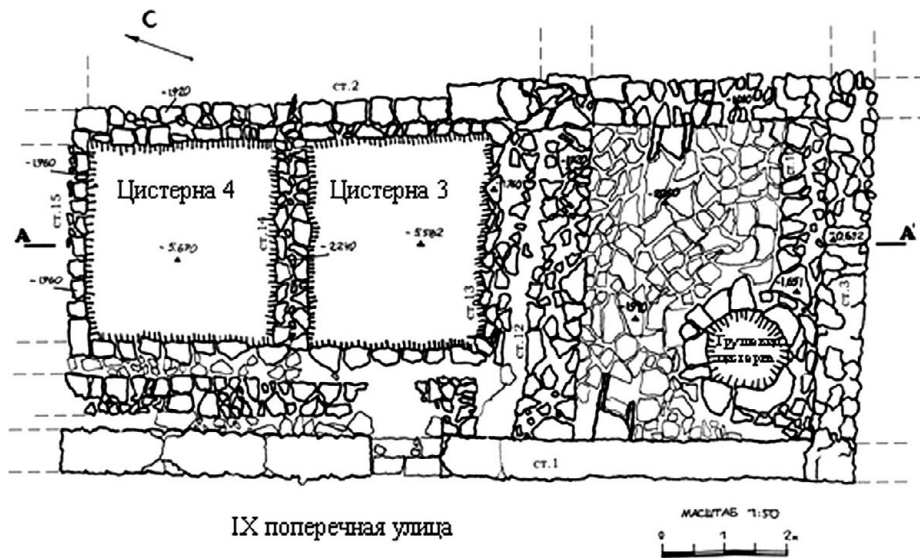

Рис. 1. План участка раскопок 2008 года

Статья посвящена публикации материала из засыпи рыбозасолочной цистерны, открытой в Северном районе Херсонеса в квартале IX, ограниченном с северной стороны обрывистым, частично обрушившимся берегом, с восточной и западной – соответственно VIIIa и IX поперечными улицами, а с южной – II продольной. Раскопки на участке были начаты в 1889 г. К. К. Косцюшко-Валюжиничем² и продолжены, с 2000 г. одним из авторов данной статьи. В ходе исследования было выявлено несколько периодов застройки участка. Самым ранним из них является конец 5 в. до н. э., когда здесь проходила западная оборонительная стена города³, за которой в небольшой балке находился некрополь.⁴ Во второй половине 4 в. до н. э. стена была разобрана и перенесена на запад, а на месте некрополя строят жилые дома, от которых сохранились два двора, 5 помещений и 3 грушевидные цистерны, просуществовавшие до первых веков нашей эры, когда здесь возникает рыбозасолочный комплекс, состоящий из 6 рыбозасолочных цистерн, расположенных вдоль IX поперечной улицы, и кладовой с амфорами. Не исключено, что где-то рядом с кварталом располагался рыбный рынок, упоминаемый в декрете первой половины 2 в.⁵ В пользу расположения рыбного рынка именно в Северном районе города говорит большое количество компактно расположенных рыбозасолочных цистерн: в IX квартале – 7, в соседнем квартале XV – две и в X «Б» квартале – три. Такой концентрации рыбозасолочных цистерн в других районах города не зафиксировано.⁶ После прекращения функционирования комплекса во второй половине 6–7 в. на его месте возводят жилые усадьбы.

Публикуемая цистерна располагается почти в центре квартала, примыкая с одной стороны к IX поперечной улице, а с другой – к небольшому (4,0×4,25 м) вымощенному плоскими известняковыми плитами дворику (рис. 1; 2. 1), в юго-западном углу которого открыта грушевидная цистерна глубиной 1,60 м, оштукатуренная известковым раствором и предназначенная, скорее всего, для хранения зерна (рис. 2. 2).

Цистерна, о которой идет речь, вырублена в скале, облицована плоскими камнями на цемянковом растворе и тщательно оштукатурена тем же раствором. Размеры цистерны 6,75×4,0×4,35 м. В какой-то момент она была разделена стеной на две приблизительно равные части, в результате чего образовалось две

² ОАК 1892, 13–15.

³ Рыжов 2007, 20–30.

⁴ Белов 1938, 163–196.

⁵ Семенов-Зусер 1947, 244.

⁶ Рыжов 2011, 87–88.

Рис. 2. Квартал IX. 1 – помещение 3 (двор); 2 – грушевидная цистерна

цистерны – № 3 и 4 размерами, соответственно, 3,0×3,0×4,35 м и 3,2×3,0×4,35 м. Дно «новых» цистерн было оштукатурено цемянковым раствором, а стены вновь облицованы преимущественно плоскими камнями небольших размеров, среди которых встречаются и довольно крупные, размерами 0,4 на 0,3 м. На стенах и дне цистерн видны многочисленные следы ремонта, что свидетельствуют об их довольно долгом функционировании.

Рис. 3. Квартал IX. 1 – цистерна 3; 2 – цистерна 4

В ходе раскопок выяснилось, что заполнение цистерны № 4 полностью, а цистерны № 3 примерно наполовину удалено, скорее всего, в ходе раскопок 1940 г. (?). К сожалению, отчет о раскопках, по-видимому, не был составлен, и соответственно, данные о содержавшемся в удаленной засыпи археологическом материале отсутствуют.

Структура заполнения цистерны и однородность материала, извлеченного с разных уровней оставшейся части ее заполнения, свидетельствует о том, что она была засыпана одновременно грунтом, собранным где-то в городе и взятым из нивелировочной засыпи или мусорной свалки. Этим объясняется тот факт, что фрагменты керамики, принадлежащие разным периодам, были распределены равномерно по всей толще засыпи. Хронологический диапазон материала довольно широк и охватывает большой период времени, начиная с эллинистического периода и заканчивая 7 в. включительно. Наименьшим количеством фрагментов представлен материал эллинистического и римского времени, в состав которого входят 24 фрагмента амфор, 2 фрагмента чернолаковых сосудов, 14 фрагментов ранних краснолаковых сосудов, а также несколько фрагментов синопских лутериев. Безусловно доминирует в комплексе ранневизантийский материал, представленный, за исключением нескольких фрагментов, довольно стандартным набором керамики и стекла.

АМФОРЫ

Амфоры понтийского производства.

Два мелких фрагмента принадлежали *амфорам типа 96–97*, которые во второй половине 4–5 в. являются одним из наиболее массовых типов амфор в комплексах боспорских городов и поселений, где выходят из употребления во второй четверти 6 в.⁷

Типология и хронология *амфор группы C Snp* (в комплексе доля их составляет 6,45% среди профильных частей амфор), производившихся в районе Синопы, разработана Д. Кассаб Тезгёр⁸ (Opait E⁹, Böttger I-6¹⁰). В рассматриваемом

⁷ Смокотина 2020, 520.

⁸ Kassab Tezgör 2010, 127–134.

⁹ Opait 2004, 29–30.

¹⁰ Böttger 1982, 44–45, Taf. 21. 14–15.

Рис. 4. Амфоры. 1–3 – амфоры группы C Spn; 4–5 – коричневоглиняные ранневизантийские амфоры с перехватом; 6–13 – круглодонные желобчатые амфоры типа Oraif B-Ia

комплексе они представлены фрагментом двухчастного венчика (рис. 4. 2), коническим донцем (рис. 4. 1) и двумя фрагментами массивных овальных в сечении ручек с продольным валиком на внешней поверхности, форма которых не относится к числу типобразующих признаков, также как и цвет глины, который существенно варьировал в зависимости от температурного режима¹¹, поэтому определить к какому из трех выделенных Д. Кассаба Тезгёр типов принадлежат выявленные фрагменты невозможно. О принадлежности к одному из типов можно судить только по форме тулова, диаметру венчика (на данном фрагменте не определяется), высоте от края венчика до верхнего прилепа ручек и по высоте горла в целом.

Кассаба Тезгёр предполагает, что в таких амфорах перевозили вино, хотя не исключает и другие продукты.¹² Существуют разные мнения о времени их

¹¹ Kassab Tezgör 2010, 127–134.

¹² Ibid., 122, 128.

бытования. Наиболее аргументированной представляется точка зрения Д. Кассаб Тезгёр, которая по комплексам Демирджи в районе Синопы, где были открыты печи по производству данного типа амфор, сделала вывод об одновременном производстве выделенных типов в рамках 4–5 / начала 6 вв.¹³ Следует отметить находку двух целых амфор типа C Spn II–III и множества их фрагментов вместе с пятью амфорами LR1B 6 – середины 7 в.¹⁴ при исследовании корабля, потерпевшего крушение у мыса Плака. Крушение, по мнению авторов раскопок, произошло в рамках второй четверти 6 – третьей четверти 7 в.¹⁵ Однако наиболее вероятно датировка в рамках первой половины 6 в.¹⁶

Судя по глине, к синопской продукции относятся два фрагмента амфор с раздутым горлом и клювовидным или треугольным в сечении венчиком с плоско срезанной верхней поверхностью (рис. 4. 3). Сделаны они, соответственно, из очень бледно-коричневой (10YR 8/4) и светлой с розовато-желтым оттенком глины с примесью пироксена и коричневатых мелких включений. Скорее всего, они относятся к редко встречающимся амфорам типа C Spn III 4 – начала 6 в., которые составляют небольшую группу в Демирчи, где большая их часть найдена в горнах.¹⁷ Похожая амфора происходит из могилы 26 могильника Харакс первой половины 4 в.¹⁸ Фрагмент аналогичной амфоры найден в квартале X-Б Северного района Херсонеса в заполнении цистерны 1 под помещением 3, засыпанной в рамках 7 в.¹⁹

Коричневоглиняные ранневизантийские амфоры с перехватом (Зеест 103²⁰), продолжающие линию развития коричневоглиняных амфор колхидского производства²¹, большинство исследователей датирует 4/5–7 вв.²² Они использовались, судя по смолению внутренней поверхности, для перевозки вина, а производились на территории современной Абхазии²³, хотя не исключают возможность их производства в Гераклее.²⁴ Амфоры с перехватом встречаются во всех центрах Северного и Восточного Причерноморья, где их доля в комплексах варьирует от 2 до 17%.²⁵

В рассматриваемом комплексе этот тип амфор представлен несколькими невыразительными фрагментами (доля их составляет 2,2% среди профильных частей амфор): фрагментом уплощенной ручки с легкой вогнутостью на внешней поверхности (рис. 4. 4), фрагментом конического в сечении донца (рис. 4. 5), а также 10 фрагментами стенок.

Доминируют в амфорном комплексе *круглодонные желобчатые амфоры типа Opaït B-Id*²⁶ (тип 5 по херсонесской классификации 1971 г.²⁷; тип Кузманов XVI²⁸; классы 6 и 8 по херсонесской классификации 1995 г.²⁹): их доля составляет 30,1%. Представлены сосуды с цилиндрическим горлом, венчиком в виде валика или полувалика диаметром 6,2–8,0 см и с желобчатостью как на внешней, так и на внутренней поверхности (рис. 4. 6–12)³⁰, овальными в сечении ручками с одним или двумя валиками на внешней поверхности (всего 17 фрагментов) и округлыми доньями (рис. 4. 13). Глина большей части найденных амфор красная разных оттенков (5YR 6, 7/8), плотная, хорошо отмученная, с примесью красновато-коричневых железистых (?) включений и карбонатов. На внешней поверхности – светлый плотный ангоб.

Центры производства этих амфор не выявлены, но их распространение почти исключительно в причерноморском регионе предполагает их производство в Причерноморье, в частности, в Западном³¹, Южном³² и Восточном.³³ Визуальная схожесть глины и ряд морфологических признаков позволяет отнести большую часть фрагментов из заполнения цистерны к продукции восточно-понтийских мастерских.

¹³ Kassab Tezgör 2010, 132–133.

¹⁴ Pieri 2005, 75–76.

¹⁵ Waksman et al. 2014, 922; Морозова и др. 2015, 163.

¹⁶ Смокотина 2020, 518–519.

¹⁷ Kassab Tezgör 2010, 130–133, cat. 47, 93.

¹⁸ Блаватский 1951, 273, рис. 13. 1; Зеест 1960, 121, 176, табл. XL. 102б.

¹⁹ Голофаст, Рыжов 2013 рис. 26. 1.

²⁰ Зеест 1960, 121, табл. XL. 103.

²¹ Внуков 2003, 160–194.

²² Зеест 1960, 121; Якобсон 1979, 12; Kassab Tezgör, Lemaître, Peiri 2003, 180–181; Смокотина 2020, 522.

²³ Цецхладзе 1992; Vnukov 2009, 29–32; Внуков 2012, 7–9, 12; Lomitashvili, Colvin 2009, 35–38; Khalvashi 2009, 33–34.

²⁴ Opaït 2004, 32.

²⁵ Сазанов, Мокроусов 1996, 89; Романчук, Сазанов, Седикова 1995, 10–11; Голофаст, Рыжов 2013, 86, рис. 40. 9–13; Смокотина 2020, 522.

²⁶ Opaït 2004, 28–29.

²⁷ Антонова, Даниленко и др. 1971, 85, рис. 6.

²⁸ Кузманов 1985, 22–24, табл. 12; 13. A126–127.

²⁹ Романчук, Сазанов, Седикова 1995, 24–26.

³⁰ Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 1/37521.

³¹ Swan 2009, 110–111.

³² Смокотина 2020, 532–533.

³³ Fedoseev, Domžalski, Opaït, Kulikov 2010, 83, fig. 25, 27.

А. Опайт считает этот тип амфор поздним вариантом постепенно меняющегося морфологического типа (тип В-1), который бытовал с 3 (амфоры Зеест 72) по 7 в. По мнению исследователя, сменяющие друг друга варианты могли какое-то время сосуществовать, но затем новый окончательно вытеснял «старый». ³⁴ Однако раскопки в Дичине (Болгария), где амфоры типов Ораїт В-1b/c и Ораїт В-1d сосуществовали вплоть до конца 6 в. или даже начала 7 в., кажется, опровергают это предположение, а факт их одновременного бытования, возможно, объясняется их использованием для хранения и перевозки разных (более дорогих и более дешевых) вин. ³⁵

В. Свон по материалам Дичина делает вывод, что амфоры Ораїт В-1d начинают появляться к концу 5 в. ³⁶ Скорее всего, ко второй половине/концу 5 в. следует относить появление этого типа амфор в Херсонесе: довольно большое их количество найдено в нивелировочной засыпи под зданием А-Б в районе Западной базилики, датирующейся между серединой/концом 5 в. и самым началом 6 в. ³⁷ В Западном Причерноморье они были особенно распространены во второй половине 6 в. ³⁸ В боспорских комплексах они, наряду с критскими амфорами, начинают превалировать со второй четверти 6 в. ³⁹

Средиземноморские амфоры.

Время бытования *амфор типа LR1* ⁴⁰ (Hayes 5⁴¹), которые составляют в рассматриваемом амфорном комплексе 14%, – с конца 4/начала 5 до конца 7 в. ⁴², хотя предполагается, что в Восточном Средиземноморье и Сиро-Палестинском регионе они исчезают только в 8 в. ⁴³, а происходящие от них небольшие амфоры с перехватом изготавливались до 9 в. включительно. ⁴⁴ По наблюдениям П. Рейнолдса и Е. Павлидиса, поздние амфоры имеют более узкое тулово. ⁴⁵ Возможно, к позднему варианту относится амфора меньшего, чем обычно, объема, с более узким туловом с небольшим перехватом в нижней части тулова, найденная в Тиритаке при зачистке вымостки 7 в. с фрагментами высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, амфор причерноморского типа, горшков с пальцевым вдавлением и ойнохой скалистинского типа. ⁴⁶

В Средиземноморье они доминируют среди амфор 6–7 вв. ⁴⁷ Так, в комплексах Константинополя этого времени они составляют 15–20%. ⁴⁸ Самой многочисленной группой они представлены и в амфорных комплексах Херсонеса 6 – начала/первой четверти 7 в. ⁴⁹ В Боспоре их доля с 2–5% в комплексах конца 4–5 в. со второй четверти 6 в. возрастает до 20–25%. ⁵⁰

Амфоры LR1 относятся к группе семи так называемых международных (international) типов и производились в многочисленных мастерских, расположенных в различных центрах Киликии ⁵¹, Карию, в Селевкии, Арсузе (Росус) ⁵² на юге Турции, в районе Антиохии, на Кипре, Родосе, в районе бухты Ичмелер (Мармарис) ⁵³, на Хиосе, Косе ⁵⁴, Крите ⁵⁵, в Сицилии ⁵⁶ и т. д. ⁵⁷ Один из центров, в большом объеме выпускавший этот тип амфор с начала 5 по начало 7 в., выявлен в Помпейополисе (Pompeioropolis) на южном берегу Черного моря. ⁵⁸

Имеются различные мнения относительно того, что в них перевозили. Как правило, называют вино и оливковое масло при доминировании вина. ⁵⁹ Предполагается, что в амфорах большего объема перевозили масло, а меньшего – вино. ⁶⁰ Есть предположение о каких-то нежидких товарах. ⁶¹ Возможно, прав П. Ван Алфен, который считает, что в начале бытования этот тип амфор, как амфоры эллинистического и римского времени, предназначался для транспортировки

³⁴ Ораїт 2004, 27.

³⁵ Swan 2009, 111

³⁶ Ibid., 112.

³⁷ Голофаст 2007, 71–84.

³⁸ Ораїт 2004, 29.

³⁹ Smokotina 2015, 126.

⁴⁰ Riley 1979, 212–216; 1981, 116.

⁴¹ Hayes 1992, 63–64.

⁴² Watson 1992, 239; Riley 1979, 212–216; Riley 1981, 116; Reynolds 2005, 565; По мнению А. Опайта, прото- LRA1 начали производить около середины 3 в. на Кипре (Ораїт 2010, 1017).

⁴³ Sodini, Villeneuve 1992, 197; Голофаст 2020, 56.

⁴⁴ Vroom 2004, 294.

⁴⁵ Reynolds, Pavlidis 2014, 452.

⁴⁶ Науменко 2009, 50, рис. 50.

⁴⁷ Riley 1979, 213–214; Shkodra 2006, 439; Reynolds, Pavlidis 2014, 452, fig. 6. 2–7 и т. д.

⁴⁸ Hayes 1992, 64.

⁴⁹ Голофаст 2007, 97, 101–102, 109, рис. 13. 1, 2; 16. 1; 17–20; Голофаст, Рыжов 2011, 373, 382, рис. 8. 1; 16; Голофаст, Рыжов 2013, 52–53, 61, 70–71, 84, 97, рис. 6; 14. 1; 22. 1–6; 35–36; 56.

⁵⁰ Smokotina 2015, 126.

⁵¹ Здесь располагался один из крупнейших центров производства амфор типа LR 1 Элеуса Себаста (Burragato et al. 2007, 689–695).

⁵² Большая часть амфор этого типа, составивших груз корабля, потерпевшего крушение у мыса Плака в Крыму, были произведены именно в Арсузе (Waksman et al. 2014, 922).

⁵³ Empereur, Picon 1988.

⁵⁴ Poulou-Papadimitriou, Didioumi 2010.

⁵⁵ Pieri 2005, 70, fig. 26.

⁵⁶ Amari 2008.

⁵⁷ Empereur, Picon 1986, 236–237, 241–243; Alfén 1996, 208; Pieri 2005, 80; Vroom 2005, 53; Голофаст 2020, 56; и др.

⁵⁸ Autret, Yagci, Rauh 2010.

⁵⁹ Riley 1979, 215; Hayes 1992, 64; Pieri 2005, 81–85; Голофаст 2020, 56.

⁶⁰ Bonifay, Villedieu 1989, 25.

⁶¹ Shkodra 2006, 439.

определенного продукта из определенного региона. Однако позже его функции расширились, чтобы лучше соответствовать меняющейся системе торгового обмена.⁶² Предполагают, что наряду с амфорами типа LR2 эти тарные сосуды служили для снабжения продовольствием (*annona militaris*⁶³) пограничных гарнизонов на Нижнем Дунае⁶⁴ (подробнее ниже).

Все представленные в комплексе экземпляры принадлежат к типу Пьери 1B1 (рис. 5. 1–3) 6 – середины 7 в.⁶⁵, для которого характерно широкое цилиндрическое горло с ребром на уровне верхнего прилепа ручек, как правило, с тремя несколько сдвинутыми в сторону ребрами на внешней поверхности. Глина амфор – красновато-желтая (5YR 6-7/6), с многочисленными мелкими разных цветов включениями. Один фрагмент принадлежал сосуду из коричневой глины, насыщенной мелкими светлыми, темными и коричневато-красноватыми включениями (рис. 5. 2). Этому же типу амфор принадлежали 7 фрагментов овальных в сечении ручек с тремя сдвинутыми в сторону желобками, 326 фрагментов стенок, в том числе 5 с *dipinti*, нанесенными красной краской (рис. 5. 4–7)⁶⁶ и 2 фрагмента округлых доньев с небольшим полусферическим выступом на нижней поверхности и слабой желобчатостью на тулове, спиралевидно сходящей к дну (рис. 5. 8). Небольшой выступ на дне считается признаком амфор типа LRA1A по Пьери, который датирует его концом 4–5 вв.⁶⁷

Слегка раздутым горлом с рифлением на внутренней поверхности и валикообразным вертикально поставленным венчиком (рис. 6. 1) представлены *круглодонные красноглиняные амфоры типа TRC 6*⁶⁸ (LRA14⁶⁹; тип Hayes-22⁷⁰), производившиеся на Крите (возможно, в Херсониссосе), где их датируют 6–7 вв.⁷¹ Предназначались для транспортировки критского вина.⁷² Рассматриваемый экземпляр сделан из бледно-коричневой (10YR 7/4), плотной, очень хорошо отмученной глины.

Несколько типов амфор критского производства на Боспоре относятся к числу наиболее многочисленных в комплексах второй четверти – конца 6 в. или немного позднее. Среди них амфоры TRC 6 являются вторым по численности типом. В некоторых боспорских и тиритакских комплексах второй четверти – середины 6 в. их доля составляет около 30% всего критского импорта, хотя к концу 6 в. она, вероятно, сокращается до около 15%.⁷³ В Северном Причерноморье находки таких амфор зафиксированы, помимо Керчи и Тиритаки⁷⁴, в Фанагории в комплексе, формирование которого закончилось около середины 6 в.⁷⁵; в Херсонесе они выявлены в комплексах второй половины 6 – конца 7 в.⁷⁶ Один фрагмент найден в нивелировочной засыпи середины 5 – конца 5 / начала 6 в.⁷⁷ Надо отметить, что количество критских амфор в опубликованных херсонесских комплексах довольно незначительно. Так, в цистерне 4 они составляли 3,82% от общего числа профильных частей амфор.⁷⁸

Небольшие тонкостенные *амфоры типа LR3* по разработанной Райли классификации амфор Карфагена⁷⁹ (LRA10 по его же классификации амфор из раскопок в Бенгази⁸⁰; Зеест 95⁸¹; тип 3 по Хейсу⁸²) из коричневой, насыщенной слюдой глины продолжают линию развития одноручных амфор типа Verenice MRA 4, бытовавших с середины 1 в. до н. э. Предполагается, что производились они в районе между Эфесом и Сардами.⁸³

Их содержимое точно не определено, но небольшой объем (6–12 л) свидетельствует о том, что, скорее всего, в них перевозили какие-то мази или благовония, хотя не исключают вино, оливковое масло и *garum*.⁸⁴

⁶² Alfen 1996, 208.

⁶³ Выплата в натуральной или денежной форме с целью улучшения снабжения продуктами приграничных провинций на Дунае.

⁶⁴ Karagiorgou 2001, 129; 2009, 57; Curta 2001, 185–186; Klenina 2010, 1006.

⁶⁵ Pieri 1998, 76.

⁶⁶ Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 2–6/37521.

⁶⁷ Pieri 2005, 70–74, pl. 1–12, fig. 25.

⁶⁸ Portale, Romeo 2000, 422, fig. 5. 43; 2001, 308, tav. XLV. a, b.

⁶⁹ Riley 1979, 232.

⁷⁰ Hayes 1992, 69.

⁷¹ Portale, Romeo 2000, 422, fig. 5. 43; 2001, 308, tav. XLV. a, b; Yangaki 2005, 192, fig. 52. e.

⁷² Orait 2004, 24.

⁷³ Смокотина 2019, 164, 166; 2020, 537.

⁷⁴ Смокотина 2018, 273–274, рис. 7. 4; 8. 1; 2020, 537–538, рис. 51. 1–3, 52. 1, 3.

⁷⁵ Голофаст, Ольховский 2016, 62, рис. 10. 1, 3.

⁷⁶ Голофаст 2001, 110, 111, 117, 119, рис. 29. 7; 37. 3, 5; 67. 1; 75. 1; 2007, 110, рис. 29–31; Голофаст, Рыжов 2011, 383, рис. 17. 1; 2013, 55, 73, 85, рис. 8. 1, 3–5; 25. 3; 39. 3–8.

⁷⁷ Голофаст 2007, 79, 84, рис. 6. 6.

⁷⁸ Голофаст, Рыжов 2013, 85, рис. 39.

⁷⁹ Riley 1981, 118, fig. 12.

⁸⁰ Riley 1979, 229–230.

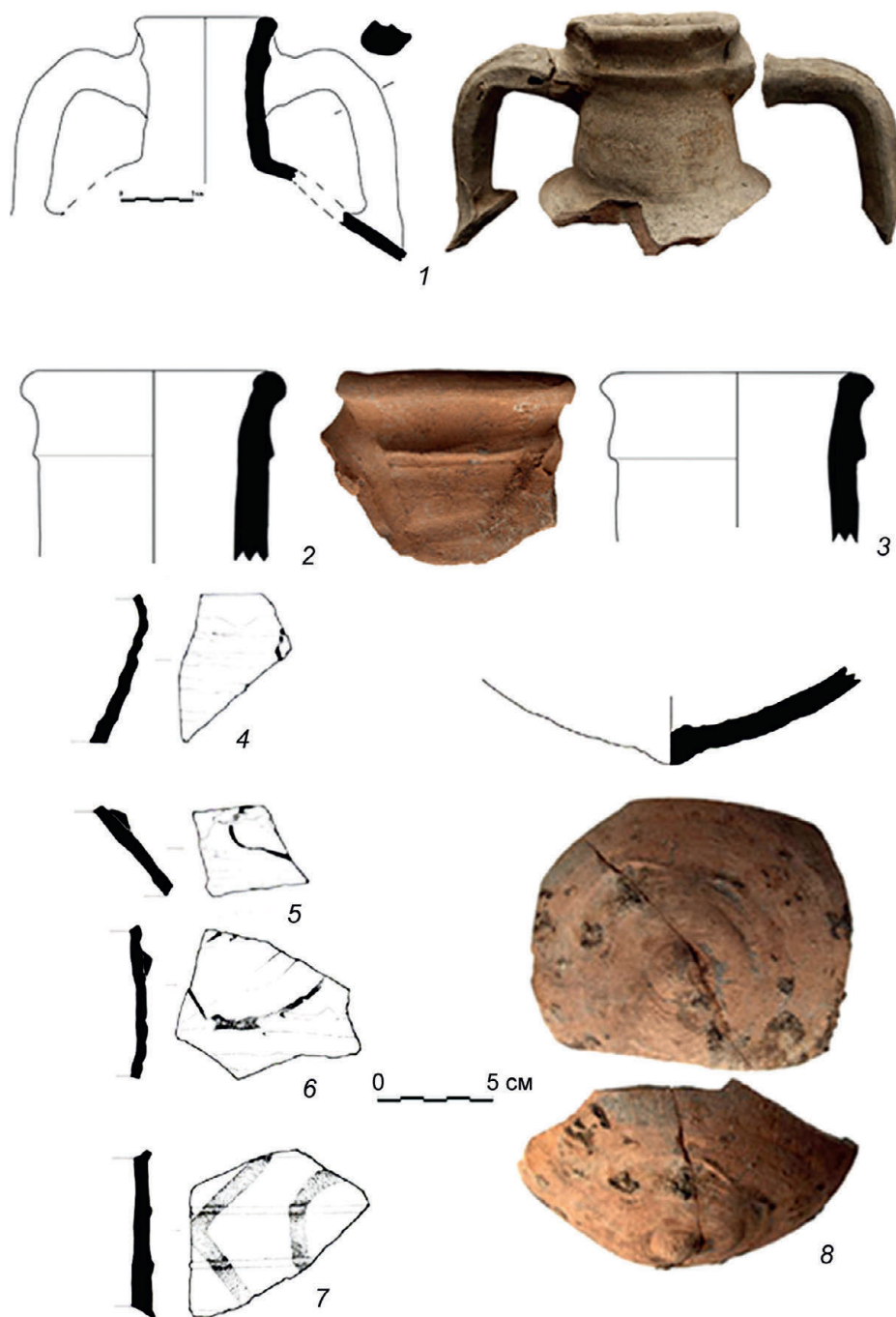
⁸¹ Зеест 1960, 118–119, табл. XXXVIII. 95.

⁸² Hayes 1992, 63, fig. 22. 9.

⁸³ Orait 2004, 14; Bezeczky 2013, 165.

⁸⁴ Bonifay, Pieri 1995, 112; Bezeczky 2005, 205.

Рис. 5. Амфоры типа LR1

Время бытования амфор типа LR3, которые в отличие от ранних амфор имеют уже две ручки, определяют в рамках конца 4–6 / начала 7 в.⁸⁵ После середины 6 в. их количество резко сокращается.⁸⁶

Как правило, смену полый открытой снизу ножки на сплошную коническую относят к хронологическим признакам и предположительно датируют серединой 6 в.⁸⁷ Однако Т. Бежецкий предполагает синхронное производство амфор с различными вариантами ножек (сплошными или полыми) в разных центрах.⁸⁸ Подтверждают это находки двух фрагментов таких амфор с полыми ножками среди материалов корабля, потерпевшего крушение у Ясси Ада (Yassi Ada)

⁸⁶ Boardman, Hayes 1973, 116–117.

⁸⁷ Pieri 2005, 96.

⁸⁸ Bezeczky 2013, 164.

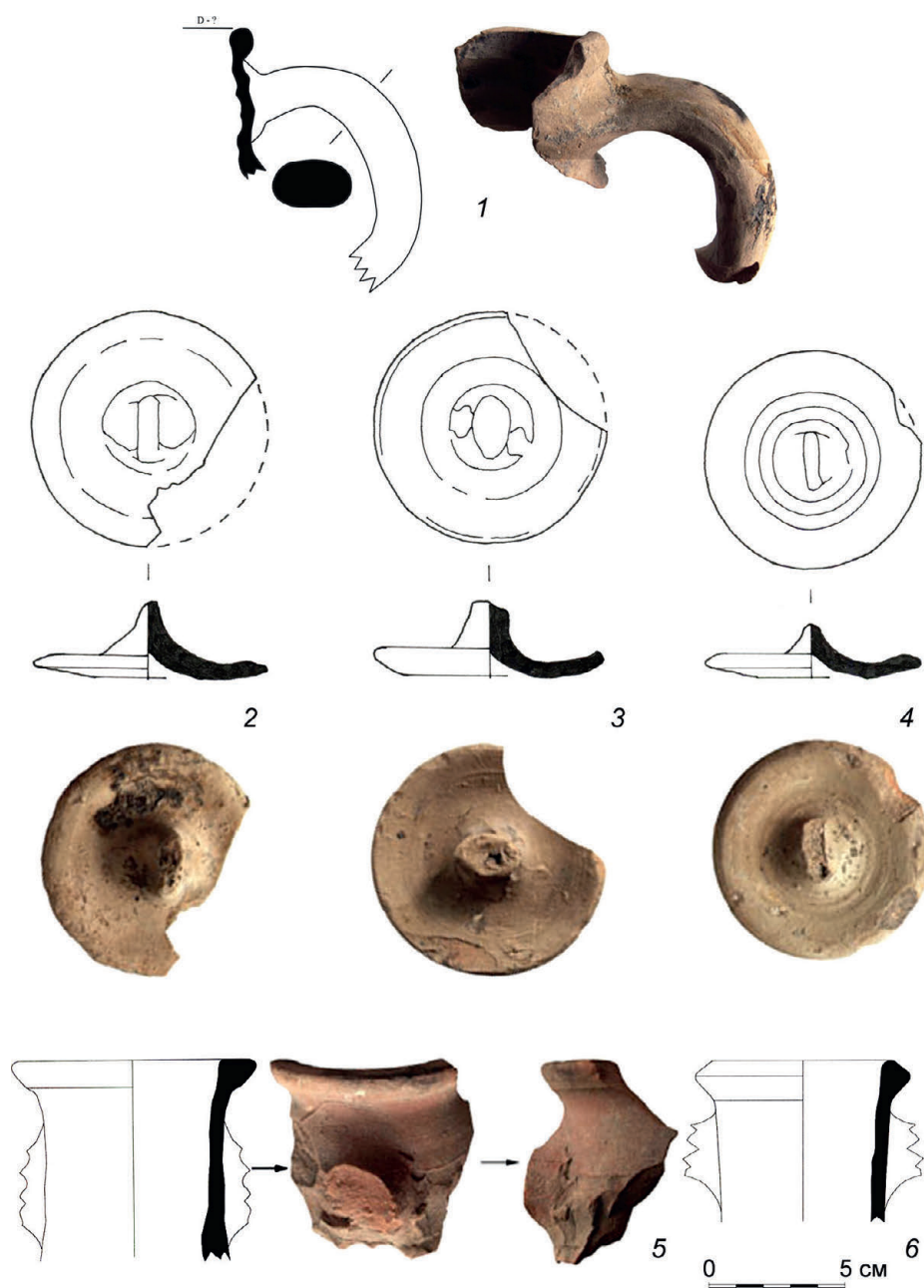

Рис. 6. Амфоры. 1 – амфора типа TRC 6; 2–4 – крышки амфор LR2; 5, 6 – шаровидные амфоры

летом 626 г.⁸⁹, или в комплексе 30 из Константинополя.⁹⁰ Поэтому выявленный в рассматриваемом комплексе фрагмент полый ножки нельзя однозначно интерпретировать как примесь снизу.

Для амфор типа “Газа-Ашкелон-Ашдот” (LRA 4 в Карфагене⁹¹, LRA 3 по классификации Бенгази⁹²; тип 6 по константинопольской классификации Хейса⁹³) характерны длинное узкое тулово с рифлением на плечиках между небольшими кольцевидными ручками или, на более поздних экземплярах – под ними, и в нижней части тулова, глиняные нащепки на венчике и под ним и усеченно-коническое дно.

Сосуды аналогичной формы были известны еще с классического периода, но распространение получают только в 3/4–7 вв.⁹⁴ и продолжают бытовать

⁸⁹ Bass 1982, 165–167; Doorninck 2015, 205; Bass 1982, 183, fig. 8–19, P74; fig. 8–22, P75.

⁹⁰ Hayes 1992, 100, fig. 48. 180.

⁹¹ Hayes 1976, 117; Riley 1981, 120, fig. 13.

⁹² Riley 1979, 219–223, fig. 92. 351–356.

⁹³ Hayes 1992, 64–65.

⁹⁴ Keay 1984, 395; Riley 1981, 115; Peacock, Williams 1986, 199; Levin, Netzer 1986, 98; Sodini, Villeneuve 1992, 197; Hayes 1992, 166–167, fig. 47.

в раннеарабский период.⁹⁵ М. Орен-Паскаль относит пик их бытования на сиропалестинской территории к 6–8 вв.⁹⁶ Ранние амфоры имели более широкое тулово и небольшой вертикальный воротничковый венчик, в 5 в. появляются сосуды с более удлиненным туловом и узким дном. К концу 6 – началу 7 в. они приобретают крутые плечики.⁹⁷

В 4–7 вв. амфоры этого типа были распространены по всему Средиземноморско-Причерноморскому региону, встречаются даже в Британии⁹⁸, хотя в большинстве регионов они довольно редки. К числу нечасто встречающихся они относятся вместе с амфорами т. н. сиропалестинского типа (LR 5) и в Северном Причерноморье. Так, лишь единичные их фрагменты выявлены в комплексах Херсонеса⁹⁹ и в заполнении цистерны 4 составляют лишь 2,55% амфорного комплекса.¹⁰⁰

Исключение составляют юго-восточное Средиземноморье¹⁰¹, а также Мёзия I и II и Скифия. В Новах, например, эти амфоры составляют 24% керамического комплекса и являются вторым по численности типом.¹⁰² Е. Кленина и А. Бернацки связывают эти амфоры, наряду с LRA1 и 2, с образованием в 536 году *questura exercitus*.¹⁰³ Особенно многочисленны их находки на южной прибрежной равнине Палестины, где открыты десятки печей и гончарных мастерских по их производству¹⁰⁴, в частности в Ашкелоне и Ашдоте.¹⁰⁵ Однако технологические вариации, огромный объем производства и широкое распространение этого типа амфор предполагает более обширный район их производства, который охватывал, по всей видимости, не только южную Палестину, но и территорию, простирающуюся до Пелузия на крайнем востоке дельты Нила.¹⁰⁶ Использовались для транспортировки, главным образом, знаменитого вина Газы (в Ашкелоне они найдены рядом с винными прессами¹⁰⁷), хотя перевозили в них также оливковое масло, сушеную соленую рыбу¹⁰⁸, финики или какие-то другие товары, которые доставлялись в Газу торговыми путями в мягких контейнерах и затем переключивались в амфоры для транспортировки судами по всему средиземноморско-причерноморскому бассейну.¹⁰⁹

Выявленные в комплексе фрагмент с массивным непрофилированным вертикальным венчиком с наплывами и налпами глины на плечиках и внутренней стороне венчика (рис. 7. 1) и фрагмент со слегка отогнутым наружу венчиком с небольшим ребром вдоль внутреннего края и нащепками глины на плечиках и внутренней стороне венчика (рис. 7. 2) относятся к форме 4 по типологии Г. Майчерека, нижнюю дату которой он относит к концу 6 в.¹¹⁰, или к форме 4B2-3 по Д. Пьери, который датирует ее второй половиной 6–7 вв.¹¹¹

Два фрагмента усеченно-конических доньев с неравномерным рифлением на внешней поверхности (рис. 7. 3, 4) и черным смолянистым покрытием на внутренней стороне (правда, у первой им покрыта только ее нижняя часть) относятся к типу 4B2 по Д. Пьери второй половины 6–7 в.¹¹² или форме 4 по типологии Гжегожа Майчерека, нижнюю дату которой он относит к концу 6 в.¹¹³ Амфорам типа Газа, скорее всего, принадлежали 2 фрагмента ручек и 5 фрагментов рифленых стенок.

К амфорам типа Газа близки две амфоры чрезвычайно редкого типа, найденные на полу цистерны. Одну удалось собрать до археологически целого состояния (рис. 8. 1)¹¹⁴, от второй сохранилась только верхняя часть (рис. 8. 2). Амфоры имеют яйцевидное тулово, валикообразный отогнутый наружу венчик с ребром на внешней поверхности, кольцевидные овальные или подпрямоугольные в сечении ручки и коническое дно. Глина сосудов неравномерно обожженная:

⁹⁵ Avni, Dahari 1990, 307; Arnon 2008a, 32; 2008b, 89.

⁹⁶ Oren-Pascal 2008, 49.

⁹⁷ Majcherek 1995 169, pl. 3. 4.

⁹⁸ Levine, Netzer, 1986, 98; Sodini, Villeneuve 1992, 197; Hayes 1992, 166–167, fig. 47; Killebrew 2010, 163–164.

⁹⁹ Голофаст 2001, рис. 2. 1–6; 2007, 76, 112, рис. 6. 4; 32; Голофаст, Рыжов 2011, рис. 13. 4.

¹⁰⁰ Голофаст, Рыжов 2013, 85, рис. 40. 6–8.

¹⁰¹ В частности, в Кесарии они составляют более 20% в слоях начала 6 в. (Riley 1979, 220–222).

¹⁰² Biernacki, Klenina 2015, 109.

¹⁰³ Кленина 2013, 92–93; Biernacki, Klenina 2015, 111.

¹⁰⁴ Killebrew 2010, 168–164.

¹⁰⁵ Reynolds 2005, 575.

¹⁰⁶ Majcherek 1995, 165.

¹⁰⁷ Israel 1995.

¹⁰⁸ Riley 1979, 222.

¹⁰⁹ Blakely 1988, 38.

¹¹⁰ Majcherek 1995, 169.

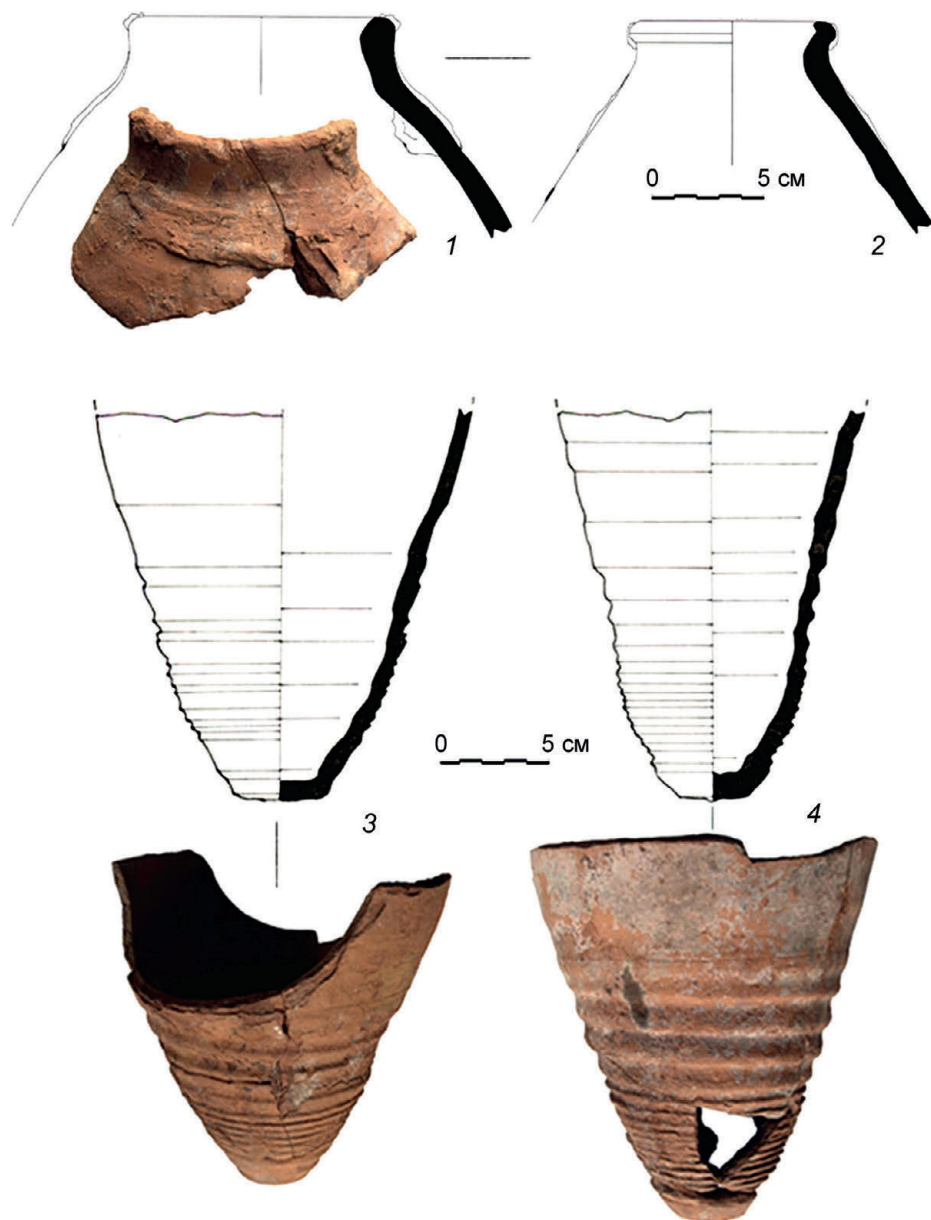
¹¹¹ Pieri 2005, 106–107.

¹¹² Ibid., 106.

¹¹³ Majcherek 1995, 169.

¹¹⁴ Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 7/37521.

Рис. 7. Амфоры типа LR4

у внешней поверхности – красновато-желтая (7.5YR 7/6), у внутренней – светлая коричневато-серая (10YR 6/2) (внешняя поверхность такого же оттенка), с многочисленными мельчайшими светлыми и более редкими и крупными коричневыми включениями.

Амфоры типа Газа имеют более вытянутое сигарообразное тулово и совсем другую глину, но у них аналогичные по форме ручки и также нет горла. Схожесть формы позволяет предположить, что амфоры из херсонесской цистерны происходят из сиро-палестинского региона. Однако поиски аналогий в многочисленных публикациях материалов из раскопок византийских комплексов в регионе результатов не дали. Отсутствие находок подобных сосудов отмечают и работающие там коллеги.

Единственная точная аналогия херсонесским сосудам происходит из комплекса 7 в., открытого на Афинской агоре. Авторы глубоко признательны одному

Рис. 8. Амфоры неизвестного происхождения

из крупнейших специалистов по керамике римского и ранневизантийского времени Андрею Опайту за предоставленную информацию о пока неопубликованном материале. Несмотря на отсутствие подобных находок в левантском регионе, исследователь на основании морфологии все же предполагает производство таких сосудов в Леванте в начале 7 в., до захвата региона арабами, после которого связи с утраченными Византией территориями были практически прекращены.

Амфоры LR2 являются продолжением линии развития амфор типа Mid Roman 18, которые они сменили в 5 в.¹¹⁵ Перевозили в них, главным образом, оливковое масло¹¹⁶. О. Карагиоргу предположила, что ранние амфоры с широким венчиком и высоким, воронковидным горлом, более удобным для тягучих, медленно текущих жидкостей, были предназначены исключительно для перевозки

¹¹⁵ Riley 1979, 205–207, 217–219, fig. 87. 288–293; 91. 348; 92. 349–350; 1981, 122, fig. 15.

¹¹⁶ Karagiorgou 2001, 147–149; 2009, 46–47; Swan 2007, 255.

масла, тогда как поздние, с более цилиндрическим горлом и более узким венчиком – для перевозки как масла, так и вина.¹¹⁷

Разное тесто и разнообразие одновременно бытовавших морфологических вариантов амфор типа LR2¹¹⁸, свидетельствуют о наличии нескольких центров их производства. Располагались они в бассейне Эгейского моря¹¹⁹: в Пелопоннесе, на Хиосе, Книде, Самосе, Косе, Родосе и на севере Арголиды, на северном побережье Эгейского моря.¹²⁰

Выявленные стенки амфор типа LR 2 наглядно демонстрируют характер формирования комплексов из заполнения херсонесских цистерн и колодцев. В рассматриваемом комплексе амфоры LR 2 представлены примерно одинаковым количеством стенок с горизонтальным и волнистым рифлением: из 26 стенок 14 имеют горизонтальное рифление, а 12 – волнистое. Форма рифления является хронологическим признаком: горизонтальное характерно для амфор 5 – первой половины 6 в., волнистое – для второй половины 6 в.¹²¹ Это наблюдение подтверждается и раскопками в погибшей в середине 6 в. Фанагории, где встречаются фрагменты амфор этого типа исключительно с горизонтальным рифлением.

Коническое дно с небольшой расширяющейся книзу ножкой с выпуклой подошвой также, скорее всего, относится к этому же типу амфор, скорее всего, 5 – первой половины 6 в. Во второй половине 6 в. LRA2 лишаются ножки и приобретают простое округлое дно.¹²²

Выпукло-вогнутые *крышки* с коническим углублением на выпуклой нижней стороне, которому соответствует ручка-защип на верхней (рис. 6. 2–4), представленные в комплексе тремя экземплярами¹²³, делали специально для амфор типа LR2.¹²⁴ В Херсонесе они часто встречаются в ранневизантийских комплексах¹²⁵; одна была найдена в горле такой амфоры.¹²⁶ Еще одна такая крышка в горле амфоры обнаружена в слое разрушения 518 в Новах.¹²⁷ В Стамбуле они выявлены в комплексах 216 в. и 30 655–70 гг.¹²⁸ Производили их, естественно из той же глины, из которой делали сами амфоры.

Доля амфор LR2 на памятниках Восточного Средиземноморья незначительна¹²⁹, тогда как в районе Эгейского моря и дунайских провинциях, они довольно многочисленны начиная с третьей четверти 5 в. до середины 7 в.¹³⁰: в керамическом комплексе различных центров Скифии, Мёзии I и Мёзии II они составляют 30–50%.¹³¹ Причем на многих поселениях, расположенных вдоль Дуная и черноморского побережья, амфоры LR2 находят в сочетании с амфорами LR1¹³², что послужило основанием для предположения о том, что LRA1 и 2 предназначались, главным образом, для снабжения маслом (LR2) и вином (LR1) пограничных подразделений, расквартированных в северных провинциях империи. Для их эффективного снабжения продовольствием Юстиниан I в 536 г. создал новую административную единицу, *quaestura Iustiniana exercitus*, в состав которой были включены Кипр, Киклады, Кария, острова Эгейского моря и дунайские провинции Мёзия I, Мёзия II и Дакия.¹³³ Часть *annonae* солдатам, служившим в разоренных варварскими набегами северных провинциях, обеспечивалась богатыми южными регионами. Реформа Юстиниана пережила его правление: *quaestura exercitus* упоминается среди финансовых учреждений государства в новелле Юстина II 575 г., а в 7 в. *quaestor exercitus* со штаб-квартирой на Самосе нес ответственность за снабжение уже большей части имперской армии Ираклия, а не только северных ее подразделений.¹³⁴

Трудно сказать, каким образом попадали амфоры LR1 и 2 в города Северного Причерноморья, где LRA1 относятся к доминирующим типам, но LRA2 встре-

¹¹⁷ Karagiorgou 2001, 149.

¹¹⁸ Swan 2004, 372; Reynolds, Pavlidis 2014, 452.

¹¹⁹ Riley 1979, 219.

¹²⁰ Opaît 2004, 11; Pieri 2005, 90–91; Poulou-Papadimitriou, Nodarou 2007, 757; Swan 2009, 109.

¹²¹ Riley 1979, 217; Abadie-Reynal, Sodini 1992, 56; Pieri 1998, 100; Reynolds, Pavlidis 2014, 452.

¹²² Karagiorgou 2001, 131; Reynolds, Pavlidis 2014, 452, fig. 7. 6; 8. 1.

¹²³ Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 10/37521.

¹²⁴ Karagiorgou 2001, 148.

¹²⁵ Голофаст, Рыжов 2013, рис. 44. 9–14; Ушаков и др. 2015, рис. 9. 1–2.

¹²⁶ Голофаст, Рыжов 2011, рис. 9. 3; 10.

¹²⁷ Klenina 2014, 932, 934, fig. 2. 1.

¹²⁸ Hayes 1992, 97, 100, fig. 35. 16; 44. 128.

¹²⁹ Riley 1979, 218.

¹³⁰ Ibid., 218–219; Hayes 1992, 66.

¹³¹ Opaît 2004, 10–11; Paraschiv 2006, 162.

¹³² Alfén 1996, 211.

¹³³ Karagiorgou 2001, 149; Swan 2004, 381.

¹³⁴ Alfén 1996, 211.

чаются значительно реже. Так, в заполнении цистерны 4 в квартале X-Б первые составляют в амфорном комплексе 28,2%, а вторые – только 3,4%. Скорее всего, они поступали в город традиционными торговыми путями, а не целенаправленно для снабжения воинских подразделений, которые в городе, несомненно, были¹³⁵, т. е. их использовали не только для снабжения пограничных воинских гарнизонов, но и в обычной торговле.

Продолжением линии развития амфор LR2 считаются *византийские шаровидные (Byzantine globular amphorae) или шаровидно-яйцевидные амфоры (Byzantine globular-ovoid amphorae)*, которые были широко распространены по всему Средиземноморью, начиная с первых десятилетий 7 в. (или даже с 6 в.). Более того, в 7 в. они уже доминировали в комплексах над LRA 2 и в течение 7 в. постепенно вытеснили все ранее бытовавшие типы транспортной тары.¹³⁶ В Причерноморье самые ранние экземпляры происходят из слоя пожара в Керчи, образовавшемся не ранее 660 г.¹³⁷; из закрытых комплексов Сугдеи рубежа 7 – первой половины 8 в., в которых они являются основным типом амфорной тары¹³⁸; из жилища, построенного в начале 8 в. на развалинах Тиритакской базилики¹³⁹; две целые амфоры со сферическим туловом найдены на Пастырском городище, прекратившем существование во второй половине 8 в.¹⁴⁰

Производились они в нескольких центрах: в Арголиде, бассейне Эгейского моря (на о-вах Кос, Парос, Самос), на Крите, Кипре, в Северной Африке, Италии и Сирии.¹⁴¹ Несколько центров по их производству зафиксировано в Таврике.¹⁴² Пол Артур обращает внимание на тот факт, что в период сильного экономического спада и растущей самодостаточности различных регионов Византии, когда коммуникации внутри Средиземноморья и вокруг него были менее частыми и более сложными, амфоры, вместо того, чтобы становиться все более и более индивидуальными, тяготели к относительно стандартизированной шаровидной форме, хотя и производились в далеко друг от друга расположенных центрах. По мнению исследователя, это свидетельствует о тщательном регулировании торговли со стороны центральной власти¹⁴³, а множество вариантов шаровидных и шаровидно-яйцевидных амфор объясняется особенностями отдельных гончаров и мастерских, а не их стремлением сделать сосуды чем-то отличающиеся от других.¹⁴⁴ Наоборот наблюдается сознательное стремление мастеров

¹³⁵ Голофаст 2016, 120–123.

¹³⁶ Arthur 2018, 281.

¹³⁷ Айбабин 2000, 169.

¹³⁸ Баранов, Майко, 1995, рис. 4, 1; Баранов, Майко, Джанов 1997, 40.

¹³⁹ Гайдукевич 1952, 51; Айбабин 1999, 190.

¹⁴⁰ Приходнюк 2005, 63, рис. 95. 5; 97. 1, 2.

¹⁴¹ Arthur 1993; Hayes 1992, 442, fig. 5. A58; Poulou-Papadimitriou, Nodarou 2014, 874–876; Vroom 2017, 294–295.

¹⁴² Паршина, Тесленко, Зеленко 2001, 53–79.

¹⁴³ Arthur 2018, 282, 283–284. В связи с этим неизбежно встает вопрос о статусе Крыма и тех его регионов, где располагались производившие шаровидные амфоры гончарные мастерские.

¹⁴⁴ Естественно, мы не призываем отказаться от разработки региональной классификации

этого типа амфор и заменить ее международными (средиземноморскими) типологическими схемами, в чем заподозрил одного из авторов настоящей статьи В. Е. Наumenко (Наumenко 2022, 178). В упоминаемой Валерием Евгеньевичем статье речь идет только об отказе от термина «амфоры причерноморского типа»: «Рассмотренные в статье амфоры, несомненно, входят в «семью» амфор (по выражению Райли (Riley 1989, 151), типы амфор разного происхождения, широко распространенных в Средиземноморье), встречающихся по всему Средиземноморью и известных в литературе под названием «globular» («шаровидных»). Поэтому следует отказаться от «регионального» термина «амфоры причерноморского типа с мелким зональным рифлением» и перейти на международную терминологию» (Голофаст,

Евдокимов 2019, 200). Т. е. предлагается включить амфоры причерноморского производства в общую «семью» амфор, широко распространенных в средиземноморско-причерноморском регионе и производившихся в разных его центрах, в том числе и в нескольких центрах Крыма. Использование общепринятого в международной литературе термина – необходимое условие для получения более точного представления о распространении определенного типа амфор и, соответственно, для более глубокого понимания региональной и межрегиональной экономики. Например, общепринятая классификация ранневизантийских амфор открыта для включения новых типов и учитывает не только морфологию, но и тесто, из которого тот или иной сосуд изготовлен (Peacock, Williams 1986, 7–8).

из разных регионов Средиземноморско-Причерноморского бассейна производить амфоры именно такой формы.¹⁴⁵

Предполагается, что шаровидные амфоры унаследовали не только форму амфор LR2, но и их использование в качестве тары для перевозки продуктов, предназначенных для снабжения воинских контингентов и их стандартизация является признаком государственного контроля над снабжением армии, что стало особенно важно после потери Византией Египта, Киренаики, Триполитании и Леванта, захваченных арабами в 640х гг.¹⁴⁶ В этой связи показателен груз корабля, в начале 7 в.¹⁴⁷ или во второй половине этого столетия¹⁴⁸ потерпевшего крушение у Ясси Ада, который предположительно связывают с *quaestura exercitus*.¹⁴⁹ Из 80 шаровидных амфор 50 принадлежали амфорам со сплошным рифлением, остальные украшены зонами рифления, нанесенного мелким зубчатым штампом.

В рассматриваемом комплексе несколько фрагментов таких амфор было найдено в толще засыпи и на полу цистерны: 1) фрагмент расширяющегося книзу горла с овальной в сечении ручкой с двумя треугольными в сечении ребрами на внешней поверхности из красновато-желтой (5YR 6/8), плотной, хорошо отмученной глины с многочисленными мельчайшими светлыми включениями; 2) фрагмент горла с подтреугольным в сечении венчиком с плоско срезанной верхней поверхностью (рис. 6. 5), под которым сохранилось основание овальной в сечении ручки, глина светло-красная (2.5Y 7/6), плотная, хорошо отмученная, с многочисленными мельчайшими светлыми включениями; 3) фрагмент горла с подтреугольным в сечении венчиком (рис. 6. 6) с основанием овальной в сечении ручки под ним, глина красновато-желтая (5YR 6/6), плотная, хорошо отмученная, с единичными включениями цвета глины. К этому же типу амфор принадлежат 3 фрагмента овальных в сечении ручек с «двускатной» внешней поверхностью.

К сожалению, амфоры не могут служить надежным хронологическим индикатором, т.к., как правило, слишком медленно меняются и практически не поддаются влиянию моды, которая может очень быстро изменить столовую посуду.¹⁵⁰ По этой причине именно столовая посуда, а применительно к ранневизантийскому времени – краснолаковая керамика, служит базой для датировки комплексов ранневизантийского времени, именно на ней построена хронология ранневизантийских памятников.

СТОЛОВАЯ ПОСУДА

Краснолаковая керамика.

При описании краснолаковой посуды из заполнения цистерны мы опирались на общепринятую типолого-хронологическую схему Дж. Хейса¹⁵¹, которая до сих пор остается для большинства исследователей неоспоримым канонem и настолько авторитетным документом, что исключает какие-либо сомнения.¹⁵² Однако в последние десятилетия был накоплен такой обширный объем новых материалов, что стала понятна настоятельная необходимость в ревизии ряда дат и хронологических схем, изложенных в LRP. Разгорелась дискуссия по поводу датировки отдельных типов, эволюции различных форм и т.д. Некоторые исследователи даже поставили под сомнение обоснованность датированной последовательности вариантов и предполагают параллельное производство некоторых типов в одновременно функционировавших мастерских.¹⁵³ Самое любопытное, что исследователи, основываясь на материалах из раскопок различных

¹⁴⁵ Arthur 2018, 281.

¹⁴⁶ Reynolds 1995, 121; 2004, 240; Arthur 1998a.

¹⁴⁷ Bass 1962, 557.

¹⁴⁸ Vroom 2016, 159, 169.

¹⁴⁹ Steckner 1989, 65.

¹⁵⁰ Peacock 1984, 116.

¹⁵¹ Hayes 1972; 1980.

¹⁵² Sanders 2020, 358–359.

памятников, иногда идут в прямо противоположных направлениях: если одни корректируют датировки Дж. Хейса в сторону их удревнения, то другие наоборот, в пользу их омоложения (см., например, работы М. Бонифе¹⁵⁴ и Г. Сандерса¹⁵⁵). При рассмотрении публикуемого комплекса мы остановимся только на дискуссиях о конкретных выявленных в нем формах, не затрагивая остальные.

Комплекс краснолаковой керамики, за исключением нескольких фрагментов (одного фрагмента блюда группы «Африканская краснолаковая», фрагмента миски группы «Понтийская краснолаковая» и двух фрагментов конических кубков), состоит из фрагментов мисок группы «*Фокейская краснолаковая*» (LRC), которая производилась на западе Малой Азии (район Фокеи) и была широко распространена в средиземноморско-причерноморском бассейне (ее ареал охватывает территорию вплоть до Великобритании¹⁵⁶). Причем предполагается, что распространялась она не только благодаря торговле, но и благодаря централизованным поставкам такой посуды для армии в стратегические пункты империи¹⁵⁷, наряду с амфорами LR 1 и 2.

В группе фокейской керамики представлены фрагменты сосудов формы 1, формы 5, но доминируют миски формы 3, которая всегда привлекала особое внимание специалистов, как самая многочисленная и распространенная. Среди сосудов этой формы Дж. Хейс выделил 8 типов, хотя и признавал, что это разделение в значительной степени носит произвольный характер.¹⁵⁸

Подавляющее большинство фрагментов из комплекса принадлежат форме 3F и 3G (рис. 9), в том числе фрагменты венчика и дна миски формы 3F (рис. 9. 17) из светло-желтой, плотной, хорошо отмученной глины с единичными мельчайшими светлыми включениями. Светло-красный (10R 6/8), тусклый лак покрывает только наружную поверхность венчика. Миски из аналогичной глины и с покрытием, нанесенным только на венчик сосуда, ранее в Херсонесе, насколько нам известно, не встречались. Г. Сандерс упоминает о «Light-coloured version of PRS Form 3» из раскопок в Коринфе, где они были найдены в водостоке с монетами Юстиниана I, самая поздняя из которых датируется 559/60.¹⁵⁹ Еще два фрагмента (рис. 9. 2) принадлежали миске этой же формы, но без следов лакового покрытия. Вместо него на внутреннюю поверхность сосуда нанесены как бы пролощенные концентрические окружности, которые становятся все более частыми и широкими к центру. Слабые следы лака или, скорее, лощения видны также на наружной стороне венчика. Глина сосуда светлая красновато-желтая (7.5YR 7/6), плотная, хорошо отмученная, без видимых включений.

Форма 3F, согласно хронологии Дж. Хейса, появляется в начале 6 в., во второй четверти столетия в сочетании с формой 3G она становится стандартной и вскоре после середины 6 в. развивается в форму 10.¹⁶⁰ С датировкой Хейса формы 3F согласен П. Рейнолдс.¹⁶¹ Г. Сандрес пересмотрел использованные Хейсом комплексы Афинской агоры и Антиохии, дополнив их данными, полученными в ходе изучения вновь открытых комплексов Коринфа, уделив особое внимание монетам, найденным как вместе с рассматриваемой краснолаковой керамикой, так и в ниже лежащих контекстах. Так, комплексы H-I 7-8:1 и I-J 9:1 Афинской агоры он отнес ко второй половине 6 в., поскольку оба содержали не учтенные Хейсом монеты Юстиниана, соответственно 538–542 и 533/4–539, а первый – еще и две монеты Бадуила (549–552).¹⁶²

Следует отметить, что дата комплексов, которые иногда приводят для подтверждения появления формы в начале 6 в.¹⁶³, на самом деле определена по присутствию в них той же формы 3F. Исключение составляет лишь фрагменты

¹⁵⁴ Bonifay 2004.

¹⁵⁵ Sanders 2020 и др.

¹⁵⁶ Hayes 1972, map 15.

¹⁵⁷ Домжалский, Смокотина 2020, 195.

¹⁵⁸ Hayes 1972, 336.

¹⁵⁹ Sanders [https://www.academia.edu/53504127/...](https://www.academia.edu/53504127/)

¹⁶⁰ Hayes 1972, 338.

¹⁶¹ Reynolds 1995, 147.

¹⁶² Sanders 2020, 359–360, 365.

¹⁶³ Смокотина 2008, 117.

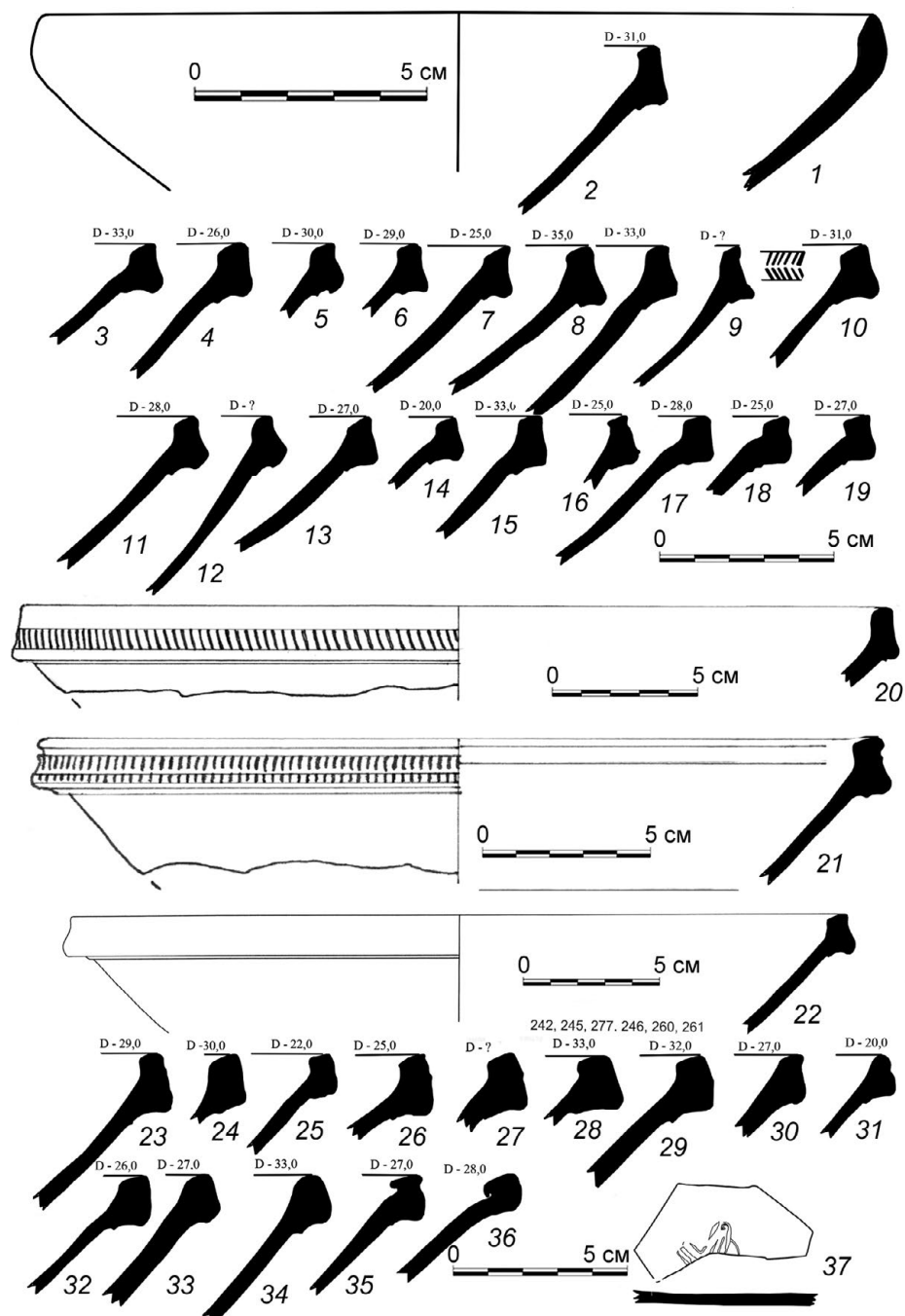

Рис. 9. Краснолаковая посуда группы «Фокейская краснолаковая»

мисок формы 3F, выявленные в ходе раскопок церкви св. Полиевкта, строительство которой было завершено в 524–527 гг.: нивелировочная засыпь под пол нефа (Deposit 14¹⁶⁴), из раствора упавшего столба в атриуме (Deposit 16¹⁶⁵) и раствора стены на южной стороне атриума (Deposit 17¹⁶⁶). Если эти фрагменты не попали в перечисленные комплексы в результате каких-то более поздних ремонтов, то они, возможно, указывают на появление формы на рубеже первой и второй четвертей 6 в.

Бытовала форма F, судя по ее многочисленным находкам в комплексах второй половины 6 – первой половины 7 в.¹⁶⁷, как минимум, до первых десятилетий

¹⁶⁴ Hayes 1992, 94, fig. 33. 9–12.

¹⁶⁵ Hayes 1992, 96, fig. 3. 5.

¹⁶⁶ Ibid., 96, fig. 34. 3

¹⁶⁷ См. Fernández 2014, 250–256; Смокотина 2008, 117.

7 в. или даже позже. Это подтверждают и херсонесские комплексы, формирование которых закончилось во второй половине 6–7 в. Все они содержат значительное количество фрагментов мисок формы 3F.¹⁶⁸ К их числу относится и рассматриваемый комплекс. Однако характер заполнения херсонесских цистерн и колодцев, которые, как правило, засыпались грунтом, взятым из нивелировочных насыпей или мусорных свалок, не позволяет уверенно использовать их для хронологических построений.

Форму 3G (похожа на F с выпуклой внешней стороной и соответствующей впадиной на внутренней), которую Хейс датирует второй четвертью 6 в.¹⁶⁹, П. Рейнолдс, относит, основываясь на материалах из раскопок в Бутринте, к 525–575 гг. и считает ее предшественницей формы 10.¹⁷⁰

В комплексе имеется несколько фрагментов которые можно отнести к переходному варианту от 3G к 10A (рис. 9. 24, 32–34). Дату появления последней Дж. Хейс пересмотрел и, основываясь на материале из раскопок в Афинах и на экземпляре, близком к форме LRC 10, найденном в Бейруте в слое разрушения, образовавшемся в результате землетрясения 551 г., датирует ее появление не 575 г. а приблизительно серединой 6 в.¹⁷¹ С ним не согласен П. Рейнолдс, который отмечает полное отсутствие формы в комплексе из Беналуа (Испания), содержащем большое количество посуды LRC, в том числе формы 3G, и выдвигает предположение, что форма 10 появляется несколько позже, возможно, около 575 г., т. е. возвращается к первоначальной дате Хейса. Что касается Г. Сандреса, то он считает форму 10 исключительно формой 7 в.¹⁷²

Проблематично определение типа двух представленных в комплексе мисок с венчиками редко встречающегося варианта (рис. 9. 35, 36). Возможно, их следует отнести к форме 10C, которую Дж. Хейс датирует первой половиной 7 в.¹⁷³ Похожие экземпляры выявлены, например, в комплексе последней четверти 7 в. из Херсонеса.¹⁷⁴

Следует отметить, что миски формы 10 в Северном Причерноморье представлены крайне незначительным количеством, что объясняют падением популярности этой группы красного лака, пик которой приходится на первую фазу правления Юстиниана I, т. е. примерно до середины 6 в.¹⁷⁵ Однако это утверждение вступает в противоречие с тезисом о бытовании формы 3F до первой половины 7 в. включительно и довольно большим количеством мисок этой формы в комплексах второй половины 6 – первой и даже второй половины 7 в. Иначе говоря, либо бытование формы 3F следует ограничить второй четвертью 6 в. и признать миски формы 3F в поздних комплексах «примесью снизу», либо отказаться от утверждения о падении популярности этой группы красного лака начиная в середины 6 в. Здесь следует отметить, что исследователи, согласные с мнением Дж. Хейса о бытовании формы 3F во второй четверти 6 в., часто связывают сокращение количества посуды группы «Фокейская краснолаковая», начиная с середины 6 в.¹⁷⁶, с эпидемией чумы (юстиниановой чумы), в значительной степени сократившей численность населения империи, что в конечном итоге и привело к значительному сокращению объема торговли и производства, в том числе краснолаковой посуды.

Редко встречающуюся в Херсонесе форму 5 (тип В), представленную в засыпи цистерны фрагментом горизонтально отогнутого бортика миски типа В (рис. 10. 5), Дж. Хейс датирует первой половиной 6 в.¹⁷⁷ Наружная сторона бортика плоско срезана, от тулова бортик отделяется валиком. На верхней поверхности бортика – 3 ряда насечек, нанесенных зубчатым штампом (орнамент, обычно украшающий бортики фокейских мисок формы 3).

¹⁶⁸ См. Голофаст 2007; Голофаст, Рыжов 2011, 2013.

¹⁶⁹ Hayes 1972, 338.

¹⁷⁰ Reynolds 2004, 228, 243.

¹⁷¹ Hayes 1998, 15.

¹⁷² Sanders 2020, 373.

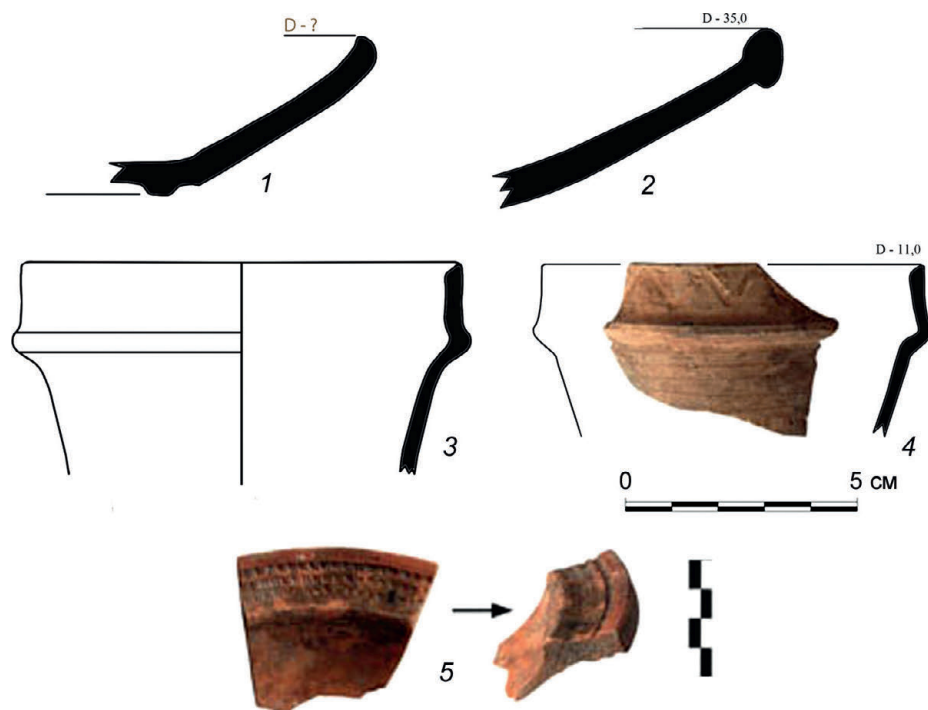
¹⁷³ Hayes 1972, 346.

¹⁷⁴ Голофаст 2001, рис. 77. 15.

¹⁷⁵ Смокотина 2015, 321, рис. 8. 5, 6; Домжалский, Смокотина 2020, 195, 196, 197.

¹⁷⁶ В Бутринте LRC стала доминирующей группой столовой посуды после 550 года, но только до около 575 года. Формы, типичные для конца 6 в., встречаются довольно редко (Reynolds 2004, 238).

¹⁷⁷ Hayes 1972, 338.

Рис. 10. Краснолаковая посуда: 1 – миска группы «Понтийская краснолаковая»; 2 – блюдо группы «Африканская краснолаковая»; 3, 4 – чашки квидского (?) производства; 5 – тарелка формы 5 группы «Фокейская краснолаковая»

Кроме того, в цистерне найдены 12 фрагментов доньев мисок группы «Фокейская краснолаковая» на слабо выраженном кольцевом поддоне, в том числе с частью клейма в виде креста с двойной линией контура (мотив третьей хронологической группы по Дж. Хейсу) 6 – третьей четверти 7 вв. (рис. 9. 37).¹⁷⁸

Сосуды группы «Африканская краснолаковая» представлены фрагментом венчика блюда формы 104В (рис. 10. 2) из красновато-желтой (5YR 7/8), мелкозернистой, довольно рыхлой глины без видимых включений. Лак красный, плотный, с некоторым блеском. Если на наружной поверхности венчика лак наложен толстым слоем, то ниже более тонким, а еще ниже – полностью отсутствует. Дж Хейс относит бытование формы к 530–625 гг.¹⁷⁹, датируя форму 104А приблизительно 530–580 гг., а 104В и С 550/70–625+ гг.¹⁸⁰ М. Бонифе предлагает более широкую дату бытования формы в целом – 475–675 гг., а тип В относит к середине 6 – середине 7 в.¹⁸¹ П. Рейнолдс считает, что все три типа бытовали одновременно приблизительно в 525–600 гг.¹⁸² Г. Сандрес также склоняется считать все типы формы 104 одновременными, но относит их к 7 в.¹⁸³

Посуда группы, получившей условное название «Понтийская краснолаковая»¹⁸⁴, представлена в засыпи цистерны фрагментом миски формы 1А/В по Домжальскому (рис. 10. 1) первой – третьей четверти 5 в.¹⁸⁵

Краснолаковым чашкам в форме усеченного конуса принадлежат 3 фрагмента: 1) верхней части тулова с вертикальным венчиком из очень бледно-коричневой (10YR 7/4), плотной, хорошо отмученной глины без видимых включений (рис. 10. 3); лак тусклый светлый красновато-коричневый (2.5YR 6/4), неравномерно и крайне неаккуратно нанесенный на обе поверхности сосуда, на внешней поверхности венчика – лак приобрел темно-коричневый цвет; 2) вертикального венчика с волнообразной линией, нанесенной инструментом с широким рабочим концом на внешней поверхности (рис. 10. 4) из розовой

¹⁷⁸ Hayes 1972, 359, fig. 75. 39.

¹⁷⁹ Ibid., 166.

¹⁸⁰ Ibid.

¹⁸¹ Bonifay 2004, 181–183.

¹⁸² Reynolds 1995, 146.

¹⁸³ Sanders 2020, 373.

¹⁸⁴ Opař 1985, 158–159; Domžalski, 2000.

¹⁸⁵ Domžalski 2021, 58.

(7.5YR 7/4), плотной, хорошо отмученной глины с единичными темно-коричневыми включениями, на обе поверхности неравномерно наложен жидкий грязно-коричневый тусклый лак; 3) плоского дна, возможно, от сосуда, изображенного на рисунке 10. 4.

Чашки в форме усеченного конуса, по-видимому, продолжают линию развития чашек 1–3 вв., от которых отличаются более вытянутыми пропорциями и отсутствием поддона. Предполагается их книдское происхождение¹⁸⁶ – возможно, группа «Asia Minor Light Colored Ware» по Дж. Хейсу, для которой характерна светло-оранжевая или светло-коричневая глина и тонкий слой лака.¹⁸⁷ Хейс отмечает немногочисленные находки посуды этой группы в комплексах 420/450 – начала 7 в.¹⁸⁸ А. Опайт выделил подобные чашки в тип I, датирует их второй половиной 4–7 в. и приводит список находок на территории Румынии.¹⁸⁹ Ко второй четверти 6 в. относятся находки подобных сосудов в Тиритаке и Зеноновом Херсонесе.¹⁹⁰ В Херсонесе они представлены в комплексах последней четверти 5 – третьей четверти 7 в.¹⁹¹ Особенно показательны хорошо сохранившиеся кубки из т. н. «цистерны в алтаре» в квартале II СВ района, засыпанной в последней четверти 5 в.¹⁹², и колодца, расположенного в районе «Базилики на холме» и засыпанного, скорее всего, во второй половине 6 в.¹⁹⁶

Позднеримская понтийская лощеная керамика.

26 фрагментами представлены бежевоглиняные блюда с округлым туловом на высоком слегка расширяющемся книзу поддоне с легким беспорядочным лощением с пропусками на поверхности группы «Позднеримская понтийская лощеная керамика» (Late Roman Pontic Burnished Ware (LRPB)).¹⁹⁴ 12 фрагментов принадлежали блюдам с широким горизонтально отогнутым бортиком с двумя желобками вдоль внутреннего и внешнего края, (рис. 11. 1–9), 4 – блюдам с полусферическим туловом без венчика, с выпуклым профилированным желобком краем и одним или двумя горизонтальными желобками на внешней стороне тулова под краем (рис. 11. 10–12). Кроме того, в заполнении выявлены 4 фрагмента доньев на высоком кольцевом поддоне с двойными концентрическими как бы обрамляющими дно окружностями, выполненными врезной линией на внутренней поверхности (рис. 11. 13) и 6 фрагментов стенок.

Самый ранний комплекс, содержащий сосуды этой группы, датируется второй четвертью 6 в.¹⁹⁵ Пик их бытования, судя по херсонесским комплексам, приходится на вторую половину 6 в.¹⁹⁶ В Херсонесе они продолжают встречаться в «полузакрытых» комплексах, происходящих, главным образом, из цистерн и колодцев, засыпавшихся на протяжении всего 7 в.¹⁹⁷

Ареал посуды рассматриваемой группы ограничивается, главным образом, Северным Причерноморьем с наибольшей концентрацией в Херсонесе.¹⁹⁸

Визуальное сходство теста блюд этой группы с глиной керамики группы «Понтийской краснолаковой» и ее появление вскоре после исчезновения с причерноморских рынков сосудов группы «Понтийская краснолаковая» позволило К. Домжалскому и Д. В. Журавлеву сделать предположение о едином центре или регионе их производства, возможно, в северо-восточной части провинции Понт.¹⁹⁹ Однако если производство обеих групп керамики в пределах одного географического региона подтверждается методом рентгенографического фазового

¹⁸⁶ Opait 2004, 66.

¹⁸⁷ Однако среди форм этой группы керамики, найденной на памятниках, где она встречается довольно часто, например, в Парионе (Ergürer 2014), подобной формы нет.

¹⁸⁸ Hayes 1972, 408–409; 1992, 7.

¹⁸⁹ Opait 2004, 65–66, pl. 50. 14–17.

¹⁹⁰ Сазанов 1999, 247, рис. 14. 4–8.

¹⁹¹ Голофаст 2001, 106–107, 115–116, 117–118, рис. 11; 13. 912–16; 54. 5; 66. 2–4; 67. 9; 2007, 103–104, 115, рис. 16. 11; Голофаст, Рыжов 2013, 88, рис. 42. 21–23.

¹⁹² Голофаст 2001, рис. 12. 1; Сазанов 1999, рис. 14. 4.

¹⁹³ Голофаст 2007, рис. 40, 41.

¹⁹⁴ Fedoseev, Domzalski, Opait, Kulikov 2010; Домжалский, Журавлев 2013.

¹⁹⁵ Голофаст, Рыжов 2018.

¹⁹⁶ Голофаст 2001, 111–112, 115, 118, рис. 39. 2, 3; 42. 3, 5; 56. 14–16; 68. 5–9; 2007, 115, рис. 42, 43; Голофаст, Рыжов 2011, 375, 379, рис. 11. 2, 3; 15. 4; 2013, 56, 64, 88, рис. 10. 8–10; 16. 2, 3; 43. 1–21.

¹⁹⁷ Голофаст 2001, 116–119, рис. 60. 11–14; 66. 15; 72. 5–6; 77. 17, 19–21; Голофаст, Рыжов 2011, 384, рис. 19. 21–27; 2013, 75–76, 88, рис. 29. 1–4.

¹⁹⁸ Подробнее см. Голофаст, Рыжов 2018; Голофаст, Клемешова 2023, 54.

¹⁹⁹ Домжалский, Журавлев 2013, 139; 2022, 40; Fedoseev, Domzalski, Opait, Kulikov 2010, 70; Domzalski 2021, 163.

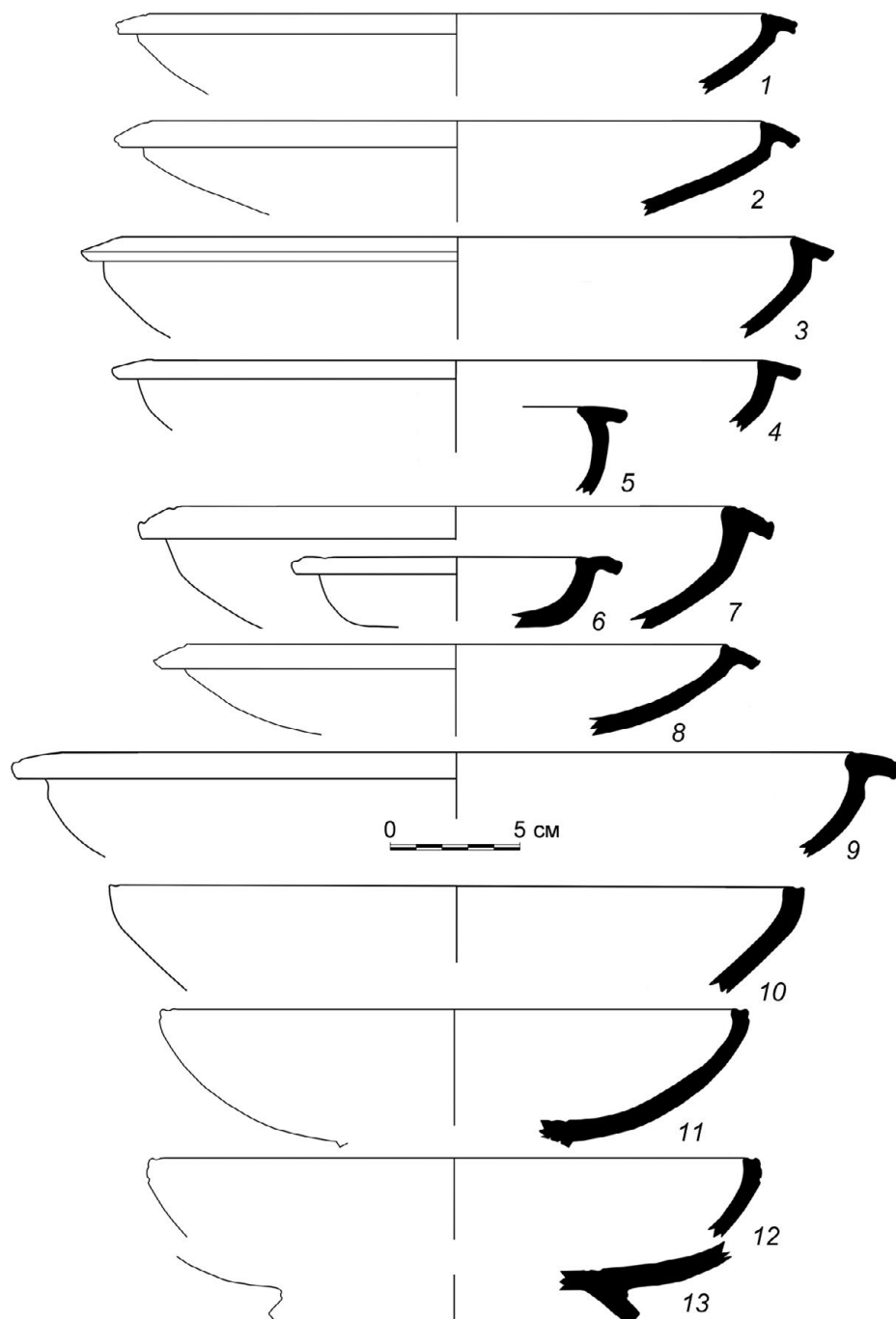

Рис. 11. Позднеримская понтийская лощеная керамика

анализа (РФА)²⁰⁰, то тезис о происхождении керамики группы LRPBW от PRSW все же принят быть не может, поскольку самые ранние сосуды этой группы, скорее всего, были сероглиняные (все сосуды этой группы, выявленные в самом раннем содержащем такие сосуды комплексе, были исключительно сероглиняными).²⁰¹ Кроме того, технологически изготовление краснолаковой и лощеной посуды – это два различных технологических приема²⁰², к тому же отличающиеся температурой обжига: до 1000°C в случае с краснолаковой посудой и около 850°C при обжиге лощеной. Эволюционно сменять друг друга сами по себе такие явления не могут.²⁰³

²⁰⁰ Голофаст, Клемешова 2023, 56.

²⁰¹ Голофаст, Рыжов 2018; Голофаст, Клемешова 2023, 53, рис. 1. 2а, 3; 2.

²⁰² Лощение, т. е. натирание поверхности сосуда до обжига гладким твердым инструментом и покрытие поверхности сосуда перед обжигом специальным составом, содержащим красящий пигмент (Цетлин 2017, 39–40, 113–114).

²⁰³ Голофаст, Клемешова 2023, 59.

Кувшины.

Типология и хронология кувшинов ранневизантийского времени до сих пор не разработана, поскольку в комплексах они, как правило, представлены немногочисленными фрагментами, по которым невозможно восстановить целую форму сосудов, представленных, к тому же, единичными экземплярами. В рассматриваемом комплексе также выявлено лишь несколько фрагментов, аналогий которым найти не удалось, поэтому мы вынуждены ограничиться простым описанием каждого.

Кувшин с подтреугольным в сечении венчиком с плоской верхней поверхностью, под которым прикреплена ручка (сохранилось основание) (рис. 12. 1). Глина красновато-желтая (7.5YR 7/6), плотная, хорошо отмученная, с единичными мелкими светлыми включениями. Фрагмент горла кувшина схожей формы, но из серой глины с песком и слюдой происходят из комплекса третьей четверти 5 – первой половины 6 в. в Новах.²⁰⁴

Кувшин с цилиндрическим горлом с двухчастным венчиком (рис. 12. 2) из неравномерно обожженной (в сердцевине – стального серого цвета, а у самой поверхности – тонкий слой красной), плотной, хорошо отмученной глины с мелкими светлыми, темными включениями и мелкими частицами слюды. Поверхность – светло-коричневая (7.5YR 6/3).

Ойнохои представлены фрагментом горла из красновато-желтой (5YR 6/8), плотной, хорошо отмученной глины с мелкими светлыми включениями (рис. 12. 3).

Кувшин с округлым туловом, через перехват переходящим к слегка раздутому широкому горлу.²⁰⁵ В верхней части тулова два глубоких треугольных в сечении желобка. Овально-уплощенная ручка нижним прилепом прикреплена к самой широкой части тулова. Дно плоское на низком кольцевом поддоне (рис. 12. 5). Глина красновато-желтая (7.5YR 7/6), с редкими мелкими темными включениями и мельчайшими частицами слюды. На поверхности – нечто похожее на бежевый ангоб, но неравномерно наложенный. На ручке кистью наложен бледно-коричневый ангоб, которым также проведена широкая горизонтальная полоса у нижнего прилепа ручки.

Различным закрытым красноглиняным сосудам принадлежат 20 фрагментов уплощенных ручек с легкой профилировкой на внешней поверхности, 5 фрагментов овальных в сечении ручек, 3 фрагмента доньев на кольцевом поддоне и 9 фрагментов плоских доньев.

Уплощенную ручку с тремя проведенными пальцами широкими вогнутостями на внешней поверхности с небольшим трапециевидным в плане и треугольным в сечении ребром на сгибе, аналогичную найденной в засыпи цистерны (рис. 12. 4), имели кувшины с расширяющимся книзу, как правило, ребристым горлом из бежевой, хорошо отмученной глины с железистыми минералами, светлыми включениями и редкими мелкими частицами слюды. Рассматриваемый фрагмент выполнен из визуально схожей глины, что говорит в пользу предложенной идентификации ручки. 5 фрагментов горл и 6 ручек таких кувшинов обнаружено в заполнении цистерны 4, открытой во дворе поздней усадьбы 2 в квартале X-Б Северного района Херсонеса.²⁰⁶

Сероглиняная кружка с биконическим туловом, высокой почти цилиндрической верхней частью и неправильного сечения ручкой, прикрепленной к нижней части горла и чуть выше самой широкой части тулова (рис. 13. 3), схожа с сосудами из Хальмириса, которые считаются продукцией западно-понтийских мастерских и датируются первой половиной 6 в.²⁰⁷

²⁰⁴ Klenina 1999, 89, fig. 2. 8.

²⁰⁵ Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 9/37321.

²⁰⁶ Голофаст, Рыжов 2013, 91, рис. 47. 1–5.

²⁰⁷ Topoleanu 2000, 94, tab. XXIV. 21.

Рис. 12. Кувшины

Небольшой кувшинчик или горшочек с яйцевидным туловом, отогнутым выпукло-вогнутым венчиком, уплощенной ручкой, прикрепленной верхним прилепом к внешней стороне венчика, а нижним – к средней части тулова, и слегка вогнутым дном (рис. 13. 2).²⁰⁸ На верхней части тулова и на горле – легкое рифление. Глина пережжена до черного, с многочисленными мелкими светлыми включениями. Обе поверхности – черные. На нижней поверхности дна – следы снятия нитью с гончарного круга. Найден еще один фрагмент аналогичного горшка с прикрепленной к наружному краю венчика уплощенной ручкой, сделанного из визуалью схожей глины (рис. 13. 1). Сохранность обоих фрагментов не позволяет определить, были ли эти сосуды одно- или двуручными.

²⁰⁸ Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 8/37521.

Рис. 13. 1–3 – сероглиняные сосуды;
4, 5 – светильники

Кухонная посуда.

Представлена исключительно горшками, среди которых выделяются несколько типов.

1. Горшки с округлым туловом и довольно массивным, подпрямоугольным в сечении венчиком с подрезкой у основания (рис. 14. 1–2). Глина обоих выявленных в комплексе горшков этого типа практически черная (темная красновато-коричневая), рыхлая, с мельчайшими светлыми включениями. Обе поверхности – черные. Появляются такие горшки, по-видимому, в первой половине 6 в. Во всяком случае, один фрагмент такого горшка был найден в Фанагории в слое пожара середины 6 в. Точные аналогии происходят из заполнения цистерны 4 в квартале X-Б в Северном районе Херсонеса, засыпанной не ранее последних десятилетий 6 в.²⁰⁹, а также в засыпи колодца в квартале XCVII Северо-восточного района города, засыпанного около середины 6 в.²¹⁰ Возможно, к этому же типу относится горшок со схожей формой верхней части тулова и похожим венчиком, правда округлых очертаний, найденный в комплексе, открытом в юго-восточном районе портового квартала под позднесредневековыми помещениями 48, 54А, 53а и представляющем собой развал керамики, дату которого определяет монета Константа II (641–668).²¹¹

2. Горшки с округлым туловом, довольно массивным треугольным в сечении слегка отогнутым венчиком с подрезкой под ним (рис. 14. 3) представлены одним фрагментом из светло-красной (2.5YR 6/8), плотной, хорошо отмученной глины с мелкими темными включениями и единичными частицами слюды. Внешняя

²⁰⁹ Голофаст, Рыжов 2013, 92, 95, рис. 49. 8, 9.

²¹⁰ Ушаков и др. 2015, 112, рис. 20. 1.

²¹¹ Романчук 1973, 246, 247, табл. б; 1975, 8–9, рис. 4 в, г.

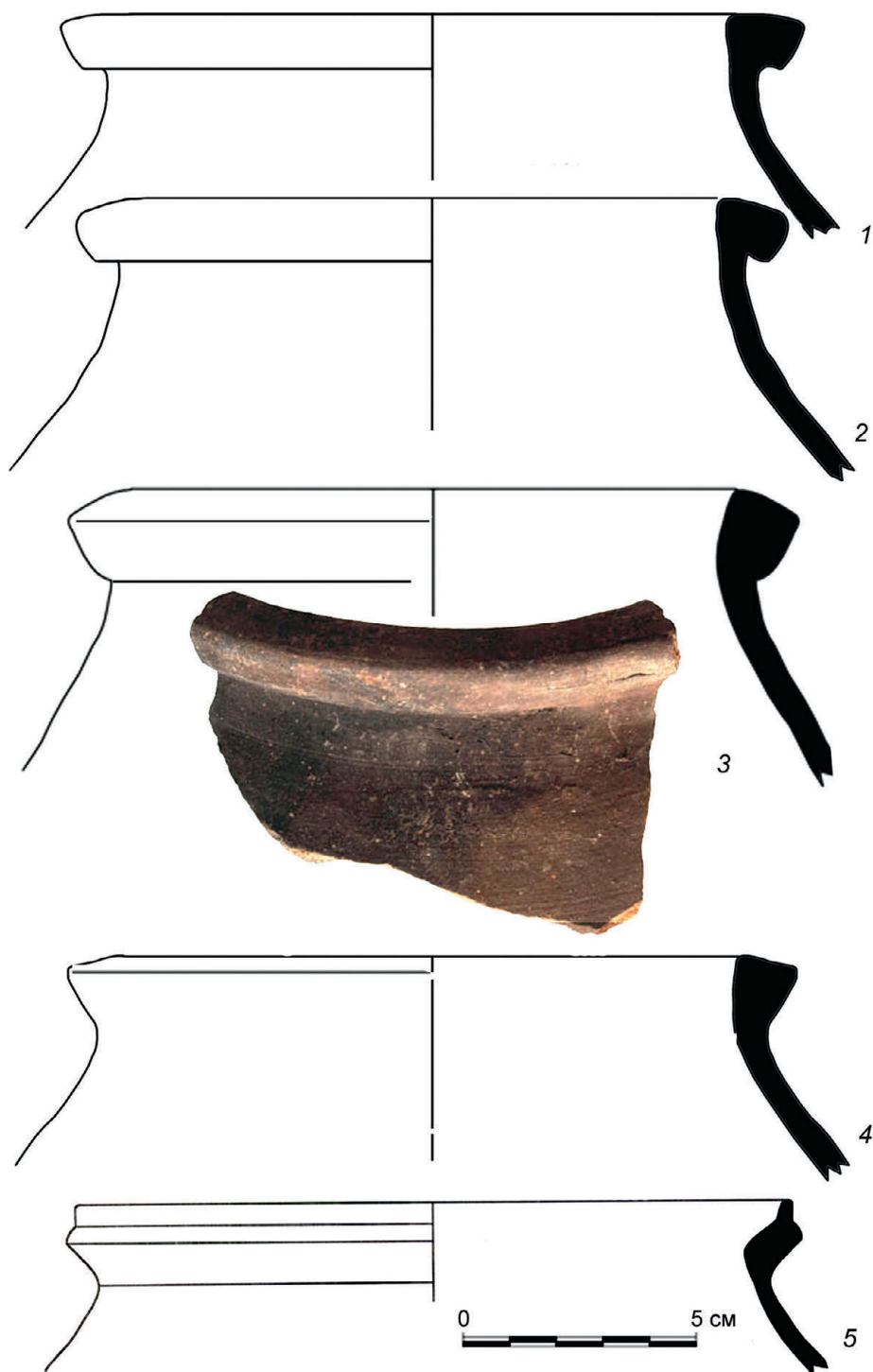

Рис. 14. Кухонные горшки

поверхность коричневая (7.5YR 4/2). Точные аналогии происходят из заполнения цистерны 1, открытой под помещением 3 в квартале X-Б Северного района Херсонеса и засыпанной в рамках 7 в.²¹²; в заполнении цистерны 4 в квартале X-Б в Северном районе Херсонеса, засыпанной не ранее последних десятилетий 6 в.²¹³ Горшок из цистерны 1 имеет уплощенно-овальную в сечении ручку, прикрепленную к внешней стороне венчика.

²¹² Голофаст, Рыжов 2013, 79, 82, рис. 31. 5.

²¹³ Там же, 92, 95, рис. 49. 6.

3. Горшок с округлым туловом и треугольным в сечении довольно массивным слегка отогнутым венчиком с четкими гранями (рис. 14. 4). Глина рыхлая, с мелкими темными и светлыми включениями и многочисленными мелкими частицами слюды, неравномерно обожженная (в сердцевине – почти черная, у поверхности – темно-коричневая). Внутренняя поверхность розовато-бежевая, внешняя – со следами копоти. Точные аналогии происходят из заполнения цистерны 4 в квартале X-Б в Северном районе Херсонеса, засыпанной не ранее последних десятилетий 6 в.²¹⁴ На фрагменте из цистерны 4 сохранилась часть уплощенно-овальной в сечении ручки с несколькими желобками на внешней поверхности, прикрепленной к внешней стороне венчика и верхней части тулова.

4. Горшок со сферическим туловом, отогнутым наружу небольшим прямоугольным в сечении венчиком с вертикальным выступом на стыке его внутренней и верхней сторон (рис. 14. 5). Глина темно-серая (5Y 4/1), с мельчайшими светлыми включениями. Близкие аналогии происходят из раскопок в Хальмирисе, где они датируются второй половиной 5 – первой половиной 7 в. Предполагается их производство в западно-понтийских провинциальных мастерских.²¹⁵

5. Самую многочисленную группу (найден 8 фрагментов венчиков) в комплексе кухонной керамики составляют горшки с округлым туловом, резко отогнутым расширяющимся кверху венчиком с желобком на верхней поверхности – закраиной для крышки (рис. 15. 1–5). На четырех фрагментах сохранились части ручки: одной крученой с пальцевым вдавлением у верхнего прилепа (рис. 15. 3) и двух круглых в сечении также с пальцевым вдавлением у верхнего прилепа (рис. 15. 2). Все прикреплены к внешней стороне венчика с переходом на верхнюю часть тулова.

Горшки с аналогичным венчиком хорошо известны по раскопкам в Западном Причерноморье. В Ятруссе они происходят из слоев конца 5 в. – 580-х гг. (период D).²¹⁶ Аналогичные горшки найдены в Новах, правда, там они не имеют ручек.²¹⁷ Г. Кузманов выделил похожие горшки в вариант 3 типа I и датирует их 6 в.²¹⁸ В Истрии аналогичные горшки происходят из контекста второй половины 5 в.²¹⁹ В Хальмирисе похожие сосуды с ручками разного сечения с профилировкой на внешней поверхности датируются концом 5 – началом 7 в. (тип Опайт VIII-2).²²⁰ Большое количество горшков этого типа, найденных на различных памятниках Западного Причерноморья, свидетельствует об их производстве в местных мастерских со второй половины 5 до первой половины 7 в. н. э.²²¹

Довольно большое количество горшков с аналогично оформленной верхней частью тулова найдено при раскопках в Константинополе в комплексах ранне-византийского времени (deposits 13, 14, 21, 25, 26, 30, соответственно второй четверти 5 в., 526–527 гг., 550–580 гг., конца 6 в. и 7 в.).²²²

В Боспоре подобный горшок найден в комплексе второй половины 6 в.²²³ В Херсонесе они выявлены в заполнении цистерны в ХСVII квартале, засыпанной в рамках середины 5 – середины/начала второй половины 6 в.²²⁴; в комплексе первой половины 7 в.²²⁵, в уже упомянутом слое разрушения, открытом в портовом квартале с монетой Константа II (641–668)²²⁶; а также в слое разрушения первой четверти 7 в. в Портовом квартале 2.²²⁷

К вариантам горшков типа 5 можно отнести горшки с округлым туловом, вертикальным треугольным в сечении венчиком (рис. 15. 7) с желобком на верхней поверхности и уплощенной ручкой с продольным валиком на внешней поверхности, прикрепленной верхним прилепом к внешней поверхности венчика, а также горшок с округлым туловом, резко отогнутым венчиком с плоской верхней поверхностью и легкой вогнутостью на внутренней (рис. 15. 6).

²¹⁴ Голофаст, Рыжов 2013, 92, 95, рис. 49. 3.

²¹⁵ Topoleanu 2000, 114–115, 265, pl. XXXII. 274–275.

²¹⁶ Böttger 1982, 144, Taf. 48. 599.

²¹⁷ Klenina 1999, 89, fig. 4. 1, 2.

²¹⁸ Кузманов 1985, 49–50, табл. 29. Г 20–23, 28.

²¹⁹ Văjjenaru 2014, pl. 2. 5, 6.

²²⁰ Опайт 2004, 47; Topoleanu 2000, 114–115, 265, pl. XXXII. 276–287.

²²¹ Topoleanu 2000, 114–115, 265, tab. XXXII.

²²² Hayes 1992, 94–95, 97, 99–105, fig. 32. 3; 33. 27–34; 35. 12, 13; 36. 4; 37. 9, 13; 45. 130, 131.

²²³ Смокотина 2008, 115, рис. 12. 3.

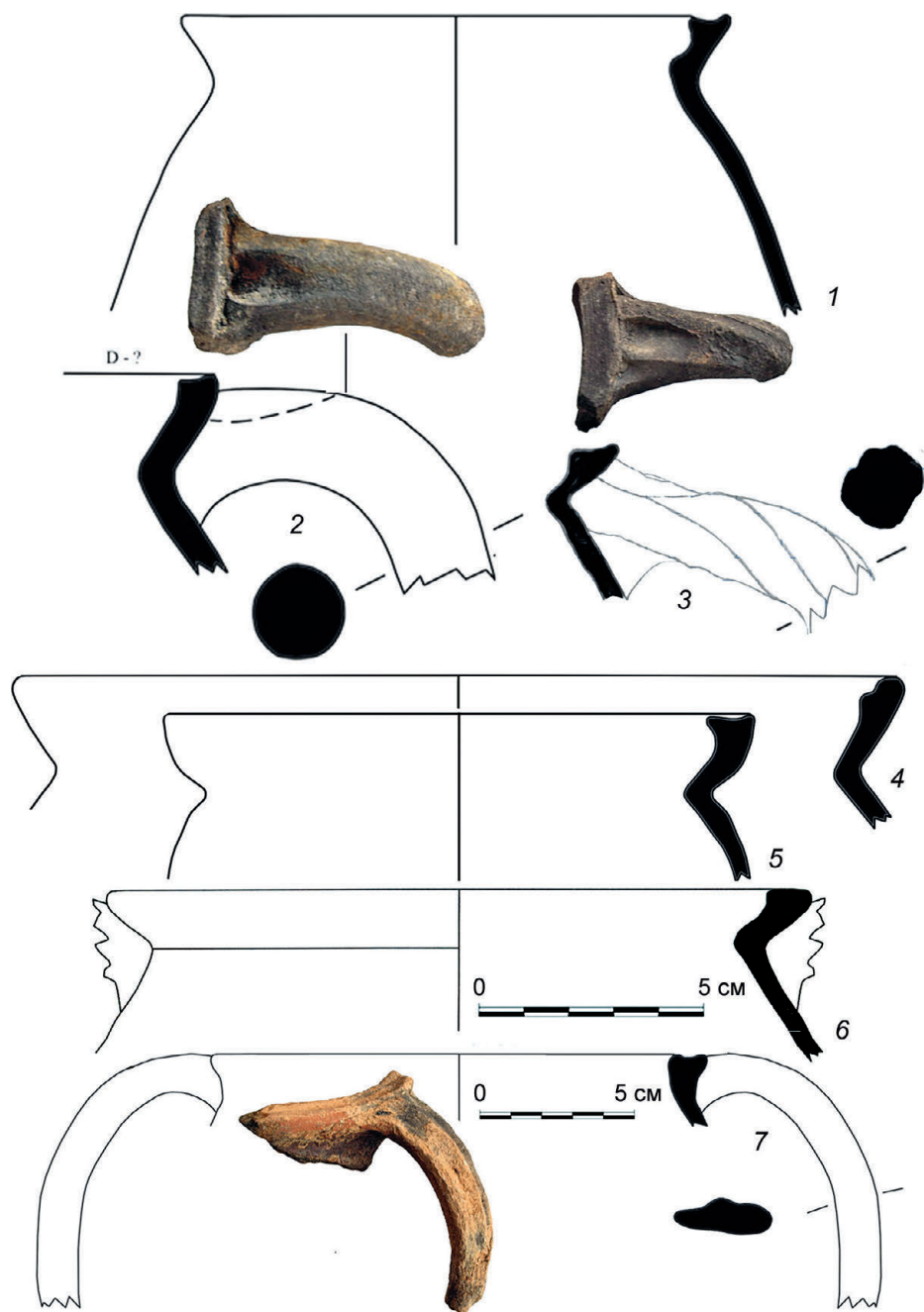
²²⁴ Ушаков, Дюженко, Струкова 2015, 112, рис. 21. 26.

²²⁵ Голофаст, Рыжов 2013, 79, 92, рис. 31. 5; 48. 1, 4, 6–8, 12, 13, 15–26.

²²⁶ Романчук 1973, 246, 247, табл. 3. 5; 1975, рис. 46.

²²⁷ Романчук, Белова 1987, рис. 3. 6, 7.

Рис. 15. Кухонные горшки

Горшки с массивным треугольным венчиком с желобком были широко распространены по нижнему течению Дуная. В Нижней Мезии и Фракии датировка этого типа установлена благодаря находкам в закрытых комплексах второй половины 4 – начала 7 в. (тип II по Кузманову²²⁸).

Горшки с крученой или рубчатой ручкой, аналогичные второму варианту, выявлены в уже упомянутом слое разрушения в портовом квартале с монетой Константа II (641–668).²²⁹ В Хальмирисе подобные горшки происходят из слоев 4–6 вв.²³⁰

Различным кухонным сосудам принадлежат 15 фрагментов плоских доньев и 14 фрагментов ручек различного стечения, в том числе 1 – крученой, 10 круглых в сечении, 2 уплощенных и 1 рубчатой.

²²⁸ Кузманов 1985, 50–51, 103, табл. 30. ГЗЗ–41; 1993, 40, обр. 7д.

²²⁹ Романчук 1973, 246, 247, Табл. 4.

²³⁰ Topoleanu 2000, 112, tab. XXXI. 270.

Светильники.

На полу цистерны найден открытый светильник с биконическим туловом и плоским дном на слабо выраженном поддоне (рис. 13. 4).²³¹ Дно заглажено, но на его нижней поверхности все же заметны следы снятия нитью с гончарного круга. Ручка в виде отростка. Рожок слегка задран вверх, со следами копоты. Верхняя часть светильника сбита. Глина бежевая, плотная, хорошо отмученная, с мелкими светлыми включениями. Имеются определенные трудности с датировкой, поскольку светильники подобной формы использовались и в античное время, и позднее.²³² В Херсонесе они выявлены в колодце в квартале IX-A Северного района города, засыпанном в 6 в.²³³, в цистерне 4 в квартале X-B с заполнением последних десятилетий 6 в.²³⁴, а также в соседней цистерне 2, также засыпанной, скорее всего, ближе к концу 6 в. Находки аналогичных светильников в позднеантичных комплексах известны по раскопкам в Греции (Афины, Эгина, Коринф), Константинополе, Варне, Киликии, на Кипре и Фасосе. В позднеантичных слоях встречаются и поливные светильники этого типа.²³⁵

Светильнику, скорее всего, принадлежала высокая цилиндрическая, слегка суживающаяся кверху ножка с как бы расплюснутым основанием на плоской подошве с глубоким коническим углублением (рис. 13. 5), найденная на полу цистерны. Сохранились верхний и нижний прилепы уплощенной ручки: первый – сразу под емкостью светильника, второй – на некотором расстоянии от основания. На ножке между прилепами ручки – легкое рифление. Емкость светильника сферическая в сечении. Глина неравномерно обожженная: серая в сердцевине и бежевая у поверхности, плотная, хорошо отмученная, с мельчайшими темными включениями. На ножке сохранились следы копоты. Такая же ножка была найдена в заполнении цистерны с засыпью последних десятилетий 6 в., открытой в квартале X-B Северного района Херсонеса. Однако последний выполнен из грубой, коричневатой, неочищенной глины с примесью большого количества песка, мелкой гальки и т. д.²³⁶

СТЕКЛО

Стекло из засыпи цистерны представлено фрагментами типичных для ранневизантийских комплексов сосудов. Практически все сделаны из зеленоватого стекла со светлыми круглыми пузырьками. На поверхности – радужно-серебристый слой или легко отслаивающаяся белесая пленка продуктов выветривания.

Доминируют подставки рюмок с двойными стенками (15 экз.) (рис. 16. 10–13, 16–20). На подошве всех подножек имеется след от понтии в виде налета или скола. Диаметр подножек колеблется в пределах 3,2–4,6 см. Ножки подставок эллиптические или цилиндрические.

Выделяется тонкостенная подставка с двойными стенками, у которой вершина подножки не впихнута в ножку, а просто оставлена заподлицо с нижней поверхностью подножки (рис. 16. 20). Ножка, соответственно, полая, с одинарными стенками, цилиндрическая. Стенки тулова рюмки расширяются кверху сначала в виде конуса, а затем резко, почти горизонтально расходятся. Дно отделено от полой ножки округлым налетом.

Кроме того, в цистерне представлена подставка редко встречающейся в Херсонесе формы, отличающейся 4-мя вертикальными глубокими желобками на ножке (рис. 16. 11).

²³¹ Фонды ГИАМЗ ХТ, инв. № ИКАМ 11/37521.

²³² Abadie-Reynal, Sodini 1992, 84.

²³³ Андреева, Рыжов 2022, 62, рис. 7. 4.

²³⁴ Голофаст, Рыжов, 2000, 82; 2013, 89, рис. 45. 2.

²³⁵ Abadie-Reynal, Sodini 1992, 84–85, fig. 35. L88, L91, L 92.

²³⁶ Голофаст, Рыжов 2013, 93, рис. 44. 8.

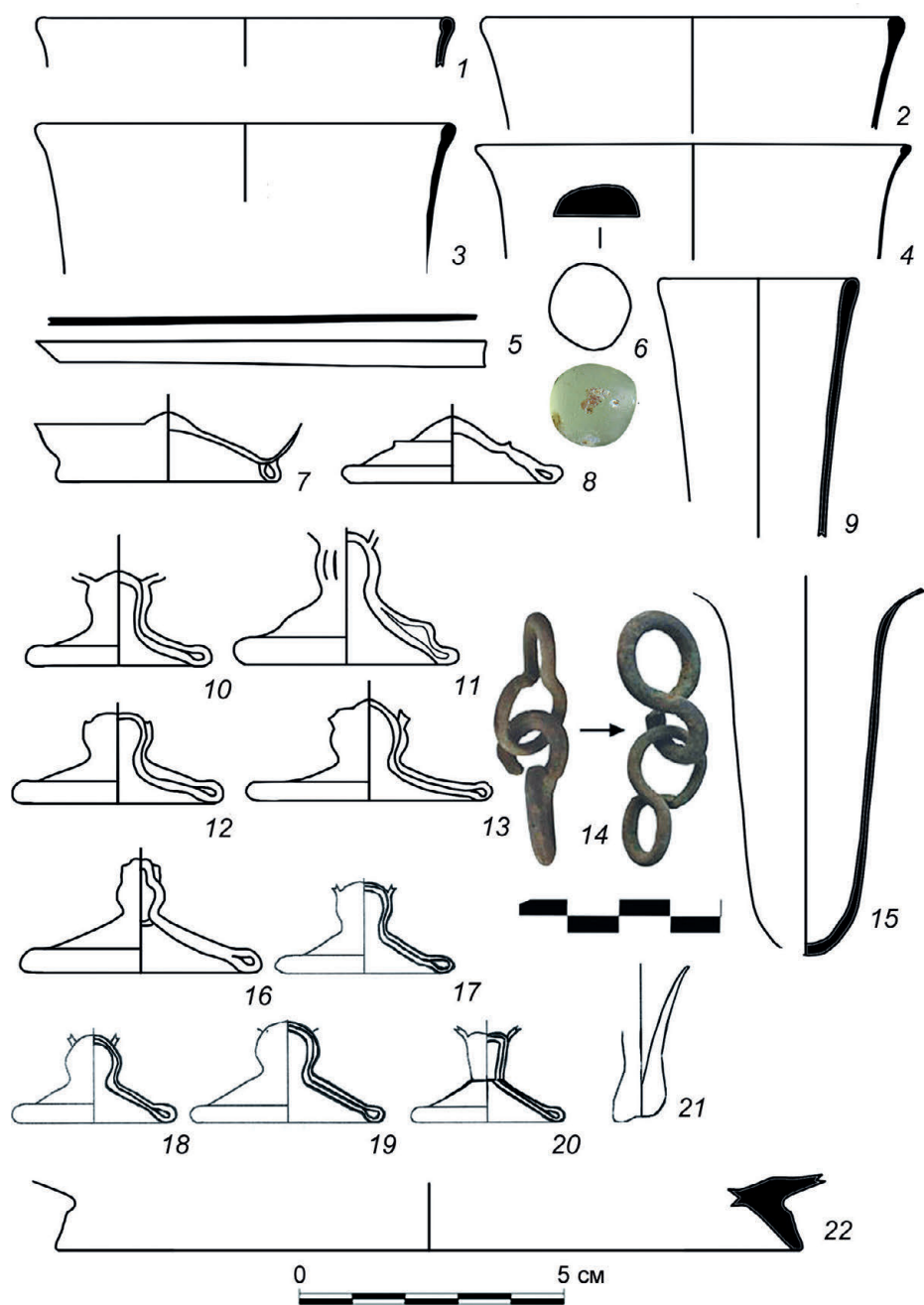

Рис. 16. 1–13, 15–22 – стеклянные изделия; 14 – цепочка для подвешивания лампад

Рюмки с подставками с двойными стенками, появившись в большинстве районов Средиземноморья только во второй половине 5 в., а скорее, в самом его конце, во второй половине 6 в. становятся преобладающим типом и продолжают доминировать на протяжении всего 7 в. Бытовали они до 8 в. в Иордании, Италии, Западном Средиземноморье и на Северном Кавказе. В Ятруссе известны их находки в слоях 9 в. До 9 в. включительно они бытовали и в Юго-западном Крыму.²³⁷

Кроме того, в засыпи цистерны была найдена узкая полая ножка лампы (рис. 16. 15). Лампады этого типа имели широкое цилиндрическое или полусферическое тулово с выпуклым обработанным краем. Появляются они, скорее всего, в самом конце 5 в. и в ранневизантийское время, несомненно, принадлежали

²³⁷ Голофаст 2001, 154–158.

к числу самых распространенных во всех районах византийского мира типом осветительных приборов.²³⁸

Одним фрагментом представлены в засыпи цистерны конические лампы с каплевидной ножкой со сколом от понтии на подошве (рис. 16. 21). В Херсонесе самые ранние экземпляры лампад этого типа происходят из комплексов второй/третьей четверти 6 в.²³⁹ Выявлены такие лампы и в более поздних херсонесских комплексах, до 13 в. включительно.²⁴⁰

Рюмкам или лампадам принадлежали 4 утолщающихся венчика с оплавленным краем и слабо выраженным желобком на внутренней стороне (рис. 16. 1–4).

Кувшины или флаконы (?) представлены фрагментом слегка расширяющегося кверху горла с выпуклым оплавленным краем (рис. 16. 9) и фрагментом сосуда с плоским дном на высоком расходящемся книзу сплошном поддоне (рис. 16. 22). Первые представлены в боспорском некрополе в погребениях второй половины 6 – начала 7 в. (вид I-5 по Засецкой²⁴¹).

Два фрагмента принадлежали сосудам с расходящимися кверху стенками вогнутым коническим в сечении дном и полым кольцевым поддоном, один из которых как бы расплюснут (рис. 16. 7–8). На нижней поверхности дна обоих фрагментов – скол от понтии. Диаметр одного поддона около 4,0 см, другого – 4,1 при диаметре дна – 2,45 см.

К числу редких находок относится литик, почти круглый в плане и плоско-выпуклый в сечении (рис. 16. 6). Стекло с зеленоватым оттенком, с немногочисленными круглыми светлыми пузырьками. Диаметр – 1,5/1,6 см, высота – 0,6 см.

Кроме того, в цистерне были найдены фрагменты оконных прямоугольных стекол (всего 39 фрагментов, в том числе 16 фрагментов краев) с выпуклым утолщенным (6), косо срезанным (5) или валикообразным (1) краем из полупрозрачного стекла с зеленоватым оттенком и многочисленными мелкими круглыми и сильно вытянутыми вдоль края эллиптическими светлыми пузырьками (рис. 17). Толщина стекол колеблется от 0,15 до 0,5 см (наибольшее количество принадлежит стеклам толщиной 0,1–0,3 см), толщина края – от 0,19 до 0,4 см. Надо отметить, что ранневизантийские комплексы Херсонеса, как правило содержат большое количество фрагментов оконного стекла.²⁴²

Заключение.

Изучение материала из заполнения многочисленных цистерн и колодцев ранневизантийского Херсонеса показало, что особой логики или системы, которой бы следовали те, кто занимался их засыпкой, нет.²⁴³ Об этом свидетельствует разное процентное соотношение разных групп керамики, в том числе хронологических, даже в рядом расположенных комплексах: в одних содержится значительное количество материала, который явно бытовал в более раннее время, т. е. хронологически не соответствует времени засыпки цистерны, в других – такого материала меньше. Поэтому уверенно определить, какая часть материала выпала из употребления непосредственно перед тем, как попасть в засыпку, чрезвычайно трудно, если вообще возможно. Тем не менее, полная публикация таких комплексов необходима, поскольку самый поздний материал из их заполнения дает возможность определить с большей или меньшей точностью время засыпки и таким образом восстановить историю застройки городской территории, что, в свою очередь, дает возможность проследить

²³⁸ Голофаст 2001, 138; 2022, 276–279.

²³⁹ Голофаст 2001, 137, рис. 25.,16; 36. 2; 48. 9; 70. 12; 76. 11; 83. 9–12.

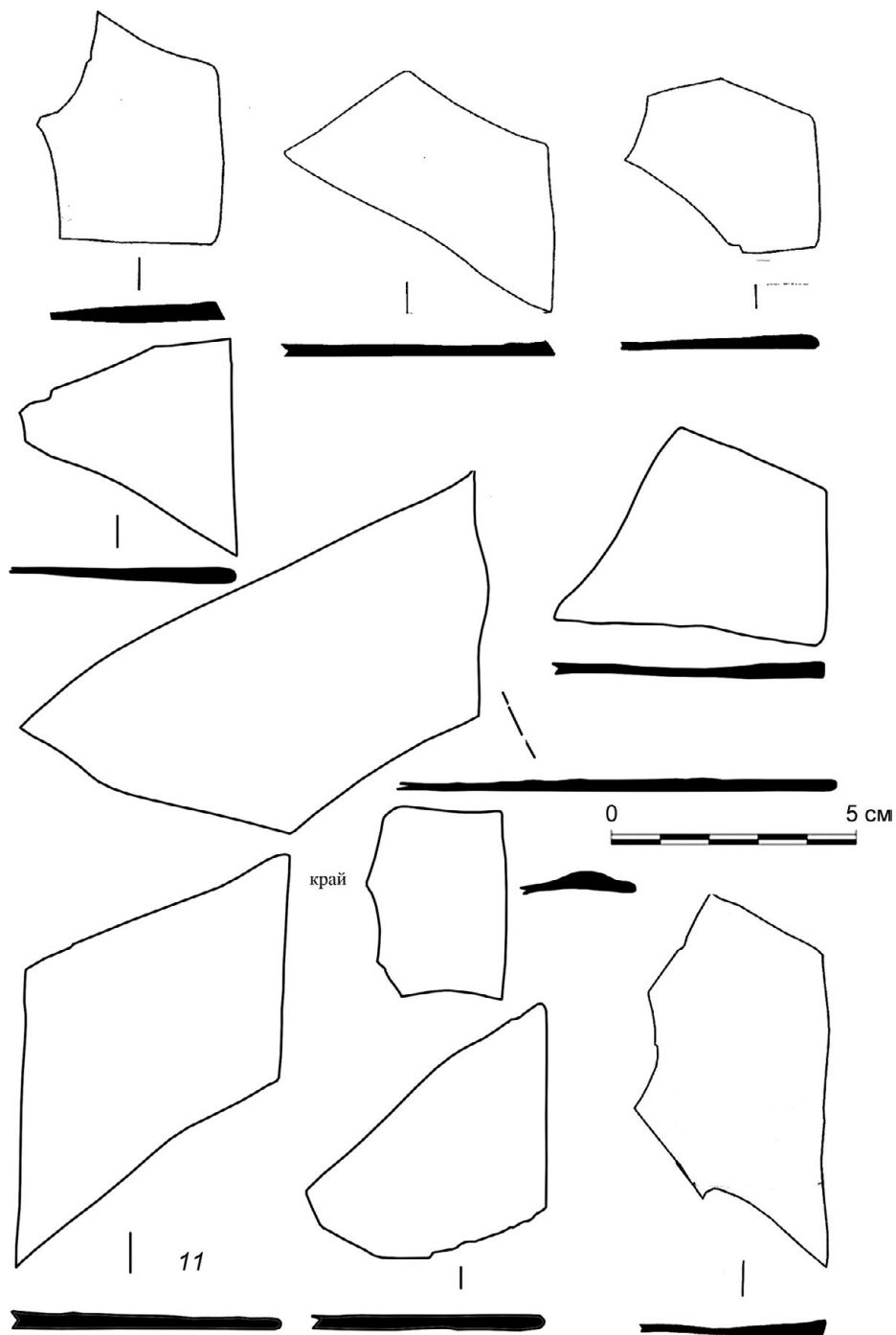
²⁴⁰ Голофаст 2022, 273–274, рис. 4. 1–10.

²⁴¹ Засецкая 2005, 100, рис. 1. 9–10; 4. 19–20.

²⁴² Голофаст, Рыжов 2013, рис. 53.

²⁴³ Голофаст 2001; 2007; Голофаст, Рыжов 2011; 2013.

Рис. 17. Оконное стекло

изменения структуры городской экономики (например, требует объяснения засыпка подавляющего большинства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе во второй половине 6 в.).

Кроме того, изучение массового археологического материала позволяет выявить соотношение разных групп керамики, привезенных из разных регионов в разные хронологические периоды и, таким образом, реконструировать основные направления торговых связей и их изменения, а также определить время появления некоторых типов.

Необходимость полной публикации открываемых комплексов диктуется еще и существующими между исследователями разногласиями относительно дат целого ряда ключевых форм красного лака, корректировка которых предоставит возможность в будущем скорректировать ранее полученные выводы.

Хронологический диапазон материала из публикуемого комплекса довольно широк и охватывает большой отрезок времени, начиная с эллинистического периода до 7 в. включительно, при доминировании ранневизантийского материала. Среди амфор превалирует продукция причерноморского производства (амфоры типа *Opaiḡ B-Id*), доля которых (30,1%) превышает долю вторых по численности амфор типа LR1 (14%) более, чем в два раза. В комплексе красного лака безраздельно господствует посуда группы «Фокейская краснолаковая», остальные группы представлены единичными фрагментами.

Судя по самой поздней керамике в заполнении цистерны, засыпка ее была произведена в рамках 7 в. Присутствие в комплексе фрагментов шаровидных амфор подтверждает предположение об их появлении в Крыму в этом столетии. Несомненный интерес представляют и фрагменты горшков с пальцевым вдавлением у верхнего прилепа ручек, характерным для керамики 8–10 вв.

Выделяются две уникальные амфоры, аналогии которым удалось найти только на Афинской агоре, где подобная амфора была найдена в комплексе 7 в.

Представленный материал демонстрирует вовлеченность Херсонеса в систему средиземноморско-причерноморской торговли, включающей различные центры как Средиземноморья вплоть до Палестины, так и Причерноморья, преимущественно его южное и юго-восточное побережье.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И. 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.
- Айбабин А. И. 2000. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ XII, 168–185.
- Андреева О. А., Рыжов С. Г. 2022. Археологический материал из засыпи колодца в IX-A квартале Херсонеса (раскопки 2015 года) // Херсонесский сборник XXIII, 60–86.
- Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. 1971. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ 7, 81–101.
- Баранов И. А., Майко В. В. 1995. Пастирско-пенковската култура и проблемът за разселването на прабългарските племена от Средното Поднепровие и Таврика // Българите в Северното Причерноморие IV. Велко Търново, 71–88.
- Баранов И. А., Майко В. В., Джанов А. В. 1997. Раскопки средневековой Сугдеи // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 38–45.
- Белов Г. Д. 1938. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935–36 гг. Симферополь.
- Блаватский В. Д. 1951. Харакс // В. Д. Блаватский, Б. Н. Граков (ред.), Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху (МИА 19). Москва–Ленинград, 250–291.
- Внуков С. Ю. 2003. Причерноморские амфоры 1 в. до н. э. – 2 в. н. э. (морфология). Москва.
- Внуков С. Ю. 2012. Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время // РА 4, 5–15.
- Гайдукевич В. Ф. 1952. Раскопки Тиритаки в 1935–40 гг. // В. Ф. Гайдукевич, М. И. Максимова (ред.), Боспорские города. I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. (МИА 25). Москва–Ленинград, 15–134.
- Голофаст Л. А. 2001. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ VIII, 96–260.
- Голофаст Л. А. 2007. Западный район Херсонеса в ранневизантийское время // МАИЭТ XIII, 68–128.

- Голофаст Л. А. 2016. Кухонная посуда западнобалканского производства в Северном Причерноморье // МАИЭТ XXI, 120–134.
- Голофаст Л. А. 2020. Керамика Иерихона позднеантичного и средневекового периодов (V–XV вв.). Справочник-определитель. Москва.
- Голофаст Л. А. 2022. Стекланные лампы из раскопок средневековых слоев Херсонеса // МАИЭТ XXVII, 263–309.
- Голофаст Л. А., Евдокимов П. А. 2019. К вопросу о времени бытования амфор с мелким зональным рифлением (по материалам раскопок в Фанагории) // МАИЭТ XXIV, 186–216.
- Голофаст Л. А., Клемешова М. Е. 2023. Новые находки сероглиняных изделий группы «Позднеримская понтийская лощеная» из Фанагории и Херсонеса и некоторые сведения о ее происхождении // А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова (ред.), *Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций. Сборник статей в честь 70-летия Михаила Казанского*. Симферополь, 52–63.
- Голофаст Л. А., Ольховский С. В. 2016. Комплекс керамики из подводного фундамента в акватории Фанагории // А. А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 2 (Фанагория 4)*. Москва, 46–82.
- Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. 2011. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // МАИЭТ XVII, 363–411.
- Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. 2013. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, X-A и X-B) // МАИЭТ XVIII, 49–161.
- Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. 2018. К вопросу о происхождении посуды группы «Понтийской позднеримской лощеной» // ПИФК 3, 47–59.
- Домжальский К., Журавлев Д. В. 2013. Фрагменты понтийской позднеримской лощеной керамики с христианской символикой из Херсонеса // РА 2, 137–143.
- Домжальский К., Журавлев Д. В. 2022. Сосуды Позднеримской понтийской лощеной керамики с врезным орнаментом с Боспора и из Херсонеса // ДБ 27, 29–47.
- Домжальский К., Смокотина А. В. 2020. Позднеримская и ранневизантийская краснолаковая керамика Тиритаки // МАИЭТ XXV, 188–223.
- Засецкая И. П. 2005. Хронология стекланных колбообразных сосудов из боспорского некрополя позднеантичного и раннесредневекового периодов // БИ X, 90–131.
- Зеест И. Б. 1960. Керамическая тара Боспора (МИА 83). Москва.
- Кленина Е. Ю. 2013. Некоторые аспекты экономической жизни в Новах (Мезия II) (V–VI века) // Biernacki A. B., Klenina E. Ju., Genčeva E. *The Bishoprick of Novar (Moesia Secunda), 4th–6th Cent. History, Architecture, Daily Life. Vol. II. Daily Life. Poznań*, 75–116.
- Кузманов Г. 1985. Ранневизантийская керамика от Тракия и Дакия (IV – начало на VII вв.) (Разкопки и проучвания XIII). София.
- Кузманов Г. 1993. Ранневизантийская керамика от Никополис ад Нестум // Археология 4, 36–45.
- Морозова Я. И., Ваксман С. И., Зеленко С. М., Чолак М. 2015. Изучение подводного археологического наследия Крыма. Ранневизантийские амфоры с кораблекрушения у мыса Плака. Археологические и археометрические исследования // Древняя и средневековая Таврика (Археологический альманах 33). Київ, 157–178.
- Науменко В. Е. 2009. Амфоры. Кувшины с широкими плоскими ручками // Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. *Тиритака. Раскоп XXVI. Том 1. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь–Керчь*, 35–57.
- Науменко В. Е. 2022. Два примера реконструкции Главной линии обороны Мангупской крепости в фемный период истории // АДСВ 50, 165–184.
- ОАК за 1889 год (1892). Санкт-Петербург.
- Паршина Е. А., Тесленко И. Б., Зеленко С. М. 2001. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї*. Київ, 52–81.
- Приходнюк О. М. 2005. Пастирське городище. Київ–Чернівці.

- Романчук А. И. 1973. Комплекс VII в. из Портового района Херсонеса // АДСВ 10, 246–250.
- Романчук А. И. 1975. Слои VII–VIII вв. н. э. в Портовом районе Херсонеса // АДСВ 11, 3–13.
- Романчук А. И., Белова О. Р. 1987. К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // АДСВ 23, 52–68.
- Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. 1995. Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. Екатеринбург.
- Рыжов С. Г. 2007. Оборонительная стена V в. до н. э. в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ XIII, 20–30.
- Рыжов С. Г. 2011. Рыбозасолочный комплекс римского времени в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ XVII, 86–93.
- Сазанов А. В. 1999. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. // ПИФК VII, 224–293.
- Сазанов А. В., Мокроусов С. В. 1996. Поселение Золотое Восточное в бухте (Восточный Крым): опыт исследования стратиграфии ранневизантийского времени // ПИФК 3, 88–107.
- Семенов-Зусер С. А. 1947. Рыбный рынок в Херсонесе // ВДИ 2, 237–246.
- Смокотина А. В. 2008. Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // МАИЭТ XIV, 103–144.
- Смокотина А. В. 2015. Импорт краснолаковой керамики в г. Боспор в конце IV – первой половине VII вв. // ДБ 19, 312–340.
- Смокотина А. В. 2018. Импорт товаров в амфорах и краснолаковой керамики на Боспор в конце IV – первой половине VII вв. // *Stratum plus* 4, 263–279.
- Смокотина А. В. 2019. Ранневизантийские критские амфоры в городах Боспоре и Тиритаке // МАИЭТ XXIV, 160–172.
- Смокотина А. В. 2020. Амфоры позднеимперского и ранневизантийского времени // Зинько В. Н., Зинько А. В., Пономарев Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. III (Би Supplementum). Симферополь–Керчь, 509–618.
- Ушаков С. В., Дюженко Т. В., Струкова Е. В. 2015. Исследование засыпи колодца ранневизантийского времени в северо-восточном районе Херсонесе (квартал ХСVII, помещение 4) // Древняя и средневековая Таврика (Археологический альманах 33). Київ, 108–156.
- Цетлин Ю. Б. 2017. Керамика. Понятия и методы историко-культурного подхода. Москва.
- Цецхладзе Г. Р. 1992. Производство амфорной тары в Колхиде // Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире. Саратов, 90–109.
- Якобсон А. Л. 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Ленинград.
- Abadie-Reynal C., Sodini J.-P. 1992. La céramique paléochrétienne de Thasos (Alikí, Deikos, fouilles anciennes) (Études Thasiennes XIII). Paris.
- Alfen van P. G. 1996. New Light on the 7th-Century Yassi Ada Shipwreck: Capacities and Standard Sizes of LRA1 Amphoras // *JRA* 9, 198–213.
- Amari S. 2008. A Late Roman Amphorae Production in Eastern Sicily // O. Menozzi, M. L. Di Marzio and D. Fossataro (eds.), *SOMA 2005. Precedings of the IX Symposium on Mediterranean Archaeology, Chieti (Italy), 24–26 February 2005* (BAR IS 1739). Oxford, 473–479.
- Arnon Y. D. 2008a. Caesarea Maritima, the Late Periods (700–1291 CE) (BAR IS 1771). Oxford.
- Arnon Y. D. 2008b. Ceramic Assemblages from the Byzantine/Early Islamic Bath // Holum K. G., Stabler J. A., Reinhardt E. G. (eds.), *Caesarea Reports and Studies. Excavations 1995–2007 within the Old City and the Ancient Harbor* (BAR IS 1784). Oxford, 85–103.
- Arthur P. 1993. Early Medieval Amphorae, the Duchy of Naples and the Food Supply of Rome // *Papers of the British School at Rome* 61, 231–244.
- Arthur P. 2018. Byzantine 'Globulae Amphorae' and the Early Middle Ages: Attempting to Shed Light on a Dark-Age Enigma // *Archeologia Medievale* XLV, 281–287.
- Autret C., Yagci R., Rauh N. K. 2010. An LRA 1 Amphora Kiln Site at Soli/Pompeiiopolis // *ANMED: News of Archaeology from Anatolia's Mediterranean Areas* 8, 203–207.

- Avni G., Dahari U. 1990. Christian Burial Caves from the Byzantine Period at Luzit // G. C. Bottini, L. Di Segni, and E. Alliata (eds.), *Christian archaeology in the Holy Land, New Discoveries: Essays in Honour of Virgilio C. Corbo* (Studium Biblicum Franciscanum. Collectio Maior 36). Jerusalem, 301–314.
- Băjenaru C. 2014. Some Rare Late Roman Fine Wares Discovered in the Central Sector of the Late Roman City at Histria // *Histria. Histoire et archéologie en Mer Noire. Volume dédié au centenaire des recherches archéologiques à Histria Pontique* (Pontica XLVII Suppl. III), 239–247.
- Bass G. F. 1962. Underwater Excavations at Yassi Ada: a Byzantine Shipwreck // *Archaeologischer Anzeiger*, 537–564.
- Bass G. F. 1982. The Pottery // G. F. Bass, F. H. van Doorninck (eds.), *Yassi Ada. A Seventh Century Byzantine Shipwreck I*. Texas, 155–188.
- Bezczky T. 2013. *The Amphorae of Roman Ephesus* (Forschungen in Ephesos 15/1). Wien.
- Biernacki A. B., Klenina E. Yu. 2015. Amphorae of the 4th–6th Centuries AD from Novae (Moesia Secunda): Typology and Chronology // S. Demesticha (ed.), *PER TERRAM, PER MARE. Seaborne Trade and the Distribution of Roman Amphorae in the Mediterranean*. Uppsala, 99–120.
- Blakely J. A. 1988. Ceramics and Commerce: Amphorae from Caesarea Maritima // *BASOR* 271 (Aug., 1988), 31–50.
- Boardman J., Hayes J. W. 1973. *Excavations at Tocra, 1963–1965 II*. London.
- Bonifay M. 2004. *Etudes sur la céramique romaine tardive d'Afrique* (BAR IS 1301). Oxford.
- Bonifay M., Villedieu F. 1989. Importation d'amphores orientales en Gaul (Ve–VIIe siècle // *Déroche V., Spieser J.-M. (eds.), Recherches sur la céramique Byzantine* (BCH Suppl. XVIII). Paris, 17–46.
- Böttger B. 1982. Die Gefasskeramik aus dem Kastell Iatrus // B. Böttger et al. (Hrsg.), *Iatrus-Krivina. Bd. II. Spätantike Befestigung und frühmittelalterliche Siedlung an der unteren Donau. Ergebnisse und Ausgrabungen 1966–1973*. Berlin, 33–148.
- Burrigato F., Nezza M., Ferrazzoli A. F., Ricci M. 2007. Late Roman 1 Amphorae Types Produced at Elaiussas/Sebaste // M. Bonifay and J.-C. Tréglija (eds.), *LRCW2. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and Archaeometry* (BAR IS 1662 (II)). Oxford, 689–700.
- Cau M. A., Reynolds P., Bonifay M. 2011. An Initiative for the Revision of Late Roman Fine Wares in the Mediterranean (c. 200–700): The Barcelona ICREA/ESF Workshop // M. A. Cau, P. Reynolds, M. Bonifay (eds.), *Late Roman Fine Wares 1. Review of the Evidence, Debate and New Contexts*. Oxford, 1–10.
- Curta F. 2001. *The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region c. 500–700*. Cambridge.
- Domzalski K. 2021. *Pontic Red Slip Ware. Typology, Chronology and Distribution of a Major Group of Late Roman Fine Pottery in the Black Sea Region* (Bibliotheca Antiqua XXV). Warsaw.
- Doorninck van F. H. 2015. The Seventh-Century Byzantine Ship at Yassiada and Her Final Voyage: Present Thoughts // D. N. Carlson, J. Leidwanger, S. M. Kampbell (eds.), *Maritime Studies in the Wake of the Byzantine Shipwreck at Yassiada, Turkey*. Texas, 205–216.
- Empereur J.-Y., Picon M. 1989. Les régions de production d'amphores impériales en Méditerranée orientale // *Amphores romaines et histoire économique. Dix ans de recherche. Actes du colloque de Sienne (22–24 mai 1986)* (Publications de l'École française de Rome 114). Rome, 223–248.
- Ergüner H. E. 2014. Late Roman Light Coloured Ware from Parion // H. Meyza (éd.), *Late Hellenistic to Mediaeval Fine Wares of the Aegean Coast of Anatolia. Their Production, Imitation and Use*. Varsovie, 175–191.
- Fedoseev N. F., Domzalski K., Opaït A., Kulikov A. V. 2010. Post-Justinian Pottery Deposit from Pantikapaion-Bosporos: Rescue Excavations at 12, Teatral'naja Str. in Kerch, 2006 // *Archeologia* 61, 63–94.

- Fernández A. 2014. El comercio tardoantiguo (ss. IV–VII) en el Noroeste peninsular a través del registro cerámico de la ría de Vigo (Roman and Late Antique Mediterranean Pottery 5), Oxford.
- Hayes J. W. 1972. Late Roman Pottery. London.
- Hayes J. W. 1976. Pottery: Stratified Groups and Typology // J. H. Humphrey (ed.), Excavations in Carthage, 1975, Conducted by the University of Michigan I. Tuondonnis, 47–123.
- Hayes J. W. 1980. Supplement to Late Roman Pottery. London.
- Hayes J. W. 1992. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton.
- Hayes J. W. 1998. Introduction. The Study of Roman Pottery in the Mediterranean: 23 Years after Late Roman Pottery // L. Sagui (ed.), Ceramica in Italia: VI–VII secolo. Atti del Convegno in onore di John W. Hayes (Roma, 11–13 maggio 1995). Firenze, 9–21.
- Israel Y. 1995. Ashqelon // Excavations and Surveys in Israel 13, 106–107.
- Karagiorgou O. 2001. LR2: a Container for the Military *Annona* on the Danubian Border? // S. Kingsley, M. Decker (eds.), Economy and Exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity. Proceedings of a Conference at Somerville College, Oxford, 29th May, 1999. Oxford, 129–166.
- Karagiorgou O. 2009. Mapping Trade by the Amphora // M. Mandel Mango (ed.), Byzantine Trade, 4th–12th Centuries: the Archaeology of Local, Regional and International Exchange. Papers of the Thirty-eighth Spring Symposium of Byzantine Studies, St John's College, University of Oxford, March 2004. Ashgate, Farnham, 37–58.
- Kassab Tezgör D. 2010. Typologie des amphores sinopéennes entre les IIe–IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. // D. Kassab Tezgör (ed.), Les fouilles et le matériel de l'atelier amphorique de Demirci près de Sinope. Paris, 121–140.
- Kassab Tezgör D., Lemaitre S., Peiri D. 2003. La collection d'amphores d'Ismaïl Karakan à Sinop // *Anatolia Antiqua* XI, 169–200.
- Keay S. J. 1984. Late Roman Amphorae in the Western Mediterranean: a Typology and Economic Study: the Catalan Evidence. Pt. 1 (BAR IS 196). Oxford.
- Khalvashi M. 2009. Roman Amphorae from Gonio-Apsarus // D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili (eds.), PATABS I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea (*Varia Anatolica* XXI). Paris, 33–34.
- Killebrew A. E. 2010. Roman and Byzantine Pottery // T. Dothan and B. Brandl (eds.), Deir el-Balah: Excavations in 1977–1982 in the Cemetery and Settlement. Vol. II. The Finds (Qedem. Monographs of the Institute of Archaeology 50). Jerusalem, 163–170.
- Klenina E. 1999. Table and Cooking Pottery of the IV–VI A. D. from the Excavations of the Episcopal Residence in Novae // G. von Bülow, A. Milčeva (Hrsg.), Der Limes an der unteren Donau von Diokletian bis Hareklios. Internationalen Konferenz. Svištov, Bulgarien (1.–5. September 1998). Sofia, 87–93.
- Klenina E. 2010. Trade Relations between the Mediterranean and the Black Sea Region in the 3rd–6th Centuries A. D. in the Light of Ceramic Artifacts // S. Menchelli, S. Santoro, M. Pasquinucci, G. Guiducci (eds.), LRCW3. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean Archaeology and Archaeometry. Comparison between Western and Eastern Mediterranean (BAR IS 2185 (II) Oxford, 1005–1014.
- Klenina E. 2014. Trade Relations of Novae (Moesia II) according to Ceramic Evidence from an Assemblage of the Late 5th– Early 6th Centuries AD // N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou (eds.), LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry. The Mediterranean: a Market without Frontiers (BAR IS 2616 (I). Oxford, 931–941.
- Levine L. I., Netzer E. 1986. Excavations at Caesarea Maritima. 1975, 1976, 1979. Final Report (Qedem. Monographs of the Institute of Archaeology the Hebrew University of Jerusalem 21). Jerusalem.
- Lomitashvili D., Colvin I. 2009. Late Roman – Early Byzantine Kilns and Production from Noka-lakevi – Archaeopolis // D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili (eds.), PATABS I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea (*Varia Anatolica* XXI). Paris, 35–38.

- Majcherek G. 1995. *Gazan Amphorae: Typology Reconsidered* // H. Meyza, J. Młynarczyk (eds.), *Hellenistic and Roman Pottery in the Eastern Mediterranean – Advances in Scientific Studies*. Warsaw, 163–177.
- Opaiț A. 1985. *Einige Betrachtungen zur Spätromischen Keramik mit rotem Überzug* // *Dacia* XXIX, 1–2, 153–163.
- Opaiț A. 1996. *Aspecte ale Vieții Economice din Provincia Scythia (secolete IV–VI p. Ch.)*. Producția ceramicii locale și de import. București.
- Opaiț A. 2004. *Local and Imported Ceramics in the Roman Provinces of Scythia (4th – 6th centuries AD)*. *Aspects of Economic Life in the Province of Scythia* (BAR IS 1274). Oxford.
- Opaiț A. 2010. *On the Origin of the Carthage LR Amphorae. 1* // S. Menchelli, S. Santoro, M. Pasquinucci, G. Guiducci (eds.), *LRCW3. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry. Comparison between Western and Eastern Mediterranean* (BAR IS 2185 (II)). Oxford, 1015–1022.
- Oren-Pascal M. 2008. *Amphoras from the Abandonment Layer in the Area LL (L 1242, 1335)* // Holum K. G., Stabler J. A., Reinhardt E. G. (eds.), *Caesarea Reports and Studies. Excavations 1995–2007 within the Old City and the Ancient Harbor* (BAR IS 1784). Oxford, 49–58.
- Paraschiv D. 2006. *Roman and Roman-Byzantine Amphorae in the Lower Danube Region (Ist–VIIth Centuries AD)*. Iași.
- Peacock O. P. S. 1984. *The Amphorae: Typology and Chronology* // Fulford M. G., Peacock D. P. S. *Excavations at Carthage: The British Mission. Vol. I, 2. The Avenue du Président Habib Bourguiba, Salamambo. The Pottery and Other Ceramic Objects from the Site*. Sheffield, 116–139.
- Peacock O. P. S., Williams D. F. 1986. *Amphorae and the Roman Economy*. New York.
- Pieri D. 1998. *Les importations d'amphores orientales en Gaule méridionale durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen Age (IVe–VIIe s. apr. J.-C.)*. Typologie, chronologie et contenu // L. Rivet (éd.), *Importations d'amphores en Gaule du Sud du règne d'Auguste à l'antiquité tardive, actualité des recherches céramiques: actes du congrès de la SFECAG, Istres, 21–24 mai 1998*. [Marseille]: SFECAG, 1998, p. 97–106. SFECAG, *Actes du Congrès d'Istres, 1998. Importations d'amphores en Gaule du Sud, du règne d'Auguste à l'Antiquité tardive*, June 1998. Istres, 97–106.
- Pieri D. 2005. *Le commerce du vin oriental à l' époque Byzantine (Ve–VIIe siècles)*. Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth.
- Portale E. C., Romeo I. 2000. *Le anfore locali di Gortina ellenistica e romana* // *Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta* 36, 417–426.
- Portale E. C., Romeo I. 2001. *Contenitori da trasporto* // A. Di Vita (ed.), *Gortina V, 3. Lo scavo del Pretorio (1989–1995)*. T. 1. I materiali (Monografie della Scuola Archeologica Italiana di Atene e delle missioni italiane in Oriente XII). Padova, 260–410.
- Poulou-Papadimitriou N. and Nodarou E. 2007. *La céramique protobyzantine de Pseira: la production locale et les importations, étude typologique et pétrographique* // M. Bonifay, J. Ch. Trégila (eds.), *LRCW 2. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and Archaeometry* (BAR IS 1662). Oxford, 755–766.
- Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E. 2014. *Transport Vessels and Maritime Trade Routes in the Aegean from the 5th to the 9th c. AD. Preliminary Results of the EU Funded "Pythagoras II" Project: the Cretan Case Study* // N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou (eds.), *LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and Archaeometry. The Mediterranean: a Market without Frontiers*. Vol. I. Oxford, 873–883.
- Reynolds P. 1995. *Trade in the Western Mediterranean, A. D. 400–700: the Ceramic Evidence* (BAR IS 604). Oxford.
- Reynolds P. 2004. *The Roman Pottery from the Triconch Palace* // R. Hodges, W. Bowden, K. Lako (eds.), *Byzantine Butrint. Excavations and Surveys 1994–99*. Oxford, 224–269, 270–277, 327–395.

- Reynolds P. 2005. Levantine Amphorae from Cilicia to Gaza: a Typology and Analysis of Regional Production Trends from the 1st to 7th Centuries // J. Ma. Gurt, I. Esparraguera, J. Buxeda, I. Garrigós, M. A. Cau Ontiveros (eds.), LRCW. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry (BAR IS 1340). Oxford, 563–612.
- Reynolds P., Pavlidis E. 2014. Nicopolis (Epirus Vetus): an Early 7th Century Pottery Assemblage from the 'Bishops's House' (Greece) // N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilkoglou (eds.), LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry. The Mediterranean: a Market without Frontiers. Vol. 1 (BAR IS 2616 (I)). Oxford, 451–467.
- Riley J. A. 1979. The Coarse Pottery from Berenice // J. A. Lloyd (ed.), Excavations at Sidi Khrebish-Benghazi (Berenice) (Lybia Antiqua Suppl. V/2). Tripoli, 91–467.
- Riley J. A. 1981. The Pottery from the Cistern 1977.1, 1977.2 and 1977.3 // J. H. Humphrey (ed.), Excavations at Carthage Conducted by the University of Michigan VI. Ann Arbor, 86–124.
- Robinson H. S. 1959. Pottery of the Roman Period. Chronology (The Athenian Agora V). Princeton.
- Sanders G. 2020. Spring Forward: Two Examples of How Shifting Chronologies Can Postpone the Dark Ages // HEROM 9, 253–279.
- Sanders G. Mediterranean Pottery Found at Tintagel. New Dating Evidence. Интернет ресурс: https://www.academia.edu/53504127/Mediterranean_Pottery_found_at_Tintagel_New_Dating_Evidence_Guy_Sanders_Corinth_Excavations_ASCSA.
- Shkodra B. 2006. Ceramics from Late Roman Contexts in Durres // ABSA 101, 427–457.
- Smokotina A. V. 2015. The Import of LR 1 Amphorae into Bosphorus // S. Demesticha (ed.), PER TERRAM, PER MARE. Seaborne Trade and the Distribution of Roman Amphorae in the Mediterranean. Uppsala, 121–135.
- Sodini J.-P., Villeneuve E. 1992. Le passage de la céramique byzantine à la céramique omeyyade en Syrie du Nord, en Palestine et en Transjordanie // P. Canivet, J.-P. Rey-Coquais (eds.), La Syrie de Byzance à l'Islam (VIIe – VIIIe siècles). Actes du colloque international. Damas, 195–218.
- Steckner C. 1989. Les amphores LR 1 et LR 2 en relation avec le pressoir du complexe ecclésiastique des thermes de Samos // V. Déroche, J.-M. Spieser (eds.), Recherches sur la céramique Byzantine (BCH Suppl. XVIII). Paris, 57–71.
- Swan V. 2004. Dichin (Bulgaria) and the Supply of Amphorae to the Lower Danube in the Late Roman/Early Byzantine Period // J. Eiring, J. Lund (eds.), Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Athens, 371–382.
- Swan V. 2009. Dichin (Bulgaria): the Destruction Deposits and the Dating of Black Sea Amphorae in the 5th and 6th Centuries // D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili (eds.), Production and Trade of Amphorae in the Black Sea I (Varia Anatolica XXI). Paris, 107–119.
- Topoleanu F. G. 2000. Ceramica romană și romano-bizantină de la Halmyris (sec. I–VII d. Ch.). Tulcea.
- Vnukov S. Yu. 2009. Problems of "Brown Clay" (Colchian) Amphora Studies. Typology, Chronology, Production Centers, Distribution // D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili (eds.), PATABS I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea (Varia Anatolica XXI). Paris, 29–32.
- Vroom J. 2004. Late Antique Pottery, Settlement and Trade in the East Mediterranean: a Preliminary Comparison of Ceramics from Limyra (Lycia) and Boeotia // W. Bowden, L. Lavan, C. Machado (eds.), Recent Research on the Late Antique Countryside. Leiden– Boston, 281–331.
- Vroom J. 2005. Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide. Utrecht.
- Vroom J. 2016. Byzantine Sea Trade in Ceramics: Some Case Studies in the Eastern Mediterranean (ca. Seventh-Fourteenth Centuries) // P. Magdalino, N. Necipoğlu (eds.), Trade in Byzantium. Papers from the Third International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium (Istanbul, 24–27 June, 2013). Istanbul, 157–177.

- Vroom J. 2017. The Byzantine Web: Pottery and Connectivity between the Southern Adriatic and the Eastern Mediterranean // S. Gelichi, C. Negrèlli (eds.), *Adriatico altomedievale (VI–XI secolo)*. Scambi, porti, produzioni. Studi e Ricerche 4. Venice, 285–310.
- Waksman S. Y., Morozova Y., Zelenko S., Colak M. 2014. Late Roman Shipwreck Sunk near the Cape of Plaka (Crimea, Ukraine) // N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou (eds.), *LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry. The Mediterranean: a Market without Frontiers*. Vol. I (BAR IS 2616 (I)), 919–929.
- Watson P. 1992. Change in Foreign and Regional Economic Links with Pella in the 7th Century A.D.: the Ceramic Evidence // *La Syrie de Byzance a l'Islam (VIIe–VIIIe siècles)*. Damas, 233–248.
- Yangaki A. G. 2005. *La céramique des IVe–VIIIe siècles ap. J. C. d'Eleutherna: sa place en Crète et dans le bassin égéen*. Athènes.

А. А. Завойкин, В. Д. Кузнецов

СВЯЩЕННЫЙ УЧАСТОК НА «ВЕРХНЕМ ГОРОДЕ» ФАНАГОРИИ*

Аннотация. Раскопками на «Верхнем городе» на большой площади (более 3000 м²) были открыты остатки городской застройки от момента основания Фанагории и до эпохи средневековья. На протяжении первых двух столетий (до середины 4 в. до н. э.) прослеживается преемственность в планировке этого района города. В данной статье специально рассмотрен один участок, расположенный на перекрестке двух улиц, ориентированных по сторонам света. В ЮЗ углу образованного ими квартала с последней четверти 6 в. до н. э. и до 4 в. до н. э. располагались постройки, план которых (*templum in antis*) позволяет считать их небольшими храмами. Любопытно, что древнейшее на этом месте здание (869), над остатками которого последовательно возводятся храмы, имело отличную от них планировку. Построенное еще в первые годы жизни *апойкии*, оно состояло не менее чем из трех помещений. Жизнь этого здания прекратилась примерно на рубеже третьей и последней четвертей 6 в. до н. э. И после этого над его руинами строили только храмы.

Всего их было исследовано четыре: *первый* (870) из них датируется последней четвертью 6 – первыми двумя десятилетиями 5 в. до н. э. Его гибель правомочно связывать с военным разгромом города, разрушением его оборонительных стен. *Второй* храм (835), целиком построенный из сырцового кирпича, имел несколько меньшие размеры и был чуть иначе ориентирован в пространстве (сильнее отклонен к ССЗ). Несомненно, вход в него, как, вероятно, и у предшествующего храма, располагался с северной стороны. Специфической чертой этой культовой постройки является наличие подвального помещения (от наземной части постройки практически ничего не сохранилось). На момент гибели храма в сильном пожаре в нем хранилось вино и/или оливковое масло в амфорах. Эти тарные сосуды датируют разрушение храма ок. 460/50 гг. до н. э. Над его руинами возводится новый, *третий* храм (743) чуть больших размеров. Он существует (возможно, с перестройкой после середины 5 в. до н. э., когда исследованный район вновь подвергся тотальному разрушению и пожарам) вплоть до последней четверти 5 в. до н. э. А в следующем столетии над ним на каменном фундаменте был построен последний известный на этом месте, *четвертый* храм (675). О времени его строительства и жизни сложно судить определенно, поскольку до наших дней дошли только камни фундамента. Не исключено, что он переживает перестройку на акрополе Фанагории, которая случилась в 40-е годы 4 в. до н. э.

О том, какому божеству поклонялись в этих храмах на протяжении почти двух сотен лет (или больше) судить затруднительно. За все годы раскопок не найдено ни одного почитательного граффито. Обломки терракоты – весьма незначительны (в засыпи подвала храма 835 обнаружены обгоревшие обломки статуэтки «богини, сидящей на троне»). Возможно, подсказку следует искать в том, что второй храм имел заглубленное в землю помещение. Не связано ли это обстоятельство с тем, что здесь почиталось хтоническое божество? Вопрос – на который невозможно дать однозначный и беспристрастный ответ. Особое внимание следует уделить тому факту, что храмам предшествует постройка совсем иного рода, более всего напоминающая планом обычные жилые дома. Однако все дело в том, что эта постройка, возведенная согласно изначальной планировке данного района города, предусматривающей фиксированное местоположение участков жилой застройки и участков для общественных зданий (в том числе культовых), находилась там, где в последующие века строились только храмы. Из этого, пожалуй, можно сделать только два предположения: либо здание 869 тоже признать культовым сооружением (святилищем), либо допустить мысль, что по неизвестной нам причине участок, первоначально выделенный под частную или общественную (гражданскую) застройку, был «перепрофилирован» под религиозные нужды.

* Исследование выполнено в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

Ключевые слова. Фанагория, раскоп «Верхний город», колонизация, архаика, классика, храм, планировка, хронология.

A. A. Zavoykin, V. D. Kuznetsov

A SACRED AREA AT PHANAGORIA'S ACROPOLIS

Abstract. Excavations at the large area of the Acropolis (more than 3000 m² in total) revealed the remains of urban development from the foundation of Phanagoria to the Middle Ages. During the first two centuries (until the middle of the fourth century BC), a continuity in the layout of the area can be traced. The present article examines the site located at the intersection of two streets oriented to the cardinal points. In the southwestern corner of the quarter dated from the last quarter of the sixth to the fourth centuries BC, there are foundations of buildings, planned in such a way (*templum in antis*) that would allow us to classify them as small temples. It is curious that the oldest building on this site (no. 869), over the remains of which temples were successively built, had a different layout. Built in the first years of the *apoikia* life, it consisted of at least three rooms. This building ceased to exist approximately at the turn of the third and last quarters of the sixth century BC. After that, temples were built on top of its ruins.

Four temples were examined in total: the first (no. 870) dating from the late sixth to the first two decades of the fifth century BC. Its demise is justifiably linked to the military defeat of the city and the destruction of its defensive walls. The second temple (no. 835), entirely constructed of mud bricks, was slightly smaller and oriented differently (leaning more to the southwest). Its entrance, likely similar to the preceding temple, was situated on the northern side. Notably, this cult building featured a basement (little preserved above ground). At the time of the temple's destruction around 460/50 BC in a fierce fire, amphorae containing wine and/or olive oil were stored within. Over its ruins, a larger third temple (no. 743) was built, existing until the last quarter of the fifth century BC, possibly undergoing reconstruction after the mid-fifth century BC when the investigated area experienced extensive destruction and fires. In the following century, the fourth known temple (no. 675) was erected on a stone foundation over it. Determining its construction and lifespan is challenging, as only foundation stones survived to our day. It is plausible that it underwent reconstruction during the acropolis of Phanagoria in the 440s BC.

Figuring out which deity was worshipped in these temples over almost two centuries (or more) proves challenging. No dedicatory graffiti were found throughout the many years of excavation. Terracotta fragments are scarce (burnt fragments of a «goddess seated on a throne» statuette discovered in the fill of the basement of temple no. 835). Perhaps a clue lies in the fact that the second temple had a sunken chamber. Could this be linked to the veneration of chthonic deities? A definitive and impartial answer to this question still stands. Thorough research should be conducted regarding the fact that temples are preceded by a construction resembling conventional residential houses in the city plan. However, this building, following the original layout of the city area that designated fixed locations for residential and public (including cult) buildings, occupied a space where only temples were erected in subsequent centuries. From this, two hypotheses may be drawn: we can either consider building no. 869 as a cult structure (sanctuary), or accept the idea that, for reasons unknown, the plot initially allocated for private or public construction was repurposed for religious needs.

Key-words. Phanagoria, Acropolis excavation, colonization, archaic, classical, temple, layout, chronology.

Археологические раскопки в центре верхнего плато городища Фанагории, в той его части, где располагалось историческое её ядро, были начаты в 1975 г. и продолжаются (с перерывами в 1978 и 1981–1991 гг.) до наших дней. Их важнейшим результатом стало открытие больших участков древнейшей застройки города, – огороженной крепостными стенами уже в третьей четверти 6 в. до н. э., – начиная практически с момента основания колонии теосцев.¹

¹ См.: Кузнецов 2018; 2019а; 2021; и др.

Не вызывает сомнений тот факт, что территория Фанагории изначально была распланирована: проложены трассы основных улиц и переулков, выделены зоны, предназначенные для жилой застройки и для общественных нужд, гражданских или религиозно-культурных.²

Очевидно, что на протяжении веков исходный замысел планировки города корректировался, поскольку реальная жизнь заставляла вносить в него необходимые поправки. Однако многие элементы первоначальной системы долгое время сохранялись неизменными. В том числе, и в особенности, консерватизм в этом вопросе понятен применительно к местам, отведенным почитаемым в полисе божествам. Без особо веских причин здесь не могло появиться какой-либо постройки или сооружения, не относящегося к культурной сфере.

В значительной мере сказанное относится к небольшому по площади месту на акрополе, расположенному у перекрестка двух магистральных улиц³, к СВ от него. Именно здесь были открыты остатки нескольких разновременных построек культового характера, расположенных одна над другой (рис. 1. 1–3). Древнейшая из них (870) относится, по всей видимости, еще к последней четверти 6 – первым двум десятилетиям 5 в. до н. э., позднейшая (675) – датируется 4 в. до н. э. Между этими двумя постройками сохранились остатки еще двух зданий (835, 743).⁴ Само расположение разновременных построек одной над другой (с незначительным смещением)⁵ позволяет признать их функциональную преемственность, что существенно для определения назначения рассматриваемых зданий.

В 2022 г. были исследованы остатки здания (869), предшествующие древнейшему храму. Вся западная половина этой постройки (кроме СЗ угла и северной стены южного помещения) полностью уничтожена строительными котлованами подвалов, сначала 890, а затем 835 (см. ниже). Северная же ее часть осталась за пределами раскопа. В то же время очевидно, что планировка самой древней постройки в корне отлична от всех последующих.

Здание 869. Оно состоит из трех помещений, расположенных углом: северного (пом. 1), открытого лишь в незначительной части (остальная осталась за пределами раскопа), среднего (пом. 2) и южного (пом. 3) (рис. 1. 1; 2–5). Внешняя восточная стена (№ 1) помещений 2 и 3 была общей.⁶ Северным концом она примыкала к южной стене (№ 6) помещения 1, а её южный конец образовывал с внешней южной стеной (№ 2) помещения 3 ЮВ угол постройки (рис. 5. 3). Западная стена (№ 5) помещений 2 и 1 тоже была общей. Южным концом она под прямым углом примыкала к северной стене (№ 4) помещения 3. Образованный этими стенами ЮВ угол (к западу и северу от них соответственно) был свободен от застройки (двор?) (рис. 2). Южная стена (№ 6) помещения 1 (смежная с помещением 2), протянулась к востоку на 1,64 м далее расчетного места примыкания к ней восточной стены помещений 2 и 3. Здесь она обрывается поздней ямой (565). Поэтому сказать о том, насколько в этом направлении простиралась постройка невозможно. Образованный внешней восточной стеной (№ 1) помещений 2 и 3 и восточным (внешним) участком южной стены (№ 6) помещения 1 угол занимала каменная вымостка (881), которая с востока граничила с западной стеной (839/4) помещения 3 дома 839 (рис. 3. 1).⁷

В южном помещении (3) зафиксированы внешние противолежащие ЮВ и СЗ углы, а также внутренний СВ угол помещения 3 (рис. 1. 1; 4. 2; 5. 3, 5–7), что дает нам твердые основания для реконструкции внешнего контура помещения в целом. Оно имело в плане форму трапеции, в которой ЮВ угол тупой, ЮЗ – острый, а оба северных угла близки прямым (рис. 1. 1; 2). Таким образом,

² Буркерт 2004, 153. О некоторых постройках в Фанагории см.: Кузнецов 2019а; Завойкин, Кузнецов 2011; Завойкин 2018а; 2019.

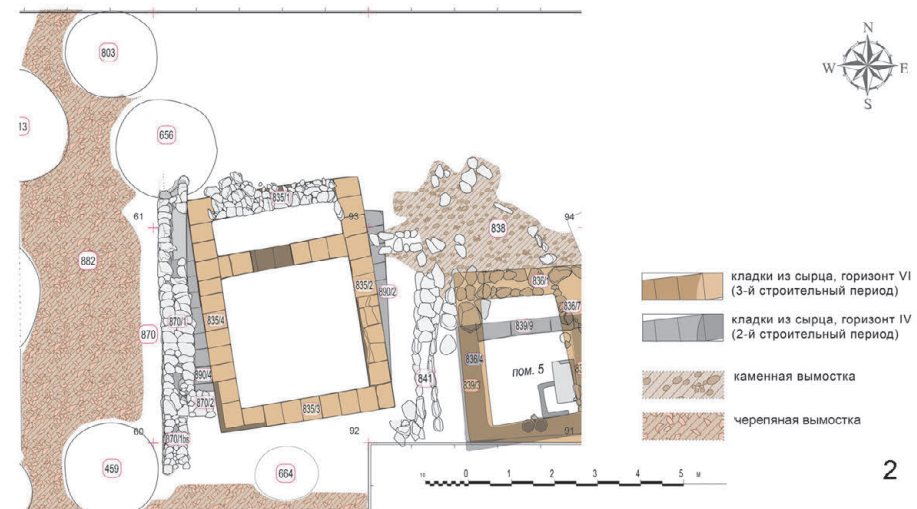
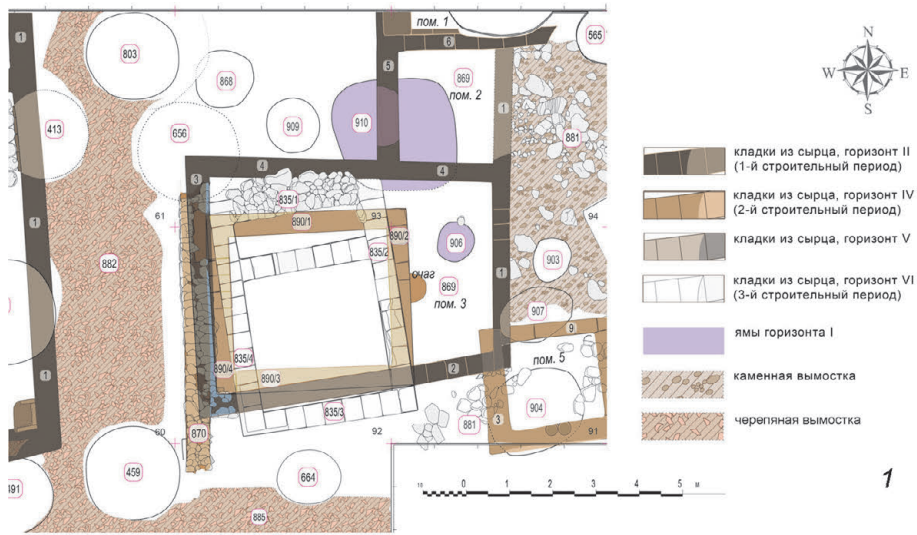
³ Одна (№ 882) пролегалась с севера на юг, другая (№ 884+885) вела с запада на восток (на Центральном участке верхний горизонт вымостки этой улицы фиксировался под № 301).

⁴ Кратко о трех относительно поздних постройках см.: Кузнецов 2019а, 402–406; Завойкин, Кузнецов 2020, 132–133, рис. 2, 3.

⁵ См. Кузнецов 2019а, рис. 3; и рис. 1. 1; 23.

⁶ В пом. 2 восточная стена почти не сохранилась: зафиксирован только ее южный край в месте примыкания к северной стене пом. 3 (рис. 5. 2).

⁷ Северная часть вымостки, с которой связана водосборная цистерна (893) была разрушена подвалом (880), стенки которого укреплены сырцовыми кладками.

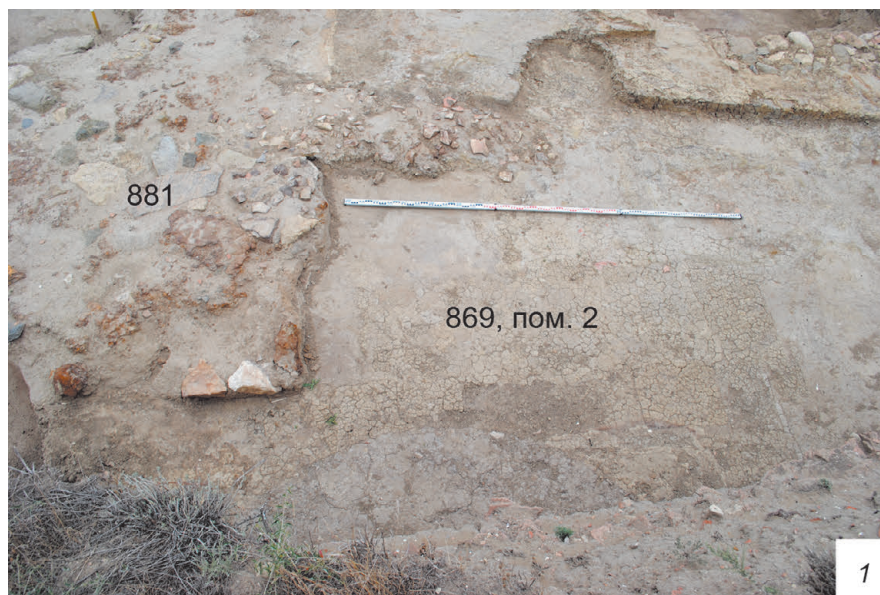
Рис. 1. Архитектурные остатки архаического – раннего классического периодов в СЗ углу раскопа «Верхний город». Схематический план (Соотношение строительных периодов и стратиграфических горизонтов дано по: Завойкин, Кузнецов 2023, 129–131, рис. 1–3; 144, табл.)

Рис. 2. То же. Ортофотоплан участка, 2022 г.

Рис. 3. Дом 869: 1 – пом. 2 и вымостка 881, вид с севера; 2 – ЮВ угол пом. 3, вид с ВЮВ (фото 2020 г.)

1

2

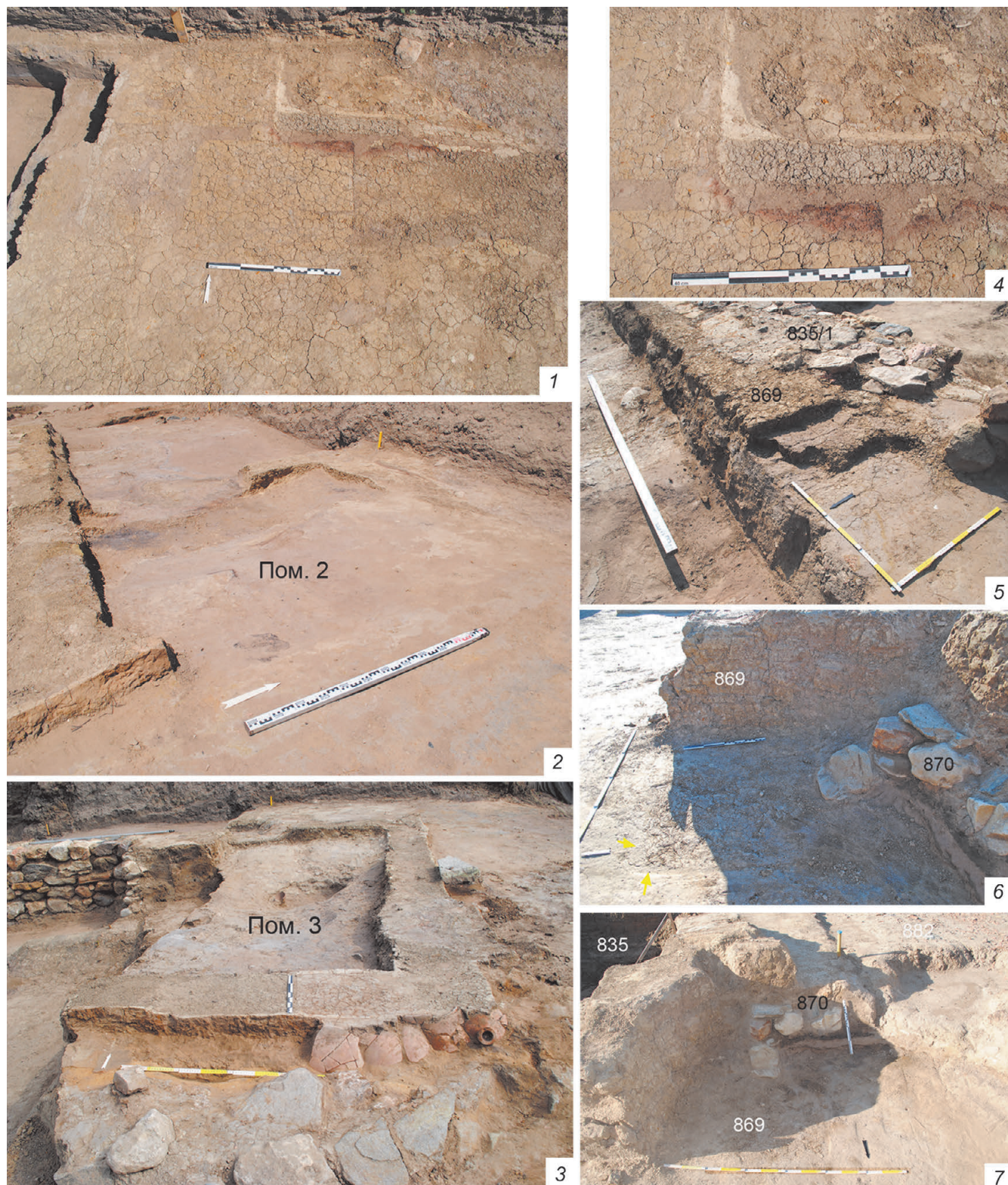

Рис. 4. Дом 869: 1 – остатки северной стены пом. 3, вид с запада; 2 – внешний СЗ угол пом. 3, вид с севера

восточная и западная стены постройки, ориентированные с севера на юг, были почти параллельны, северная близка оси З–В, а южная ориентирована с ЗЮЗ на ВСВ (отклонение от линии З–В примерно $10,5^\circ$). С учетом довольно значительной внутренней площади (ок. 30 м^2) допустимо предположение, что это пространство членилось на несколько помещений. Но это не установленный факт, а лишь допущение.

В отличие от него помещение 2 было совсем небольшим: $2,23 \times 2,52 \text{ м}$ ($5,6 \text{ м}^2$) (рис. 1. 1; 2; 5. 2). Оно служило своего рода связующим звеном между более значительными по площади южным и северным помещениями⁸, которые относительно этого центрального помещения были выдвинуты, соответственно, в стороны запада (на $4,52 \text{ м}$) и востока (более чем на $1,65 \text{ м}$).

⁸ Хотя о размерах (а тем более планировке) северного помещения (№ 1) можно судить лишь предположительно, очевидно, что его размеры существенно превышали размеры помещения 2.

Рис. 5. Дом 869: 1 – внутренние смежные углы помещений 1 (юго-западный) и 2 (северо-западный), вид с юга; 2 – пом. 2, вид с ВЮВ; 3 – восточная часть пом. 3, вид с юга; 4 – юго-западный угол пом. 1, следы ремонта южной стены, вид с юга; 5 – остатки нижней части северной стены пом. 3, вид с СЗ; 6 – внешний СЗ угол пом. 3 и разрез его северной стены (в борту ямы 656), вид с запада; 7 – то же, вид с севера

Юго-восточный угол этого дома был перекрыт СЗ углом помещения 5 дома 839, жизнь которого завершилась ок. 480 г. до н. э.⁹, построенного не позднее последней четверти 6 в. до н. э. Из этого ясно, что древнейшая на этом участке постройка относится еще к третьей четверти 6 в. до н. э. Однако и она не была возведена сразу же после основания колонии. Под южной частью западной стены помещения 2 и «стыком» ее с северной стеной помещения 3 была открыта яма (910), засыпанная перед началом строительства дома. Другая яма (906), предшествовавшая домостроительству, располагалась в внутри помещения 3, под полом.¹⁰ Кроме того, СЗ угол этой постройки лежал на слое серой глины¹¹, залегавшей непосредственно на поверхности материкового песка.

Прежде чем перейти к интерпретации этой постройки и ситуации на рассматриваемом участке городской застройки в целом, имеет смысл сначала проанализировать, как менялась картина в течение последующих строительных периодов.

Храм 870 и подвал 890. После того, как дом 869 прекратил свое существование, над его южной частью (пом. 3) начинается новый этап строительных работ. Здесь зафиксированы остатки двух архитектурных объектов. Один из них (870) представляет собой западную часть каменного фундамента и нижней части сырцовых стен на нем от наземной постройки, другой – частично сохранившиеся сырцовые кладки восточной и западной стен, построенных вдоль бортов котлована. Оба объекта в той или иной степени разрушены подвалом культового сооружения 835 (см. ниже), что определяет верхнюю стратиграфическую границу обоих объектов. Сложнее вопрос об их хронологическом взаимоотношении. Собственно говоря, он не имеет однозначного решения: любой из них в принципе может предшествовать другому.¹² Исходя из соображений логики строителей, мы более склоняемся к мысли, что здание 870 предшествовало подвалу 890, и полагаем, что сооружение фундамента наземных стен на самом краю засыпанного подвала противоречит строительной практике древних греков, предполагающей достижение максимальной прочности основания стен.¹³ При наличии же в здании заглубленного помещения обычным было возведение несущих стен с уровня дна строительного котлована¹⁴, как, например, в описанном ниже объекте 835.

От постройки 870 в разной степени сохранились остатки кладок фундамента трех стен (рис. 1. 2; 2; 6–8). Это большая часть западной стены (871/1), северный край которой уничтожен поздней хозяйственной ямой (рис. 8. 2). В длину она прослежена на 5,35 м, ширина кладки составляла 0,6 м, в высоту имела два-три ряда камней (максимальная высота – 0,49 м). Остатки нижней части сырцовой кладки западной стены (рис. 9) зафиксированы с уровня –3,88–3,96 м от R⁰. Она сохранилась на два-три ряда кирпичей (около 0,2 м), под которыми на камнях фундамента лежал выравнивающий слой глины (5–10 см). К южному концу кладки фундамента западной стены с востока под прямым углом примыкает кладка фундамента южной стены (870/2), образуя с ней ЮЗ угол помещения (рис. 7. 5). От нее сохранился лишь небольшой отрезок: всего 0,7 м в длину при ширине 0,6 м; вся остальная его часть была уничтожена котлованом объекта 835. К южному торцу кладки фундамента западной стены была пристроена кладка (870/1 bis) меньшей ширины (0,5 м), сложенная она из камней меньшего размера. Она выступала к югу относительно внешнего фаса южной стены на 1,2 м (длина); а её западный фас лежит в одной плоскости с внешним фасом кладки 870/1 (рис. 7. 1, 2, 4).

Все три кладки иррегулярные, рядность камней в них не выдержана, сложены они в два панциря с забутовкой мелкими камнями посередине. Для строительства использованы камни разных пород: известняк, мрамор, вулканические

⁹ О нем см.: Завойкин, Кузнецов 2019, 86 сл.; 2020, 130, 131, рис. 1; 134–136.

¹⁰ После того, как дом 869 разрушился, ее заполнение «просело», образовав незначительное углубление, перекрытое намазками пола. Ср. аналогичную ситуацию, зафиксированную ранее: дом, построенный в последней трети 6 в. до н. э. над ранней ямой (Кузнецов 2001, 12).

¹¹ Этот слой плавно сходит «на нет» к востоку и югу. Судя по его характеру, он представляет собой нивелировочную засыпь понижающейся к СЗ поверхности материка. К сожалению, находки из слоя довольно невыразительны в хронологическом отношении. Предположительно эта перепланировка относится ко времени «спустя 10–20 лет после появления здесь переселенцев» (Кузнецов 2001, 12). Более значима в хронологическом плане другая аналогия: дом (888), построенный напротив рассматриваемой постройки (969), через улицу от нее, который залегают в том же, что и дом 869 стратиграфическом горизонте. Этот дом также был частично возведен на слое серой глины, под его полом располагалась ранняя яма (902), находки из которой, наряду со вторично использованными амфорами в его интерьере, позволяют датировать строительство дома примерно от 540/35 гг. до н. э. (см. Завойкин 2023).

¹² Независимо от того, какому из объектов отдать хронологический приоритет, допуская самостоятельное существование объекта 890, следует напомнить о нескольких аналогичных ему объектах, расположенных к ВСВ от него. Речь идет о подвалах 883 (сырцовые стены которого не были достроены), 880 (который прорезал ЮЗ угол предыдущего) и 876 (раскопанный лишь частично). Все эти объекты, появившиеся после 480 г., заметно меньшего размера, чем 890. Допустимо ли все эти объекты (включая 890) отнести к одному периоду времени – сказать сложно из-за отсутствия в подвале 890 связанных с ним находок.

¹³ См., например, описание работы по разборке стены башни до материка с целью нового строительства в Элевсине (IG II/III² 1672.46–47; 4 в. до н. э.): ...ἀνακαθήραντι τοῦ πύργου τὸ λιθολόγημα ἐπὶ τὸ στέριφον.

¹⁴ Например, см. Кузнецов 2001, 12–13, рис. 1 (реконструкция). Правда, стоит отметить, что этот дом имел площадь всего 12,5 м² при глубине полуподвала 0,6–0,7 м.

Рис. 6. Общий вид объекта 870 на уровне фундамента и объекты 890, 835: 1 – вид с севера; 2 – вид с ЮЮЗ

породы – колотые и окатанные (валуны). Размеры камней колеблются от 0,15×0,15 м до 0,3×0,45 м.¹⁵

Остатки северной и восточной стен постройки не были обнаружены. Логично предположить, что северная стена здания тоже имела каменный фундамент. Однако он не сохранился. По всей видимости, он мог быть разрушен при строительстве следующего по времени храма (835), а камень из него мог быть использован при обустройстве северной стены подвала этого храма. Восточная стена могла и не иметь каменного основания.

Остатки заглубленной постройки (890) были зафиксированы на одном уровне горизонтальной зачистки с кладкой сырцово-глиняной стены 870/1: остатки

¹⁵ Нивелировочные отметки на поверхности камней фундамента от «0» репера -4,02–4,18 м, а подошвы обеих кладок на уровне -4,37 м.

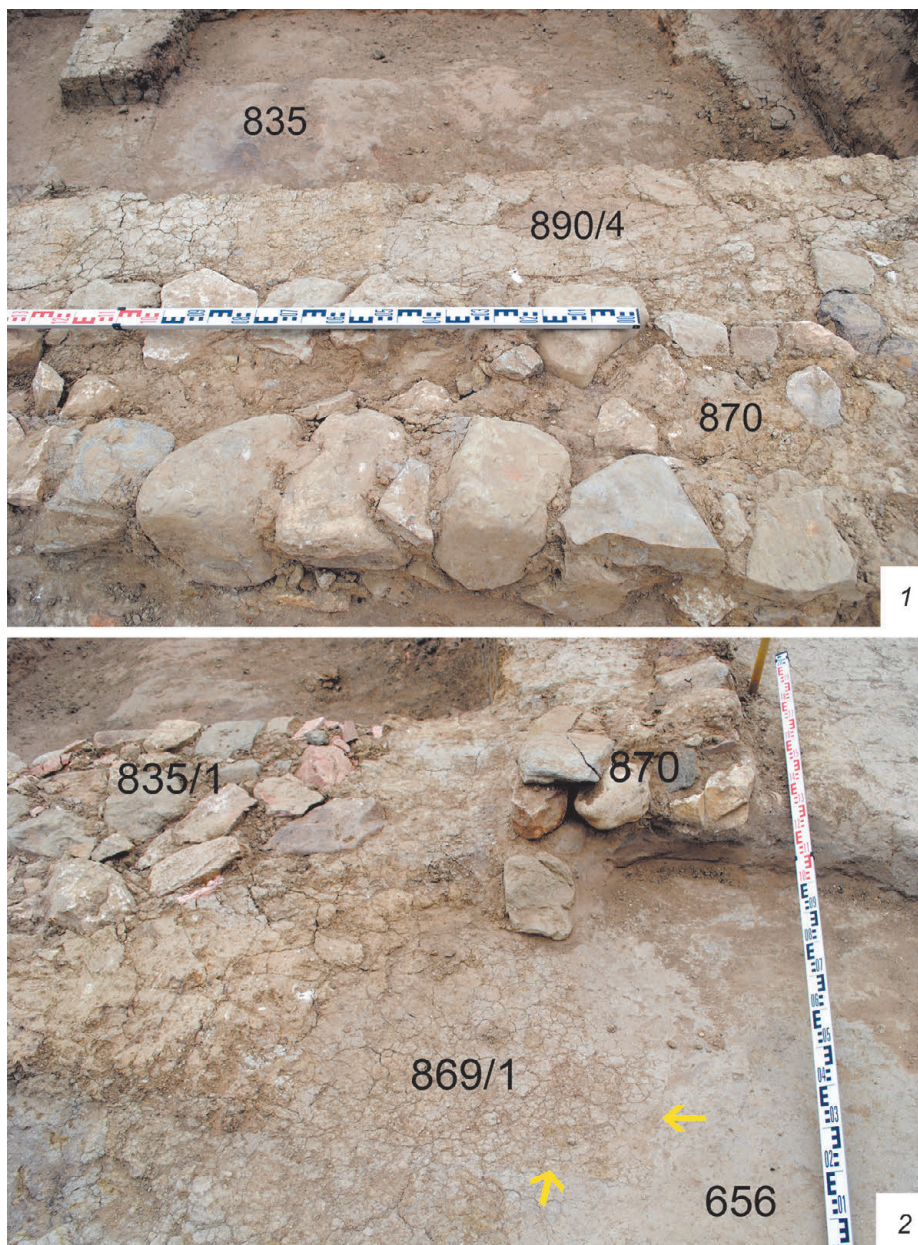
Рис. 7. Остатки объекта 870 на уровне фундаментов стен: 1 – общий вид с запада; 2 – западный фас кладок 870/1 и 870/1 bis; 3 – восточный фас и торец кладки 870/2; 4 – примыкание кладки 870/1 bis к ЮЗ углу постройки, вид с запада; 5 – ЮЗ угол, образованный кладками 870/1 и 2 и примыкание к нему кладки 870/1 bis, вид сверху, с запада

кладки западной стены обнаружены между ней и западной стеной 835/4 (рис. 9), а остатки кладки восточной стены были выявлены к востоку от стены 835/2¹⁶ (рис. 10. 1). В вертикальных плоскостях остатки этих стен открылись сразу после того, как были разобраны сырцовые стены подвала 835, котлован которого полностью уничтожил южную и северную стены описываемой постройки и частично – западную и восточную ее стены (рис. 1. 2; 10. 2, 3). Поскольку продольные оси этих двух подвалов не совпадают (у 835-го она отклоняется к западу на ~9°, в то время как у 890-го она близка направлению С–Ю), более узкий строительный котлован подвала 835 разрезал западную и восточные кладки стен подвала 890 под соответствующим углом. В результате этого у первой максимальная ширина сохранилась на юге, у восточной – на севере (в СВ углу кладка сохранилась на всю ширину), а на противоположных сторонах они сходят «на нет». Таким образом, можно точно определить положение двух взаимно-противоположных (СВ и ЮЗ) внешних углов конструкции (рис. 1. 1, 2; 11).¹⁷ А это, в свою очередь, позволяет вычертить сначала внешний контур ее строительного котлована, близкий в плане квадрату (ок. 4,5×4,2 м), а затем, – с учетом ширины кладок (0,50 м), – и контур образованного стенами помещения, размеры которого составили примерно 3,6×3,3 м (ок. 12 м²).

¹⁶ Где она прорезает южную стену наиболее раннего здания 869.

¹⁷ К сожалению, ливни середины августа 2021 г. имели катастрофические для сохранности исследуемого тогда слоя и строительных объектов последствия. В частности это отразилось на состоянии кладок стен 890-го. По этой причине в следующем полевом сезоне удалось расчистить только нижний ряд кладки 890/4. Любопытно, что крайний южный (угловой) кирпич в ней оказался не целым: здесь была положена его половина, отрезанная по диагонали (рис. 11. 1).

Рис. 8. То же, детали конструкций:
1 – вид с запада (в средней части);
2 – с севера (северный край кладки 870/1,
разрушенный ямой 656; стрелками
отмечен СЗ угол постройки 869
на дне ямы)

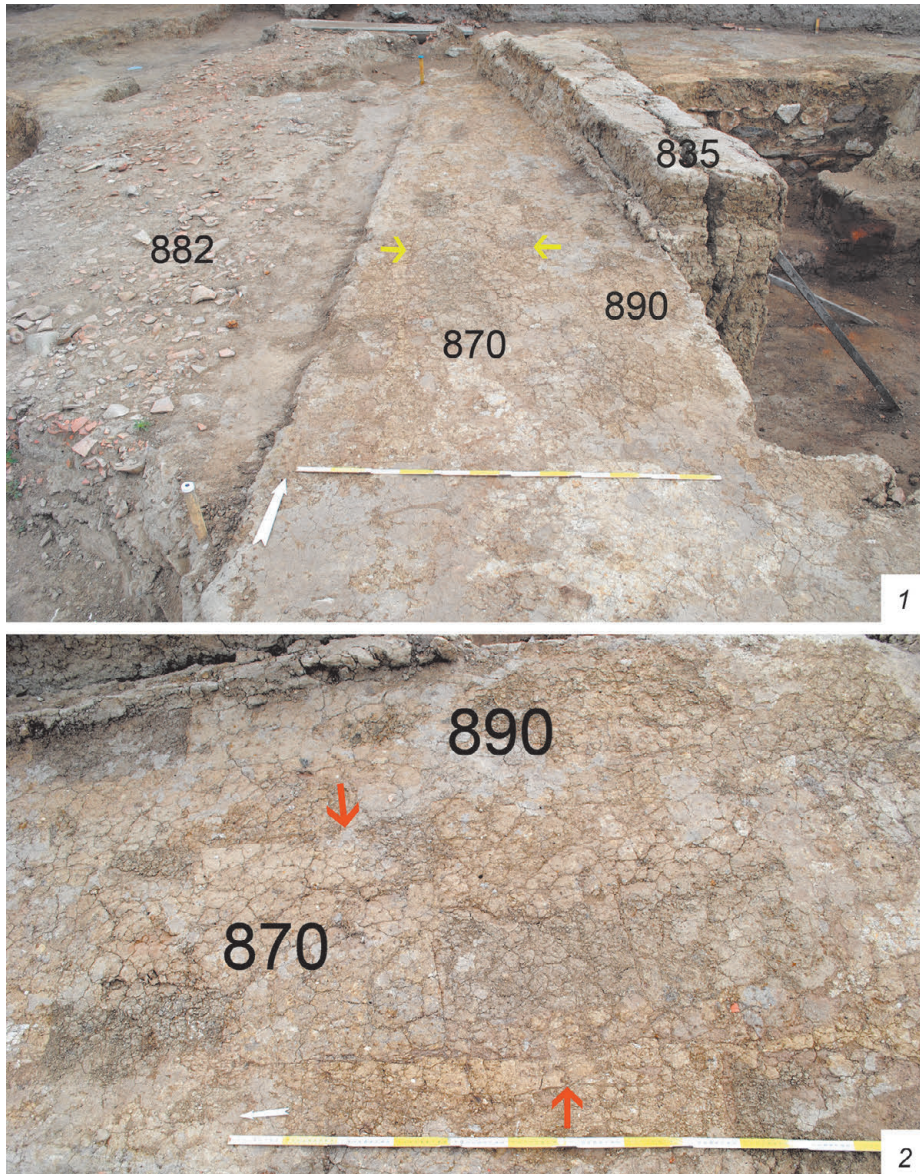

Глубина залегания кирпичей нижнего ряда обеих кладок точно соответствует уровню подошвы нижних кирпичей кладок 835/2 и 835/4¹⁸ (рис. 10. 3; 12. 1, 3). Максимальная установленная высота стен составляла 1,50 м, из которых 1,35–1,40 м лежат ниже уровня синхронной дневной поверхности.¹⁹ Кладки стен подвала 890 сложены довольно небрежно, между рядами кирпичей, изготовленных из желтовато-серой глины, толстые промазки с большим содержанием песка, а иногда – с небольшими фрагментами керамики (рис. 10. 2, 3).

Наиболее существенно то, что внешний ЮЗ угол подвала с сырцовыми стенами соответствует внутреннему углу, образованному стенами 870/1 и 2, а также то, что восточный фас сырцовой кладки стены 870/1 и западный фас кладки 890/4 проходят по одной линии, т. е. являются смежными (рис. 7. 3; 9. 1, 2). И это дает нам основания хотя бы и приблизительно, схематически реконструировать несохранившуюся часть храма 870 (рис. 38. 2). Наибольшую сложность

¹⁸ Из этого следует, что глубина котлована 835-го была сориентирована на уровень пола предшествующего подвала (ок. -5,40 м от R⁰).

¹⁹ Ок. -4,00–4,05 м от R⁰, что соответствует уровню поверхности вымостки улицы (882).

Рис. 9. Остатки западных стен объектов 870 и 890 (на уровне нижних рядов кладок сырца), подвала 835 и вымостки улицы 882: 1 – вид с юга; 2 – вид с запада (деталь). Стрелками отмечены фасы кладки 870/1

представляет обоснование ее северной стороны. Если вполне уверенно можно зеркально отразить относительно центральной продольной осевой линии (С–Ю) сохранившуюся западную часть плана постройки, то аналогичный прием относительно поперечной оси (З–В) вызывает некоторое затруднение.

Западный ант (870/1bis) и симметричный ему реконструируемый восточный ант перед южной стеной здания образуют пространство $4,56 \times 1,20$ м (ок. $5,5$ м²), в котором легко могла бы разместиться пара колонн.²⁰ Однако поскольку все последующие храмы (см. ниже и рис. 38. 3–5), построенные по схеме *templum in antis*, имели вход с северной стороны, весьма вероятно, что и культовая постройка 870 была ориентирована входом в ту же сторону. Таким образом, скорее всего, с южной стороны от *наоса* располагался *опистодом* (ὀπισθόδομος). Отталкиваясь от этого, предполагаем в качестве варианта симметричный план фасада храма с *пронаосом* с северной стороны. Внутренняя площадь *наоса* при такой планировке составляла примерно $4,5 \times 4,2$ м ($18,9$ м²), а общая длина храма – ок. 7,8 м при ширине 5,5 м.

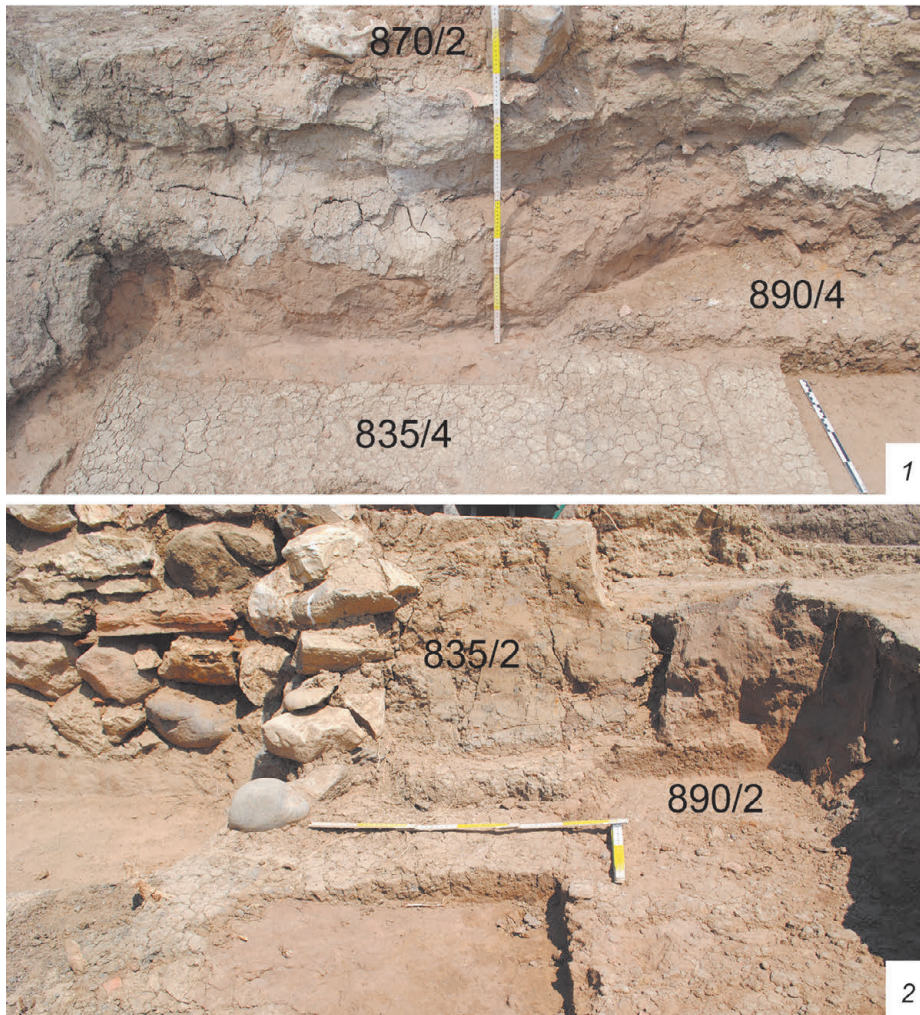
²⁰ При условном диаметре колонн 0,40 м, интерколумний и промежутки между колоннами и антами составят 1,25 м, а расстояние между колоннами и фасадом южной стены – 0,80 м.

Рис. 10. Остатки восточной стены 890/2, ее соотношение с объектами 835 и 869/3: 1 – общий вид с юга; 2 – то же, из котлована 835 на уровне нижнего ряда кирпичей кладки 835/2 (стена 890/2 – в продольном разрезе); 3 – то же, вид с запада

Предложенный вариант реконструкции наталкивается на одно принципиальное затруднение: фундамент юго-западного анта (кладка 871 bis) уже кладки фундамента западной стены *наоса* на 0,10 м, которая, как и практически все другие фундаменты, рассчитанные на нагрузку несущей стены, имеют ширину 0,60–0,65 м. И, как было отмечено, камни в кладке 870/1 bis в основном заметно меньше, чем в кладке 870/1 (рис. 7. 4, 5). Весьма похоже, что кладка «анта» была пристроена к ЮЗ углу основного помещения, хотя сложно настаивать на том, что значительно позже (подошва обеих кладок примерно на одном уровне, как и поверхности верхних камней). Как бы то ни было, объяснить эту конструктивную особенность мы затрудняемся.

Рис. 11. Углы подвала 890 и стены храма 835: 1 – юго-западный, вид с востока; 2 – северо-восточный, вид с юга

Еще один момент необходимо отметить. Необычной представляется пропорция реконструированного храма (рис. 38. 2). Отношение его ширины к длине составляет 1: 1,4. Такое соотношение не характерно²¹ для более крупных архаических (как и более поздних) храмов, но вполне возможно для небольших построек, выполненных по схеме *templum in antis*.²² В нашем же случае имеем (предположительно) постройку иного плана, напоминающую «smaller temple buildings» – так наз. «сокровищницы» в самосском *Герайоне*.²³

К сожалению, находок, непосредственно связанных со строительством и бытованием этих построек, в нашем распоряжении нет. Их финальная стратиграфическая датировка – до рубежа первой и второй четвертей 5 в. до н. э., а с учетом того, что храму предшествует большое здание из сырцового кирпича (869), невозможно датировать строительство сменившего его сооружения (870) ранее последней четверти 6 в. до н. э. Те же датировки имеет соседнее здание (839). Позднейшие находки из одновременной им уличной вымостки (882) в целом также не противоречат этой дате.

Храм 835. Как уже отмечалось, после того как ранний храм был разрушен²⁴, над руинами и, вероятно, с использованием части материала его каменных конструкций возводится новая постройка значительно меньших размеров (рис. 1. 1, 2, 13; 14; 38. 3). Сохранившаяся ее часть представляет собой

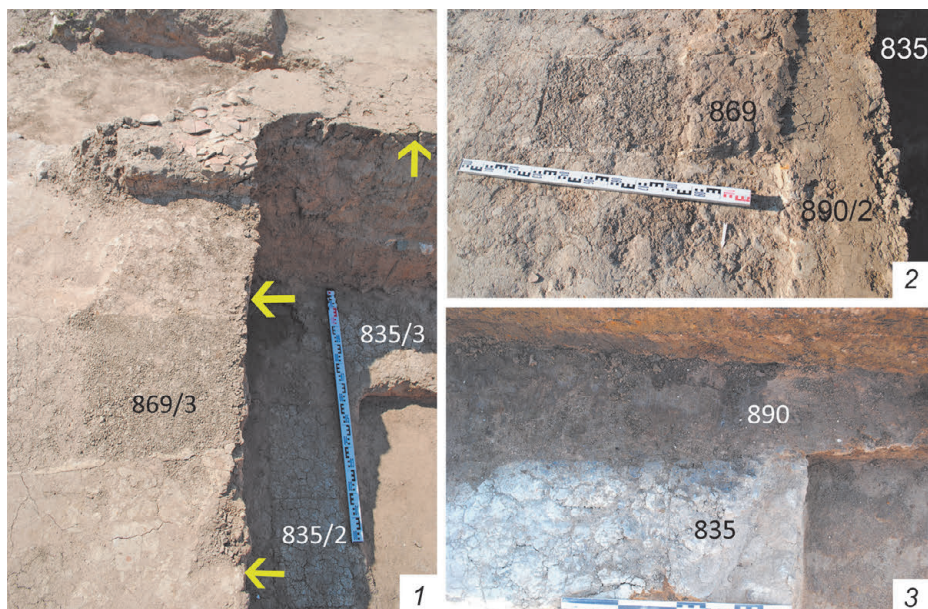
²¹ Даже с учетом того, что анты пронаоса обычно заметно длиннее, чем у *опистодома*, что мы не могли учесть в реконструкции, не имея для этого конкретных фактов.

²² В том числе – сокровищниц, например, в Дельфах (см. Hellmann 2006, 112, fig. 141). Для сравнения, антовые постройки Северного Причерноморья того же примерно периода, что и рассматриваемая нами, имели габариты / соотношение сторон: 5,72×4,25 м / 1:1,35 (Березань, святилище Афродиты); 7×14,5 м / 1:2,1 (Ольвия, храм Аполлона Иетроса); 5×10 м / 1:2 (Ольвия, храм Афродиты на Южном теменосе); 6,6–6,7×4,9–5,1 м / 1:1,3 (Нимфей, постройка III комплекса ВС-1) (по: Чистов 2022б, 337, табл. 11).

²³ Kyrieleis 1993, 10, 128, fig. 7.2; 104–106. Автор отмечает, что затруднительно провести четкую линию, разделяющую маленькие храмы и сокровищницы, поскольку в архитектурном плане они не различаются, да и в функциональном отношении могут не противоречить друг другу.

²⁴ Имеются все основания связывать это событие с общим для всего исследованного района города пожаром. В первую очередь, в пользу этого говорит датировка амфорного комплекса в пом. 3 дома 839, расположенного по соседству к востоку (см.: Завойкин, Кузнецов 2020; 2023, 132–133), синхронного раннему храму.

Рис. 12. Соотношение объектов 890/2, 835/2 и 3, 869: 1 – ЮВ угол котлована 890 (его борта отмечены стрелками), вид с севера; 2 – остатки южной части стены 890/2, прорезающей южную стену пом. 3 дома 869, вид с севера; 3 – нижний ряд кладок 835/2 и 890/2, деталь, вид с запада

Рис. 13. Ортофото заглибленної частини (підвала) храму 835 на рівні слоя пожеарища над полом, вид с юга

Рис. 14. То же, фото: 1 – вид с ССВ; 2 – с ЮВ

Рис. 15. Храм 835, пом. 1:
1 – каменный цоколь стены 835/1 (между разобранными частично стенами 835/2 и 4), вид с севера; 2 – СВ угол помещения (с каменной облицовкой северной части стены 835/2), вид с ЮЗ; 3 – деталь кладки стены 835/2 (в разрезе), вид с запада

Рис. 16. Храм 835, пом. 1: 1 – вид из пом. 2 (с юга); 2 – проход между помещениями; 3 – восточный конец помещения (между стеной 835/1 и пилоном «а»), вид с запада; 4 – западный конец помещения (между стеной 835/1 и пилоном «б»)

Рис. 17. Тыльная (северная) сторона кладки 835/1: 1 – общий вид с севера (на уровне верхнего ряда камней); 2, 3 – заклад из обломков сырцовых кирпичей поверх каменной кладки

заглубленное (подвальное) помещение, стены которого построены из сырцовых кирпичей без фундамента; исключение составляет северная стена (835/1), которая сооружена на высоком цоколе из камня (рис. 14. 2; 15. 1, 2; 16; 17. 1). Оно имеет прямоугольную форму и ориентировано с ЮЮВ на ССЗ (отклонение продольной оси к западу $\sim 9^\circ$). Внешние размеры сооружения соответствуют габаритам строительного котлована: $5,49 \times 4,05$ м (С–Ю $\times$ З–В). После гибели храма в сильном пожаре его руины были снивелированы перед постройкой нового культового сооружения (743). Поэтому от наземной части храма 835 практически ничего не сохранилось, исключая незначительный участок внешнего фаса

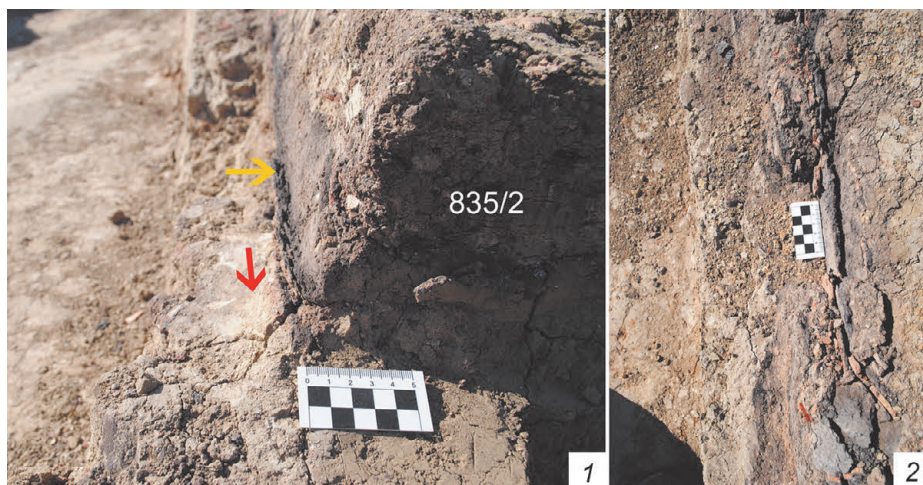

Рис. 18. Тыльная (северная) сторона кладки 835/1 и северные торцы стен 835/2 и 4: 1 – общий вид с СЗ; 2 – северный торец кладки 835/2 и кладка 835/1, вид с севера; 3 – торец кладки 835/2 в яме 910, вид с севера; 4 – то же, в разрезе; 5 – восточный край кладки 835/1 после удаления северного края кладки 835/2, вид с ССВ; 6 – то же, вид с СВ; 7 – северный край кладки 835/4 на уровне нижних рядов (в левой части кадра – сырцовая кладка заклада обрушения СЗ угла котлована), вид с юга

Рис. 19. Верхний уровень расчистки стены храма 835 (под основанием храма 743): 1 – стена 835/2 и развал обгоревшей глиняной обмазки ее внешнего (восточного) фаса, вид с востока; 2, 3 – то же, детали (крупно, стрелкой отмечена обгоревшая поверхность кирпичей в кладке), вид с востока

Рис. 20. Детали обгоревшей глиняной обмазки внешнего фаса стены 835/2 *in situ* внизу наземной части кладки (отмечена желтой стрелкой, красная – указывает на выкружку, основание которой соответствует древней дневной поверхности: 1, 2 – виды с севера

одного-двух кирпичей кладки восточной стены (835/2) (рис. 19, 20). Поскольку этот участок кладки лежит точно на кладке заглубленного помещения (т. е. является ее продолжением), есть все основания считать, что планировка подвала соответствует планировке наземной части постройки.

Подвал состоит из двух помещений – основного, южного (пом. 2) и «вспомогательного» северного (пом. 1) (рис. 13, 14, 17). Размеры основного, квадратного в плане – 3,03×3,0 м (С–Ю×В–З), вспомогательного – 0,83×3,0 м (С–Ю×В–З). Эти неравные по площади помещения разделены стеной, разделенной проходом на две части, которые примыкают к восточной и западной стенам. Оба отрезка стены довольно сильно разрушены в верхней части. Длина восточного отрезка (а) 1,25 м, сохранившаяся высота – 0,8 м, а ширина – 0,62 м (с учетом обмазки в 3,5 см). Западный отрезок (б) короче: имеет длину 0,81 м при высоте 1,5 м и ширине 0,63 м. Между их торцами располагался проход между помещениями. Его ширина равна 0,94 м. В этом проходе зафиксированы следы обуглившейся в результате пожара деревянной конструкции на пороге (рис. 16. 2).²⁵ Пол в основном помещении лежит ниже уровня пола во вспомогательном на 0,32 м. При этом установлено, что изначально дно строительного котлована по всей площади подвала было плоским, на одном уровне (рис. 15. 1).²⁶ И только после того, как внешние стены и стены-перегородки были возведены с этого уровня поверхности, в помещении 1 была произведена подсыпка, поднявшая уровень пола (рис. 16. 1). В главном же помещении (2) глиняный пол толщиной 1–1,5 см был намазан непосредственно на дно котлована (желтый материковый песок).

Стены подвала сохранились неравномерно.²⁷ Они были сложены в основном из кирпичей стандартного размера (ок. 0,50×0,40×0,05 м), но иногда, в северной части кладок 835/2 и 4, в дело шли и части кирпичей, в том числе, судя по следам горения, вторичного использования (рис. 15. 2, 3). С учетом обрушений и деформации стен, точные размеры постройки в плане были установлены на уровне нижних рядов кладок, где они зафиксированы *in situ*. При ширине 0,50 м стены сохранились в высоту до 1,75 м. В западной стене (которая сохранилась лучше других), а также в ЮЗ углу в кладках обнаружены элементы деревянных конструкций (рис. 21. 5, 6). Внутренние фасы стен были обмазаны глиной, в которую в качестве отощителя была примешана рубленая солома (рис. 22. 2). В результате пожара обмазка стен в основном помещении обгорела в нижней ее трети, особенно сильно – у западной стены (до кирпично-красного цвета, как и на полу) и в СВ углу (где располагался массив углисто-золистого грунта). Следы пожара на поверхности хорошо видны в проходе между помещениями, но в самом помещении 1 они явно фиксируются только на обмазке северного фаса восточного отрезка стены-перегородки.

Отдельного описания заслуживает северная стена (835/1). Общая ее длина, включая северные (торцевые) части кладок 835/2 и 4 и отрезок стены длиной 2,97 м между ними, покоящийся на высоком (0,9–1,0 м) каменном цоколе, составляет 4,01 м (рис. 14. 2; 15. 1, 2; 16. 3, 4). Сохранилось шесть рядов иррегулярной однолицевой кладки камней²⁸, поверхность которых выровнена плоскими плитками розового мергеля²⁹, что типично в Фанагории для завершения каменных оснований под сырцовую стену. В ширину кладка на верхнем уровне имела 0,6 м в восточной части, однако к западу она плавно расширяется до 1,1 м. При этом данное расширение происходит исключительно за счет изгиба северного контура кладки, а южный фас на всем ее протяжении ровный и вертикальный (см. рис. 15. 1; 17. 1). Связано это с тем, что в процессе рытья строительного котлована северный бортик обрушился, и возникла необходимость его реставрации. Поскольку с северной стороны должен был располагаться вход, место обвала грунта было бессистемно заложено дефицитным в Фанагории камнем³⁰, а внутренний (южный) фас этого заклада между сырцовыми стенами (835/2 и 4) был выведен в виде тщательно оформленной по вертикали кладки.

²⁵ Не исключено, что это остатки нижнего бруса дверной коробки.

²⁶ На том же, что и дно подвала 890.

²⁷ Помимо разрушения в результате катастрофы и последующих перестроек, их остатки были затронуты хозяйственными ямами римского времени, а также траншеей И.Е. Забелина, а вернее – глубоким шурфом на ее дне. Особенно пострадал ЮЗ угол постройки и южная ее стена.

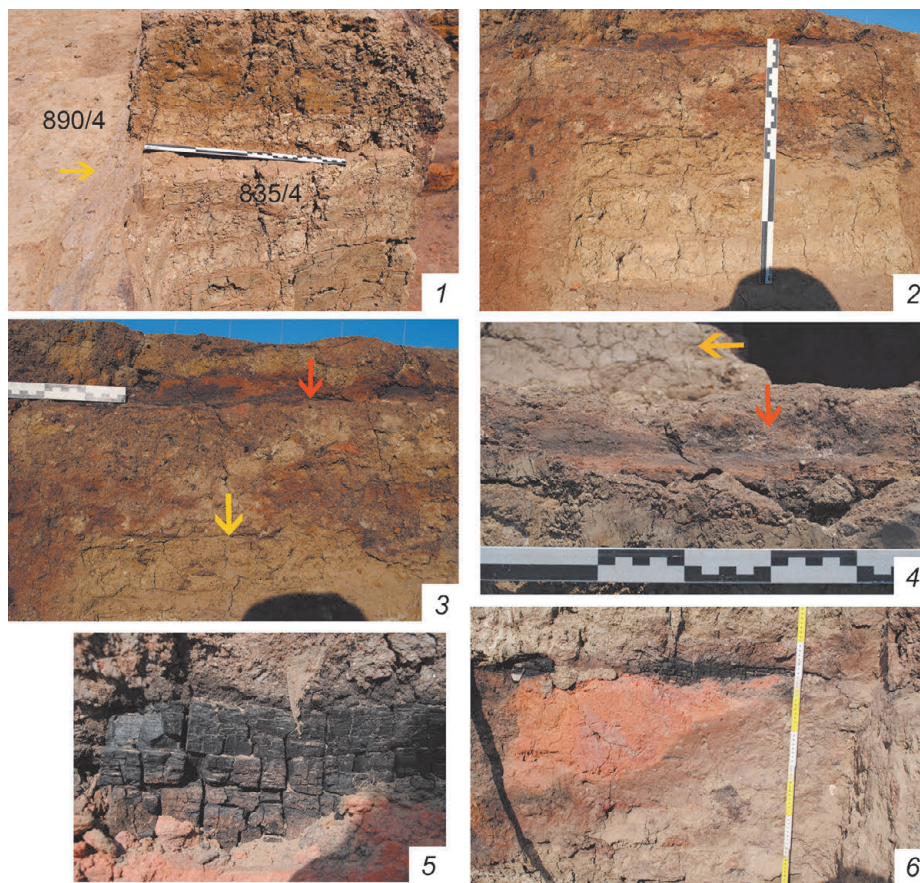
²⁸ В кладке использованы различные породы: известняк, камни вулканического происхождения, розовый мергель.

²⁹ Плоская горизонтальная поверхность плиток на уровне -4,28–4,30 м, глубина залегания подошвы кладки -5,34 м. Верхняя поверхность камней располагалась на 0,7 м ниже уровня древней дневной поверхности (см. ниже, прим. 32).

³⁰ Можно предположить, что в дело пошел камень из разобранного фундамента раннего храма (870).

Рис. 21. Стена 835/4, конструктивные детали: 1 – стена в поперечном разрезе (борт строительного котлована режет кладку 890/4), вид с юга; 2 – уровень примыкания пилона «б» и уступ над ним, вид с востока; 3 – то же, крупно; 4 – то же, сверху, с запада; 5, 6 – обгоревшая обмазка внутреннего фаса в нижней части стены и обгоревший деревянный брус в кладке

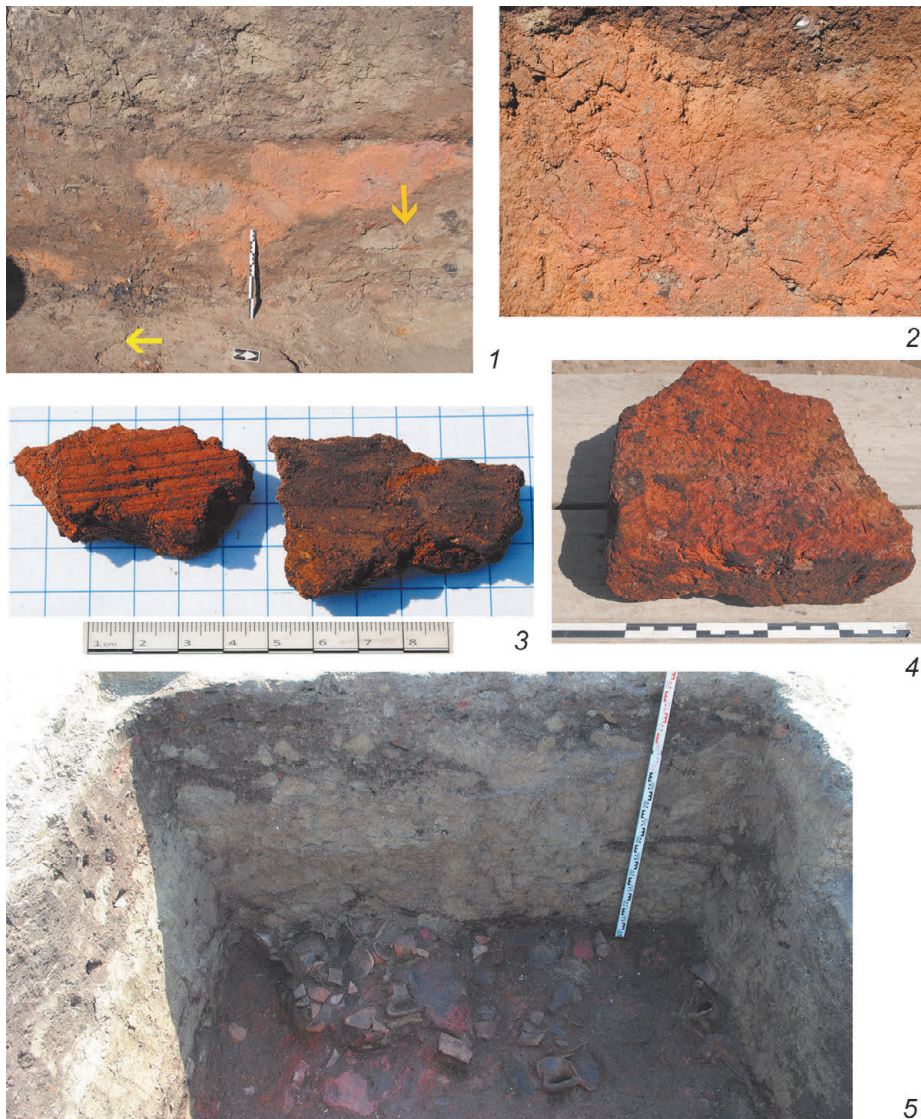

Округлой формы северный торец восточной стены тоже выходит за пределы запланированного изначально контура северного бортика котлована, вторгаясь в заполнение ранней ямы (910). Здесь кладка, сложенная в основном из обломков сырцового кирпича, повторяет очертания обвалившегося бортика (рис. 18. 2–5). Для усиления кладки в этом месте западный фас сырцовой кладки (835/2) в *пронаосе* был облицован каменной однослойной кладкой (рис. 15. 1, 2; 16. 3; 18. 6). Высота этой облицовки около 0,8–0,9 м (6 рядов камней, уровень залегания соответствует цоколю северной стены, к южному фасу которой она примыкает). Северный торец кладки западной стены (835/4) за границу первоначального котлована не выходит. Однако при рытье котлована его СЗ угол вызвал обрушение камней кладки фундамента (870/1) и СЗ угла сырцовой кладки (890/4). Этот изъян тоже был заложено обломками кирпичей (рис. 18. 7).

Поверхность камней заклада была перекрыта слоем вторично использованных сырцовых кирпичей и их обломков (рис. 17). Верхняя сырцовая часть северной стены подвала сохранилась плохо.³¹ В высоту ее кладка *in situ* не превышала 0,55 м.

От наземной части постройки сохранилось еще меньше. Зачистка поверхности сразу же после удаления пола в храме 743 (см. рис. 19 и описание ниже) выявила картину сnivelированных руин предшествующей постройки (835): ярко выраженный горелый слой (*l*) внутри помещения и завал обгоревшей и рухнувшей с внешнего фаса восточной стены (835/2) глиняной обмазки. Дальнейшая расчистка этого фаса открыла остатки обгорелой обмазки *in situ* в самом низу наземной части этой стены (рис. 19, 20). Нижняя ее кромка приходится на тот же уровень, что соответствует поверхности каменной вымостки (838) с водостоком

³¹ Частично разрушена в середине 5 в. до н.э., а затем – в 4 в. до н.э., в результате чего в нарушенной сырцовой кладке оказались несколько камней ракушечника и ручки амфоры (Пепарета?).

Рис. 22. 1, 2 – фрагмент восточного фасада стены 835/2 и деталь ее обгоревшей обмазки (крупно); 3 – обломки глиняной обмазки перекрытий (?) с отпечатками стеблей камыша; 4 – обгоревший сырцовый кирпич из слоя пожара (II); 5 – стратиграфия заполнения пом. 2 над горелым слоем I, вид с запада

(841), которые функционировали синхронно с соседним домом (рис. 1. 2), построенном на каменном фундаменте (836), сменившим более раннее здание (839).³²

Поскольку храм погиб в пожаре одновременно, небезынтересно рассмотреть заполнение его подвала внимательно, так как находившиеся в нем предметы остались в первоначальном положении, хотя и подверглись разрушению. По крайней мере, это относится к тем находкам, которые располагались в районе пола, под слоем рухнувших сырцовых стен. Стратиграфия заполнения основного помещения (2) подвала такова.

1. Поверх прокалившегося пола находился мощный слой пожара (II), который достигает толщины 0,55 м (рис. 23). Основную массу грунта в нем составлял прокалившийся до кирпично-красного цвета рухнувший сырец³³, в толще которого в значительном количестве встречаются древесные угли и зола, распределяющиеся на площади неравномерно.³⁴

2. Выше лежал слой рухнувшего сырца (развал стен) практически без следов горения в его толще (до 0,90–1,00 м у восточной стены), а в верхний горизонт этого слоя вклиниваются «языки» и линзы вышележащего слоя (рис. 22. 5).

³² Соответственно, горизонт на уровне -3,60–3,65 м от R⁰ можно принять в качестве ориентира для дневной поверхности периода жизни храма 835. И это подтверждает, что глубина подвала не превышала 1,75 м.

³³ Кроме того, зафиксировано несколько фрагментов прокалившейся глиняной обмазки, на тыльной стороне которой видны отпечатки стеблей крупных травянистых растений (тростник). Они могли быть элементами каркасной конструкции на поверхностях межэтажного перекрытия или кровли (?) (рис. 22. 3). Об использовании тростника, например, для армирования штукатурного покрытия см. Vit. De arch. VII. 3. 2.

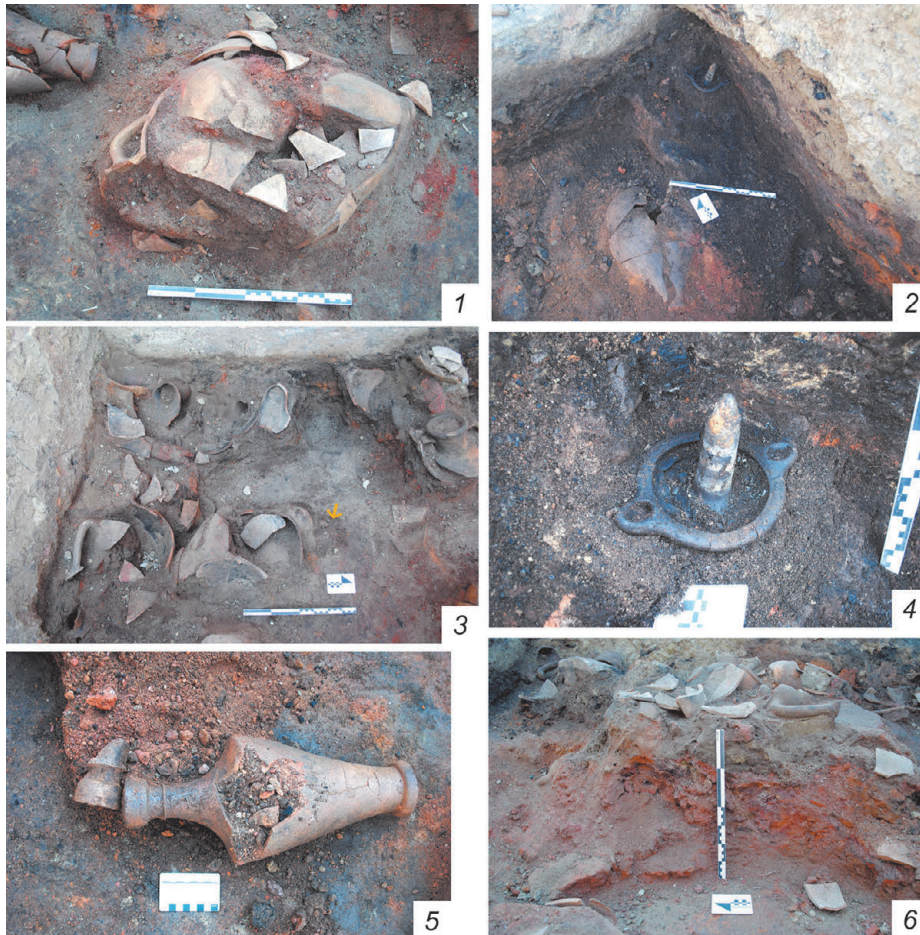
³⁴ Максимальная их концентрация в СВ углу пом. 2.

Рис. 23. Подвал храма 835 в нижней его части, расчистка слоя пожарища (II) под развалом сырцовых стен: 1 – вид с СВ; 2 – вид с ЮВ

3. В верхней части заполнения лежал горелый слой (I) мощностью до 0,36 м. По своей структуре он существенно отличался от слоя пожара, находившегося над полом. Этот верхний слой заполнения (непосредственно перекрытый глиняным полом здания 743) представлял собой перемешанный темно-серый золистоглиняный грунт, обильно насыщенный мелко дробленными угольками и печинами (рис. 19. 1; 15. 5). Очевидно, что этот перемещенный грунт является засыпкой провала над подвалом, образовавшегося после того, как тот был в основном уже заполнен упавшими в него обломками сырцовых стен.

По логике вещей, в пожаре первоначально перегорают и обрушиваются вниз межэтажное перекрытие и кровля здания, а затем уже их (и все, что связано с ними) накрывают развалы сырцовых стен. (Поскольку под слоем сырца найдено всего два незначительных обломка черепицы, можно утверждать, что кровля храма не была черепичной.) В число предметов из верхнего

Рис. 24. Развалы некоторых сосудов в слое пожара (II) над полом

³⁵ В виде «примеси» присутствовали мелкие обломки ранних пухлогорлых хиосских (2 фр.) и лесбосской красноглиняной (1 фр.). Иной характер имеет крупный обломок (горло с частью плеча) самосской (?) амфоры (рис. 25. 5), очевидно, синхронный другим амфорам комплекса.

³⁶ Завойкин, Кузнецов 2020, 138.

³⁷ См.: Завойкин 2019б; Завойкин, Кузнецов 2020, 138, рис. 6. 4–7. Как мы отмечали ранее (Завойкин, Кузнецов 2020, прим. 33), помимо представленных на рисунке археологически целых сосудов (одной хиосской амфоры и трех «с полыми доньями») в обломках имеются: 16 ножек хиосских (примерно столько же горл) и фрагменты еще 6 амфор «с полыми доньями», которые, видимо, подбираются в археологически целые сосуды. В отличие от них хиосские (по крайней мере заметная их часть), по всей видимости, не подлежат реставрации, из чего следует, что часть сосудов находилась в подвале уже в фрагментарном состоянии или попала в него после разрушения (?). Но при этом можно утверждать, что все обломки хиосских принадлежали тому же варианту, что и целая амфора с граффито на плече (см. Завойкина 2022, 114–118; ср. Шелов-Коведяев 2023, № 57, 444, № 57). Обнаруженные в подвале обломки глиняных амфорных затычек (рис. 25. 6) позволяют настаивать, что некоторые амфоры хранились здесь в закупоренном виде, т.е. с содержимым (см. Завойкина 2022, № 1, рис. 1–3).

³⁸ В эту группу мы включаем и керамику, декорированную в «ионийском стиле», место производства которой не очевидно. Местное производство традиционных форм посуды, в том числе расписной, в центрах Северного Причерноморья в архаический период сомнений не вызывает (см.: Цветаева, 1972, 21–23; Бондаренко, Чистов 2021, 242–245, рис. 7). Причем такая полосатая «ионийская» посуда здесь бытует и значительно позже, чем прекратился массовый импорт керамики из Ионии.

слоя пожара, конечно, могли попасть отдельные вещи, не имеющие прямого отношения к самому храму, однако, с большой долей вероятности, в основном они связаны именно с этим комплексом.

Перейдем к описанию находок с учетом их стратиграфического положения, начав, естественно, снизу.

В основном помещении подвала практически по всей его площади неравномерно и беспорядочно лежат обломки керамики, в основной массе – амфор (рис. 23). Некоторые обломки (среди них много крупных) лежат непосредственно на полу, в том числе – раздавленные целые тарные сосуды, а другие – на слое обгоревшего сырца рухнувших стен, в верхнем горизонте горелого слоя, окрашенного большим количеством углей (рис. 17. 6).

Керамическая тара представлена почти исключительно³⁵ хиосскими пухлогорлыми амфорами 570–560/50 гг. до н. э.³⁶ (рис. 25. 4), а также несколькими пифоидными амфорами «с полыми доньями» неустановленного средиземноморского центра, вероятно, расположенного в регионе Северо-Западной Эгеиды (рис. 25. 1–3), датировка которых в целом не противоречит хронологии хиосских.³⁷

Помимо амфор в нижнем горелом слое были найдены фрагменты и отдельные целые предметы следующих категорий:

*Ионийская посуда*³⁸: стенки (15 фр.), амфора (рис. 25. 7), ольпы (в том числе: раздавленная археологически целая – рис. 26. 8, внутри которой найден оселок;

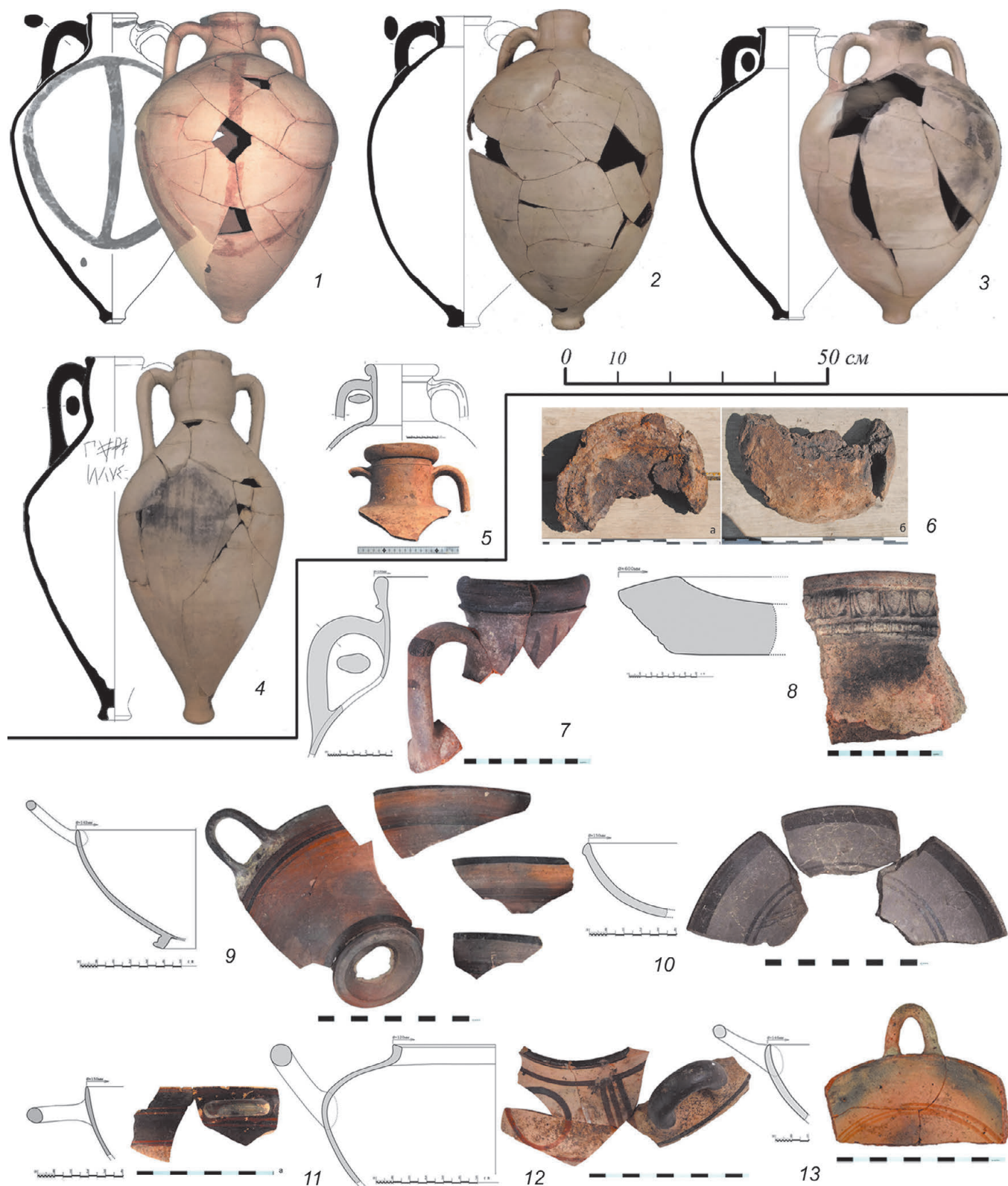

Рис. 25. Находки из горелого слоя (II) над полом: 1–5 – амфоры; 6 – глиняная затычка амфоры; 7, 9–13 – «ионийская» группа керамики; 8 – толстостенная плоская чаша с рельефным орнаментом по боковой грани

миниатюрная хиосская (?) – рис. 26. 5), ойнохоя (1 фр.), кувшины (18 фр.), килики (31 фр.; рис. 25. 9, 13), *ionian cup* (1 фр.), миска (рис. 25. 10), котилы (4 фр.; рис. 25. 11), тарный сосуд (рис. 25. 12), чаша (рис. 26. 1, 3).

Аттическая посуда: стенки чернолаковой керамики (24 фр.), ольпа (1 фр.), килики (37 фр., в том числе: *Stemless, Large, inset lip / plain rim*³⁹ – рис. 26. 4; *Cup 'B' plain rim*⁴⁰ – рис. 26. 6), скифосы (2 фр.), солонка (рис. 26. 7)⁴¹, аск (1 фр.).

Коринфские котилы (5 фр.).

Простая гончарная посуда: красноглиняные кувшины (6 фр.), миски (2 фр.), кастрюли (4 фр.; рис. 27. 6а), леканы (2 фр.; рис. 27. 6б); сероглиняный чернолощённый кувшин (1 фр.).

Предметы из металла: дисковидный из свинца (рис. 27. 3), железное орудие труда (лемех? – рис. 27. 9), железный «стержень», найденный ниже уровня пола в СЗ углу пом. 2 (рис. 27. 12), золотой перстень (рис. 27. 10).⁴²

Светильники открытые: крупный двухрожковый с высокой центральной втулкой, декорированной горизонтальными полосками (в ионийском стиле); миниатюрный однорожковый красной глины⁴³ (рис. 27. 1, 2).

Грузило керамическое усеченно-пирамидальной формы (рис. 27. 4).

Оселок каменный, обнаружен в вертикальном положении внутри раздавленной ионийской ойнохои (рис. 27. 5).

Прочее: черепица (2 фр.), лутерий (рис. 27. 7), кристаллический гипс (3 куса; рис. 27. 11), мраморный лутерий (рис. 27. 8).

Если оценивать ситуацию в целом, можно сказать, что характер находок и их распределение в заглубленном помещении 2 противоречит идее, будто в нем могли производиться какие-то ритуальные действия. Находки из слоя рушенного сырца (штыки 15–17), перекрывающего пожарище, относительно немногочисленны, невыразительны, но разнообразны.⁴⁴ В верхнем горизонте этого слоя, сразу под вышележащим горелым слоем (I), около ЮВ угла пом. 2 были найдены два пустотелых поддона высоких ножек двух крупных чаш (периррантериев?) близких размеров, но разной профилировки (рис. 28. 12, 13 и 14), расколотых на две и три части. Довольно аккуратные сколы на одном уровне поддонов допускают мысль, что они могли использоваться вторично, например, в качестве алтаря для возлияний.⁴⁵

Находок в мешанном горелом слое I (штыки 12–14) тоже немного. Это фрагмент черепицы, обломки стенок амфор, 1 фрагмент хиосской ранней пухлогорлой, ручки пухлогорлых амфор без полосок, фрагмент края кастрюли; аттическая чернолаковая керамика представлена фрагментами стенок сосудов и профилированными обломами киликов, лекан, солонок. Помимо тарной и столовой посуды здесь представлены: обломки трех терракотовых статуэток (28. 5–8), принадлежащих типу «богиня, сидящая на троне»⁴⁶; три керамических грузила усеченно-конической формы и близких размеров (28. 1–3); фрагмент неопределимого функционально металлического предмета; два обломка от одного алебастрового алабастра (28. 4). Следует обратить внимание еще на две категории находок, которые имеют отношение к остаткам конструкции постройки. *Одна*, очевидно, представляет собой отделку стен помещений в интерьере: многочисленные находки обломков (в основном небольших) белой и красной «штукатурки» на глиняной основе (см. рис. 29. 3–6)⁴⁷, в том числе профилированной. *Другая* – это куски обгоревшей глиняной обмазки (печина), на которой сохранились следы стеблей травянистых растений (29. 1, 2), которые, по всей видимости, использовались при сооружении перекрытий.⁴⁸ По нашему мнению, эти

³⁹ Sparkes, Talcott, 1970, 268, nos. 469/474: ок. 480–470 / 460–450 гг. до н.э.

⁴⁰ Ibid., 265, no. 432: ок. 500–480 гг. до н.э.

⁴¹ Ibid., 297, nos. 854–862, в основном ок. 475–450 гг., позднейшие – ок. 450–425 гг. до н.э.

⁴² См. Трейстер 2020, 233 слл. Автор датирует перстень рубежом 6–5 вв. до н.э. Этот предмет был обнаружен в восточном конце пом. 1, около СВ его угла.

⁴³ Еще два аналогичных открытых миниатюрных светильника найдены в ходе разборки сырцовых стен подвала в 2020 г. Не исключено, что это своего рода строительные жертвы, примеры чему в Фанагории хорошо известны (см.: Завойкин 2007; 2018б).

⁴⁴ Во фрагментах: черепица (2 фр.); амфоры: стенки (274 фр.), хиосская ранняя пухлогорлая (1 фр.), хиосские развитые пухлогорлые (8 фр.), эолийская красноглиняная (1 фр.), «прото-фасосские» (2 фр.), Северо-Западной Эгеиды (2 фр.); кувшины (7 фр.), миска (1 фр.), кастрюля (1 фр.), стенка лепной керамики (1 фр.); керамика ионийская: стенки (5 фр.), кувшины (3 фр.), ольпы (2 фр.), миска (1 фр.), светильник (1 фр.), чаша одноручная (1 фр.), тарные сосуды (2 фр.); аттическая чернолаковая керамика: стенки (2 фр.), кувшины (4 фр.), килики (4 фр.; рис. 28. 11), леканы (2 фр.; рис. 28. 10), солонка (1 фр.); сосуд сероглиняный чернолощённый (1 фр.); светильник открытый (1 фр.); статуэтка терракотовая (1 фр.).

⁴⁵ В отечественной литературе для таких алтарей используют наименование «эсхара», на наш взгляд, не очень подходящее, поскольку прежде всего – это очаг (LSJ s.v. ἔσχαρα), при всей многозначности этого термина у античных авторов (см. Yavis 1949, 93–94).

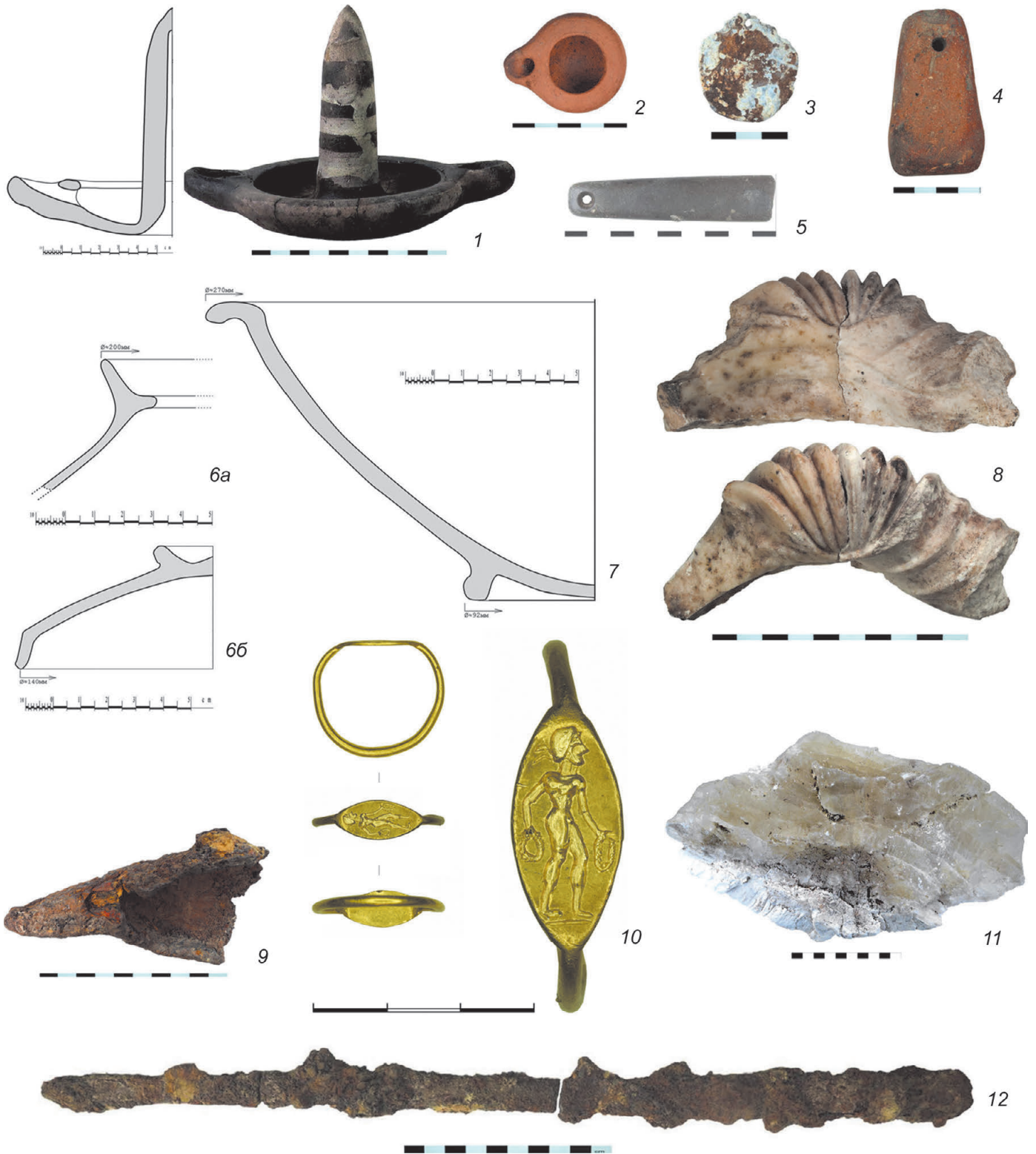
⁴⁶ Статуэтки, выполненные в форме очень суммарно, вероятно, были расписаны краской, которая не сохранилась из-за сильного повреждения в пожаре.

⁴⁷ Поверх глины наносился тонкий слой гипса, после чего поверхность шлифовалась и/или покрывалась красным пигментом.

⁴⁸ Ср. Завойкин 2018, 124–125, рис. 33.

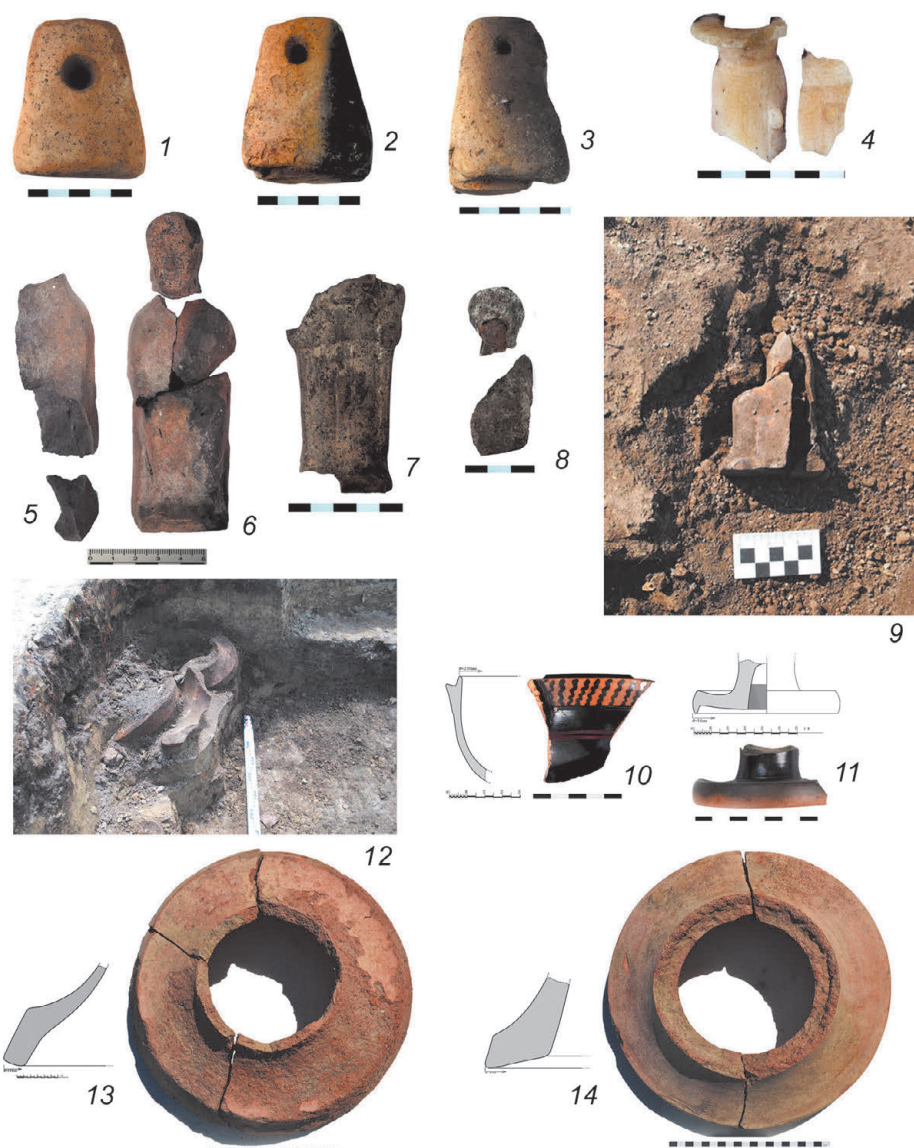
Рис. 26. Находки из горелого слоя (II) над полом: 1–3, 5, 8 – «ионийская» группа керамики; 4, 6, 7 – аттическая чернолаковая керамика; 9 – красноглиняный кувшин (1 – ФМ-НВ-117/13; 5 – ФМ-КП-67/2 А2052 ГК 17938013; 8 – ФМ-КП-67/3 А2053 ГК 17938020; 9 – ФМ-КП-67/5 А2055 ГК 17938017)

Рис. 27. Находки из горелого слоя (II) над полом: 1, 2 – светильники; 3 – предмет из свинца; 4 – грузило керамическое; 5 – оселок каменный; 6, 7 – простая гончарная посуда; 8 – обломок мраморного лутерия; 9, 12 – железные предметы; 10 – золотой перстень; 11 – кристаллический гипс (1 – ФМ-КП-67/6 А2056 ГК 17938022; 2 – ФМ-КП-61/20 А2043 ГК 17077225; 5 – ФМ-КП-67/4 А2054 ГК 17938014; 8 – ФМ-НВ-117/24; 10 – ФМ-КП-102/1 А2278 ГК 31684945)

Рим. 28. Находки из горелого слоя (I) над завалом сырцовых стен: 1–3 – грузила керамические; 4 – обломки алебастрового алабастра; 5–8 – фрагменты терракотовых статуэток («богиня, сидящая на троне»); 9 – то же *in situ* (28.6); 10, 11 – фрагменты аттической чернолаковой керамики; 12–14 – поддоны керамических периррантериев (28.12 – *in situ*, в нижней части слоя I) (4 – ФМ-НВ-117/25; 10 – ФМ-НВ-117/1)

материалы непосредственно связаны с наземной частью храма (835), а не с какой-то другой постройкой.

Храм 743 располагался (как предшествующие и последующий) на перекрестке двух мощных черепками улиц: одна из них (301) протянулась с запада на восток, другая (475) шла с юга на север. От сырцово-кирпичных стен здания сохранилось (местами) максимум 5–6 рядов кладки. Верхние ряды были полностью уничтожены при возведении каменного фундамента более позднего храма (675) прямо поверх остатков стен предшествующего (рис. 1. 3; 30. б).⁴⁹ Сырцовые стены не имели каменного фундамента и были установлены непосредственно на выровненную поверхность здания с подвалом (835)⁵⁰, погибшего в сильном пожаре (рис. 30. а; 31. 2).⁵¹ Северная часть здания, ориентированного продольной осью с ЮЮВ на ССЗ (отклонение к западу ок. ~7°), почти не сохранилась. От нее остался лишь отрезок западной стены (продолжение стены 743/4 к северу, за трассу стены-перегородки 743/1) на уровне кирпичей нижнего ряда кладки (рис. 32). Этого, однако, достаточно для того, чтобы с уверенностью

⁴⁹ Кроме того, восточная стена пострадала при сооружении цистерн винодельни в 4 в. н.э. (Завойкин, Завойкина 2021), а западная стена (частично) и пол южной половины помещения были разрушены шурфом на дне траншеи, проложенной под руководством И.Е. Забелина в 1870–1872 гг.

⁵⁰ См. Кузнецов 2019а, 402–403, рис. 4.

⁵¹ Завойкин 2019б, 110–111, рис. 1. 4–8; 2–3.

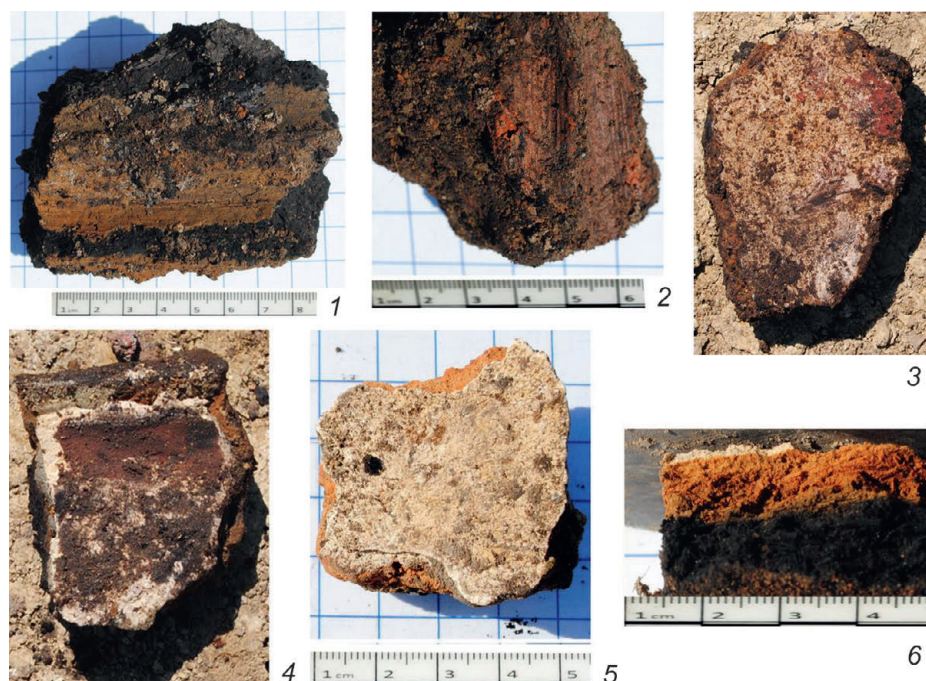

Рис. 29. Фрагменты глиняной обмазки перекрытий (1, 2) и стен (3–6)

Рис. 30. Планиграфическое соотношение храмов: а – 835 и 743; б – 743 и 675 (по: Кузнецов 2019)

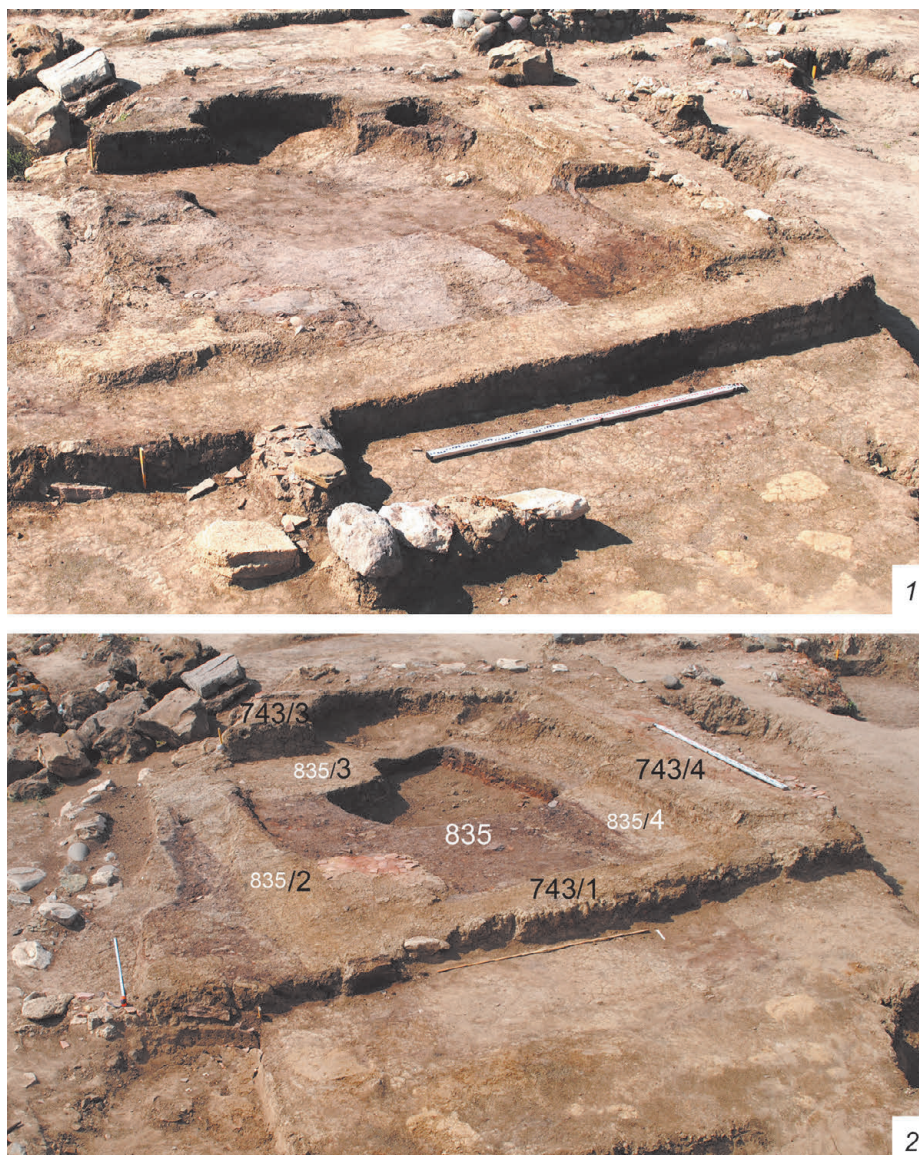
интерполировать планировку предшествующей и последующей построек на здание 743.⁵² Хотя, разумеется, размеры северного помещения могут быть определены лишь приблизительно.⁵³

Итак, описываемое прямоугольное в плане здание имело внешние размеры $5,4 [+ \text{ок. } 1,4 = 6,8] \times 4,25$ м. Внутреннее его пространство было разделено стеной-перегородкой на два помещения: небольшое северное (ок. $1,4 \times 3,35$ м; площадь $4,7 \text{ м}^2$), по всей видимости, служило *пронаосом*, огражденным с запада и востока антами, между которыми могла помещаться пара небольших колонн; и большее южное ($4,3 \times 3,35$ м; площадь $14,4 \text{ м}^2$) – *наос*. Пол в храме был земляным, сравнительно плотным и неровным (сохранился, как было отмечено, в северной части внутреннего помещения). На его поверхности зола и, вдоль

⁵² См. Кузнецов 2019, рис. 3. 1. Надежно интерпретировать картину, открывшуюся на зачистке после удаления остатков трамбовки перед входом в здание 675 (см. ниже), представленную на рис. 31, стало возможным только после того, как в 2018 г. было раскопано здание 835.

⁵³ Ряд из четырех камней к востоку от края предполагаемого анта восточной стены (рис. 31. 1), лежавших немного выше нижнего ряда кирпичей западного анта, может рассматриваться в качестве фундамента «северной стены» лишь предположительно, если допустить, что эта кладка служила опорой для колонн, располагавшихся между антами (что не лишено резона).

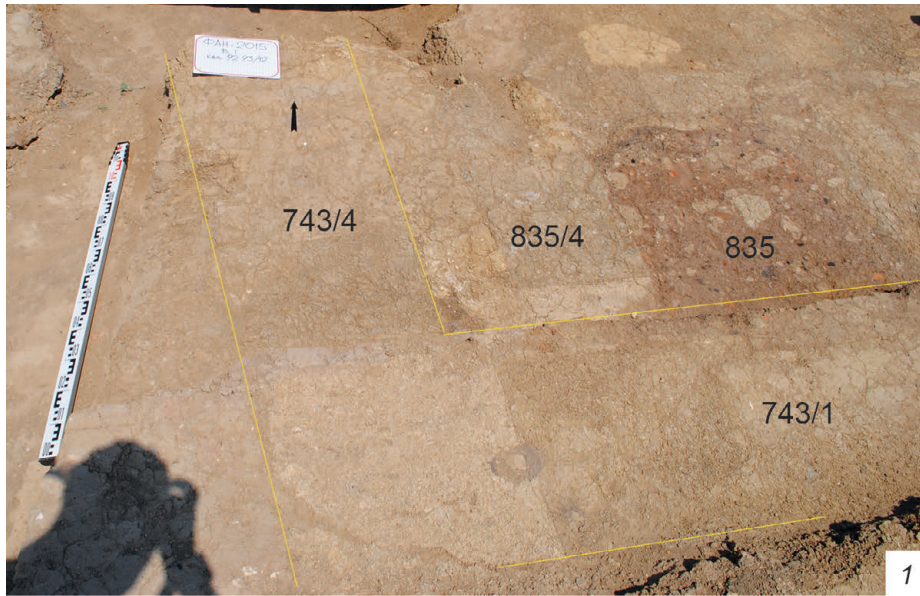
Рис. 31. Храм 743: 1 – общий вид остатков стен с ССВ; 2 – верхний слой пожарища храма 835 под ними, с ССВ

западной стены, оранжевые и черные пятна – следы пожара, в котором погибло здание. Особенно отчетливо следы пожара видны на обмозке внутреннего фаса западной стены, прогоревшей до темно-бурого и даже черного цвета (рис. 33).

В северо-восточном углу помещения располагался овальной формы очаг (1,2–1,3×0,8 м). Он представляет собой глиняную подушку толщиной около 10 см, положенную на пол. Сверху она покрыта плоско лежащими вплотную друг к другу черепками. Фрагменты керамики сверху покрыты слоем глины толщиной 1–2 см, поверхность которой обгорела до темно-оранжевого цвета (рис. 31. 2; 34. 1, 2).

Находки, связанные с храмом немногочисленны, но их вполне достаточно для датировки строительства архитектурного объекта, стратиграфическая позиция которого определяет его *terminus post quem* – 60/50-е годы 5 в. до н. э. (по времени гибели нижележащего храма 835). В слое рушенного сырца над полом найдена нижняя часть мендейской амфоры (рис. 35. 1; 36. 4), которую следует датировать второй половиной 5 в. до н. э. Одна из трех ножек хиосских амфор с прямым горлом была найдена в том же слое в районе восточной стены (рис. 36. 6),

Рис. 32. Западный ант северного помещения храма 734: 1 – с ЮЮЗ; 2 – с севера

а рядом с ней – еще одна, немного заглубленная в пол, стоявшая вертикально⁵⁴ (рис. 35. 2). Таким образом, финальная дата жизни храма 743 не выходит за рубеж 5–4 вв. до н. э. Под стеной 743/1 была найдена фрагментированная аттическая чернолаковая чашечка с прямым венцом на кольцевом поддоне в виде округлого в сечении валика⁵⁵ (рис. 34. 4; 36. 2), точного соответствия которой в материалах афинской агоры отыскать не удалось.⁵⁶ В верхнем горизонте сохранившейся части той же стены найден фрагментированный аттический (?) открытый однорожковый втульчатый светильник⁵⁷, изнутри покрытый лаком красного цвета (рис. 34. 3; 36. 1).⁵⁸ Ко времени жизни храма относится фрагментированная красноглиняная тарелка, лежавшая на полу рядом с очагом, перевернутая поддоном кверху (рис. 34. 1; 36. 3). Так же на полу, поблизости от восточной стены плашмя лежал обломок красноглиняного солена (рис. 35. 2; 36. 7).⁵⁹ Остальные находки происходят из слоя заполнения южного помещения, в том числе это небольшие фрагменты: ранних пухлогорлых хиосских амфор; тарелок, кастрюли; ионийской керамики (единичные

⁵⁴ Уверенности в том, что это нижняя часть тарного сосуда, установленного в помещении, нет.

⁵⁵ Предметы хранятся в ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория». Номера хранения указаны в подписях под рисунками.

⁵⁶ Ближайшая аналогия (Sparkes, Talcott, 1970, 297, no. 863, pl. 33), датируется ок. 430 г. до н. э. Чаша чуть меньше диаметром и высотой (10,1 / 3,0 см), внешняя криватура венца, немного наклоненного вовнутрь, выражена сильнее.

⁵⁷ Howland 1958, 53, nos. 193, 194, pls. 7, 35 (тип 22A); no. 194 датируется ок. 500–480 гг. до н. э.; ср.: Bailey 1975, 35; Журавлев и др. 2007, 65, № 90 – первая половина 5 в. до н. э.

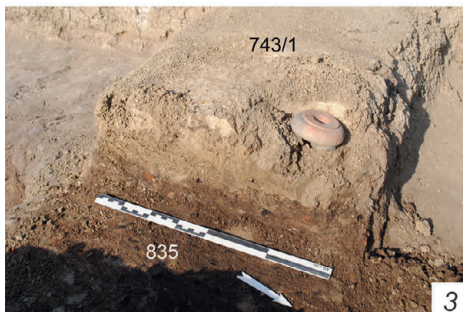
⁵⁸ Маловероятно, что это строительная жертва. Скорее, предмет попал сюда после разрушения храма 743.

⁵⁹ Эта находка, конечно, не дает оснований говорить о том, что крыша была черепичной, хотя это, на наш взгляд, не исключено.

Рис. 33. Следы пожара в СЗ углу южного помещения храма 743: 1 – вид с востока; 2 – обгоревшая обмазка внутреннего фасада его западной стены (деталь)

Рис. 34. Храма 743: 1 – очаг в СВ углу южного помещения с глиняной обмазкой и миской рядом с ним; 2 – черепяное основание очага; находки в стене 743/1: 3 – светильник; 4 – чернотаковая мисочка

Рис. 35. Некоторые находки в южном помещении храма 743: 1 – нижняя часть мендейской амфоры над полом у северной стены; 2 – ножка хиосской амфоры у восточной стены

фрагменты киликов, миски и тарелки); аттической чернолаковой керамики – скифоса, миски, леканы (рис. 36. 9), светильника; а также – керамическое пряслице (рис. 29. 5) и бронзовый трехлопастный наконечник стрелы (рис. 36. 10).

Гибель храма в пожаре и даже единичная находка наконечника стрелы заставляют вспомнить о синхронных событиях, получивших яркое отражение в археологических комплексах на южной окраине Фанагории.⁶⁰ Наиболее яркий архитектурно-планировочный комплекс первой половины 4 в. до н. э. – это общественное здание (460) и сопровождающие его сооружения и вымостки площадей, обустроенные в самом начале столетия к югу от места расположения погибшего в пожаре храма. Этот комплекс формируется в самом начале 4 в. до н. э.⁶¹ По-видимому, тогда же над руинами старого храма (743) возводится и новый храм.

⁶⁰ См. Завойкин 2004.

⁶¹ См. Завойкин 2018а.

Рис. 36. Находки из храма 743: 1 – светильник; 2 – аттическая чернолаковая мисочка; 3 – красноглиняная миска; 4 – нижняя часть амфоры Менды; 5 – керамическое пряслице; 6 – ножка хиосской амфоры; 7 – фрагмент боспорского солена; 8 – венчик красноглиняной миски; 9 – венчик аттической леканы; 10 – бронзовый наконечник стрелы (2 – ФМ-НВ-117/2; 3 – ФМ-НВ-117/8)

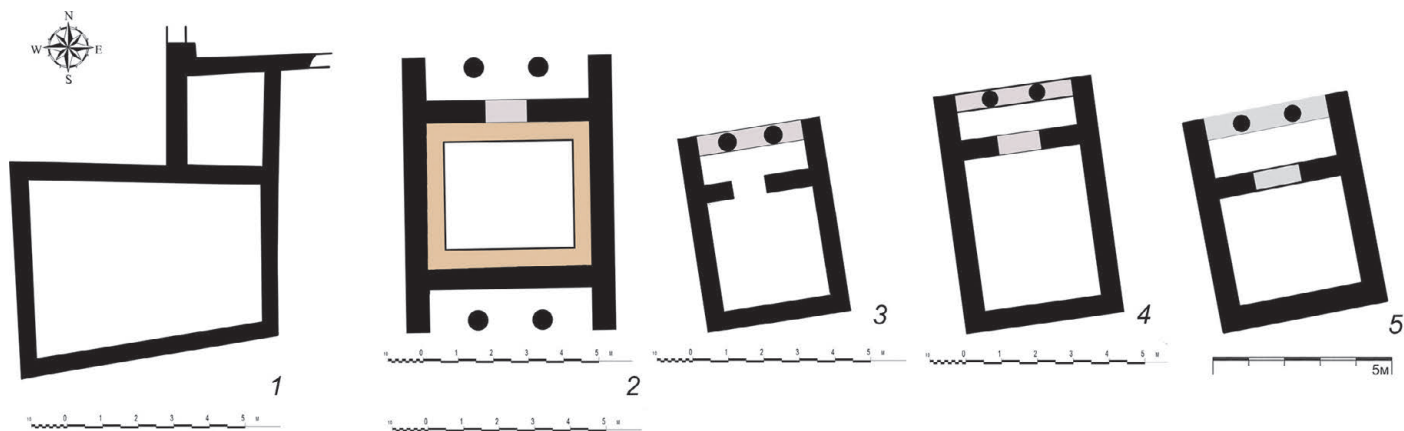

Рис. 37. Фундамент храма 675, виды:
1 – с СЗ; 2 – с запада; 3 – с севера

Храм 675. От него, к сожалению, сохранились (с утратами) только камни фундамента, но план постройки восстанавливается надежно. Храм был построен над развалинами предшествующего, с небольшим смещением к югу (рис. 30.б; 38. 5). Как и тот, он ориентирован продольной осью с Ю-В на ССЗ (с отклонением западу на $\sim 11^\circ$). Здание имело два помещения: меньшее (*пронаос*) в северной части и большее (*наос*) – в южной (рис. 37; 38. 5).

Общие размеры храма таковы: с севера на юг – 5,9–6,0 м (восстановленная длина, т. к. внешний панцирь южной стены не сохранился); с востока на запад – 4,5 м (площадь – 27 м²). Размеры *наоса* по внутреннему периметру: с севера на юг – 3,2 м, с востока на запад – 3,3 м (10,6 м²). Размеры *пронаоса* (по внутреннему периметру): с севера на юг 1,1 м, с востока на запад – 3,3 м (3,6 м²). Кладка фундамента из необработанных камней (в основном известняк, песчаник средних размеров) иррегулярная двухпанцирная с забутовкой мелкими камнями, отдельные крупные камни положены поперек на всю ширину; высота кладок – до двух рядов камня. Ширина кладок в среднем от 0,50/55 до 0,60 м, кроме северной (675/1) – 0,60 м, поверхность которой

Рис. 38. Схематические планы построек на священном участке с элементами реконструкции: 1 – 869 (третья четверть 6 в. до н. э.); 2 – 870 и 890 (последняя четверть 6 – первая четверть 5 в. до н. э.); 3 – 835 (вторая четверть 5 в. до н. э.); 4 – 743 (середина – последняя четверть 5 в. до н. э.); 5 – 675 (4 в. до н. э.)

ниже остальных⁶², и фундамента стены-перегородки (675/5) – 0,45 м. Следует обратить внимание, что сохранившиеся полностью участки кладок 675/2 и 4 имеют ровную поверхность (уровень –2,77–2,79 м), что указывает на то, что кладки самих стен храма были построены из сырцового кирпича.

С северной стороны перед входом располагалась вымостка-трамбовка из мелкой гальки и песка толщиной 0,10–0,15 м. Ее поверхность на 0,30 м понижалась к северу, а в месте примыкания к внешнему фасу кладки 675/1 (северной) немного возвышалась над верхним краем камней.

К сожалению, нет возможности связать с этим сооружением какие-либо находки. Слой над фундаментом был поврежден при строительстве в позднеантичное время винодельни⁶³, а также шурфом траншеи И. Е. Забелина. Соответственно, сложно аргументированно говорить о финальной датировке храма. В любом случае она не выходит за пределы конца 2 в. до н. э., когда началось строительство так называемой «резиденции Митридата VI» (85). Хотя, конечно, нельзя исключать и более ранней даты.

И последнее, о чем следует упомянуть. Как было сказано, храм 675, сохраняя традиционную ориентацию, немного смещен относительно предшествующих культовых построек к югу (рис. 30.б), частично перекрывая вымостку (301) улицы архаического – раннего классического времени. Примерно в 3–4 метрах к востоку от храма, над северным краем вымостки этой улицы в 4 в. до н. э. было возведено сооружение (670), длина фундамента которого – 16,9 м, ширина 1,2 м. В это основание постройки, ориентированной почти строго⁶⁴ по линии запад – восток, были «вмонтированы» пять тщательно выложенных каменных площадок. Их центры находились на равном друг от друга расстоянии (ок. 3,2–3,4 м). Очевидно, они служили опорами для колонн. По нашему мнению, это остатки монументально оформленного входа (пропилеев)⁶⁵ на общественную площадь, на которой размещалось большое общественное здание (144).⁶⁶ Поверхность каменной «постели» (нижний слой фундамента) под несохранившиеся плиты этого архитектурного сооружения несколько выше⁶⁷ верхнего уровня камней фундамента храма 675. Поэтому полагать, что обе постройки были синхронными сложно, тем более что ориентировка пропилеев строго по сторонам света более соответствует планировке акрополя после середины 4 в. до н. э.⁶⁸

К этому времени храма, возведенного, возможно, еще в начале 4 в. до н. э., конечно, могло уже и не существовать. Однако вероятнее, что он продолжал функционировать, сохраняя традиционную ориентировку с отклонением от истинных сторон света.

⁶² Ее поверхность приходится на уровень –3,00–3,10 м, подошва –3,15 м, тогда как у других: –2,79–2,87 и –3,01–3,10 м. Объясняется это тем, что кладка 675/1 могла служить опорой колонн, расположенных между антами, а не основанием стены; кроме того, она могла выполнять роль подпорной стенки со стороны склона холма, что характерно для ряда построек «Верхнего города», начиная с архаического времени (см. Завойкин, Кузнецов 2011).

⁶³ См. Завойкин, Завойкина 2021.

⁶⁴ Отклонение к северу – 2°.

⁶⁵ См.: Кузнецов 2014, 26–27; 2015, 80–81; Завойкин 2018а, 112–113.

⁶⁶ Завойкин 2019а.

⁶⁷ Наивысшие точки на камнях фундамента –2,60–2,65 м. С учетом того, что на этом фундаменте должны были лежать плиты, разница уровней составляла заметно более 0,15–0,20 м.

⁶⁸ См. Завойкин 2020. Единственная датированная находка из конструкции 670 – ножка фасосской амфоры, которая позволяет лишь отнести это событие ко времени от середины 4 в. до н. э.

* * *

Итак, раскопки в центральной части верхнего плато городища Фанагории выявили на одном и том же месте остатки четырех культовых построек, последовательно сменявших одна другую на протяжении веков. Их планы с полной определенностью указывают на то, что это были общественные здания, вероятно небольшие по размерам храмы (ок. 5,5×7,8 (?) м; 4,1×5,5 м; 4,25×6,8 м; 4,5×6,0 м)⁶⁹, которые располагались в юго-западном углу квартала, образованного двумя взаимоперпендикулярными магистральными улицами. На наш взгляд, не может быть сомнений в том, что в все эти здания выполняли одну и ту же функцию – служили для культовых целей.⁷⁰

Вместе с тем, определенные сомнения в том, что эти постройки были храмовыми высказывались.⁷¹ Однако при анализе функционального назначения этих построек необходимо учитывать ряд обстоятельств. И прежде всего то, что их сохранность осложняет или даже делает недопустимыми выводы, построенные на основе отсутствия тех или иных «критериев храма».

Так, о характере находок, связанных с самой ранней из этих построек (870) говорить не приходится: все ее внутреннее пространство и большая часть стен были уничтожены сначала котлованом 890, а затем – котлованом постройки 835. То же самое можно сказать о сохранности слоя, связанного с антовой постройкой 675. От нее уцелели (с утратами) только кладки фундамента. Немного что осталось и от соответствующего слоя постройки 743, в ней находок мало. В нашем распоряжении только те находки, что были обнаружены в подвале постройки 835. Причем имеются все основания считать, что они под развалом стен сохранились (в основном в разрушенном виде) *in situ*. Однако следует принять во внимание, что на этом месте жизнь не просто продолжалась, но после катаклизмов и разрушений этих антовых построек здесь же возводилось новое здание, выполнявшее ту же функцию, что и предшествующее. Следовательно, наиболее ценные и значимые предметы, даже те, что пострадали в огне, должны были, по возможности, извлекаться из руин и вновь использоваться. Все эти предметы принадлежали божеству и должны были переходить от одного храма к другому «по наследству» или списываться. То же самое относится к таким храмовым атрибутам, как алтари и ограды. Кроме того, при остром дефиците камня рассчитывать на их обнаружение *in situ* весьма сложно. Северная ориентировка небольших фанагорийских построек вовсе не противоречит их культовой атрибуции. Одни только северопричерноморские примеры⁷² доказывают, что восточная ориентировка храма – вовсе не безоговорочное правило.⁷³ На выбор положения храма относительно сторон света в большей или меньшей мере оказывали влияние и особенности топографии местности, и другие факторы.

Таким образом, вся совокупность имеющихся в нашем распоряжении фактов приводит к выводу, что все рассмотренные постройки (кроме 869) представляли собой небольшие храмы. К сожалению, сохранившиеся к моменту их открытия данные не позволяют обоснованно судить о характере культа, с которым эти храмы были связаны. Быть может, наличие в храме 835 заглубленного в землю пространства, имеющего план *templum in antis*, дает основание предполагать здесь отправление хтонических культов.

И в завершение мы обязаны вспомнить о постройке (869), которая предшествовала строительству этих четырех храмов. Ее открытие, вернее – ее планировка стала для нас неожиданностью, поставившей под сомнение тезис, согласно которому место под храм было определено колонистами изначально. Оказалось,

⁶⁹ Их пропорции (длина к ширине): 1,4 (?) – 1,34 – 1,58 – 1,33.

⁷⁰ Особенно важно отметить тот факт, что позднейшее из них (675) в том же качестве функционирует и после того, как планировка этого района города изменилась.

⁷¹ См. Чистов 2022а, 189, 198. Здесь речь ведется о зданиях 835, 743 и 675, отмеченных в контексте критического анализа функционала других антовых построек Северного Причерноморья.

⁷² См. Там же, 190, рис. 1.

⁷³ Не говорим уже о небольших культовых постройках типа *templum in antis* («сокровищницы») в святилищах, например, в Дельфах или самосском *Герайоне*, о которых говорилось выше, ориентированных в пространстве весьма разнообразно.

что раннему храму предшествовало здание, планировкой никак не напоминающее храм. Бесплезно гадать, было ли оно частным жильем или постройкой общественного характера, и почему в последующие времена на его месте возводятся исключительно храмы. Тем не менее, перед нами факт смены характера функционального использования данного участка городской застройки, расположенного, напомним, на перекрестке магистральных улиц. Сложно усомниться в том, что подобное изменение могло быть обусловлено только какими-то очень важными обстоятельствами. Это явно не рядовое событие. Строительство этого здания относилось к первым годам жизни новой колонии⁷⁴, и трудно удержаться от соблазна предположить недоказуемое: не является ли эта постройка *ойкосом* самого *ойкиста*? В таком случае на построенные после его кончины храмы можно было бы попытаться взглянуть под углом зрения культа героя-основателя, своего рода *героон*.⁷⁵ «Смена парадигмы» приходится на рубеж третьей и последней четверти 6 в. до н. э. Но кто знает, в котором году закончил свой земной путь Фанагор, «бежавший от насилия персов» (Arr. Bith. Fr. 55 Rose)?

Авторы статьи в полной мере сознают, сколь слабы аргументы в пользу такого рода «романтической» версии, и, конечно же, на ней вовсе не настаивают. Рассмотренные факты в историческом плане важны разве что как иллюстрация того, что в жизни молодой колонии теосцев происходили некие весьма важные события, о которых рассуждать, опираясь только на данные археологии, практически невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондаренко Д. В., Чистов Д. Е. 2021. «Квартал гончаров» (участок «ГШ») в системе застройки и в экономике архаического Борисфена // *Stratum plus* 3, 235–258.
- Буркерт В. 2004. Греческая религия. Архаика и классика. Санкт-Петербург.
- Журавлев Д. В., Быковская Н. В., Желтикова А. Л. 2007. Светильники VI – первой половины III в. до н. э. Т. I (Из собрания Керченского историко-культурного заповедника). Киев.
- Завойкин А. А. 2004. Фанагория во второй половине V – начале IV вв. до н. э. (по материалам «Южного города») (ДБ Suppl. I). Москва.
- Завойкин А. А. 2007. О строительной жертве из Фанагории // Из истории античного общества, 9–10. Сб. научных трудов к 60-летию проф. Е. А. Молева. Нижний Новгород, 42–54.
- Завойкин А. А. 2018а. Общественное здание 4 в. до н. э. на акрополе Фанагории // В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 3* (Фанагория 6). Москва, 101–141.
- Завойкин А. А. 2018б. Новая строительная жертва из Фанагории // ПИФК 3, 90–97.
- Завойкин А. А. 2019а. Эллинистическое общественное здание на акрополе Фанагории // ПИФК 4, 297–321.
- Завойкин А. А. 2019б. О пифоидных амфорах «с полыми доньями» из Фанагории // КСИА 254, 104–118.
- Завойкин А. А. 2019в. Новые амфорные комплексы из раскопок «Верхнего города» Фанагории // ДБ 24, 232–252.
- Завойкин А. А. 2020. Акрополь Фанагории в эпоху Спартокидов // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. 2. Самара, 11–13.
- Завойкин А. А. 2023. Амфорный комплекс дома 888 на «Верхнем городе» Фанагории // ПИФК. 3, 55–68.
- Завойкин А. А., Завойкина Н. В. 2021. Винодельня на акрополе Фанагории // КСИА 265, 104–124.

⁷⁴ Лишь мимоходом отметим, что под слоем серой глины, на которой лежали стены западной части здания 869 (восточная его часть лежала непосредственно на материковом песке), на материке были прослежены незначительные следы временных древнейших сооружений. Это небольшие отрезки узких полосок светлой глины (едва ли это остатки сырцовых кирпичей, поставленных на ребро), ориентированных по линии запад – восток, без следов опор (в данном случае, столбовых ямок), подобные аналогичным остаткам, обнаруженным в других местах под древнейшими сырцово-кирпичными зданиями на «Верхнем городе». К сожалению, ни о характере, ни о планировке этих сооружений ничего определенного сказать нельзя. Очевидно лишь то, что они относятся к жизни колонии первых годов (если не месяцев) после ее основания.

⁷⁵ Ср. рассуждения на эту тему в связи с другим культовым комплексом (783) на «Верхнем городе» (Кузнецов 2019, 412–413).

- Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. 2011. Древнейшее общественное здание в Фанагории // ПИФК 4, 188–198.
- Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. 2013. «Верхний город» Фанагории в 5 в. до н. э. (проблемы периодизации и урбанистики) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанистики (Боспорские чтения XIV). Керчь, 182–189.
- Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. 2019. Заметки о вторичном использовании амфор в Фанагории в архаический период // Нурапис 1, 73–97.
- Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. 2020. Хронология архаического дома из Фанагории // Нурапис 2, 129–140.
- Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. 2023. Фанагория в период поздней архаики – ранней классики (стратиграфия, хронология, периодизация // ДБ. 28, 126–148.
- Завойкина Н. А. 2022. Новые коммерческие надписи на амфорах V–IV вв. до н. э. из Фанагории // ДБ. 27, 113–123.
- Кузнецов В. Д. 2001. Раскопки последних лет в Фанагории // Таманская старина 1, 9–14.
- Кузнецов В. Д. 2011. Заметки о культурном слое Фанагории // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований (Методика полевых археологических исследований 4). Москва, 117–130.
- Кузнецов В. Д. 2018. Домостроительство Северного Понта (эпоха архаики) // В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 4 (Фанагория 7). Москва, 117–135.
- Кузнецов В. Д. 2019. К ранней истории Фанагории // ДБ 24, 398–416.
- Кузнецов В. Д. 2021. Архаические стены Фанагории // Нурапис 3, 111–130.
- Цветаева Г. А. 1972. Производство расписной керамики в Фанагории в VI–V вв. до н. э. // КСИА 130, 21–24.
- Чистов Д. Е. 2022а. Древнейшие антовые постройки Северного Причерноморья // АВ 35, 187–201.
- Чистов Д. Е. 2022б. Греческая урбанизация Северного Причерноморья архаической эпохи. Дисс. ... доктора ист. наук. Т. 1. Санкт-Петербург.
- Шелов-Коведяев Ф. В. 2023. De titulis Bosporanis et viciniis VII // ДБ 28, 433–451.
- Berquist V. 1967. The Archaic Greek Temenos. A Study of Structure and Function. Lund.
- Hellmann M.-C. 2006. L'Architecture grecque. 2. Architecture religieuse et funéraire. Paris.
- Howland R. H. 1958. Greek Lamps and their Survivals (The Athenian Agora IV). Princeton.
- Kyrieleis H. 2005. The Heraion at Samos // R. Hägg, R., N. Marinatos (eds.), Greek Sanctuaries. New Approaches. New York–London, 99–122.
- Sparkes B. A., Talcott L., 1970. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. (The Athenian Agora XII/1, 2). Princeton.
- Yavis C. G. 1949. Greek Altars. St. Louis.

Н. В. Завойкина

САРМАТСКАЯ ТАМГА НА МЕДНЫХ МОНЕТАХ АСПУРГА: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. В начале осени 14 г. по возвращению из Рима царь Аспург осуществил кратковременный выпуск медной монеты типа «Арес / трофей». На ее л. с. изображена сарматская тамга, на о. с. – царская монограмма. Эта тамга послужила основанием для гипотезы о сарматском происхождении Аспурга. Идентичная изображению на монетах тамга встречена на предметах из нескольких боспорских поселений. Считается, что эта тамга является родовым знаком сарматского клана, который возглавлял Аспург. Представители его клана (аспургиане) проживали в разных поселениях Боспора. Источники не содержат никакой информации о сарматском происхождении Аспурга. Он был сыном царя Асандра (=Асандроха) и Динамии. Серьезных оснований думать о сарматских корнях этих боспорских правителей нет. Проблема происхождения Аспурга оказалась ключевой для ревизии вопроса: кому же принадлежит тамга на царской меди 14 г. Аспург правил Боспором с 9/8 г. до н.э., но его брак с Гепеирией был заключен только ок. 16 г. н.э. Связь Аспурга с миром сарматов несомненна. В связи с этим в статье высказывается гипотеза, что тамга на меди 14 г. н.э. принадлежит первой супруге Аспурга, сиракской «принцессе». Сираки Прикубанья способствовали восхождению Аспурга на боспорский престол. Династический союз с ними позволил ему укрепить свое положение и противостоять устремлениям Августа посадить на боспорский трон очередного ставленника. Представители клана супруги Аспурга проживали в Горгииппии, поселении Владимировка, царской крепости Артезиан. Во время отсутствия Аспурга в 14 г. н.э. на Боспоре сложилась нестабильная обстановка, которая была чревата для царя лишением власти. Предполагается, что первая супруга и «сиракские родственники» царя сыграли важную роль в сохранении боспорского трона для Аспурга в этот сложный период. Появление тамги клана, из которого происходила царица, на выпуске бронзовой монеты было проявлением царской благодарности.

Ключевые слова. Боспорское царство, царь Аспург, сарматская тамга, сираки, аспургиане.

N.V. Zavoykina

SARMATIAN TAMGA ON COPPER COINS OF ASPURGOS: PROBLEM OF INTERPRETATION

Abstract. During the autumn of 14 AD, upon returning from Rome, King Aspurgos briefly issued copper coins of the “Ares / trophy” type. The obverse side features a Sarmatian *tamga*, while the reverse showcases the royal monogram. This *tamga* led to the hypothesis of Aspurgos’ Sarmatian origin. A similar *tamga*, identical to the one on the coins, was found on artefacts from several Bosphoran settlements. It is believed to be the emblem of the Sarmatian clan governed by Aspurgos. Members of his clan (Aspurgiano) resided in different Bosphoran settlements. However, historical sources provide no information on Aspurgos’ Sarmatian origins. He was the son of King Asander (Asandrochos) and Dynamia. There is not enough evidence to relate the Sarmatian roots to the Bosphoran rulers. The issue of Aspurgos’ origin became crucial for revisiting the question of the *tamga* on the royal copper dating to 14 AD. Although Aspurgos ruled the Bosphorus from 9/8 BC, his marriage to Gepaepris occurred around 16 AD. Aspurgos’ connection to the Sarmatian world is undeniable. Therefore, this article proposes the hypothesis that the *tamga* on the 14 AD copper coin belongs to Aspurgos’ first wife, the Sirachian princess. The Sirachoi of the Kuban region played a certain role in Aspurgos’ ascent to the Bosphoran throne. A dynastic alliance with them allowed him to strengthen his position and resist Augustus’ attempts to install another protégé on the Bosphoran throne. Members of the wife’s clan lived in Gorgippia, a settlement located not far from modern Vladimirovka, then – a royal fortress of Artesian. During

* Исследование выполнено в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

Aspurgos' absence in 14 AD, the Bosporan Kingdom went through a period of instability, posing a threat to the king's authority. It is speculated that the first wife and the "Sirachoi relatives" of the king played a significant role in preserving the Bosporan throne for Aspurgos during this challenging period. The appearance of the clan *tamga*, from which the queen originated, on the bronze coinage was an expression of royal gratitude.

Key-words. Bosporan Kingdom, king Aspurgos, Sarmatian tamga, Sirachoi, Aspourgiano

К числу малоизвестных артефактов времени царствования Аспурга принадлежит тамга на медной монете (рис. 1). Этот знак изображен на лицевой стороне одного-единственного выпуска медных монет, слева под плюмажем шлема Ареса. На оборотной стороне этих монет изображены трофеи в виде доспеха, слева – царская монограмма **ВАР**, справа от трофея под щитом – знак номинала монеты в 6 единиц, семис.¹ Этот монетный выпуск датируется 14 г.² Датировка основана на употреблении монограммы **ВАР**, которая появляется на боспорском золоте в конце 311 г. б.э. (сентябрь – начало октября 14 г.), сразу же после возвращения Аспурга из Рима.³ На этом основании данный выпуск следует датировать сентябрем 14 – началом 15 г. С начала 312 г. б.э. (середина октября 14 г.) на Боспоре чеканятся ассарии с изображением бюста римского императора Тиберия (в 37–38 гг. – Калигулы) на лицевой стороне и бюстом Аспурга на оборотной. Их чеканят вплоть до смерти Аспурга в начале 38 г. Интересующий нас тип семисов является исключительным. Он самый ранний из выпусков меди с монограммой **ВАР** и не имеет аналогов среди других монет Аспурга.⁴ В монетном деле Аспурга известны медные монеты с монограммой **ВА-М**⁵ того же номинала, которые стилистически близки к типу меди «голова Ареса в шлеме и тамга/трофей из доспехов» (рис. 2). Медь с монограммой **ВА-М** предшествовала выпуску меди с тамгой и сокращением **ВАР**.⁶ Выпуск монет с **ВА-М** приходится примерно на 310–311 г. б.э. (11/12 – 13/14 г. н.э.) и связан с победой Аспурга над скифами и таврами.⁷ Последовательность этих монетных выпусков показывает, что по возвращению из Рима, скорее всего, в сентябре 14 г. Аспург распорядился на победном выпуске медных монет типа «Арес, **ВА-М** / трофей» чеканить новые дифференты: сарматскую тамгу на лицевой стороне и царскую монограмму **ВАР** на оборотной. Если наличие царской монограммы Аспурга на монетах находит исторически обоснованное объяснение, то появление тамги остается проблемой не имеющей, как представляется, однозначного решения. И связано это в первую очередь с состоянием источниковой базы по означенной теме.

Открытие сарматской тамги на меди Аспурга наука обязана К. В. Голенко и Д. Б. Шелову.⁸ Исследователи предположили, что эта тамга представляет собой родовую эмблему Аспурга и символ его личного имени. Тогда же соавторы высказали предположения о связи имени Аспурга с наименованием сарматского племени аспургиан, особой роли этого племени в истории правления Аспурга и о вероятной родственной связи этого царя с племенной знатью. Предположение Голенко и Шелова прочно вошло в научную литературу и получило развитие в исследованиях, посвященных правлению этого боспорского царя.⁹ Однако исследование С. А. Яценко опровергло устоявшееся мнение, что тамга на царской меди является личным знаком Аспурга.¹⁰ Согласно его заключению, сложные тамги (именно такая изображена на меди Аспурга) состоят из двух тамг: верхняя тамга – семьи, нижняя – клана.¹¹ Тамга на меди Аспурга является семейно-родовым знаком собственности сарматского клана.¹² Такие тамги, как правило, маркируют ценные предметы, вещи, животных семьи или клана,

¹ Анохин 1986, 94; Фролова 1997.1, 29, 67, 71.

² Фролова 1997.1, 68.

³ Блаватская 1965, 198–203.

⁴ Фролова 1997.1, 29, 67, 71. Не так давно были опубликованы три монеты этого же типа, но чеканенные новым штемпелем (Крестинский 2019, 21–23). Они отличаются от известных ранее монет расположением на л.с. тамги справа от головы Ареса, на о.с. – монограммы **ВАР** слева от трофея. Одна из монет происходит из с. Парутино Николаевской обл. Украина (bosporan-kingdom.com/318–4730–1–3). Места находки двух других экземпляров не известны. М. М. Чореф полагает, что эти монеты подлинны (Чореф 2019, 99–103). Имеются определенные основания сомневаться в их подлинности. Сомнение вызывает внешний вид этих монет (литые?), нестандартное расположение тамги, неясные условия и места их обнаружения. Поэтому воздержимся от их использования в научных изданиях. Выражаю искреннюю благодарность М. Г. Абрамзону за экспертное мнение по данному вопросу.

⁵ На монетах буквы **ВА** вырезаны слева от головы Ареса, а **МЮ** – справа от нее.

⁶ Фролова 1997.1, 29–31.

⁷ Завойкина 2023б, 258–259.

⁸ Голенко, Шелов 1963, 12–14, рис. 1.

⁹ Карышковский, 1973, 15, 16; Драчук 1975, 58, 68; Онайко, Дмитриев 1981, 97; 1982, 119; Виноградов 1992, 154; 1994, 152–153; Сапрыкин 1985, 66–67; 2002, 56; Фролова, 1997, 67; Зубарь, Русяева 1998, 70; Зубарь 2001, 148; Яценко 2001, 45; Сапрыкин, Масленников 2007, 186, 200; Яйленко 1989, 167; Чореф 2016, 119–123; Воронятов 2019а, 69–75; Ярцев 2022, 188–189 и пр.

¹⁰ Яценко 2001, 46, 47–48.

¹¹ Разумеется, термин «клан» использую условно, но здесь и далее не выделяю его кавычками.

¹² Яценко 2001, 45.

Рис. 1. Медная монета типа «голова Ареса, тамга – трофей, царская монограмма Аспурга» (архив боспорских монет: <https://bosporan-kingdom.com/318-4729-3>)

Рис. 2. Медная монета типа «голова Ареса, монограмма ВА-М – трофей» (архив боспорских монет: <https://bosporan-kingdom.com/295-4704>)

отмечают причастность представителей сарматского кочевого общества к различным акциям.¹³ Поэтому в последние годы принято рассуждать о тамге – знаке сарматского клана, из которого происходил Аспург.¹⁴ Таким образом, наличие тамги, пусть и на единственном и кратковременном выпуске семисов, воспринимается исследователями как очевидное указание на сарматское происхождение Аспурга.

Само происхождение этого боспорского царя трактуется по-разному. При этом никто из исследователей не сомневается, что Аспург находился в родстве с Митридатом Евпатором, который был его прадедом по материнской линии. Отсутствие прямых источников привело к построению разных предположений. Наибольшей популярностью пользуются три гипотезы. *Первая* предполагает, что тамга на медных монетах Аспурга является свидетельством его происхождения от царя Асандроха, вождя сарматского племени (вероятно, аспургиан) и неизвестной ближе дочери Митридата Евпатора.¹⁵ Родство с Митридатом VI давало Аспургу полное право занять боспорский престол. *Вторая гипотеза* предлагает такую версию: Аспург был связан с местной меото-сарматской средой через своего отца, царя Асандра, он же Асандрох.¹⁶ По отцовской линии Аспург был сарматом, поскольку Асандр (=Асандрох), до захвата боспорского престола, являлся племенным вождем, «этноархом» сарматского племени.¹⁷

¹³ Яценко 2001, 14, 46.

¹⁴ Яценко 2001, 48; Сапрыкин, Масленников 2007, 186, 200; Воронятов 2019а, 70–74; Чорев, Винокуров 2022, 20; Ярцев 2022, 188.

¹⁵ Мысль об Асандрохе, царе аспургиан, была сформулирована Кисслингом (Kissling 1912, 1628) и Андерсоном (Anderson 1934, 268). Их идеи были охотно восприняты рядом отечественных специалистов, которые пишут о сарматской династии Боспора в первые века н. э. (Десятчиков 1974, 18; Горончаровский 2000, 254–255; Яйленко 2010, 256–260; Воронятов 2019а, 69–75; 2019б, 927–935; Ярцев 2022, 187–188; Шелов-Коведяев 2023, 88 и пр.).

¹⁶ Идею о сарматском или «полусарматском» происхождении Асандра первым обнаружил М. И. Ростовцев (1916, 16–17, прим. 2). Это мнение нашло достаточное число сторонников.

¹⁷ Сапрыкин 1996, 239; 2002, 35, 55.

Третья исходит из того, что Динамия была дочерью Фарнака и некой сарматской принцессы.¹⁸ Так, С. Ю. Сапрыкин считает, что «...Помещение тамгообразного личного знака на монету рядом с портретом Ареса... и царской монограммы показывает, что сарматские корни царя не являлись основными при выборе его царской монограммы, имевшей совсем иной вид. Эта тамга доказывает только, что один из предков царя по отцовской или материнской линии мог быть выходцем из среды ираноязычных, скорее всего, сарматских племен...».¹⁹ Вескости мнению о сарматских корнях Аспурга придает вывод о др.- иран. происхождение имени Ἀσπούργος²⁰ и обнаружение сходных с тамгой на меди сарматских знаков, изображенных на разных предметах из разных центров Боспора и сарматских погребений в степях от низовий Волги до Дуная. В результате, к настоящему времени сформировалось устойчивое мнение о принадлежности этого знака-тамги клану Аспурга. Обнаружение тамг, сходных с тамгой на медных монетах Аспурга 14 г. н. э. на предметах с территории Боспора (исключая Горгиппию), породило версию о принадлежности этих вещей аспургианам, дружинникам и соратникам Аспурга, которые способствовали его восшествию на престол.²¹ Наличие клейма в виде тамги на кирпичах из Горгиппии связывают с царским керамическим эргастерием²² или с сакральным объектом, посвященным Аспургу.²³ Высказывалось мнение, что размещение знака Аспурга на бытовых предметах и керамике свидетельствует в пользу того, что они изготавливались в эргастериях Горгиппии, принадлежащих этому царю.²⁴ С. Ю. Сапрыкин и А. А. Масленников полагают, что «тамга Аспурга» – это своеобразный знак, которым помечали принадлежность ряда изделий, предназначенных для военно-хозяйственных поселенцев, связанных с Аспургом обязательством нести военную службу (катойки или клерухи). На основе этого вывода изображения тамги на мисках из поселения у с. Владимирское рассматривают как маркер присутствия сарматов-аспургиан на юго-восточных рубежах Боспора.²⁵ Существует и иная точка зрения: тамга на посуде с пос. Владимирское отмечает присутствие сородичей Аспурга по клану.²⁶ В последние годы интерес к так называемой тамге Аспурга сохраняется в рамках темы «сарматизация Боспора». С. В. Воронятов предлагает реконструкцию ареала расселения «клана Аспурга» в степях Северного Причерноморья и на территории Боспора.²⁷ Также им сформулирована гипотеза о принадлежности кирпичей с клеймом «тамга Аспурга» алтарю обожествленного при жизни царя.²⁸ Не так давно в рамках гипотезы о сарматском происхождении Аспурга было предложено тамгу на царской меди рассматривать в качестве дифферента, который указывает на варварские корни царя.²⁹ «Тамга Аспурга» и гипотеза об Аспурге, сыне царя сарматов-аспургиан Асандрохе, была положена в основу предположения о центральноазиатской линии боспорской аристократии, начиная с Асандра и Аспурга.³⁰

Социально-политическая группировка, которая получила наименование «аспургиане» после поддержки Аспурга в его борьбе за власть на Боспоре, была расселена в Синдике (совр. Анапский и Новороссийский р-ны) боспорскими царями, в любом случае несколько раньше событий конца 1 в. до н. э., о которых сообщил Страбон (Strab. XI.2.11).³¹ Эту группировку составляли преимущественно варвары (меоты, сарматы и пр.), которые привлекались боспорскими царями для защиты юго-восточных границ царства, вероятно, еще с 3 в. до н. э. Название «οἱ ἀσπουργιανοί» – т. е. сторонники Аспурга – не могло появиться раньше самого Аспурга, поскольку племени с таким наименованием не существовало. Поэтому название «область (страна) аспургиан» (τὰ Ἀσπουργιανὰ), наличие

¹⁸ Сапрыкин, Масленников 2007, 186, № 972.

¹⁹ Сапрыкин 2002, 138.

²⁰ Имя Ἀσπούργος имеет иранскую этимологию: aspa-, ugra- < urga- «мощноконный» (Zgusta 1955, 35, § 75).

²¹ Сапрыкин 1985; 2010, 107–108; Горнчаровский 2000, 231–234.

²² Цветаева 1975, 100–101; Онайко 1982, 234–235; Шелов 1984, 170; Зубарь 2001, 146–147; Сапрыкин, Масленников 2007, 182.

²³ Воронятов 2019б, 927–937.

²⁴ Сапрыкин, Масленников 2007, 186, № 24.

²⁵ Сапрыкин 1985; 2010, 108.

²⁶ Яценко 2001, 47–48.

²⁷ Воронятов 2019а, 69–75.

²⁸ Воронятов 2019б, 927–937.

²⁹ Чореф 2019, 99–105.

³⁰ Ярцев 2022, 188.

³¹ Завойкин 2023, 272–295.

которой в административно-территориальном делении Боспора первых веков логически вытекает из названия должности «наместник аспургиан» (ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν – КБН 1246, 1248, 36 А), вторично по отношению к квази-этнониму ἄσπουργιανοί. Следовательно, в правление на Боспоре Полемона I (14–9/8 гг. до н. э.), но, возможно, и раньше, Аспург, будучи законным наследником боспорского престола³², управлял подвластной ему территорией, населенной катойками-аспургианами в Синдике.

Итак, в рассмотрении нуждается вопрос о происхождении Аспурга. В настоящее время можно считать его в основном решенным: Аспург был сыном царя Асандра (= Асандроха) и Динамии и правил Боспорским царством с 9/8 г. до н. э. по 38 г. н. э.³³ Он владел царским титулом как законный представитель правящей на Боспоре династии Митридатидов с самого начала своего царствования. В этой связи совершенно логичным выглядит предположение, что др.-иран. имя Аспург следует связывать с именованием Митридатидов, а не с миром кочевников-сарматов.³⁴

С. Ю. Сапрыкин и Н. Ф. Федосеев опубликовали фрагмент посвяжительной надписи Пифодориды, вдовы Полемона I, поставленной в честь царя Аспурга между 13 и 23 гг.³⁵ По мнению исследователей, в ней восстанавливаются имена царя Асандроха (= Асандра) и царицы Динамии, родителей Аспурга. К сожалению, эту надпись из Пантикапея нет оснований причислять к документам эпохи Аспурга. В надписи ни одного слова не сохранилось полностью. Имена Асандроха и Аспурга восстановлены на основании генетивных флексий. Следует заметить, что кроме Аспурга никто не именовал Асандра Асандрохом. Для внешнего мира, как свидетельствуют древние писатели (App. Mithr. 120; Dio. Cass. XLII, 46.4; 47.5; Strab. XIII, 4.3; Ps.-Luc. Macr. 17) и монеты Боспора 50/49–21/20 гг. до н. э., он известен под именем Асандр. Одно это наблюдение заставляет усомниться в правильности восстановления надписи. Восстановление имени Пифодориды также выглядит неоднозначным, поскольку на камне (сужу по фото в публикации) отчетливо видны буквы -ΘΟΔΩΙ-. Также не вызывает доверия и палеографическое обоснование датировки надписи началом 1 в. н. э. Такой датировке противоречат формы *бетты*, *омикрона*, *тхеты*, характерные для времени не ранее второй половины 1 в. н. э.

Но даже если исключить из списка доказательств эту пантикапейскую надпись, остается в силе поддержанная другими источниками гипотеза о происхождении Аспурга от царя Асандра, – которого он (Аспург) именуется в надписях как царь Асандрох или великий царь Асандрох, – и царицы Динамии. Аспург – легитимный наследник Боспорского царства, прямой потомок Митридата Евпатора. Мнение о сарматских корнях Динамии базируется на предположении, что монограмма ΔΥΜ на боспорском золоте 9/8 г. до н. э. – 9/10 г. н. э. является тамгой царицы Динамии, и поэтому по материнской линии она происходила из сарматской аристократии. Эту гипотезу необходимо исключить из исторических реконструкций, поскольку она ошибочна, и основана на невнимательном изучении источника.³⁶ Анализ выявил три вида близких по содержанию, но отличных по начертанию букв, монограммы на статерах 9/8 г. до н. э. – 9/10 г. н. э. Очевидно, что одной царице не может принадлежать три различные сарматских тамги. Император Август запретил Аспургу указывать (даже в монограмме) царский титул и его личное имя на золотых и медных монетах царства. Золотые монеты с монограммами ΔΥΜ, ΔΜ, чеканились в годы правления Аспурга, но эти монограммы никак не связаны ни с именем, ни с титулом боспорского владыки, ни с именем его матери Динамии.³⁷

³² Разумеется, в глазах Полемона I он таким не являлся.

³³ Завойкина 2023а, 142–143, 149.

³⁴ Сапрыкин 1985, 87. Известны еще трое носителей имени Ἀσποῦργος, жившие в разное время: боспорец Аспург сын Биомаса, переводчик сарматов (IGUR II 567); горгиппиец Аспург сын ..., ведающий отдачей пошлин на откуп (КБН 113418, 187–210/211 гг. н. э.), некий горгиппиец, сын Аспурга, видимо, фиасот (КБН 1142, 6–7, вторая половина 2 в. н. э.). Прах «переводчика сарматов» хранился в римском колумбарии «Винья Кодина III» на Аппиевой дороге в Риме. Строительство колумбария относится к первой половине 1 в. н. э. (Кузьмин 2023, 164). Прибытие Аспурга сына Биомаса в Рим может относиться ко времени не позднее конца 1 в. до н. э. – начала 1 в. н. э.

³⁵ Сапрыкин, Федосеев 2009, 138–147.

³⁶ Подробнее см.: Завойкина 2023а, 144, прим. 8, 9.

³⁷ Завойкина 2023а, 145–148.

В итоге, предположение о сарматских корнях Аспурга по линии «сарматского царя Асандроха, вождя аспургиан» или «полусарматки» Динамии следует исключить из научных изысканий. Эти мнения были актуальны на определенном этапе исторических исследований о происхождении царя Аспурга, но, по моему мнению, в настоящее время они утратили свое значение. Следовательно, в источниковедческом анализе нуждается, главным образом, свидетельство об этнархе Асандре.

Мнение о сарматском происхождении Асандра (Асандроха), отца Аспурга, основано на единственном свидетельстве Псевдо-Лукиана, автора первой половины 1 в. н. э., который сообщает: Ἄσανδρος δὲ ὁ ὑπὸ θεοῦ Σεβαστοῦ ἀντὶ ἐθνάρχου βασιλεὺς ἀναγορευθεὶς περὶ ἔτη ὧν ἐνεθήκοντα ἱππομαχῶν καὶ πεζομαχῶν οὐδενὸς ἦττων ἐφάνη... («Асандр же по велению божественного Августа вместо этнарха официально признанный царь Боспора, в возрасте почти девяноста лет в конном и пешем бою никому не уступал...») (Ps.-Luc. Macr. 17). Употребление древним автором в этом пассаже термина «этнарх», понимаемого как *племенной вождь*, стало основанием для вывода, что Асандр до своего назначения *эпитропом* (наместником) Фарнака II в 50/49 г. до н. э. был племенным вождем какого-то объединения меото-сарматов на Азиатском Боспоре³⁸ или вождем скифов Восточной Таврики.³⁹ С. Ю. Сапрыкин относит заметку Пс.-Лукиана к правлению Асандра в начале 20-х годов до н. э. на основании упоминания писателем почетного имени «Август», присвоенного римским сенатом Октавиану в 27 г. до н. э. Исходя из этого, исследователь полагает (вслед за А. И. Болтуновой), что до 50/49 г. до н. э. Асандр был *этнархом* области, в который обитали руководимые им племена, а потом в 50/49–47/начале 46 г. до н. э. – *эпитропом* царя Фарнака II, в 46/45–43/42 гг. до н. э., после смерти Фарнака, он стал *архонтом* Боспора⁴⁰, наконец, с 41-го по 16 г. до н. э. – *царем* Боспора.⁴¹

На ошибки в этой реконструкции указал В. П. Яйленко.⁴² Согласно имеющимся данным, Асандр скончался в 21/20 г. до н. э.⁴³, а его 29-летний период правления приходится на 50/49–21/20 гг. до н. э.⁴⁴ После отбытия Фарнака в Понт (осень 50 г. до н. э.) Боспором стал править его приближенный Асандр в статусе *эпитропа* (блюститель царства) (Dio. Cass. XLII, 46.4; 48.4). Асандр был *этнархом* (племенным вождем), не имел титула царя, поэтому в первые четыре года своего правления он выпускал золото с титулом ἄρχοντας Ἀσάνδρου Βοσπόρου. Он захватил боспорский трон летом 47 г. до н. э., разгромив в сражении войска Фарнака (App. Mithr. 120). Не позднее лета 46 г. до н. э. Асандр пресек попытку Митридата Пергамского (сводного брата Цезаря, назначенного им царем Боспора) захвата власти в государстве.⁴⁵ Акция Митридата Пергамского, санкционированная Римом, заставила, по всей видимости, архонта Асандра принять титул «царь Боспора» и закрепить свое положение женитьбой на принцессе Динамии, официальной наследнице рода Митридатидов и носительнице царского титула. Этим шагом Асандр устранил попытки Рима лишить его боспорского трона.⁴⁶ С 46/45 г. до н. э. Асандр выпускает монеты с царским титулом, датируя их пятым годом своего правления. В сообщении Пс.-Лукиана очевидна последовательность излагаемых им событий: Асандр был этнархом до того, как был признан в Риме царем. Датировка назначения Августом Асандра царем Боспора, предложенная С. Ю. Сапрыкиным, не может быть принята. У Пс.-Лукиана римский император именуется «божественный Август». Эпитетом «θεὸς Σεβαστός» Август был наделен уже после его смерти в августе 14 г. С этим наблюдением согласуется вывод, что сочинение Пс.-Лукиана было написано во времена Тиберия.⁴⁷

³⁸ Сапрыкин 2002, 55–56, 59.

³⁹ Яйленко 2010, 225–226, прим. 3.

⁴⁰ Болтунова 1989, 88–89. Исследовательница полагала, что Асандр начал чеканить монеты от своего имени с титулом архонт только после смерти Фарнака в конце 47 – начале 46 гг. до н. э. Это мнение было поддержано также Д. Браундом (Braund 2004, 84–85).

⁴¹ Сапрыкин 2002, 55–56, 62, 71–73. В. П. Яйленко считает, что выпуск золота архонтом Асандром не обязательно предполагает конфронтацию с Фарнаком, как это считает С. Ю. Сапрыкин, поскольку Асандр не объявлял себя царем Боспора, а чекан статов мог быть вызван экономической потребностью Боспора в виду краткой эмиссии Фарнака (Яйленко 2010, 230).

⁴² Яйленко 2010, 225–230.

⁴³ В 277 г. б. э. (= 21/20 г. до н. э.) была выпущена золотая монета от имени царицы Динамии. Это стало основанием считать, что в этот год Асандр скончался, и власть перешла к его супруге (Анохин 1986, 77–78; Карышковский, Фролова 1990, 97–98; Виноградов 1994, 152, прим. 8; Яйленко 2010, 228–229). П. О. Карышковский и Н. А. Фролова относят начало правления Асандра к 49/48 г. до н. э., а не к 50/49 г. до н. э. Очевидно, что это неточность, которая вкралась, как полагаем, по причине принятия исследователями за начальный год вифинопонтийской эры 298 г. до н. э., а не 297 г. до н. э. Отсюда и смещение их хронологических выводов о правление Асандра на один год. Эта же неточность повторяется в монографии Н. А. Фроловой (1997.1, 22–23). Если ее устранить, то получаются те же годы правления Асандра, которые предлагают Анохин и Яйленко, т. е. 50/49–21/20 г. до н. э.

⁴⁴ Анохин 1986, 78; Яйленко 2010, 230.

⁴⁵ Сапрыкин 2002, 68–69; Панов 2009, 15.

⁴⁶ Предполагается, что Октавиан заключил с Асандром союзный договор уже после смерти Цезаря в марте 44 г. до н. э. и, видимо, в этом же году признал Асандра царем Боспора.

⁴⁷ Christ 1890, 621.

Т. Моммзен, Д. П. Каллистов и Е. С. Голубцова не были склонны доверять ремарке Пс.-Лукиана, которая предваряла сообщение о боевых качествах Асандра в 90-летнем возрасте и его смерти от голода в 93 года.⁴⁸ Жанр сочинения Пс.-Лукиана – это занимательные истории о долгожителях, в которой автор явно не стремился следовать исторической точности в передаче терминов и титулов. Поддерживаем мнение предшественников и считаем, что сообщение Пс.-Лукиан не позволяет заключить, что Асандр был этнархом прежде, чем стал эпитропом Фарнака. Монеты показывают, что Асандр правил Боспором в течении 4-х лет, владея титулом «архонт» до того, как принял титул царя Боспора.⁴⁹ Учитывая это обстоятельство, В. В. Латышев полагал, что титул «этнарх» был использован Пс.-Лукианом как близкий по значению титулу «архонт».⁵⁰ Здесь возникает закономерный вопрос: каким же еще титулом мог Пс.-Лукиан, римский гражданин, близкий ко двору Тиберия, наделить боспорского правителя, власть которого не была санкционирована Римом? Он не мог назвать Асандра *царем*, ведь царей в зависимых царствах назначал владыка Рима. Древний писатель не мог именовать его *династом*, поскольку в его время этот титул мог даровать лишь Тиберий. Об этом свидетельствует акт Тиберия о лишении Рескупорида II, царя Фракии, царского сана и наделение его титулом *δυνάστις τῶν Θρακῶν*.⁵¹ Полагаю, что Пс.-Лукиан не случайно обозначил статус Асандра титулом «этнарх», поскольку этим титулом наделялись в Риме местные правители, которых Рим не желал утверждать царями по той или иной причине. Известно, что Юлий Цезарь в 47 г. до н. э. наделил титулом этнарха Гиркана II, первосвященника и правителя Иудеи (позднее он был признан царем). Август даровал Архелаю, сыну царя Ирода I Великого, титул этнарха как правителю определенной части отцовского царства (Joseph. AJ. 17.317). Вероятно, Пс.-Лукиан, писавший свои занимательные истории в эпоху Тиберия, вполне справился с щекотливой ситуацией, обозначив «незаконного» правителя Боспора вполне подходящим для властителей Рима титулом «этнарх», прежде чем Асандр был утвержден, по всей видимости, Октавианом, царем Боспора.

В итоге, не удалось обнаружить серьезных аргументов для поддержки тезиса, что Асандр до обретения царского титула был племенным вождем сарматов-аспургиан или руководил боспорской провинцией, где племена варваров были расселены. Следует признать, что до 50 г. до н. э. ничего конкретного о нем не известно. Предположение, что в эпиграмме из Нимфея (КБН 913) упоминается первая супруга Асандра, Гликாரия⁵², не может быть принято. Эта надпись датируется последней четвертью 1 в. до н. э., т. е. временем, когда царю Асандру было уже за 80 лет (он скончался в 21/20 г. до н. э.), и он давно был женат на Динамии.⁵³ Таблица сравнения шрифта надгробия Гликாரии с надписями Асандра и Динамии приведена в публикации В. В. Шкорпила и М. И. Ростовцева.⁵⁴ Буквы эпиграммы идентичны литерам надписи КБН 30, датированной ок. 21/20 г. до н. э.⁵⁵, посвященный Августу (КБН 38) и Ливии (КБН 978), поставленных царицей Динамией в период ее единоличного правления в 21/20–17/16 гг. до н. э. На основании свидетельств Диона Кассия можно лишь заключить, что Асандр входил в круг приближенных (φίλοι) Фарнака II, возможно, даже ранее начала его царствования на Боспоре. Он был знатным боспорцем, весьма влиятельной фигурой при царском дворе, поскольку царь оставил его эпитропом на время своего отсутствия на Боспоре. При рождении в 114/113 г. до н. э. будущий правитель Боспора получил греко-иранское имя Ἀσάνδροχος.⁵⁶ Это редкое имя было по созвучию трансформировано, возможно им же, в греческое Ἀσάνδρος. Произошло это переименование задолго

⁴⁸ Mommsen, 1885, 287, Anm. 1; Каллистов 1938, 179; Голубцова 1951, 78.

⁴⁹ Фролова 1997.1, 14–15.

⁵⁰ Латышев 1909, 96–97.

⁵¹ Iwanow 1961, 93–98; Блаватская 1965а, 206.

⁵² Шкорпил, Ростовцев 1910, 15–16, 21–22. В КБН надпись датируется второй половиной 1 в. до н. э. (КБН comment. ad 913).

⁵³ Новая датировка этой надписи не была учтена при реконструкции биографии Асандра до 50 г. до н. э. (Чореф 2014, 457–460).

⁵⁴ Шкорпил, Ростовцев 1910, 15.

⁵⁵ Яйленко 2010, 226–227.

⁵⁶ Асандр скончался на 93 году, согласно Пс.-Лукиану, в 21/20 г. до н. э., когда начала чекан золота царица Динамия. Суммируя 93 и 21/20 получаем искомую дату.

Рис. 3. Изображение Ареса (1) и портрет Аспурга (2) на медных монетах Боспора 14 г. н. э.

до 50 г. до н.э., и Асандрох вошел в историю как царь Асандр. Тем не менее, Аспург предпочитал именовать отца в своих надписях настоящим его именем, а не «грецизированным» вариантом. Усиленные поиски сарматских предков Аспурга привели к тому, что имя Ἀσάνδροχος трактуется большинством исследователей как сарматское. Судить об этнической принадлежности Асандроха только на основании имени сложно, поскольку его иранское происхождение может быть связано и со скифами, которые играли в истории Боспора последних десятилетий 2 в. до н.э. (когда Асандрох появился на свет) заметную роль. Стоит отметить, что в гипотезе о сарматском происхождении Аспурга по отцовской линии просматривается разрыв логической связи: если тамга на меди 14 г. н.э. и предметах с поселений Азиатского Боспора (см. ниже) принадлежит клану Аспурга и аспургианам, то этот сарматский знак Аспург должен был бы наследовать непосредственно от своего отца, царя Асандра, которой, судя по его высочайшему статусу, мог быть только главой этого клана. Можно было бы ожидать, что «клан Асандроха» должен был «отметиться» вещами с родовой тамгой еще при Митридате Евпаторе. Однако и в первой половине 1 в. до н.э. и в правление самого Асандра (50/49–21/20 гг. до н.э.) в пределах Боспорского царства предметы с «тамгой Аспурга» или близкородственными знаками не известны. Самый ранний случай употребления «тамги клана Аспурга» отмечен на серебряном черпаке из кургана сарматской знати третьей четверти 1 в. до н.э. у с. Косика Енатаевского р-на Астраханской области⁵⁷ (рис. 4). С другой стороны, предметы с этой тамгой на Боспоре получают распространение лишь в начале 1 в. н.э. (Горгиппия, пос. Владимирское, ранняя «Цитадель» городища Артазиан (см. ниже)), когда Аспург уже правил Боспорским царством. В 46/45 г. до н.э. в возрасте 62–63 лет Асандр женился на Динамии. Примерно на период между 46–38 гг. до н.э. следует относить и рождение наследника престола, Аспурга. находка из Косики фиксирует «родственника Аспурга» в удаленном от Боспора регионе в то время, когда наследник престола был еще малолетним ребенком. Отмеченные археологические факты в сочетании с династической хронологией выявляют принципиальные нестыковки в концепции сарматского происхождения Аспурга по отцовской линии.

Итак, какие-либо реальные основания в поддержку мнения о сарматском происхождении Асандра или Динамии обнаружить не удастся. Отец Аспурга, по видимости, принадлежал к боспорской знати, входившей в круг «друзей» царя Фарнака. Его мать – по отцу происходила из рода Митридатидов, а происхождение Динамии по материнской линии не играло особой роли с учетом наивысшего статуса ее отца.

⁵⁷ Первоначальная датировка комплекса сводилась ко второй половине 1 в. до н.э. – середине 1 в. н.э. (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, 151, 153–154, рис. 9.1). Надпись на золотой обкладке перекрестия кинжала из этого погребения послужила основанием для сужения датировки комплекса (Белоусов, Трейстер 2018, 117).

Существующие гипотезы о сарматских корнях Аспурга не могут быть приняты, поскольку источники не поддерживают ни одну из них. Поэтому на первый план выступают два вопроса: 1) кому принадлежит тамга на царской меди осени 14 г.; 2) что заставило боспорского царя поставить родовой знак сарматского клана на ней? Изучение историографии по означенной теме выявило, что исследователи не уделяли достаточно внимания вероятной взаимосвязи между близкими по времени событиями 14 г. – отсутствием Аспурга на Боспоре из-за его визита в Рим к Августу и выпуском (примерно с сентября 14 г.) медной монеты с сарматской тамгой и монограммой **ΒΑΡ** практически сразу же после его возвращения на Боспор. Полагаю, что причину появления тамги на боспорской меди следует искать именно во взаимосвязи этих событий.

19 августа 14 г. скончался Август. Новым императором Рима сенат провозгласил Тиберия. Аспург в это время находился в Риме, куда он отправился, вероятно, по личной инициативе, для встречи с императором.⁵⁸ Причина и точные сроки поездки Аспурга в Рим остаются неизвестными. Однако правомерно считать, что Аспург отсутствовал на Боспоре большую часть 14 г. В конце 311 г. б. э. (сентябрь – начало октября 14 г.) Аспург вернулся на Боспор, о чем свидетельствует начало им чеканки статеров с портретом Тиберия на л. с. и портретом Агриппы и монограммой **ΒΑΡ** на о. с.⁵⁹ Тогда же, как представляется, Аспург распорядился на медных монетах типа «голова Ареса – трофей» вместо монограммы ΒΑ-Μ ставить царскую монограмму на оборотной стороне, а на лицевой стороне – сарматскую тамгу. Полагаю, сложно усомниться в отсутствии оснований, связывать с тамгой изображение Ареса.

Н. А. Фролова поддержала предположение К. Кёне, будто на монетах с монограммой ΒΑ-Μ мужская бородатая голова в шлеме с плюмажем передает образ реального исторического лица.⁶⁰ На этом основании она предположила, что на медных монетах типа «Арес, тамга – трофей, царская монограмма» в образе бога войны изображен сам Аспург и его тамга. Исследовательница связала появление этого изображения с победой Аспурга над варварами. Следует отметить, что в монетном деле Боспора 1 в. н. э. на лицевой стороне медных монет могли изображаться предки или родственники правящего царя. Примером этому служит чеканка в 45–50 гг. Котисом I меди с монограммами своих царственных родителей – Аспурга и Гепеирии.⁶¹ Несколько позднее Рескупорид I, внук Аспурга, выпускает в 69/70 гг. сестерции с изображением головы Аспурга и монограммой **ΒΑΡ**.⁶² Однако упомянутые аналогии нельзя принимать в расчет, поскольку монеты Котиса и Рескупорида были выпущены уже после смерти Аспурга. Его изображение на них носит мемориальный характер, кроме того, Аспург – легитимный основатель династии, признанный Римом. Усматривать в изображении бога войны портретное сходство с Аспургом также нет оснований, оно не совпадает с образом царя на его же монетах (рис. 3). Поскольку портретное сходство явно не прослеживается, какой был смысл изображать на медных монетах Аспурга в образе Ареса?

Не подлежит сомнению, что тамга на меди 14 г. н. э. указывает на какую-то связь Аспурга с миром сарматов. Как было показано выше, эта связь по линии прямого родства боспорского царя с сарматским кланом не прослеживается. Логично предположить (ввиду того, что иного объяснения предложить не могу), что такая связь могла осуществляться через первую супругу царя. Аспург правил Боспорским царством с 9/8 г. до н. э., но его брачный альянс с фракийской принцессой Гепеирией был заключен только ок. 16 г. н. э. Логика династической

⁵⁸ Блаватская 1965а, 202–206; 1965б, 36;

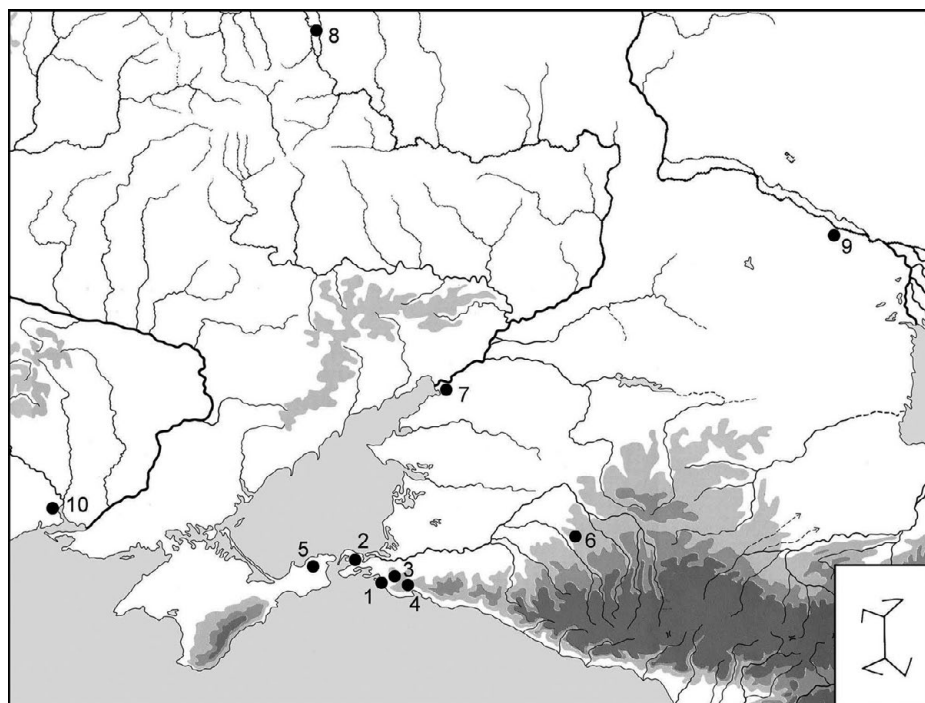
Зубарь 1998, 27–29; Сапрыкин 2002, 46.

⁵⁹ Анохин 1986, 150; Фролова 1997.1, 197.

⁶⁰ Фролова 1997.1, 71.

⁶¹ Там же, 90, 93.

⁶² Там же, 105.

Рис. 4. Карта находок предметов с тамгой царского клана сираков. 1 – Горгиппия, 2 – Келы, 3 – Анапская Батарейка; 4 – пос. Владимирское, 5 – городище Артезиан, 6 – курган в ст. Михайловская, 7 – курган в ст. Ново-Александровка I, 8 – Первый Чертовичский курган, 9 – курган у пос. Косика, 10 – курган у пос. Козырка (по: Воронятов 2019)

политики настойчиво диктовала необходимость заключения выгодных династических союзов и рождение наследника трона. Едва ли боспорский царь мог более 20 лет оставаться неженатым и бездетным. Предполагаю, что первой супругой Аспурга могла быть сиракская «принцесса». ⁶³ В конце 1 в. до н. э. сиракский племенной союз представлял собой существенную военную силу в Прикубанье. ⁶⁴ Родственники «принцессы» – представители влиятельного клана сираков оказали, по всей видимости, существенную поддержку Аспургу, наряду с частью боспорской знати и аспургианами, при его вступлении на престол. Эти отношения могли завязаться еще в ту пору, когда Аспург, будучи наследным «принцем», управлял областью аспургиан в Синдике. Еще Митридат Евпатор искал новых союзников среди племенных вождей для продолжения войны с Римом. С этой целью он выдавал своих дочерей замуж за сарматских «царей» (App. Mithr. 105). Не исключено, что на одной из правнучек Митридата и сиракского вождя был женат Аспург первым браком. Такой брак должен был принести Аспургу ощутимую военно-политическую выгоду в начале его правления.

Высказанное мнение поддерживает гипотеза М. И. Ростовцева, что Митридат, сын Аспурга, не был рожден в браке царя с фракиянкой Гепеирией. ⁶⁵ Считается, что в 38–39 г. н. э. Гепеирия стала править Боспором в виду несовершеннолетия своих сыновей, Митридата и Котиса. Вывод о несовершеннолетии Митридата совершенно не вяжется с его изображениями на меди 39 г. н. э., на которых он представлен усатым и бородатым мужчиной. Иконография портрета Митридата Боспорского соответствует возрастной категории «взрослый мужчина» и показывает, что к моменту восшествия на боспорский престол он явно был старше 25 лет. Это заключение подводит к выводу, что Митридат был рожден, по крайней мере, за несколько лет до брака Аспурга и Гепеирии. ⁶⁶ Поэтому рассуждения о регентстве Гепеирии в виду юности обоих ее детей следует признать ошибочными. Считать Гепеирию мачехой Аспурга, как предлагал еще М. И. Ростовцев, вполне возможно. Ведь из сообщения Диона Кассия

⁶³ Завойкина 2023а, 151–153.

⁶⁴ Глебов 2001, 197–198; Лимберис, Марченко 2010, 274–277.

⁶⁵ Ростовцев 1918, 50. Подробнее см. Завойкина 2023а, 154–155.

⁶⁶ Причина женитьбы Аспурга на Гепеирии, внучке Полемона I и Пифодориды, как показал С. Ю. Сапрыкин (1984, 152), скрывалась в необходимости устранить возможность представителям рода Полемонидов претендовать на боспорский престол.

(переданного Петром Патрикием) следует лишь то, что мать Митридата была еще жива на момент начала «антиримского мятежа»⁶⁷ её сына в 44/45 г. (Dio. Cass. LX. 28.7 = FHG. IV.185. Fr. 3). Если принять, что матерью Митридата была первая жена Аспурга, то в этот год ей было не меньше 60–65 лет. Тацит и Дион Кассий называют Котиса братом Митридата (Tac. Ann. 18; Dio. Cass. LX, 28.7 = FHG. IV.185. Fr. 3). С учетом рассматриваемой исторической реконструкции ничто не мешает считать Котиса младшим сводным братом Митридата.

О высокородности представителей сиракского клана, оказавшихся в родстве с царем Аспургом и обитавших за пределами Боспора примерно с третьей четверти 1 в. до н.э. и до начала 2 в. н.э., свидетельствуют курганы Северного Причерноморья, в которых встречены предметы с тамгой, аналогичной знаку на царской меди 14 г. Эти находки фиксируют присутствие, как предполагаю, царских родственников и их потомков, представителей одного клана, на просторах причерноморских степей на протяжении не менее 150 лет. «Тамга Аспурга» встречена на предметах, происходящих из пяти курганов (рис. 4).⁶⁸

1. На двух серебряных сосудах из сарматского погребения второй половины 1 в. н.э. из кургана у ст. Михайловской Курганинского р-на Краснодарского края.⁶⁹

2. На серебряной чаше в комплексе сарматского погребения середины 1 в. н.э. из кургана могильника Ново-Александровка 1 Азовского р-на Ростовской области.⁷⁰

3. На агатовом амулете (среди прочих знаков) из мужского погребения рубежа 1–2 вв. н.э. кургана Первого Чертовицкого могильника в низовьях р. Воронез.⁷¹

4. На серебряном черпаке из кургана сарматской знати третьей четверти 1 в. до н.э. у с. Косика Енатаевского р-на Астраханской области.⁷²

5. На деревянном сосуде из комплекса погребения конца 1 – начала 2 в. н.э. поселения у с. Козырка на хоре Ольвии.

Тамга изображена на сосудах и ложке из четырёх погребальных комплексов (Ново-Александровка I, Михайловская, Козырка, Косика). По мнению С. В. Воронятова, сосуды с тамгами, вероятно, использовались в церемонии, имевшей отношение к вождю или царю, личность которого была воплощена в тамге, изображённой на сосуде.⁷³ Вывод исследователя нуждается, на мой взгляд, в уточнении: сходные тамги, судя по хронологии находок, принадлежали разным представителям одного клана сираков. Они жили в разное время и ареал их расселения достаточно обширный – степной коридор от низовий Волги до устья Дуная.

Таким образом, следует согласиться с мнением, что Аспург состоял в родстве с сарматами, но с одним существенным уточнением. Эта связь шла не по линии его родителей, она базировалась на матримониальных отношениях с представительницей сиракской знати. Одним из последствий этого династического альянса стала возможность для некоторых родов сираков (они представлены разными тамгами на предметах⁷⁴) селиться в округе аспургиан на юго-восточной периферии Боспора.

В итоге приходим к предположению, что тамга царицы на кратковременном выпуске боспорской меди 14 г. может являться свидетельством важной роли, которую сыграли представители ее клана, в сохранении власти Аспурга во время его отсутствия в государстве. Расположение тамги рядом с головой Ареса выглядит вполне уместным, поскольку бог войны был особо почитаем сарматами. В рескрипте А к полису горгиппийцев Аспург выражает свою благосклонность

⁶⁷ Вопрос о конфликте Митридата, сына Аспурга, с Римом требует отдельного тщательного исследования, что я планирую сделать в ближайшее время.

⁶⁸ Воронятов 2019а, 71–73.

⁶⁹ Каминская, Каминский, Пьянков 1985, 234.

⁷⁰ Беспальный, Лукьяшко 2018, 38.

⁷¹ Воронятов 2019а, 71.

⁷² Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, 151, 153–154, рис. 9.1; Белоусов, Трейстер 2018, 117.

⁷³ Воронятов 2009, 88, 91; 2013, 51; 2019, 73–74.

⁷⁴ Присутствие представителей сирако-метотского племенного союза во второй половине 1 в. до н.э. – первой половине 1 в. н.э. фиксируется в поселениях Владимирское, Южная Озерка, Мысхако Западный, Широкая балка (Мальшев 2005, 550–553, рис. 4. 1–9, 12).

жителям города и говорит о желании воздать им по справедливости, поскольку они «соблюли себя в полной безмятежности» во время его путешествия к императору Августу.⁷⁵ На основании этого свидетельства резонно предполагается, что во время отсутствия Аспурга произошли возмущения в каких-то боспорских полисах, а Горгиппия (возможно, не она одна?) сохранила верность царю, за что и была награждена рядом привилегий. Характеризуя внутреннюю ситуацию на Боспоре между 9/10–14/15 гг. следует учитывать, что после устранения Полемона Аспургу досталось царство с разрушенной оборонительной системой.⁷⁶ Утверждение власти ставленника Августа на Боспоре сопровождалось рядом карательных походов. В конце 1 в. до н.э. были разрушены многие пункты сигнально-оборонительной системы Европейского Боспора, пострадали крупные объекты.⁷⁷ Полемон ок. 8 г. до н.э. разрушил Танаис, лишил его оборонительных стен, в начале 1 в. н.э. город в полном масштабе еще не был восстановлен. На Азиатском Боспоре были разрушены «резиденция Хрисалиска» и, видимо, Краснобатареинное городище.⁷⁸ Список погромов боспорских поселений и стратегических объектов показывает масштаб ущерба, который был нанесен Боспорскому государству во время правления чужеземца. В начале 1 в. н.э. Аспург проводил реорганизацию и восстановление системы обороны царства. Возводятся крепости-батареи на Фонталовском п-ове (их учтено порядка десяти⁷⁹). Происходят перестройки на поселениях Восточного Крыма.⁸⁰

В конце 1 в. до н.э. – начале 1 в. н.э. участились набеги тавро-скифов на поселения западной части Европейского Боспора. Ок. 11–13 гг. Аспург совершил военный поход, который привел к усмирению тавро-скифских племен у западных рубежей европейской части Боспора.⁸¹

Сказанное подводит к выводу, что накануне отъезда Аспурга в Рим обстановка в царстве была нестабильной, поскольку внутри него, видимо, имелась скрытая оппозиция, оборонительные рубежи государства не были еще полностью восстановлены или заново построены. Верность Аспургу во время его отъезда сохранил Горгиппийский полис и, очевидно, аспургиане в Синдике. Именно в этих регионах по находкам предметов с тамгами прослеживаются зоны обитания предполагаемых царских родственников.

В основных чертах концепция об аспургианах представляется вполне обоснованной, в уточнении нуждаются отдельные ее положения. Принято мнение, что тамга на 13 мисках из дома-башни пос. Владимирское принадлежат царю Аспургу и его клану.⁸² В свете предлагаемой гипотезы считаю, что тамги, идентичные с тамгой на царской меди 14 г., принадлежат семьям сиракского клана, связанного родством с боспорским царем по линии его первой супруги. Можно уверенно относить к местам проживания представителей этого сиракского клана по находкам предметов с «тамгой Аспурга» три боспорских поселения: Горгиппия, дом-башня на пос. Владимирское, ранняя «Цитадель» пос. Артезиан (рис. 5).

В Горгиппии обнаружено более 25 кирпичей и их фрагментов со знаками-тамгами.⁸³ К ним примыкает находка плинфы с «тамгой Аспурга» из вымостки площадки пригородного святилища Горгиппии, функционировавшего в 1 в. до н.э. – ок. 239 г. н.э.⁸⁴ Вопрос о назначении плинф с тамгой из Горгиппии остается дискуссионным. Г. А. Цветаева атрибутировала плинфы с тамгой как кирпичи, которые были изготовлены по римскому строительному стандарту.⁸⁵ Судя по их находкам на разных участках, эти плинфы производились в Горгиппии и использовались для мощения каких-то пространств в городе в 1–2 вв. н.э. Н. А. Онайко сопоставила изображение знаков-тамг на мисках из Владимирского

⁷⁵ Блаватская 1965б, 36; 1965а, 198; Блаватский 1976, 59–60; Зубарь 1998, 27; Сапрыкин 2002, 170–171.

⁷⁶ Исключение составляли, пожалуй, пограничные сооружения на юго-восточной границе азиатской части.

⁷⁷ Масленников 1995, 158–165; 1998, 105–111, 128–333; Винокуров 2010, 38; Бонин 2006, 27, 29, 32; 2017, 2017, 112–113; Ярцев, Зубарев, Смекалов 2018, 26–29.

⁷⁸ Сокольский 1976, 89–107, 111; Бонин 2006, 9, 29; Шевченко 2009, 435–436.

⁷⁹ Бонин 2006, 11, 13.

⁸⁰ Бонин 2017, 111–113.

⁸¹ Завойкина 2023б, 252–269.

⁸² Сапрыкин, Масленников 2007, 200.

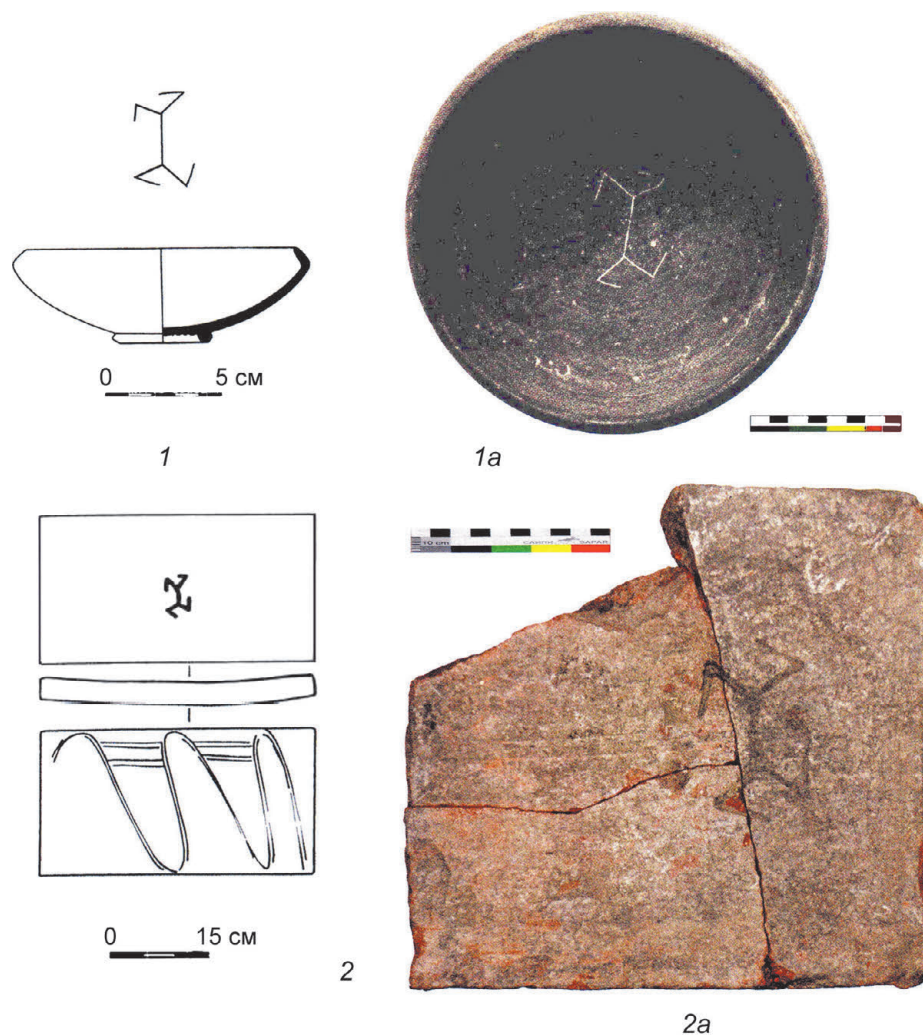
⁸³ Цветаева 1975, 99; Алексеева 1997, 141.

⁸⁴ Новичихин 2011, 70; Завойкина, Новичихин 2022, 135.

⁸⁵ Цветаева 1975, 100–101.

Рис. 5. Предметы с тамгой царского клана сираков из Горгии (плинфа), с пос. Владимирское (миска) (по: Воронятов 2019)

поселения, кирпичах из Горгии и на меди Аспурга и пришла к выводу об их идентичности.⁸⁶ Таким образом, была предложена датировка кирпичей с тамгой временем правления Аспурга и предложена гипотеза, что в Горгии царский эргастерий с правления Аспурга выпускал кирпичи, помеченные его родовой тамгой.⁸⁷ Этот эргастерий продолжал действовать и после смерти Аспурга, о чем свидетельствуют кирпичи с тамгой, обнаруженные в объектах 2 – начала 3 в. в Горгии. Существует мнение, что керамический эргастерий царя в Горгии изготавливал не только кирпичи, но и посуду и прочую утварь, помеченную знаком Аспурга и предназначенную для аспургиан (военных поселенцев – катойков и клерухов).⁸⁸ Правда, в изложении своей концепции исследователи упускают из виду различный характер нанесения «знака Аспурга» на предметах: клейма на кирпичах из Горгии и граффити на внутренней стороне мисок с пос. Владимирское. Последняя маркировка выглядит, по меньшей мере, странно, если предполагается ее нанесение в царском эргастерии.

Не так давно С. В. Воронятов предположил, что кирпичи с «тамгой Аспурга» из Горгии принадлежат единому архитектурному объекту, имеющему отношение к персоне самого царя.⁸⁹ Исследователь считает, что речь должна идти о культовом сооружении обожествленного при жизни царя Аспурга. Он строит свое предположение на двух фактах. Во-первых, кирпичи найдены только

⁸⁶ Онайко 1982, 233–235.

⁸⁷ Онайко 1982, 234–235; Шелов 1984, 170; Зубарь 2001, 146–147; Сапрыкин, Масленников 2007, 182.

⁸⁸ Сапрыкин, Масленников 2007, 182, 205.

⁸⁹ Воронятов 2019, 933.

на территории Горгиппии во вторичном использовании в объектах 2–3 вв. н. э., что не позволяет судить об их изначальном предназначении. Во-вторых, об обожествлении Аспурга свидетельствует алтарь (*sic!*) из Пантикапея с посвятельной надписью 23 г. н. э. (КБН 39).⁹⁰ Однако высказанные Воронятовым доводы не имеют надежной опоры. Как показывают раскопки дома № 60 в Горгиппии, погибшего в пожаре в середине 1 в. н. э., а функционировавшего, по крайней мере, с рубежа эр, кирпичи с клеймом «тамга Аспурга» использовались в его верхних этажах.⁹¹ Эти находки маркируют использование плинф с тамгой в отделке частного дома конца 1 в. до н. э. – первой половины 1 в. н. э. О прижизненном обожествлении Аспурга ничего не известно.⁹² Прижизненное обожествление правителя из далекого царства-сателлита Рима во времена правления Августа или Тиберия едва ли было вообще возможным. Сам Август был обожествлен только после его смерти в августе 14 г. Властелин Рима не допустил бы подобного на Боспоре. Его милостью Аспург сохранил за собой боспорский престол.

Следует принять во внимание и то, что в Пантикапее не существовало алтаря, посвященного Аспургу. Это предположение высказывал В. Д. Блаватский, опубликовавший надпись на мраморном архитраве (КБН 39).⁹³ Исследователь полагал, что архитрав принадлежал зданию дорического ордена с нечетным количеством колонн по фасаду, видимо, храму или портику, а надпись КБН 39 была вырезана на алтаре этой постройки. С. Д. Крыжицкий проверил выводы Блаватского и пришел к заключению, что архитектурные особенности архитрава с надписью указывают на его принадлежность мемориальному или утилитарному сооружению относительно небольших размеров.⁹⁴ Это сооружение неясного назначения было возведено в 23 г. и посвящено царю Аспургу одним из высших сановников царства. Исследователь специально отмечает, что расчеты модулей высоты расположения архитрава делает весьма маловероятным использование архитрава с надписью 23 г. в алтаре.⁹⁵

Таким образом, попытка С. В. Воронятова пересмотреть гипотезу о принадлежности плинф с изображением тамги кирпичному эргастерию в Горгиппии оказалась неудачной.

В закрытом археологическом комплексе находок из дома № 60 в Горгиппии, была обнаружена целая серия плинф с «тамгой Аспурга».⁹⁶ Это был дом со стенами шириной более метра, который «вплетался» в городские укрепления. По мнению Е. А. Алексеевой, толщина стен в доме допускает существование в нем двух или трех этажей. Планировка здания собирает несколько помещений в компактный прямоугольник. При здании функционировала винодельня с двумя цистернами. Е. А. Алексеева отмечает, что в *верхнем этаже* дома № 60 были каким-то образом использованы хорошо обожженные кирпичи⁹⁷, помеченные «тамгой Аспурга».⁹⁸ Помимо плинф с тамгой в ходе раскопок дома была обнаружена богатая и разнообразная домашняя утварь, найдены десятки самых различных керамических сосудов и даже бронзовые части дорогой мебели.⁹⁹ Наличие винодельни в доме показывает, что одним из источников доходов владельцев дома было виноделие. Предполагаем, что дом № 60 принадлежал семье сиракского клана, состоявшего в родстве с первой супругой Аспурга. Об этом свидетельствуют время существования дома, многочисленные владельческие знаки-тамги на плинфах, которыми были выложены полы или стены верхних этажей, богатая и разнообразная домашняя утварь. В целом, плинфы с клеймом в виде тамги могут указывать на их изготовление по определенному (вероятно, вполне крупному, раз плинфы клеймили тамгой) заказу керамическим

⁹⁰ Воронятов 2019б. В данном случае Воронятов реанимирует устаревшее предположение В. Д. Блаватского.

⁹¹ Алексеева 1997, 128–129.

⁹² «Эвергет» и «сотер», которыми наделен Аспург в надписях КБН 39 и 40, являются традиционными эпитетами, которыми подданные одаривали царей-благодетелей в надписях, начиная с эллинистической эпохи.

⁹³ Блаватский 1957, 68–70.

⁹⁴ Крыжицкий 2000, 152.

⁹⁵ Там же, 151–152. В. П. Яйленко предложил в надписи КБН 39 в утраченной части стк. 4. дополнить, *exempli gratia*, как объект посвящения Аспургу сущ. τὸν ναόν (этот храм) (Яйленко 2010, 493).

⁹⁶ Алексеева 1997, 128–129.

⁹⁷ Там же, 141, табл. 49, 50.

⁹⁸ Там же. Их количество не указано.

⁹⁹ Там же, 129, рис. 41, 42

эргастерием Горгиппии в первой половине 1 в. н. э. Такая же плинфа с тамгой отметила участие представителей клана в строительстве, возможно, в качестве донаторов в пригородном святилище Горгиппии.

Еще один фрагмент кирпича с «тамгой Аспурга» был обнаружен при исследовании помещения 1 дома № 50, существовавшего в 2 в. – ок. 240 г. н. э. в центре Горгиппии.¹⁰⁰ Он происходит также из находок верхнего этажа, рухнувшего вниз во время пожара ок. 239–240 гг. н. э.

Приведенные примеры (дома № 60, № 50) позволяют судить о характере использования плинф. Они применялись для мощения пола или стен помещений в частных домах. В кладке стен домов они стали использоваться уже вторично после перестройки в Горгиппии в конце 1 – начале 2 в. н. э.¹⁰¹ В этот период уровень дневной поверхности был поднят при прокладке улиц и строительстве новых домов и зданий. Для забутовки использовался грунт из перемешанных слоев города, располагавшийся поблизости от участков строительства. В период перестройки города плинфы с тамгой из обветшавших или разрушенных строений города могли быть использованы вторично для возведения стен домов.

Сарматские знаки-тамги встречены на посуде из поселения Владимирское недалеко от Новороссийска.¹⁰² Здесь были обнаружены 14 мисок, спрятанных внутри пифоса до разрушения дома-башни. На 13 мисках процарапаны знаки идентичные «тамге Аспурга». Они процарапаны внутри на дне мисок.¹⁰³ Подобные находки на боспорских поселениях связывают с присутствием аспургиан.¹⁰⁴ Их обнаружение маркирует дом-башню, входившую в сигнально-сторожевую систему обороны юго-восточных рубежей Боспора, на пос. Владимирское как место обитания в 1 в. н. э. представителей (одной семьи?) сиракского клана, связанного родством, как предполагается, с первой супругой Аспурга.

Интересующая нас тамга изображена на массивной каменной плите из ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье.¹⁰⁵ Эта тамга вырезана между двумя монограммами – NEO(?) и MA (сохранилась левая часть *мю*) – в числе еще трех тамг (рис. 6). Судя по характеру нанесения глубоких и четких линий, эти шесть знаков (две монограммы и четыре тамги) были выбиты одновременно.¹⁰⁶ Несколько ниже была выбита греческая надпись, сильно затертая, сохранилось, по мнению издателя, несколько букв в строке «... Α... ΕΙΤΑΝ».¹⁰⁷ По мнению Н. И. Винокурова, плита с надписью, монограммами и тамгами изначально была вмурована на уровне человеческого роста в стену или башню около въездных ворот.¹⁰⁸

Ф. В. Шелов-Коведяев сумел прочитать четыре строки в надписи на артезианской плите.¹⁰⁹ Судить о состоянии надписи по опубликованным фотографиям весьма сложно (прорисовка не представлена). Исследователь предполагает, что на плите была вырезана строительная надпись о восстановлении ворот Цитадели и предлагает следующую её реконструкцию: «1. Σαυ[ρομ]ά[τ]ης | 2. ΑΜΤ Ροιμητάλκ[ο]υ | 3. υἱὸς τῆ[ν] πύ[λ]ην | [ἐνεώ]σεντο, – Сав(ром)ат, сын Реметалк(а), вот эти (вор)ота (восста)новили (обновили?) ... (в год) 341»¹¹⁰. На основании изображения на плите «тамги Аспурга» эпиграфист считает этого Савромата, сына Реметалка, членом клана Аспурга. К сожалению, в предложенном восстановлении присутствуют очевидные ошибки в структуре надписи. Так, календарная дата ΑΜΤ расположена в начале стк. 2 между личным именем и отчеством донатора, что невозможно в принципе. Календарная дата в строительных надписях Боспора всегда стоит в конце текста (ср. КБН 897, 970, 1053, 1241–1258 и пр.).¹¹¹ В стк. 1 перед именем донатора отсутствует место для

¹⁰⁰ Алексеева 2002, 28–29, рис. 6, 3.

¹⁰¹ Алексеева 1997, 130–131.

¹⁰² С. А. Яценко рассматривает их как близкородственные (2001, 47). Эти знаки обычно интерпретировались как «тамга Аспурга» (Онайко, Дмитриев 1981, 97–98; 1982, 110, Мальшев 2005, 550).

¹⁰³ Онайко 1982, 234.

¹⁰⁴ Сокольский 1976, 11–112; Сапрыкин 1985, 70; Емец 2012, 217 и пр.

¹⁰⁵ Винокуров 2004, 79–88.

¹⁰⁶ На плите процарапаны и другие сарматские тамги. Судя по их расположению, они были нанесены позднее рассматриваемых (Винокуров 2004, 80–81).

¹⁰⁷ Винокуров 2004, 79–80; Винокуров, Чорреф 2022, 19.

¹⁰⁸ Винокуров 2004, 79.

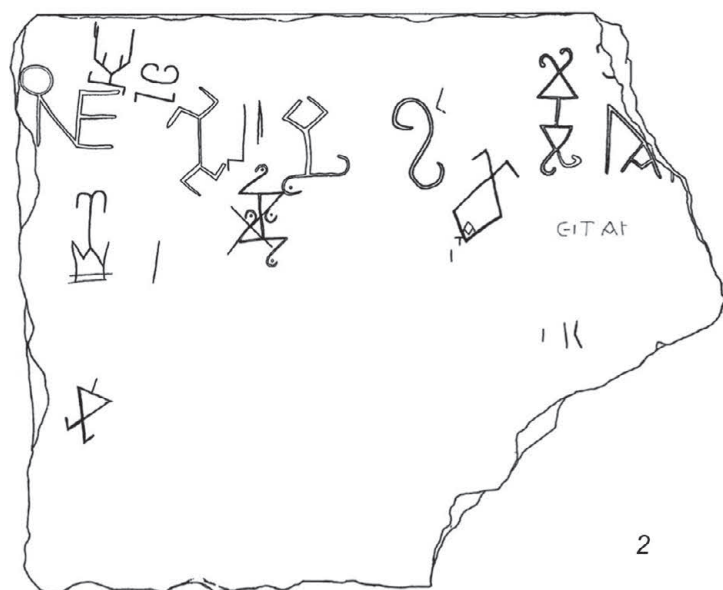
¹⁰⁹ Шелов-Коведяев 2023, 79–89.

¹¹⁰ Там же, 85, 87.

¹¹¹ Исключение составляет строительная надпись 335 г. (КБН 1112), в которой календарная дата расположена в первой строке.

1

2

Рис. 6. Артезианская плита
(по: Винокуров, Чореф 2022)

восстановления эпонимной формулы (пусть даже краткой – ср. КБН 897, 1112), содержащей имя правящего царя и его основные титулы, обязательной для общественных надписей Боспора в 1–2 вв. н. э.¹¹² Только эти два наблюдения заставляют усомниться в предлагаемой реконструкции. Ф. В. Шелов-Коведяев усмотрел на камне в стк. 2 лигатуру *альфы* и *лямбды*.¹¹³ Если судить по фотографии в статье, то в стк. 2 видны *тау*, *альфа* с центральной частью в виде острого угла, вертикальная *гаста*.¹¹⁴ Проблема заключается в том, что лигатуры в боспорских лапидарных надписях не использовались, по крайней мере, до середины 2 в. н. э. Фракийское отчество донатора («сын Реметалка») никак не вяжется с сарматской тамгой, приписываемой Аспургу, поскольку Савромат, будучи по отцу фракийцем, не мог иметь клановую тамгу сираков.¹¹⁵ Реметалк I, царь Фракии, был дедом Гепепирии, второй супруги Аспурга. Появление фракийца Реметалка, – судя по имени, члена царского дома Сапеев, – на Боспоре во второй четверти 1 в. н. э., да еще имеющего взрослого сына, нуждается в серьезном

¹¹² Исключение представляет строительная надпись Герака, сына Понтика, 208 г. (КБН 1053). Краткая структура надписи объясняется тем, что она расположена под тамгой аланского клана, представитель (-и) которого приняли участие в строительстве здания в Гермонассе в начале 3 в. н. э.

¹¹³ Шелов-Коведяев 2023, 85.

¹¹⁴ Там же, рис. 5.

¹¹⁵ О наследовании тамги по линии матери в царском роду потомков Асандра, с явными патриархальными традициями, речи не идет.

историческом обосновании. Впрочем, как и имя его сына Σαυρομάτης. Царь Савромат, сын Реметалка, правил Боспором в 186/187–210/211 гг. Наличие его тѣзки в надписи середины 40-х годов н. э. требует объяснения. Сказанное подводит к выводу, что надпись на артезианской плите в новой редакции принять невозможно. Надпись нуждается в тщательном дополнительном изучении.

Плита найдена во вторичном использовании. Первоначально Винокуров определял время ее изготовления рубежом – первыми десятилетиями 1 в. н. э.¹¹⁶ В последнее время для «подтягивания» датировки плиты к интерпретации монограмм ΝΕΟ и ΜΑ, якобы содержащих имена Нео(птолема) – полководца Митридата Евпатора, и Ма(хара) – наместника Боспора при Митридате, исследователь ее удревнил до 1 в. до н. э.¹¹⁷ Такая датировка не соответствует исторической реальности: предметы с тамгами, которые отмечают присутствие представителей сарматского мира, появляются на территории Боспорского государства не ранее второй половины 1 в. до н. э. Их число постепенно увеличивается с первых десятилетий 1 в. н. э., и концентрируются подобные находки на приграничных поселениях в Синдике. Сказанное подводит к выводу, что первоначальная датировка плиты с Артезиана, предложенная Винокуровым, более правильная, поскольку соответствует времени расселения ряда сарматских кланов на землях Боспора. Этот процесс не был стихийным, напротив, он управлялся «сверху», а в его основе лежит военно-политический союз Аспурга с сиракими Прикубанья, закрепленный династическим браком. Таким образом, артезианская плита, как представляется, являет тот же социокультурный пример, что и танаисские надписи с тамгами архонтов танаитов.¹¹⁸ Греческая надпись и монограммы на этой плите относятся к культурному пространству эллинов, а четыре основные тамги фиксируют присутствие четырех знатных сарматов, видимо, входивших в командный состав гарнизона, в крепости Артезиан в период до боспоро-римской войны 45–49 г. н. э. Один из них был членом царского клана сираков. Итак, артезианская плита представляет собой один из самых ранних эпиграфических памятников Боспора, в котором помимо греческой надписи присутствуют сарматские знаки-тамги. Сарматы (среди них были и сираки), размещенные Аспургом в боспорских землях, обозначили с их помощью свое присутствие в цитадели.

На территории Азиатского Боспора изображение «тамги Аспурга» известно на костяной поделке из ребра животного 1 в. н. э. из Кеп.¹¹⁹ Она является знаком собственности его владельца. С. В. Воронятов обратил внимание, что это не единственный случай нанесения сарматской тамги на кость животного.¹²⁰ Подобные находки известны в Ольвии, Танаисе, городище Артезиан, могильнике Вальной I на Нижнем Дону, Любимовского городище в Нижнем Поднестровье. Считается, что кости животных с изображенными на них сарматскими тамгами представляют собой посланиями богам или оберегами. Для темы исследования важно, что костяной предмет с тамгой из Кеп был личной вещью варвара, входившего в царский клан сираков Прикубанья, состоявшего в родстве с Аспургом. Не исключено, что этот сирак проживал или бывал в Кехах в 1 в.

Знак идентичный изображению тамги на меди Аспурга 14 г. н. э. процарапан на стенке амфоры неустановленного центра производства из раскопок Анапской батарейки. Датировка находки не ясна. И. А. Емец датирует стенку 1 в. н. э., а С. Ю. Сапрыкин и А. А. Масленников не приводят никакой датировки, но связывают этот знак с Аспургом и аспургианами.¹²¹ Фрагментарный характер источника и невозможность обосновать его датировку не позволяют дать его однозначную интерпретацию. Гарнизон Анапской батарейки, как показывают граффити

¹¹⁶ Там же, 81–82.

¹¹⁷ Винокуров, Чорев 2022, 19, 21.

¹¹⁸ Завойкина 2013, 191–203.

¹¹⁹ Емец 2012, 217, № 812.

¹²⁰ Воронятов 2019а, 74.

¹²¹ Сапрыкин, Масленников 2007, 186, № 24 (972); Емец 2012, 236, № 1136 (переиздание публикации 2000 г.).

из ее раскопок, в массе своей был грекоязычным. Из 27 граффити только одно (о котором идет речь) можно уверенно атрибутировать как сарматскую тамгу. Другим примером рисуночного граффито является «тамга Аспурга» (нижняя часть утрачена) на штукатурке колонны из Фанагории.¹²² И. А. Емец опубликовал стенку амфоры неизвестного центра с «тамгой Аспурга» из раскопок поселения Батарейка I.¹²³ Однако в подробном своде граффити сельских поселений Боспора в разделе «Батарейка I» среди 50 описанных предметов эта находка не значится.¹²⁴ Все граффити на керамике с этого памятника греческие, сарматские знаки на предметах 1–2 в. н. э. не представлены. В данном случае наблюдаем ситуацию, схожую с граффито «тамга Аспурга» из Анапской батарейки. Учитывая неясный характер граффити (рисуночные или владельческие?) из Анапской батарейки и Батарейки I, по-видимому, разумно воздержаться от привлечения их для обоснования высказываемой гипотезы.

В итоге, одним из очевидных результатов предполагаемого династического брака Аспурга и сиракской «принцессы» стало проникновение в конце 1 в. до н. э. – начале 1 в. н. э. членов «царского клана» сираков в социальную структуру боспорского общества. По тамгам прослеживается разветвленная система расселения представителей этого клана. Они оказались в ближайшем окружении Аспурга (в частности, первая супруга царя). Им были предоставлены места для проживания и несения военной службы на Азиатском Боспоре (Горгиппия, дом № 60; пос. Владимирское) и Европейском Боспоре (поселение Артезиан). Они, учитывая родство с царем, вероятно, занимали особое положение в социальной иерархии местного общества. Размещение представителей этого клана в сигнально-сторожевом пункте пос. Владимирское показывает, что они проживали, в том числе, и на территории округа аспургиан в юго-восточной части Синдики.

Рассмотренный материал вполне определенно показывает, что единого и всеобъемлющего процесса сарматизации боспорского общества не было. Этому препятствовала полисная структура и эллинистическая система землевладения, лежавшая в основе боспорской государственности. Если и говорить о «сарматизации» Боспора, то следует принять во внимание, что она была сугубо локальным явлением, в котором прослеживаются большие хронологические разрывы. Этот процесс затронул, прежде всего, свободные от грекоязычного населения приграничные области. В азиатской части сарматские кланы (их представители) были размещены в Синдике и Горгиппийском полисе. В европейской части они обосновались в приграничных поселениях около Узунларского вала и в Крымском Приазовье. В целом расселение сарматов на боспорских землях, по крайней мере, с правления Асандра, стало частью государственной политики по защите приграничных территорий Боспора. Относительно высокий процент этих ираноязычных варваров среди населения боспорских полисов фиксируется лишь с середины 2 в. н. э., главным образом в двух приграничных городах – Горгиппии и Танаисе.¹²⁵ Появление в этих полисах сарматов было следствием внутренней и внешней политики боспорских царей. Вплоть до середины 3 в. в крупных полисах Боспора процент выходцев из сарматского окружения оставался достаточно низким. В разное время различные племенные образования сарматов, союзников боспорских царей, участвовали в этом процессе. Во времена Асандра и Аспурга сиракам, ближайшим соседям Боспора на северо-востоке и востоке, на определенных условиях были предоставлены земли в Синдике. А с середины 2 в. н. э. уже аланские кланы, оказавшиеся в родстве с боспорскими царями, стали играть ведущую роль в процессе так называемой сарматизации Боспора.

¹²² Завойкина 2020, 175–176, рис. 5.

¹²³ Емец 2012, 246, № 972.

¹²⁴ Сапрыкин, Масленников 2007, 187–194.

¹²⁵ Завойкина 2013, 201–203; 2021, 72–94.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е. М. 1997. Античный город Горгиппия. Москва.
- Алексеева Е. М. 2002. Центральная часть Горгиппии в первые века нашей эры // ДБ 5, 27–53.
- Белоусов А. В., Трейстер М. Ю. 2018. Парадный кинжал с надписью из княжеского сарматского погребения у с. Косика в Нижнем Поволжье // Аристей XVIII, 92–128.
- Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И. 2018. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Новоалександровка. Ростов-на-Дону.
- Блаватский В. Д. 1957. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945–1949 и 1952–1953 гг. // И. Б. Зеест (ред.), Пантикапей (МИА 56). Москва, 5–95.
- Блаватский В. Д. 1976. О Рескупориде I // СА 4, 56–62.
- Блаватская Т. В. 1965а. Рескрипты царя Аспурга // СА 2, 197–209.
- Блаватская Т. В. 1965б. Аспург и Боспор в 15 г. н. э. // СА 3, 29–37.
- Болтунова А. И. 1989. Надпись Пифодориды из раскопок Гермонассы // ВДИ 1, 86–92.
- Бонин А. В. 2006. Памятники хоры Боспора I в. до н. э.: еще раз о хронологии объектов сигнально-оборонительной системы // ПИФК 3, 8–42.
- Бонин А. В. 2017. Поселения Боспора I в. до н. э. – начала II в. н. э. // ПИФК 4, 109–119.
- Виноградов Ю. Г. 1992. Херсонес, Боспор и Рим // ВДИ 3, 130–139.
- Виноградов Ю. Г. 1994. Очерк социально-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ 2, 151–170.
- Винокуров Н. И. 2004. Плита с монограммами и тамгообразными знаками, найденная при раскопках «Цитадели» городища Артезиан // ДБ 7, 79–88.
- Винокуров Н. И. 2010. Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и гибель ранней цитадели городища Артезиан (по материалам раскопок 2004–2008 гг.) // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия 1. Москва, 38–44.
- Винокуров Н. И., Чорев М. М. 2022. Писаница из Цитадели городища Артезиан: двадцать лет исследований // Русин 70, 13–35.
- Воронятов С. В. 2009. О функции сарматских тамг на сосудах // А. Г. Фурасьев (ред.), Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. Санкт-Петербург, 80–98.
- Воронятов С. В. 2013. Центральная Азия и Северное Причерноморье: параллели предметов с тамгами // Нижневолжский археологический вестник 3, 48–59.
- Воронятов С. В. 2019а. Знак-тамга боспорского царя Аспурга: ареал находок, контекст, датировка // Крым в сарматскую эпоху 5, 69–79.
- Воронятов С. В. 2019б. О кирпичях со знаком-тамгой царя Аспурга из раскопок Горгиппии // ВДИ 4, 927–937.
- Глебов В. П. 2001. Сарматы и Боспор на рубеже эр // БФ: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Санкт-Петербург, 194–201.
- Голенко К. В., Шелов Д. Б. 1963. Монеты из раскопок Пантикапея 1945–1961 гг. // Нумизматика и сфрагистика I. Киев, 3–65.
- Голубцова Е. С. 1951. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. Москва.
- Горончаровский В. А. 2000. Аспургиане и военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // Таманская старина 3, 54–58.
- Дворниченко В. В., Фёдоров-Давыдов Г. А. 1993. Сарматское погребение скептуха I в. н. э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ 3, 141–179.
- Десятчиков Ю. М. 1974. Процесс сарматизации Боспора. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Москва.
- Драчук В. С. 1975. Система знаков Северного Причерноморья. Киев.
- Завойкин А. А. 2023. Аспургиане: 500 стадиев между Фанагорией и Горгиппией // Древнейшие государства на территории России. 2023 г. Москва, 272–305.
- Завойкин А. А., Завойкина Н. В. 2017. Ильичевская крепость и ее обитатели в I–II вв. н. э. // ДБ 21, 122–153.
- Завойкина Н. В. 2013. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. Москва.

- Завойкина Н. В. 2020. Граффити первых веков н. э. из Фанагории // *Hypanis* 2, 169–183.
- Завойкина Н. В. 2021. Представители сармато-аланского мира в городах Азиатского Боспора // *Hypanis* 3, 72–96.
- Завойкина Н. В. 2023а. Аспург – царь Боспора (9/8 г. до н. э. – 38 г. н. э.) // *ДБ* 28, 142–165.
- Завойкина Н. В. 2023б. О войне царя Аспурга против скифов и тавров // *ПИФК* 3, 252–271.
- Завойкина Н. В., Новичихин А. М., Константинов В. А. 2018. Новая посвятельная надпись Аспурга из Горгии // *ВДИ* 3, 680–692.
- Зубарь В. М. 1998. Северный Понт и Римская империя. Киев
- Зубарь В. М. 2001. Об одном типе боспорских керамических клейм // *ВДИ* 4, 146–148.
- Емец И. А. 2012. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья (подготовительные материалы к корпусу). Москва.
- Каминская И. В., Каминский В. Н., Пьянков А. В. 1985. Сарматское погребение у станицы Михайловской (Закубанье) // *СА* 4, 228–234.
- Каллистов Д. П. 1938. Этюды из истории Боспора Римского времени (Политические взаимоотношения Рим и Боспора при царях Фарнаке и Асandre) // *ВДИ* 4, 174–183.
- Карышковский П. О. 1973. Сарматские тамги на античных монетах Причерноморья // *Античные города Северного Причерноморья и варварский мир (Краткие тезисы докладов)*. Ленинград, 15–16.
- Карышковский П. О., Фролова Н. А. 1990. Правление Асандра на Боспоре // Ю. Г. Виноградов (ред.), *Древнее Причерноморье*. Одесса, 89–100.
- Крыжицкий С. Д. 2000. К проблеме строительства в Северном Причерноморье храмов с нечетным количеством колонн по главному фасаду // *ВДИ* 1, 144–152.
- Кузьмин Ю. Н. 2023. Фанагорийский посол в Риме // А. В. Махлаюк (ред.), Профессор Евгений Александрович Молев и современные проблемы антиковедения. Материалы научной конференции. Нижний Новгород, 159–169.
- Латышев В. В. 1909. *ПОНТИКА*. Санкт-Петербург.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Сарматы // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани 1*. Москва, 260–285.
- Малышев А. А. 2005. Граффити на керамических сосудах как исторический источник (на материалах юго-восточной периферии Боспора VI в. до н. э. – III в. н. э.) // *Древности Евразии. От ранней бронзы до раннего средневековья*. Москва, 547–562.
- Масленников А. А. 1990. Население Боспорского государства в первых веках н. э. Москва.
- Масленников А. А. 1995. Полемон I на Боспоре // *БС* 6. Москва, 158–165.
- Масленников, А. А. 1998. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. Москва.
- Новичихин А. М. 2011. Аборака // *Историко-археологический альманах 10*. Армавир–Москва–Краснодар, 68–73.
- Онайко Н. А. 1982. О датировке горгийских кирпичей с тамгообразным клеймом // *СА* 1, 233–235.
- Онайко Н. А., Дмитриев А. В. 1981. Укрепленное здание в античном поселении у с. Владимировка близ Новороссийска // *КСИА* 168, 93–100.
- Онайко Н. А., Дмитриев А. В. 1982. Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже нашей эры // *ВДИ* 2, 106–122.
- Панов А. Р. 2009. Поход Митридата Пергамского на Боспор: проблемы интерпретации источников // *Научные ведомости БелГУ* 1, 12–16.
- Ростовцев М. И. 1914. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // *Древности. Труды Императорского Московского археологического общества* 25. Москва, 1–26.
- Ростовцев М. И. 1918. Эллинизм и иранство на юг России. Петроград.
- Русяева А. С., Зубарь В. М. 1998. Боспор Киммерийский: история и культура. Николаев.
- Сапрыкин С. Ю. 1984. Пифодорида – царица Фракии // *ВДИ* 2, 141–153.
- Сапрыкин С. Ю. 1985. Аспургиане // *СА* 2, 65–78.

- Сапрыкин С. Ю. 2002. Боспорское царство на рубеже эпох. Москва.
- Сапрыкин С. Ю. 2010. Позднеэллинистический и римский периоды (I в. до н. э. – середина III в. н. э.) // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани 2. Москва, 80–132.
- Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. 2007. Граффити и дипинти хоры античного Боспора (БИ Suppl. 1). Симферополь–Керчь.
- Сапрыкин С. Ю., Федосеев Н. Ф. 2009. Epigraphica Pontica II: новая надпись Пифодориды из Пантикапея // ВДИ 3, 138–147.
- Сокольский Н. И. 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. Москва.
- Фролова Н. А. 1997. Монетное дело Боспора. Ч. 1. Москва.
- Цветаева Г. 1975. Кирпичи с тамгой из Горгииппии // КСИИ 143, 99–101.
- Чореф М. М. 2014. К биографии Асандра: путь к престолу // МАИАСП 6, 456–487.
- Чореф М. М. 2019. К вопросу о статусе Аспурга как монарха Боспорского царства // Stratum plus 6, 97–116.
- Шевченко, Н. Ф. 2009. Краснобатареиное городище. Старые проблемы, новые исследования // Пятая Кубанская археологическая конференция. Сб. материалов. Краснодар, 434–438.
- Шелов-Коведяев Ф. В. 2023. Новое имя в сарматской династии Боспора // А. В. Махлаюк (ред.). Профессор Евгений Александрович Молев и современные проблемы антиковедения. Материалы научной конференции. Нижний Новгород, 79–89.
- Шкорпил В. В., Ростовцев М. И. 1910. Эпиграмма из Эль-Тега // ИАК 37, 14–22.
- Яйленко В. П. 2010. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. Москва.
- Ярцев С. В. 2022. К вопросу о выделении центральноазиатской династической линии боспорской аристократии // МАИАСП S1, 187–199.
- Ярцев С. В., Зубарев В. Г., Смекалов С. Л. 2018. Система обороны Европейского Боспора в период правления царя Асандра (по материалам археологических разведок в урочище Аджиэль 2018 года) // Историческая и социально-образовательная мысль 10 (5/2). Белгород, 25–34.
- Яценко С. А. 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. Москва.
- Christ W. 1890. Geschichte der griechischen Litteratur. München.
- Iwanov Th. 1961. Die thrakisch-römischen politischen Beziehungen am Vorabend der römischen Herrschaft in Thracien // Studii Clasice 3, 93–98.
- Kiessling M. 1912. Gorgippia // RE 14, 1620–1629.
- Mommsen T. 1885. Römische Geschichte. Bd. 5. Berlin.

В. Н. Пилипко

СТРАТИГРАФИЯ ТОГОЛОК-ДЕПЕ (Южный Туркменистан)*

Аннотация. Исторически сложилось так, что памятники сасанидского времени в 20 в. в пределах Ахала (узкая полоса пригодных для постоянного освоения земель между горами Копетдаг и пустыней Каракум) никогда не были объектами специального археологического изучения. Проект подобного рода, начатый в 80-х годах 20 в., был прерван в связи с неожиданной гибелью ее основного исполнителя В.Ю. Вдовина.

В данной статье публикуются материалы по стратиграфии Тоголок-депе Геоктепинского, исследовавшегося по этой программе.

Тоголок-депе – это многослойный археологический объект, на котором представлены слои джейтунского времени (6 тыс. до н.э.), парфянского и сасанидского эпох. Наиболее активно он перестраивался в сасанидское время. Общая толщина отложений этого времени около 7 м.

Долгое время здесь, по-видимому, существовал небольшой объект типа замка, но позднее на его руинах возникло поселение из тесно расположенных небольших домов. Без существенных перерывов оно функционировало в течение всего сасанидского периода. Систематическое послойное изучение данного поселения может дать общее представление об изменениях местной материальной культуры в сасанидский период.

Ключевые слова. Южный Туркменистан, Ахал, многослойное поселение, Тоголок-депе, раннее средневековье, позднепарфянский период, джейтунская эпоха.

V. N. Pilipko

STRATIGRAPHY OF TOGOLOK-DEPE (SOUTHERN TURKMENISTAN)

Abstract. Historically, monuments from the Sasanian period within Ahal (a narrow strip suitable for creating a permanent settlement between the Kopetdag Mountains and the Karakum Desert) have never been the subject of specialised archaeological study during the 20th century. A project of this kind, initiated in the 1980s, was interrupted due to the unexpected death of its supervisor, V.Y. Vdovin. The present article describes the stratigraphy of the Togolok-depe, located in the Geok Tepe region and excavated by him. Togolok-depe is a multi-layered archaeological site which contains layers from the Jeytun period (6000 BC), Parthian, and Sasanian epochs. It underwent significant restructuring during the Sasanian era, with a layer thickness of about seven metres. For a long time, a small fortress-like structure likely existed here, but later, a settlement of narrowly positioned small houses emerged on top of its ruins. It functioned continuously during the entire Sasanian period. Systematic study of this settlement's layers can provide a comprehensive understanding of changes in local material culture during the Sasanian period.

Key-words. Southern Turkmenistan, Ahal, multi-layered settlement, Togolok-depe, early Middle Ages, late Parthian period, Jeytun period.

Древнее поселение Тоголок-депе расположено примерно в 40 км северо-западнее Ашхабада¹ на границе «культурной зоны» (освоенной земледельцами территории) и пустыни Каракум, передовые барханы которой подступают почти к самому холму. Более близкие ориентиры: Тоголок-депе находится примерно в 7,5 км к северо-северо-востоку от железнодорожной станции Геок-Тепе и в 2 км к востоку от центральной усадьбы бывшего колхоза им. Горького (совр. Ахал).

Первым из археологов Тоголок-депе обследовал А. А. Марущенко в 1939 г. Тогда остатки поселения представляли собой большой, высокий, с крутыми склонами и округлый в плане холм.² В основании он имел диаметр 120–130 м. Высота

* Работа выполнена в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (НИОКТР 122011200269–4).

¹ Точка отсчета – железнодорожный вокзал.

² Отсюда и его название: Тоголок-депе по-туркменски – «круглый холм».

составляла 10–11,5 м.³ Вершину холма занимала относительно ровная горизонтальная площадка размерами примерно 60×30 м.

На А. А. Марущенко Тоголок-депе произвел впечатление памятника домусульманской и даже сасанидской эпохи. Тогда на заре археологического изучения Туркменистана А. А. Марущенко все археологические объекты разделял на три большие хронологические группы.

1. Памятники Анауской культуры, представляющие этап древнейшего освоения подгорной полосы Копетдага, вплоть до периода Анау IV, относящегося к середине 1 тыс. до н. э.

2. Памятники «мусульманской эпохи», представляющие период после арабского завоевания этих мест (7 в. н. э.).

3. Третью группу «домусульманских памятников» составляли те объекты, которые нельзя было отнести к первой или второй группе.

Тоголок имел условно столообразную форму – крутые склоны и плоский верх. Холмы подобного силуэта, как правило, во всей Средней Азии оказывались остатками «замков» раннесредневекового периода. Но, наряду с неполивной керамикой кругового изготовления, А. А. Марущенко обнаружил здесь фрагменты лепных расписных сосудов, сходных с находками из Келята и Новой Нисы, которые он уже тогда относил к периоду, предшествующему эпохе Анау. В записях этого времени он называет его – этап «Келята» или «пред-Анау».⁴ В 50-е годы 20 в. эта культура получила название джейтунской. Вторично А. А. Марущенко посетил Тоголок-депе в 1946 г. и окончательно укрепился во мнении о доанауской принадлежности его нижних слоев.

В 1961 г. на юго-западной окраине холма на участке уже поврежденном выборками земли он заложил контрольный шурф размерами 3×2 м, который дал документальные свидетельства принадлежности Тоголок-депе к числу памятников древнейших оседлых земледельцев подгорной полосы Копетдага. В шурфе была выявлена 3-метровая толща культурных отложений, относящаяся к джейтунской эпохе, разделенная на четыре стратиграфических периода. Материалы раскопок А. А. Марущенко были опубликованы О. Бердыевым.⁵

В 1967 г. сам О. Бердыев с целью получения более полного представления об архитектуре и материальной культуре нижних слоев древнейшего, существующего на этом месте поселения, провел на Тоголок-депе новые раскопки. Шурф А. А. Марущенко он превратил в раскоп размерами 10×12 м, который дал не только более многочисленный вещевой материал, но и представления об архитектуре этого поселения. На Тоголок-депе были выявлены остатки жилых и хозяйственных построек типичных для других памятников этой культуры, получен обильный керамический материал.⁶ Каменные и костяные орудия труда с Тоголок-депе стали объектами специального изучения Г. Ф. Коробковой⁷ и О. Лоллековой.⁸ Нижние культурные слои Тоголок-депе были уверенно интерпретированы как остатки поселения ранней и средней стадии джейтунской культуры.⁹ В шурфе А. А. Марущенко было выделено 4 хронологических периода. О. Бердыев в своем раскопе исследовал только 3 стратиграфических горизонта. Завершение исследований было осуществлено в 1969 г. но эти работы не получили освещения в печати.

В целом, проведенные исследования дали прекрасные результаты, существенно дополнившие общие знания о джейтунской культуре. Вместе с тем потенциал этого памятника был далеко не исчерпан. Современное состояние объекта представляет возможности для широких его раскопок. В отличие от Чопан-депе

³ Холм располагался в местности, имеющей заметный уклон в северо-восточном направлении, отсюда и возможные разные оценки его высоты.

⁴ Марущенко 1939; 1949.

⁵ Бердыев 1964.

⁶ Бердыев 1968, 12–15.

⁷ Коробкова 1966; 1968.

⁸ Лоллекова 1988, 14–16.

⁹ Бердыев 1969, 27–9; Массон 1971, 44–47; Коробкова 1968, 57–61; 1969, 37.

культурные слои Тоголок-депе не засолены и архитектурные остатки здесь имеют хорошую сохранность. В публикациях нет некоторых важных сведений о древнейшем Тоголоке. В первую очередь это касается данных о размерах древнейшего поселения. У О. Бердыева имеется только указание, что протяженность поселения с запада на восток была не менее 50 м.¹⁰

Инструментальный план холма, составленный в 1968 г. А. А. Ляпиным, свидетельствует, что помимо раскопа О. Бердыев заложил два контрольных шурфа (рис. 1). Один неподалеку от раскопа (восточнее), а другой вблизи восточной оконечности холма. Промеры по этому плану показывают, что протяженность джейтунского поселения в направлении запад-восток составляла не менее 80 м. Реально же она была явно больше. В предварительном порядке можно предполагать, что площадь раннего поселения была около 1 га, может быть даже больше. Для проверки необходимо заложить контрольные шурфы в ближайших окрестностях холма, со всех четырех сторон.

Кроме того, нужно учитывать, что в 20 м к северо-западу от большого холма ранее находился небольшой овальный холм (47×40 м) высотой около 3 м, который, вероятно, также представлял остатки джейтунского времени. При посещении Тоголок-депе в 1950 г. С. А. Ершов закладывал на этой возвышенности неглубокий контрольный шурф и в своем дневнике зафиксировал здесь присутствие керамики энеолитического времени. В реальности это могли быть фрагменты джейтунской керамики, о существовании которой в те времена знал только А. А. Марущенко. По данным съемки А. А. Ляпина, площадь большого холма составляла 1,14 га, а совокупная площадь двух холмов 1,3 га.

Второй важный вопрос – на каком водном источнике располагался Тоголок-депе. Все исследователи с доверием относятся к сообщению О. Бердыева, что Тоголок пользовался водой одного из протоков реки Саккиз-яб¹¹, и на основании этого делаются важные исторические выводы.¹² Между тем вопрос заслуживает специального изучения с привлечением к его решению гидрологов и геоморфологов. В начале 20 века подробный обзор системы орошения подгорной полосы Копетдага был сделан Таировым. По его данным, селение Тумен-Шагал (ныне Ахал) действительно пользовалось водой Секиз-яб, но селение Яндаклы Огыз располагалось на протоке Алты-яба.¹³ Эта же речка текла далее на север и орошала урочище Старого Ахала. Таким образом, вполне возможно, что Песседжик и Тоголок могли располагаться на разных водных потоках.

* * *

При широкой известности Тоголок-депе как памятника джейтунской культуры, верхние его слои не привлекали исследователей. Практически с самого начала он получил правильное определение – памятник сасанидского времени. Это, вероятно, объясняется тем, что Тоголок-депе отсутствует (!) даже в перечне памятников сасанидского времени в подгорной полосе Копетдага, составленном ведущими специалистами в области раннесредневековой археологии Туркменистана.¹⁴ Ограниченные в средствах туркменские археологи просто не брались за раскопки такого объемного памятника, как «сасанидский замок» (именно к их числу причисляли Тоголок-депе).

Интерес к изучению верхних слоев пробудился только в 80-х годах. К этому времени стараниями окрестных земледельцев, использовавших землю с холма как отличное «природное» удобрение, примерно на треть Тоголок-депе был уже

¹⁰ Бердыев 1969, 27.

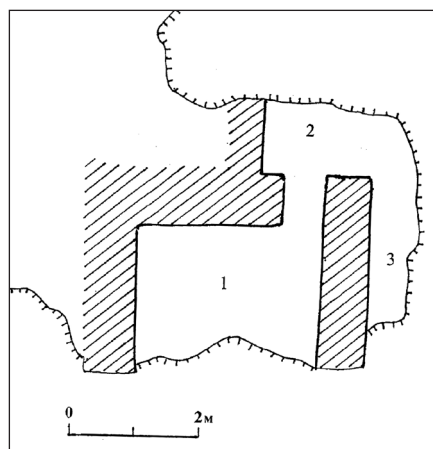
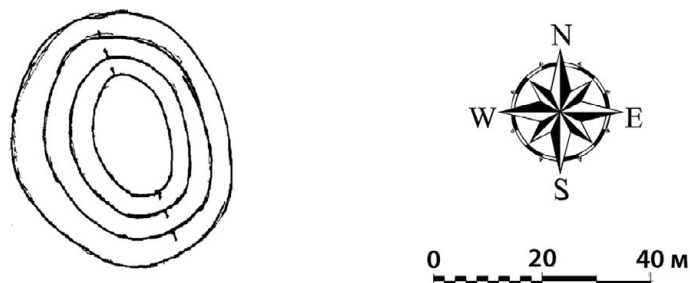
¹¹ Там же, 28.

¹² Лоллекова 1988, 40.

¹³ Эти сведения подтверждают и современные жители селения Яндаклы Огыз. В период работ О. Бердыева селение Яндаклы Огыз называли Орта Яйла.

¹⁴ Губаев, Ханмурадов 1987, 51–65.

Рис. 1. План Тоголок-депе.
Инструментальная съемка А. А. Ляпина,
1968 г.

Рис. 2. Зачистка 1981 г. на южном
обрыве

разрушен. В многометровых обрывах местами хорошо прослеживались остатки добротных сырцовых кладок. Первые зачистки были сделаны в 1981 г. Парфянской экспедицией, осуществлявшей контрольные раскопки на одном из выступающих мысов южного обрыва. В результате были выявлены остатки трех помещений и зафиксирована хорошая сохранность раннесредневековых сооружений (рис. 2). Стены расчищенных помещений сохранились на высоту до 2-х метров.

В 1983 г. было решено провести полную зачистку 9-метрового восточного обрыва. Выполнение этих работ было поручено В.Ю. Вдовину.¹⁵ В условиях дефицита средств и рабочей силы раскопки велись по экономичной, уже отработанной на других памятниках методике. Первоначально внизу обрыва делался вертикальный срез, зачищалась ровная площадка и у его основания изучались нижние культурные слои (рис. 3). При необходимости выкапывался шурф до материка. Затем сверху закладывался колодец основного раскопа. Поскольку при значительном наклоне обрыва верхние слои исследовались на относительно малой площади, для более полного их изучения на вершине холма была сделана дополнительная прирезка к основному раскопу.

В стратиграфическом разрезе на Тоголок-депе нижняя плоскость обрыва была зачищена на высоту 1,65 м, шурф вниз не копался, т.к. подстилающие джейтунские слои уже исследовались в более ранних раскопах. Верхний разрез по фронту имел длину 8 м. Ширина его менялась, увеличиваясь сверху вниз.

¹⁵ Вдовин 1985, 549–550.

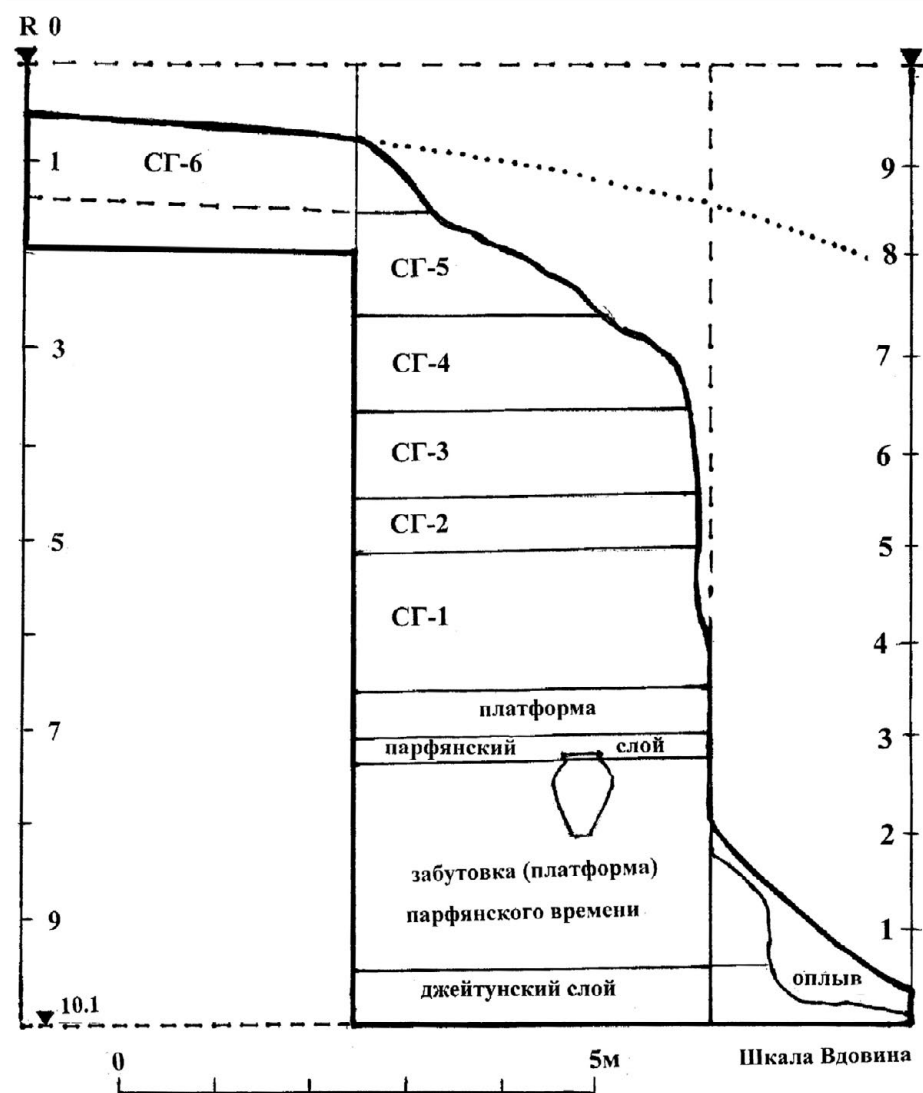

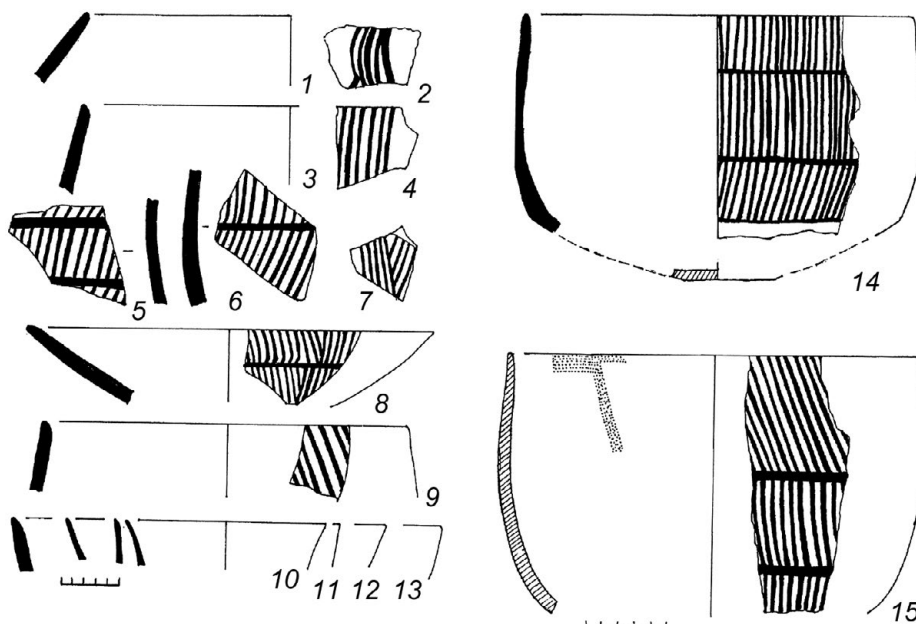
Рис. 3. Схема восточного разреза

Площадь его внизу составляла 32 м². Два верхних слоя, благодаря дополнительной прирезке, были исследованы на площади 110 м².

Выявленная в разрезе толща культурных отложений в 9,3 м представляла остатки трех разновременных поселений. Нижние 60 см связаны с культурными отложениями джейтунского времени. Архитектурные остатки здесь не были зафиксированы, но получено некоторое количество фрагментов керамики, дополняющих относительно небольшую коллекцию находок с самого верхнего джейтунского строительного горизонта Тоголок-депе (рис. 4).

Прежде чем продолжить дальнейшее описание стратиграфического разреза необходимо остановиться на современном состоянии научной документации. Уже в 1983 г. за В. Ю. Вдовиным, в то время еще лаборантом отдела археологии Института истории АН ТССР, как за соискателем была закреплена тема «Раннесредневековые памятники Ахала». В качестве научного руководителя был утвержден В. М. Массон. В течение 1983–1986 гг. В. Ю. Вдовин вел активные полевые исследования. Он завершил (на каком-то определенном этапе) раскопки поселения Яндаклы-депе, провел контрольные раскопки на поселении Мазарли-депе (Шор-депе) и активно занимался исследованиями на Тоголок-депе.

Рис. 4. Восточный разрез. Керамика джейтунского времени

В 1983 г. осуществлены стратиграфические исследования, а в 1985–1986 гг. практически полностью был раскопан верхний слой холма, представляющий остатки поселения позднеасанидского времени.

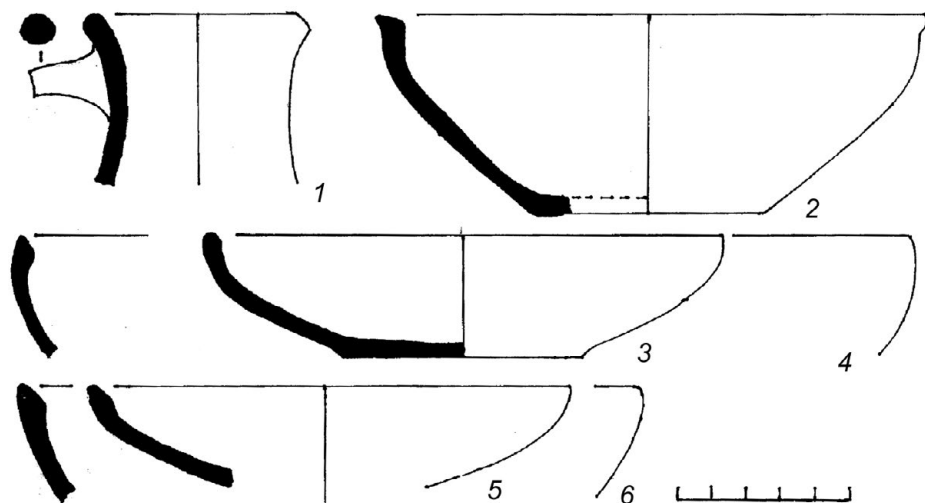
Весь этот материал должен был послужить основой будущей диссертации. Но в начале 1987 г. В. Ю. Вдовин погиб. Значительная часть документального материала, хранившегося непосредственно у него, оказалась утрачена. Его близкими в отдел археологии Института истории Академии наук ТССР была передана кипа бумаг. Это преимущественно черновые наброски будущей диссертации, причем представленные в нескольких вариантах. В них присутствовала лишь часть документального материала, и разобраться в ней не всегда представлялось возможным. Поясню на конкретном примере. В бумагах в виде фотографии представлена развертка бортов стратиграфического раскопа, но не удалось обнаружить расшифровку представленных на разрезе графических обозначений (рис. 3).

К этому следует добавить, что в процессе работы с материалом В. Ю. Вдовин многое переосмысливал. Первоначально в стратиграфическом разрезе в отложениях сасанидского времени он выделял 5 строительных горизонтов, а затем число их было увеличено до шести. Полное описание разреза и полученного из него материала было рассредоточено по разным разделам будущей диссертации.

Кроме того, в процессе ознакомления с материалами В. Ю. Вдовина, у меня сложилось иное мнение относительно слоев аршакидского времени. Но в целом, разрез 1983 г. очень важный документальный источник. Впервые и достаточно полно он представил динамику развития материальной культуры Ахала в ранне-средневековый период.

Однако первоначально попытаемся разобраться с данными о функционировании поселения в парфянский (аршакидский) период. По мнению В. Ю. Вдовина, слои этого времени представлены только одним комплексом 3–4 вв. н. э.¹⁶ К отложениям этого периода относится мощная сырцовая платформа высотой около 2,2 м и остатки расположенного на ней здания, представленного небольшим

¹⁶ То есть, при такой датировке комплекс больше оснований рассматривать как раннеасанидский.

Рис. 5. Фрагменты керамики раннеаршакидского времени. Выборка из отложений разного времени

по толщине культурным слоем 20–25 см. Здесь зафиксированы остатки каких-то стен, четыре вкопанных по горло в платформу хумов и значительное количество другой керамики, обнаруживающей сходство с комплексами позднеаршакидского времени.¹⁷ В. Ю. Вдовин склонен считать, что значительного перерыва в функционировании «позднепарфянского» и «сасанидского» поселений не было.

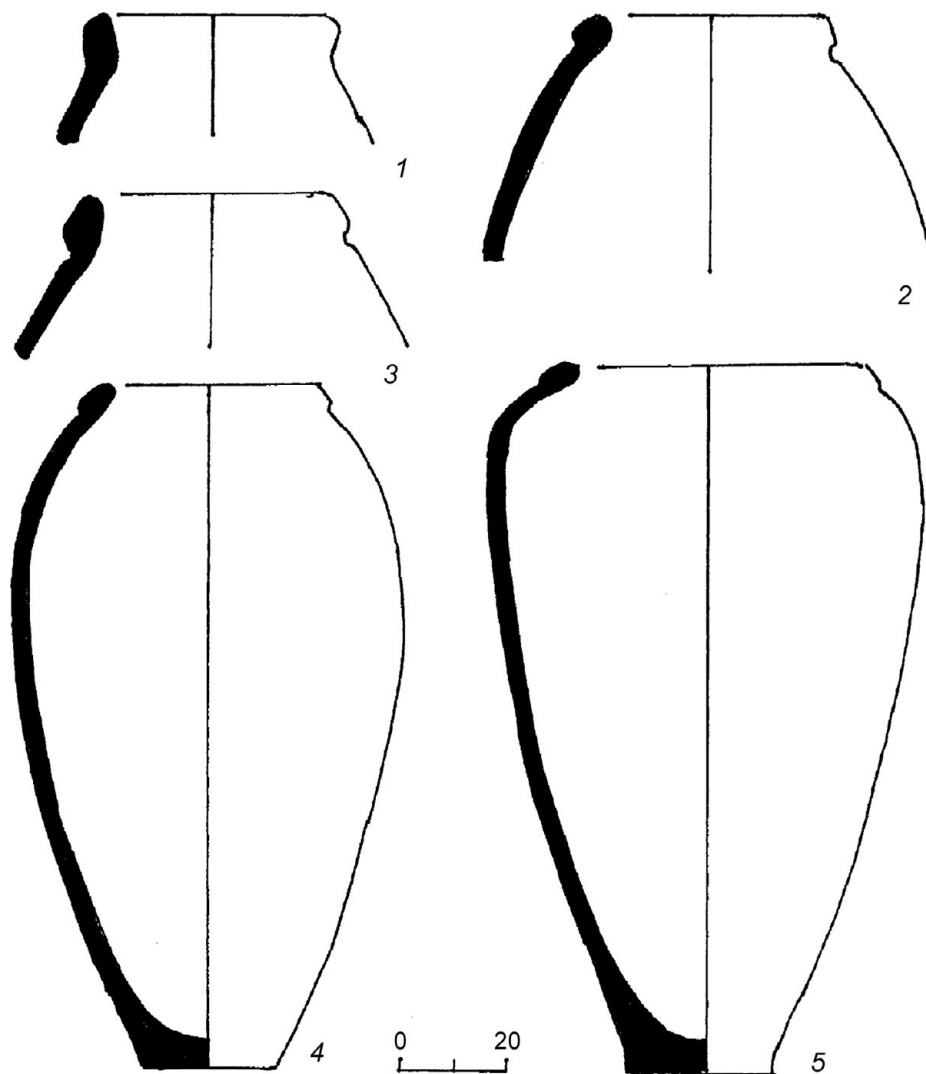
У меня относительно функционирования Тоголок-депе в аршакидский период сложилось иное мнение. Еще в 1967–1968 гг. при посещении поселения во время раскопок О. Бердыева я осматривал срез обрыва над нижним юго-западным раскопом. В нем удалось обнаружить остатки кладки из сырцового кирпича квадратной формы со стороной 40–42 см и извлечь несколько фрагментов керамики явно аршакидского времени. Среди них был венчик красноглиняной чаши с плавно отогнутым наружу венчиком. Такие формы характерны для раннеаршакидского периода. При ознакомлении с материалами раскопок кроющего слоя Тоголок-депе также обнаружено несколько фрагментов подобных чаш (рис. 5). В слое позднесасанидского времени они, конечно, оказались случайно (также как и изредка встречающиеся черепки джейтунского облика), но их можно рассматривать как косвенное свидетельство присутствия на Тоголок-депе слоев раннеаршакидского времени. Теперь вновь обратимся к «платформе», на которой расположены остатки сооружения «позднеаршакидского времени». Полевой дневник и другие первичные документы среди бумаг В. Ю. Вдовина мне, к сожалению, обнаружить не удалось. Но при ознакомлении с имеющимся материалом у меня возникли два взаимосвязанных предположения: указанная платформа не была полностью исследована (сверху донизу), и в реальности это не платформа, а забутованные (?) остатки предшествующих архитектурных конструкций.

Выше приведено краткое описание методики исследований: сначала зачистка нижней части обрыва (он был зачищен на высоту 165 см), а затем исследование верхних слоев. Отработанный грунт при этом сбрасывался вниз и, естественно, скрыл нижнюю часть обрыва. Его удаление требовало значительных усилий и времени, поэтому возникает подозрение, что платформа полностью не была прокопана. Это достаточно отчетливо прослеживалось на итоговом чертеже разреза. У самого В. Ю. Вдовина также не было четкого мнения об этой конструкции. Первоначально он называл ее закладкой, затем платформой со знаком вопроса в скобках, а в поздних вариантах текста знак вопроса исчез. Однако

¹⁷ Пилипо 1990.

Рис. 6. Хумы из парфянского слоя

представляется, что наиболее правильным было первое определение – закладка. В верхней части этой структуры были обнаружены большие ямы, заполненные песком и мусором. Возможно, это следы от вкопанных в полы хумов. Против определения этой структуры как монолитной платформы свидетельствует и тот факт, что в ее кладке использован разноформатный кирпич со стороной от 40 до 47 см. К этому следует добавить, что устройство платформ (стилобатов) для сооружений аршакидского времени вообще не характерно. Мне представляется, что больше оснований предполагать, что это не платформа, а остатки более ранних забутованных конструкций. Фиксация в нижней части разреза «сплошной сырцовой кладки», в реальности может соответствовать не остаткам платформы, а толстой стене; ширина нижней зачистки обрыва составляла не более 30–50 см, тогда как стены строений аршакидского времени обычно имели толщину в 1,5–2 м.

В заключение, следует констатировать, что восточный разрез не дал четких представлений о структуре отложений парфянского времени. Общая их толщина составляет 2,4 м. Самый верхний слой (толщиной 20–25 см) связан с функционированием здания позднеаршакидского времени.

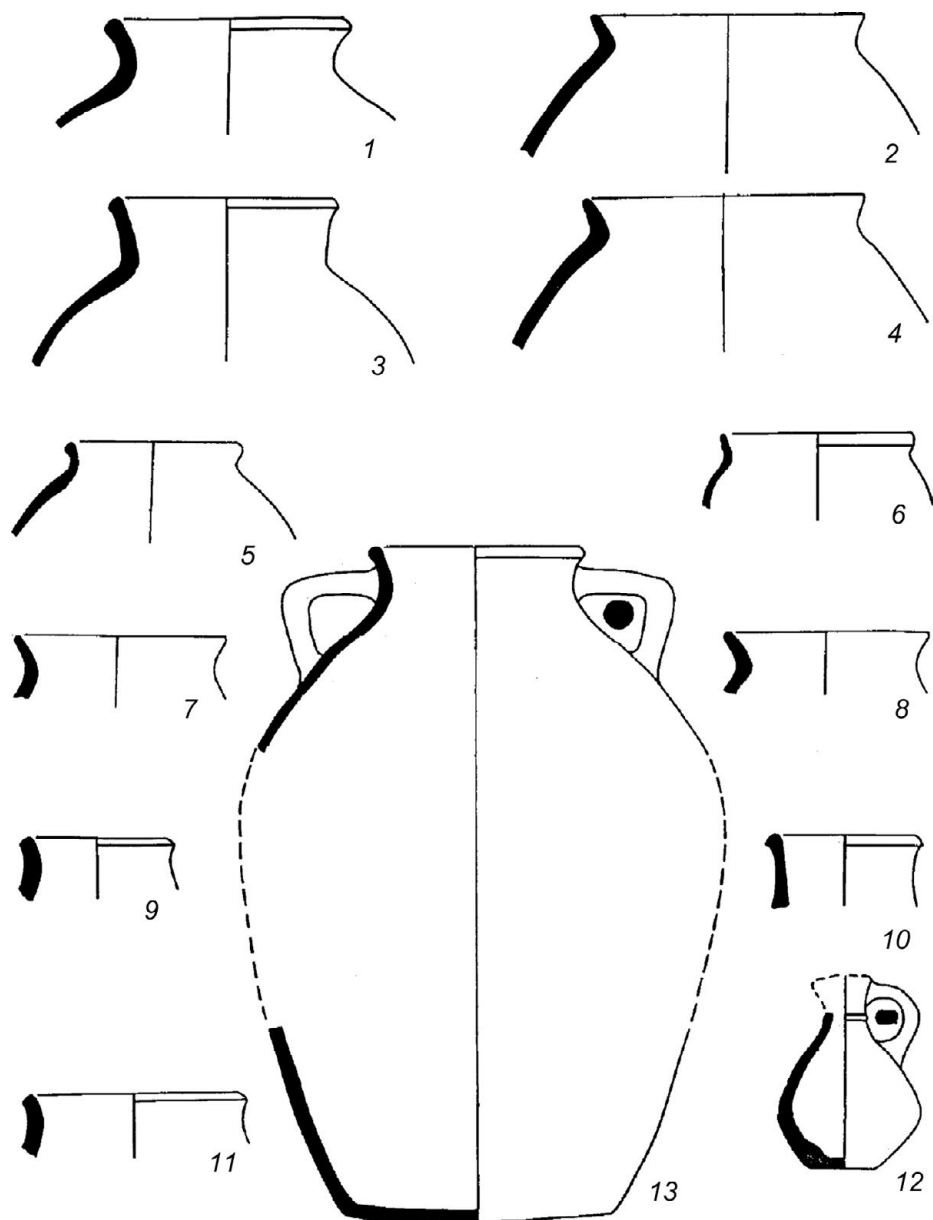

Рис. 7. Горшкообразные сосуды из позднепарфянского слоя

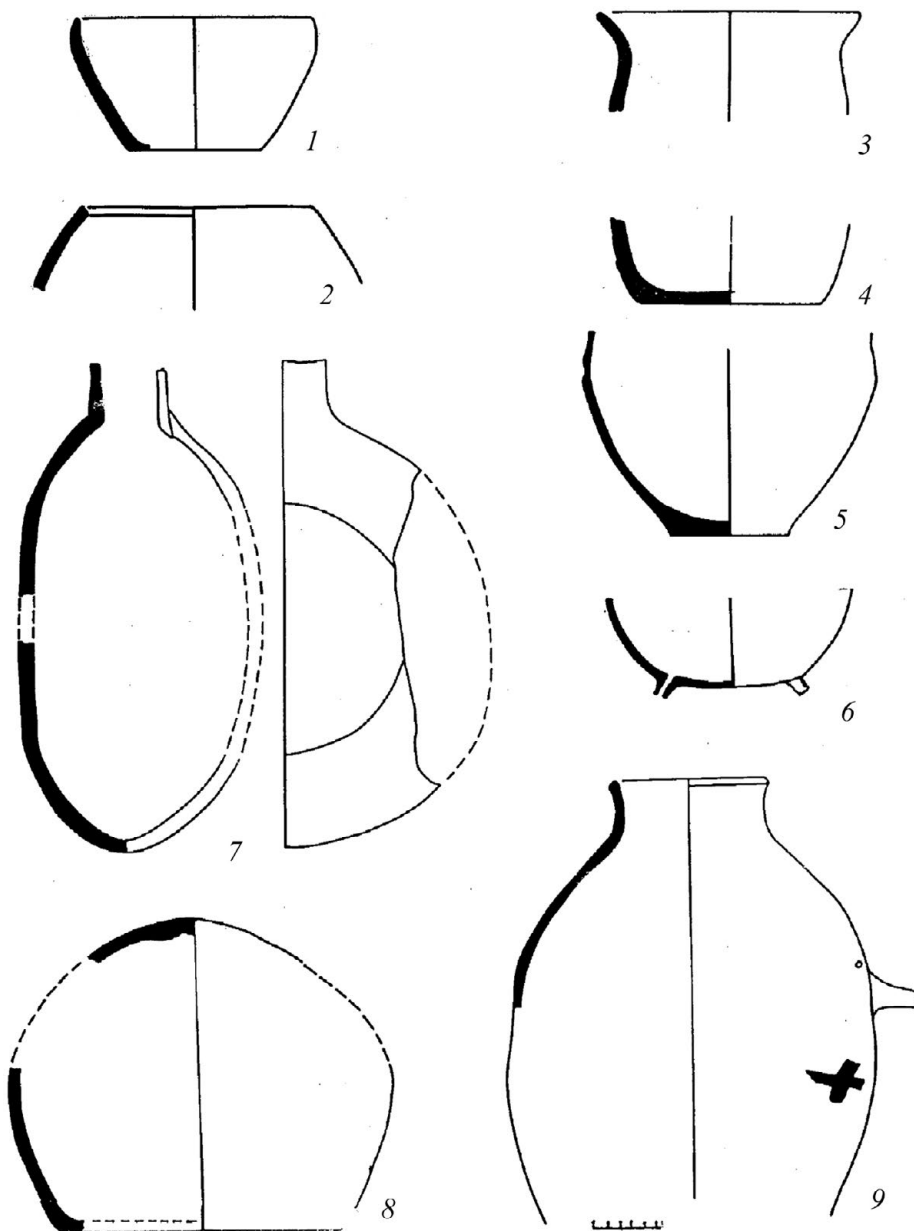
Помещение, попавшее в створ разреза, видимо, относилось к числу хранилищ. Здесь обнаружены четыре хума, вкопанных в пол почти по самый венчик. Устья двух из них были прикрыты тонкими каменными плитами. Хумы имеют типичную для аршакидского времени форму – валикообразный венчик, яйцевидный удлиненный резервуар. Относительно большой диаметр устья (40–45 см) и небольшое (20–24 см) плоское дно (рис. 6). Техника изготовления типично парфянская – отдельные кольца шириной 20–30 см, соединены в один сосуд. Типично для Ахала парфянского времени использование в качестве крышек для хумов тонких каменных плит. Причем следует отметить, что в отличие от Нисы¹⁸ и Чакана,¹⁹ где известно использование таких крышек, Тоголок-депе расположен довольно далеко от гор, доставка тяжелых крышек, вероятно, занимала целый день. Хумы Тоголока обнаруживают наибольшее сходство с хумами Чакана.²⁰

Обильны находки в расчищенном помещении крупных горшков с короткой плавно отогнутой наружу горловиной (рис. 7). Выделяется крупный сосуд с двумя

¹⁸ Крашенинникова 1963.

¹⁹ Пилипко 1990, 61.

²⁰ Там же, табл. XVI.

Рис. 8. Керамика из позднеаршакидского слоя

круглыми в сечении ручками (рис. 7. 13), для аршакидского времени в области Нисы изделия подобного ряда встречаются редко. Керамические маслбойки, напротив, обычны для аршакидского времени. Это большие горшковидные сосуды с горизонтально расположенной ручкой на уровне наибольшего диаметра, рядом с ручкой небольшое отверстие, проделанное по сырой глине. Уже в период использования на сосуд черной краской был нанесен знак оберега – крест (рис. 8. 9). Столь же типичны для аршакидского времени фляги (рис. 8. 7, 8). Привлекает внимание керамический сосуд с двумя сосками на слегка округлом дне (рис. 8. 6). Это малочисленная, но весьма характерная для всей подгорной полосы Копетдага форма. Ближайшая находка подобного рода, но в ином оформлении, известна с поселения Коша Хаудан.²¹ Следует обратить внимание, что на Чакан-депе нет подобных изделий. Редкими для позднеаршакидского времени являются безгорловинные горшки (рис. 8. 2) и глубокие условно

²¹ Пилипко 1990, табл. VII. 5.

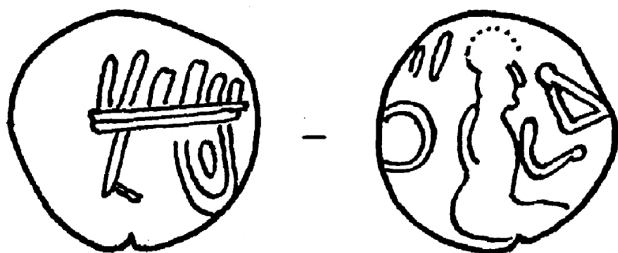

Рис. 9. Монета с Тоголок-депе

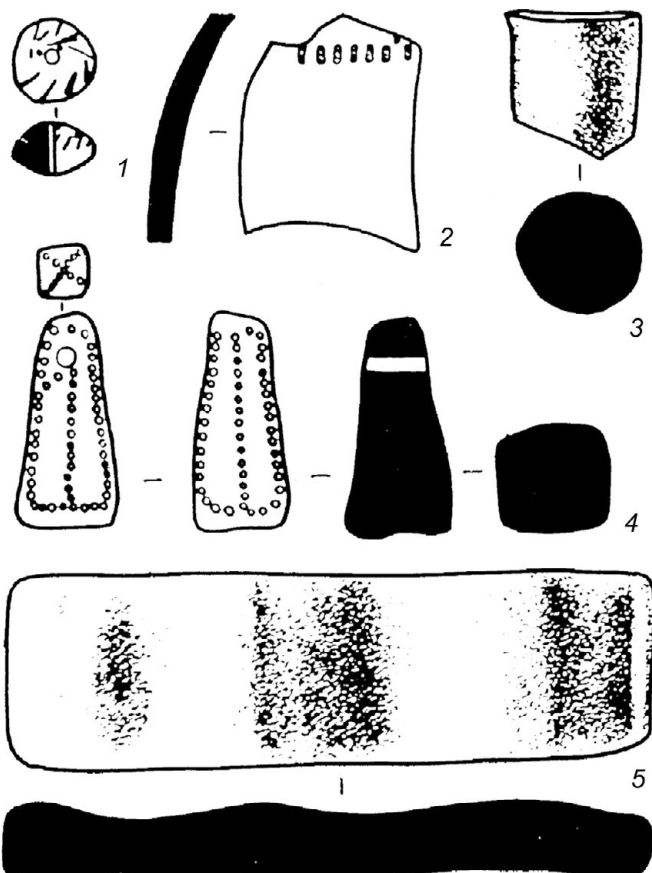

Рис. 10. Мелкие находки из слоя позднепарфянского времени (3, 5 – камень; остальное – керамика)

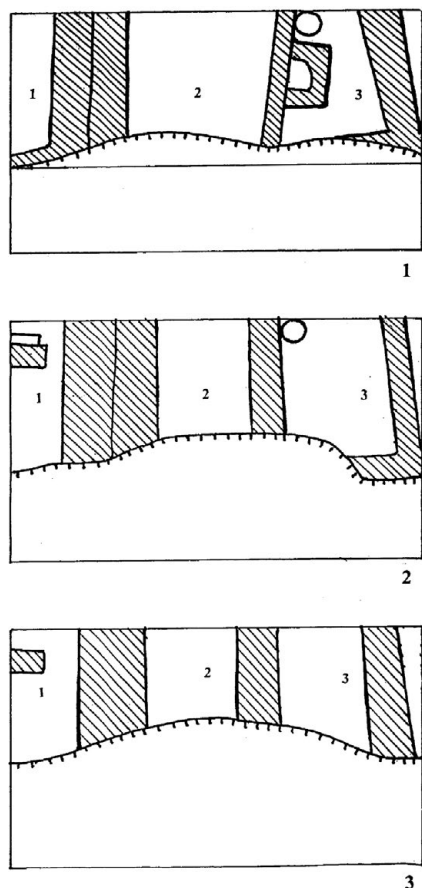
конической формы чаши, отличающиеся большой толщиной стенок (рис. 8. 1). Инородным в этом комплексе смотрится небольшой ойнохоевидный кувшин, у него явно «сасанидский» вид (рис. 7. 12). Не исключено, что в рассматриваемую коллекцию керамики он попал случайно.

С датировкой этого комплекса возникают некоторые трудности. В заполнении ямы, вырытой для установки одного хума, обнаружена бронзовая позднепарфянская монета маргианского типа (рис. 9).²²

Если бы не эта монета, то, по совокупности находок, я данный комплекс разместил бы где-то между комплексами Коша-Хаудана и Чакан-депе. На Чакан-депе нет керамических ритонов, а на Тоголок-депе практически нет желобчатых ручек, группы красноощенных сосудов, керамика полностью лишена орнаментации. Орнаментация наколками присутствует на одном черепке (рис. 10. 2). Она изредка встречается на территории Ахала с 1 в. н. э.²³ Несмотря на относительную

²² Пилипко 1990, 98.

²³ Там же, табл. IV. 2.

Рис.11. Планировка трех нижних уровней отложений сасанидского времени

близость этих поселений (около 15 км), на Тоголоке нет керамики чакановского типа. Создается впечатление, что обитатели этих двух близко расположенных поселений жили обособленно, пользовались продукцией разных керамических мастерских.

Из мелких находок в слое с отметками 280–300 см следует упомянуть пирамидальное керамическое грузило (рис. 10. 4). В раннеаршакидских слоях они неизвестны. Наиболее ранние находки происходят с поселения Чакан-депе (2 в. н. э.). Грузило с Тоголок-депе все изукрашено оттисками пуансона. Кроме этого найдено керамическое пряслице биконической формы (рис. 10. 1), обломок песта (?) и небольшая прямоугольная каменная пластина с волнистой рабочей поверхностью (рис. 10. 5).

Малочисленность датирующих находок заставляет определять данный комплекс в достаточно широких хронологических пределах – 2–3 вв. н. э. В. Ю. Вдовин в этом вопросе пошел еще дальше, опираясь на существующее в литературе мнение, что монеты маргианского типа продолжали находиться в обращении в начале 4 века.²⁴

Однако следует учитывать, что эта версия высказывалась в отношении денежного обращения Мерва, и ее с осторожностью следует распространять на подгорную полосу Копетдага. Рассматриваемый комплекс, как отмечалось выше, не обнаруживает ничего «сасанидского» за исключением ойнохоевидного кувшинчика (рис. 7. 12). Напротив, даже в сравнении с Чакан-депе, он демонстрирует большую консервативность, приверженность к исконным парфянским традициям.

Двояко может быть истолкован факт расположения нивелировочной платформы 4 в. непосредственно на тонком культурном слое рассматриваемого комплекса. В. Ю. Вдовин трактует его в пользу хронологической близости этих строительных остатков, отсутствие между ними значительного периода запустения. Но этот факт можно интерпретировать и противным образом. Ранние строения к этому времени столь обветшали и разрушились, что от них сохранились лишь очень небольшие остатки стен.

* * *

Платформа, перекрывающая слой позднеаршакидского – раннесасанидского времени, является уже основанием для строений следующей исторической эпохи. Наблюдения в восточном стратиграфическом раскопе выявили удивительный и важный факт.

Относительно капитальные строения (толщина стен от 0,5 до 1,2 м, иногда строили сдвоенные стены, совокупная толщина которых достигала 2 м) непрерывно возобновлялись на одном месте, сохраняя, в целом, одну и ту же планировку. Причем перестройки осуществлялись не сразу во всем комплексе, а на отдельных его участках. Одна из стен помещения могла существовать на протяжении двух строительных горизонтов, а вторая перестраиваться за это время дважды или трижды. Так, сдвоенная стена, разделяющая помещения 1 и 2, использовалась на протяжении трех стратиграфических горизонтов, а стены помещения 3 за это время перестраивались трижды. Помещения 2 и 3 первоначально существовали изолированно друг от друга, а затем они были объединены в одно. После этого при ширине свыше 5 м оно, возможно, уже выполняло функции не помещения, а двора (рис. 11, 12).

²⁴ Он ссылается при этом на мнение М. Е. Массона (Массон 1953).

Частые и неодновременные перестройки отдельных частей комплекса создавали трудности для хронологической стратификации. По этой причине В. Ю. Вдовин первоначально выделил пять строительных горизонтов, а затем пришел к выводу, что их было шесть. Восточный разрез Тоголок-депе показал сложность и условность хронологических определений при работе на малых площадях. Если представить, что на исследуемом участке был бы заложен не один большой разрез, а два небольших шурфа – один в северной части разреза, другой – в южной, то были бы зафиксированы две существенно отличающиеся стратиграфические ситуации. В «северном шурфе» для сасанидского периода было бы выявлено шесть строительных горизонтов, а в «южном» – максимум три. Эти изменения у В. Ю. Вдовина нашли отражение в графике и в структуре компоновки керамического материала. На планах разреза, вероятно, составленных в период проведения полевых работ, представлена планировка пяти периодов (рис. 11, 12), а керамический материал, в соответствии с новой концепцией, распределен по шести периодам.

К этому следует добавить, что почти все раскопанные помещения были бедны находками.²⁵ По этой причине (скудности находок) на верху холма была сделана прирезка к разрезу, увеличившая его площадь до 110 м². В ее пределах исследованы остатки еще четырех помещений (рис. 12). На этом участке исследованы отложения 6-го и, частично, пятого строительных горизонтов (глубина вскрытия – 1,2 м).

Участок, раскопанный в 1981 г., по высотным отметкам может быть отнесен к четвертому стратиграфическому горизонту. Следует обратить внимание, что стены этого строения сохранились на высоту до 2-х метров. Вскрытое помещение было практически пустым.

Выявленные в восточном разрезе архитектурные остатки слишком незначительны, чтобы по ним можно было бы уверенно судить об общих принципах планировки и назначении отдельных помещений. Можно лишь отметить, что строения всех уровней не были продуктом деятельности профессионального архитектора. Они создавались самими владельцами «на глазок». Эту архитектуру нельзя назвать ни монументальной, ни регулярной.

Основным строительным материалом служил крупноформатный квадратный сырцовый кирпич со стороной 40–47 см. Точных обмеров кирпича для всех выделенных строительных горизонтов нет, но наблюдается тенденция к уменьшению толщины кирпича. В слоях позднепарфянского времени использовался кирпич таких же размеров, но толщина его достигала 13–18 см. В нижних горизонтах сасанидского времени она уменьшается до 10–12 см, а для самых верхних горизонтов В. Ю. Вдовин отмечает использование блоков (точнее, плит) толщиной в 8–9 см.

Назначение уверенно может быть установлено только для помещения 3. Оно явно носило хозяйственный характер. На раннем этапе у южной стены существовал большой очаг, имеющий прямоугольные внешние контуры 1,45×1 м. Сама топка имела неправильные очертания. Но вскоре (в рамках того же 1-го строительного горизонта) он был заменен на круглый очаг диаметром около 1 м.²⁶ Для верхних строительных горизонтов известны очаги только круглой формы.

Во всех стратиграфических горизонтах сасанидского периода обнаружены целые и фрагментированные диски ручных мельничных установок. Нижний камень имел чечевицеобразную форму. У верхнего – рабочая поверхность соответственно была вогнутой (рис. 13). Диаметр нижних дисков составлял

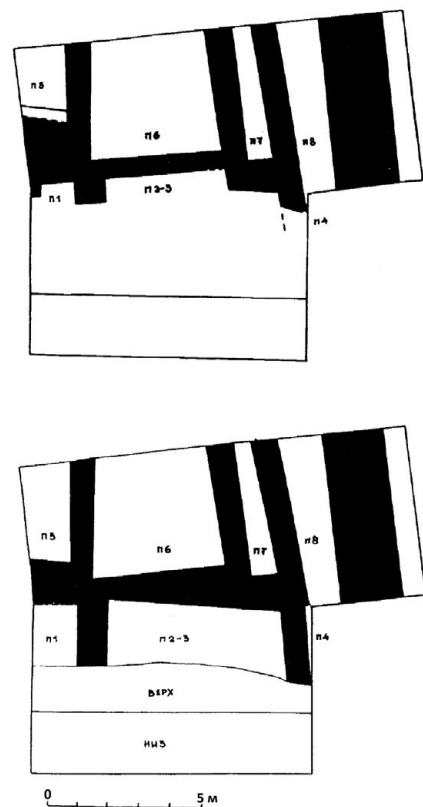
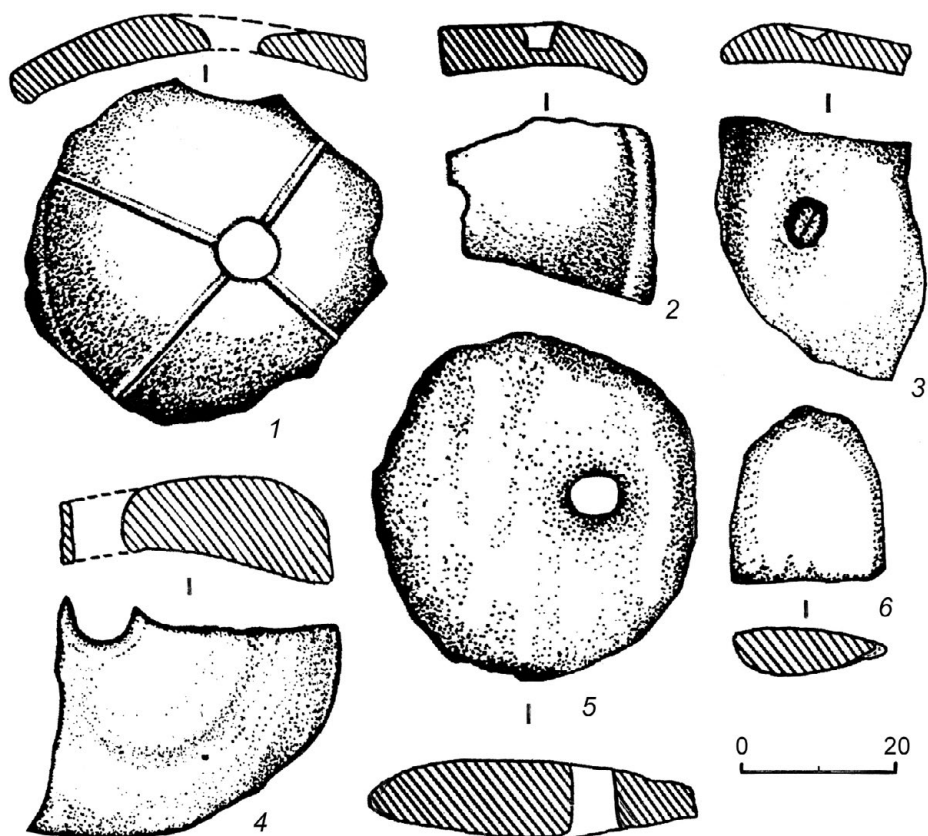

Рис. 12. Планировка 5 и 6 горизонтов

²⁵ Еще одно доказательство того, что побудительными причинами перестроек были не социальные и природные катаклизмы, а житейские соображения хозяев этих сооружений.

²⁶ На плане рис. 11 прямоугольный и круглый очаги показаны как бы существующими одновременно, но на самом деле они сооружались и функционировали последовательно.

Рис. 13. Жернова (1–5) и зернотерка (6)

45–50 см. Верхние были более крупными – до 65 см в диаметре. На их рабочей поверхности крестообразно высечены неглубокие желобки. Все жернова изготовлены из крупнозернистого твердого песчаника. В стратиграфическом горизонте обнаружен обломок зернотерки (рис. 13. 6). На разных уровнях найдены небольшие камни с гладкой поверхностью, использовавшиеся как куранты и оселки.

В 4-м строительном горизонте обнаружено скопление рогов козлов и газелей со следами распила. Вероятно, это заготовки для косторезных работ (рис. 14. 3–9). Чаще всего такие рога использовались для изготовления рукоятей ножей. Два ножа найдены при раскопках 6-го горизонта. Один из них имел изогнутое лезвие (рабочий край внутренний), другой – прямое. Оба ножа были снабжены костяными ручками, соединенными с клинком тремя медными заклепками (рис. 14. 1, 2). Обитатели поселка, вероятно, занимались и металлообработкой (в разрезе на разных уровнях обнаружены куски железных и медных шлаков).

Особого упоминания заслуживают керамические поделки, обнаруженные в отложениях 2, 3 и 5-го строительных горизонтов. Найдены фрагменты трех изделий. Они имеют вид массивных слегка вогнутых дисков диаметром 45–47 см. В центре оставлено отверстие диаметром 13–15 см. С одной стороны, скорее всего нижней, это центральное отверстие имеет высокую, до 12 см, слегка расширяющуюся втулку (рис. 15). Для чего они предназначались – точно установить не удалось. Фрагменты обнаружены в перемещенном виде, вне реального бытового контекста. В. Ю. Вдовин предполагал, что это могли быть детали гончарного круга или крышки для хумов (?). Можно также предположить,

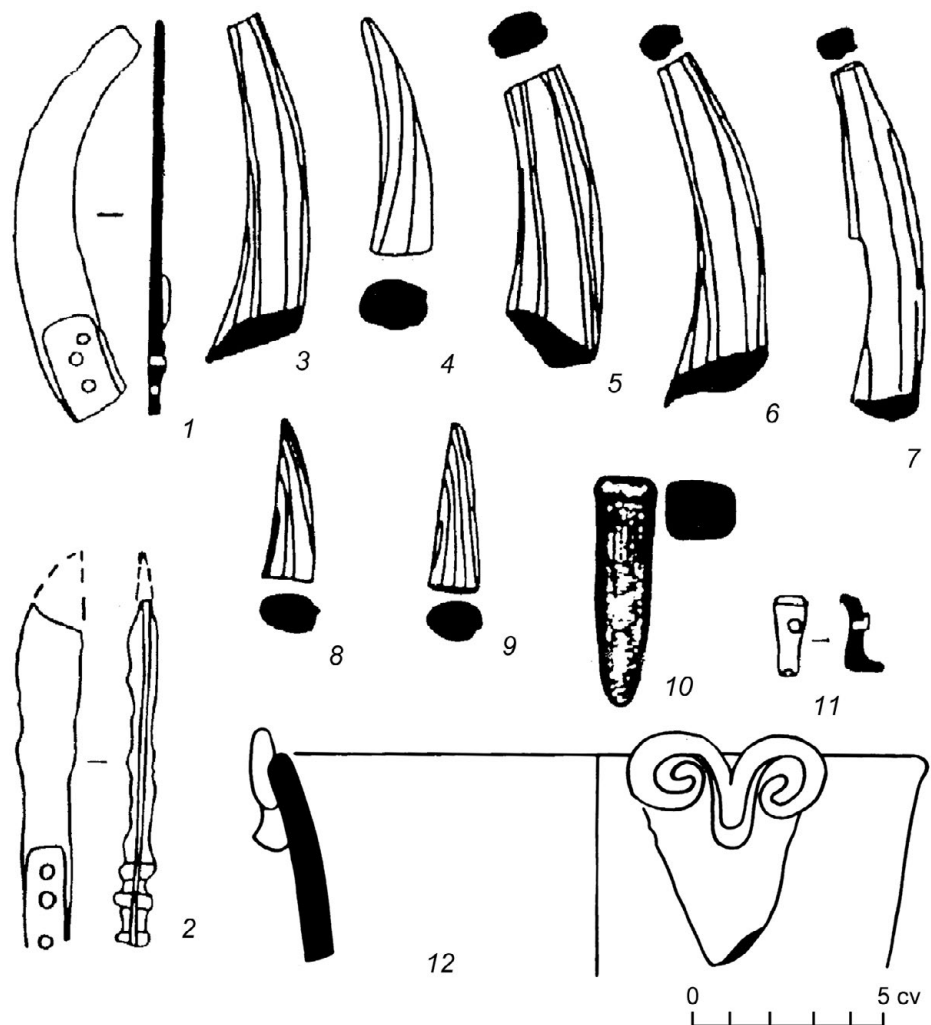

Рис. 14. Мелкие находки из слоев сасанидского времени

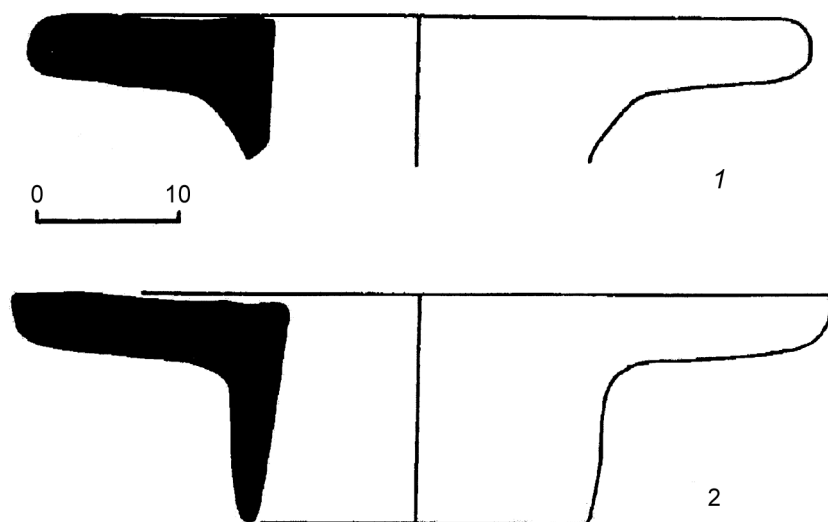
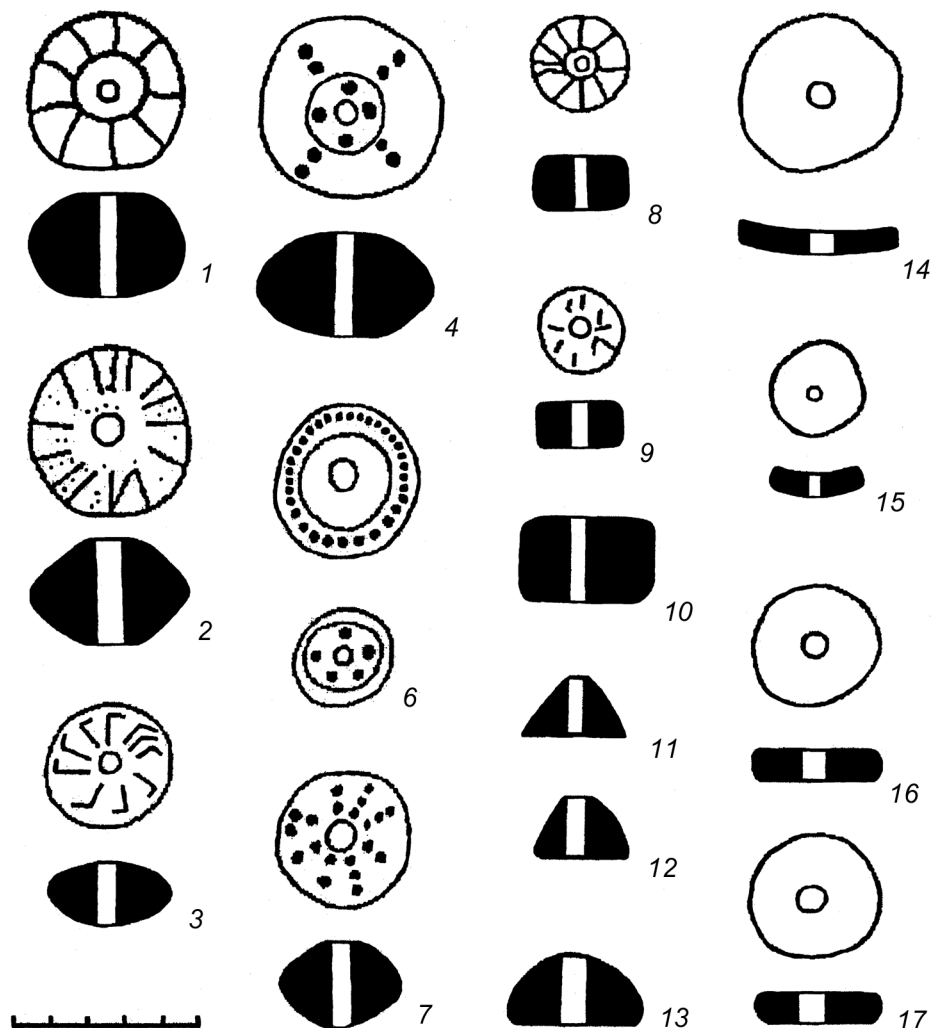

Рис. 15. Керамические диски неизвестного назначения

Рис. 16. Пряслица и пуговицы

что данные изделия использовались для оформления устьев каких-то сливных устройств или были чашами каких-то специальных (ритуальных?) очагов. В керамическом тесте этих поделок имеется примесь шамота, что характерно для жаростойких изделий.

Многочисленную категорию находок составляют так называемые пряслица. Они встречаются нескольких типов. 1. Дисквидные – выточенные из стенок керамических сосудов. Внешний их диаметр колеблется от 2,5 до 5 см. Диаметр центрального отверстия 5–9 мм. Поделки изготовлены с разной степенью тщательности (рис. 16). Вторую группу составляют лепные биконические «пряслица». Внешний диаметр этих поделок 3–6 см, диаметр центрального отверстия до 5 мм. Высота обычно в два раза меньше наибольшего диаметра. Внешняя (верхняя) поверхность этих поделок почти всегда украшена несложным орнаментом – радиально расположенные насечки или круги и радиальные лучи, образованные точечными вдавлениями.²⁷ Реже изготавливались «пряслица» в виде невысоких цилиндров, полусфер или конусов. Несколько подобных поделок изготовлено из камня (рис. 16. 11, 12). Традиционно эти изделия определяются как пряслица, деталь веретена. Но миниатюрные размеры некоторых поделок дают больше оснований рассматривать их в качестве пуговиц.

²⁷ На поздних этапах мода на орнаментацию исчезла.

* * *

Наиболее важную категорию находок составляет керамика, которая дает некоторое представление о хозяйственных занятиях обитателей поселения и служит основным источником для установления их культурных связей. В условиях слабого развития денежного обращения она является почти единственным источником для датировки отдельных стратиграфических горизонтов. Керамика позволяет выявить вектор изменений в местной бытовой культуре.

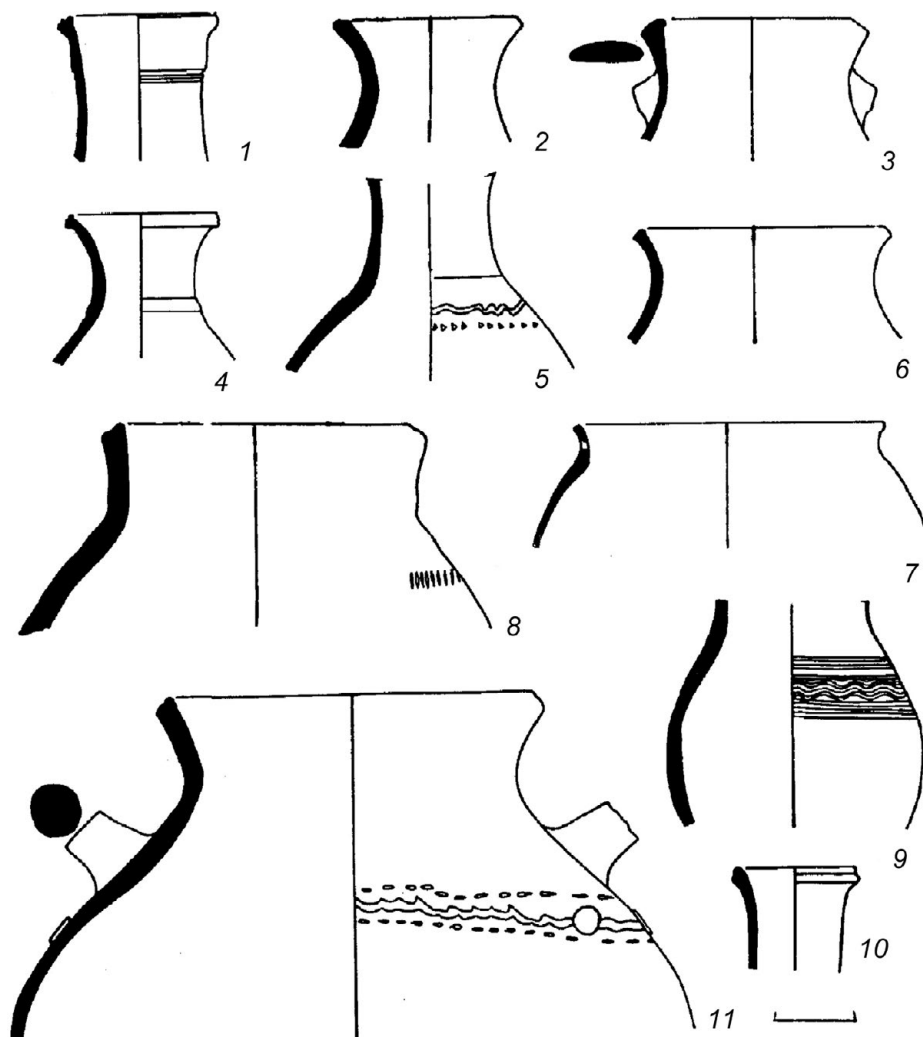
Ценность стратифицированных керамических комплексов с Тоголок-депе заключается в том, что они впервые для центральной части подгорной полосы Копетдага дают возможность составить сквозную шкалу керамических комплексов для всего сасанидского периода.

Но при всей ценности этих материалов необходимо отчетливо осознавать, что восточный раскоп на Тоголок-депе – это лишь первый шаг к созданию полноценной хронологической шкалы керамики сасанидского периода области Нисы. Сами выборки по отдельным стратиграфическим горизонтам очень невелики, представлены сильно фрагментированными изделиями, они не сопровождаются находками узко датированных артефактов. По ним можно составить только самое общее предварительное представление о предмете исследования.

Более того, скудность материала для получения каких-то значимых результатов заставляет группировать его в более крупные хронологические кластеры – ранний, средний и поздний этапы функционирования поселения сасанидского времени, представленного соответствующими культурными отложениями холма Тоголок. Сделанные при раскопках стратиграфические наблюдения этому не препятствуют. В сасанидскую эпоху поселение функционировало без существенных перерывов. В пределах раннего этапа объединены материалы двух нижних стратиграфических горизонтов и т. д.

Ранний сасанидский период можно характеризовать на основании двух нижних стратиграфических горизонтов, представляющих сасанидскую эпоху. Ведущую группу изделий в этой выборке составляют горшкообразные. На их долю приходится более 80% данной коллекции. Среди них выделяется несколько видов изделий: *хумы* – крупные сосуды высотой свыше 60 см и с массивными стенками; *корчаги* (или крупные горшки), занимающие промежуточное положение между хумами и собственно горшками, высота этих изделий 30–60 см, их обычно также отличает большой диаметр горла и резервуара (некоторые исследователи называют их «хумчами»); собственно *горшки*, миниатюрные горшки высотой менее 15 см; *безгорловинные горшки*; *кухонные горшки*, отличающиеся присутствием в керамическом тесте специальной примеси, повышающей их жаростойкость (обычно это мелкодробленые зерна кальцита); *кувшины*. Последние обычно довольно четко отличаются от горшков благодаря ярко выраженной и относительно высокой горловине; другой важный признак кувшинов – ручка (реже две). Но в условиях сильной фрагментированности изделий, зачастую возникают большие затруднения в определении некоторых форм. Знакомство с материалами Тоголок-депе показывает, что морфологически горшки и кувшины очень близки. Уверенно как кувшины характеризуются только изделия с высокой цилиндрической горловиной или изделия с резко зауженным горлом, при относительно большой высоте. Все эти изделия представлены на рисунках (рис. 17–21), и нет необходимости в их подробном описании.

Рис. 17. Сасанидский слой. Горизонт 1.
Керамика

Большинство горшков рассматриваемой хронологической группы изготовлено на гончарном круге, но значителен также процент лепных изделий. В том и другом случае использовано достаточно хорошо подготовленное керамическое тесто без специальных минеральных добавок. Черепок после обжига приобретал красно-коричневый цвет, внешняя поверхность имела светло-серую, серо-желтую, реже зеленоватую окраску, специальные ангобные покрытия практически не применялись.

Горшки, за исключением хумов, которые декорировались практически все, орнаментировались умеренно, украшалась примерно пятая часть изделий этой группы. Часть горшков имела рельефную орнаментацию в виде сглаженного валика, обычно расположенного на шейке. Основным же видом украшения служил процарапанный орнамент по сырому черепку. Выполнялся он острой палочкой, двузубой вилкой или обломком гребня с 4–5 зубцами. Следует отметить, что в нижних горизонтах Тоголок-депе многорядный орнамент встречается чаще, чем в верхних. Для раннего периода характерно нанесение орнамента на медленно вращаемый сосуд или даже вообще без использования круга. Раппорты самые примитивные – волнистая линия или волнистая линия, заключенная между двумя горизонтальными.

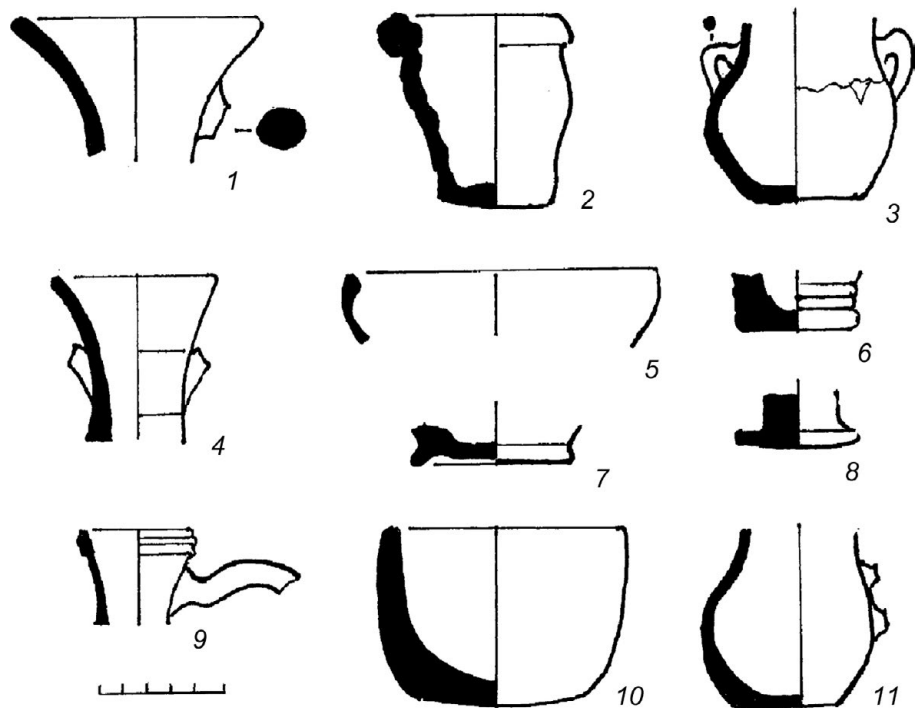

Рис. 18. Сасанидский слой. Горизонт 1. Мелкие сосуды

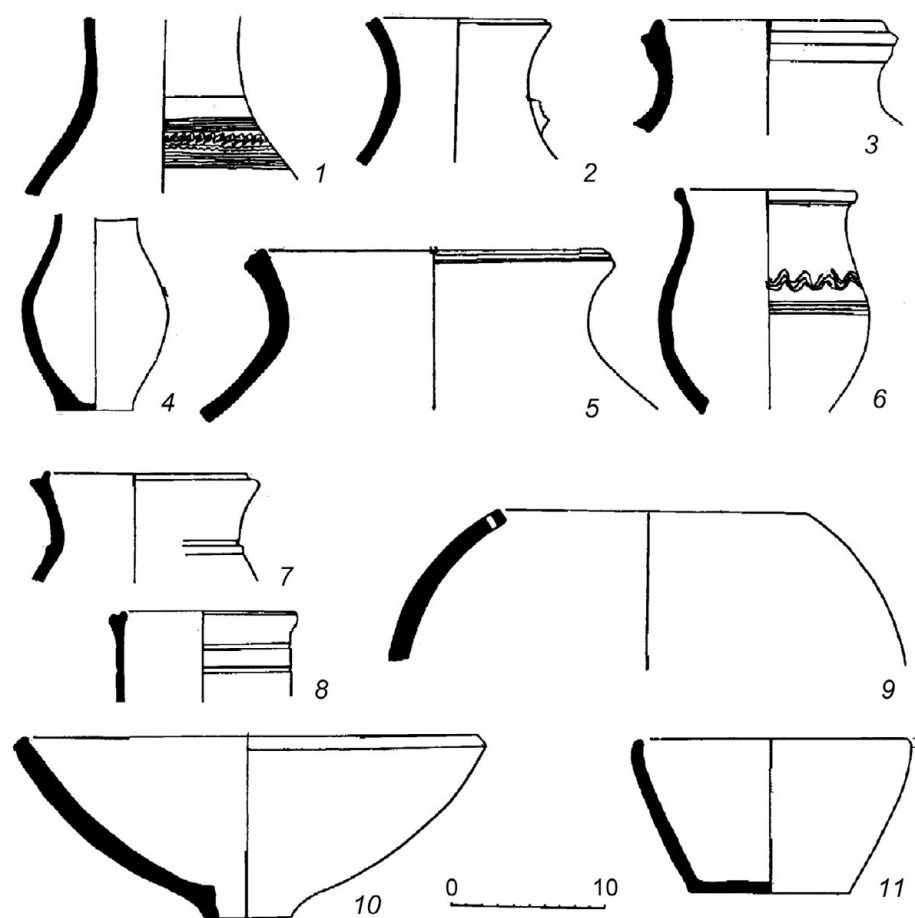

Рис. 19. Сасанидский слой. Горизонт 2. Керамика

Рис. 20. Сасанидский слой. Горизонт 2.
Мелкие сосуды

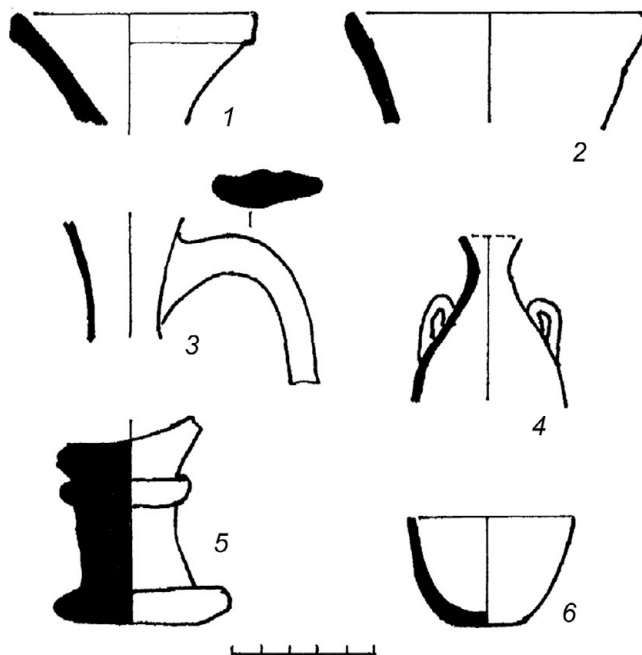
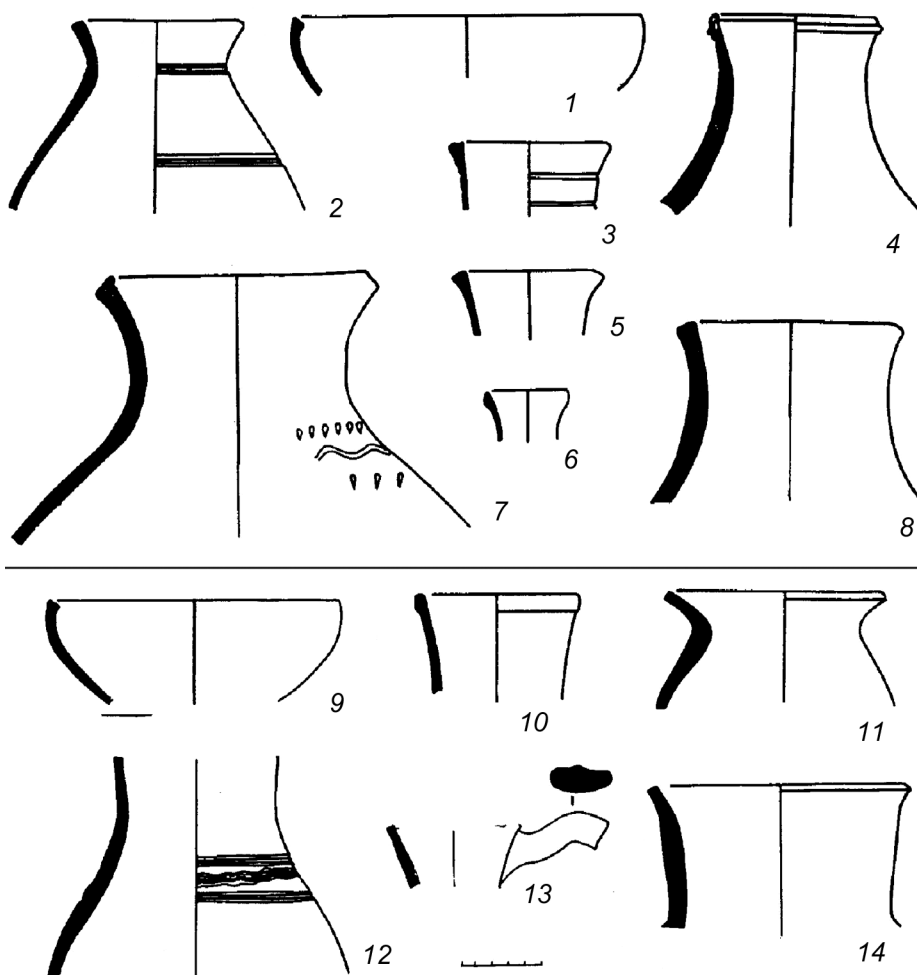

Рис. 21. Сасанидский слой. Горизонт 3
(1-8) и 4 (9-14)

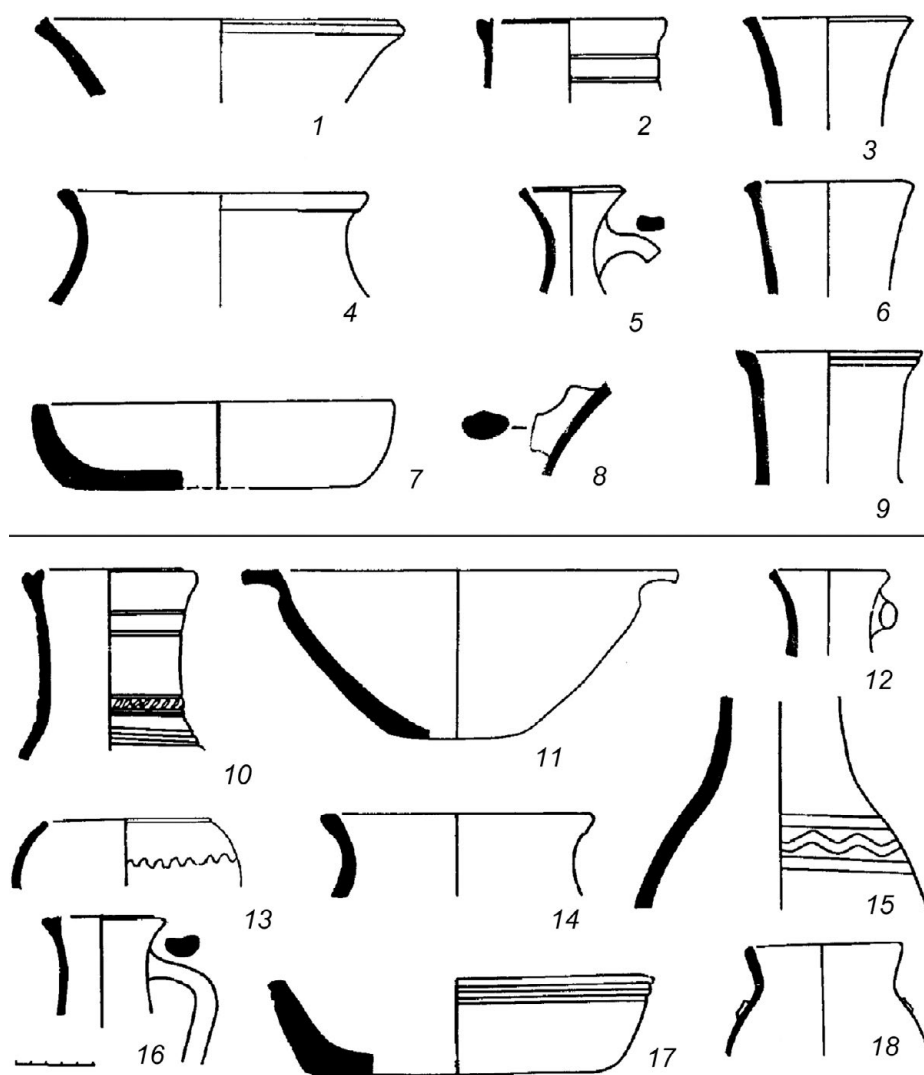

Рис. 22. Сасанидский слой. Керамика 5 и 6 горизонтов

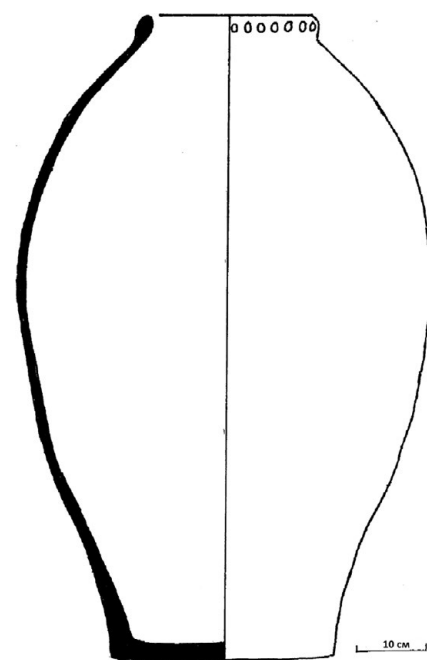

Рис. 23. Сасанидский слой. Целый хум

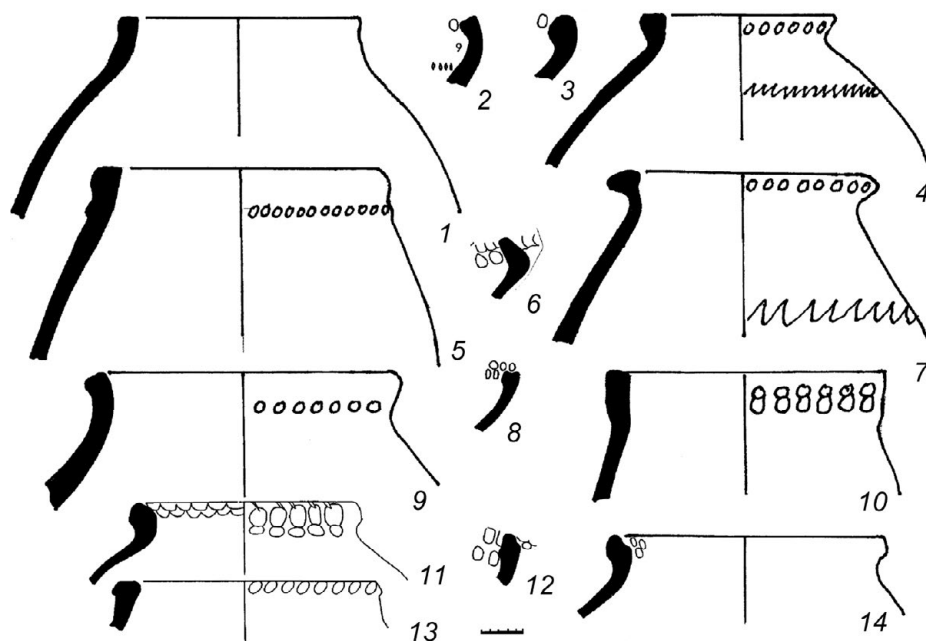
Особую группу составили хумы. Изредка еще изготавливались хумы парфянского типа – высокие, стройные с небольшим плоским дном. Вероятно, уже в первом сасанидском горизонте появляются хумы, изготовленные из теста с обильными специальными примесями в тесте и совсем другим силуэтом.²⁸ У них утолщенный валикообразный венчик, имеющий вертикальную или почти вертикальную постановку, объемистую округлую верхнюю часть резервуара. Нижняя часть тулова имеет почти цилиндрический силуэт и заканчивается дном большого диаметра. У экземпляра, воспроизведенного В. Ю. Вдовиным, дно плоское (рис. 23)²⁹, но обычно оно бывает выпуклым.³⁰ У хумов этого типа диаметр устья, всегда меньше диаметра дна. Другая особенность этих хумов – почти обязательное украшение венчика снаружи или с двух сторон рядами пальцевых вдавлений, нанесенных очень небрежно. У некоторых экземпляров дополнительно на плечики нанесена зигзагообразная процарапанная полоса. Формовка осуществлена также небрежно, хотя следует предполагать изготовление хумов специализирующимися на этом мастерами. Хумы изготовлены из нескольких кольцевых поясов, смонтированных в одно целое. Некоторые изделия, по наблюдениям В. Ю. Вдовина, подвергались дополнительной подправке

²⁸ В материалах В. Ю. Вдовина на этот счет нет четких указаний.

²⁹ Мне не удалось установить из какого именно горизонта и помещения происходит этот хум.

³⁰ Вдовин 1984; Логинов 1999.

Рис. 24. Сасанидский слой. Венчики хумов из разных горизонтов

на вращающейся подставке. При изготовлении некоторых хумов использовались подстилки из ткани грубого плетения.

Помимо горшкообразных изделий в раннем слое присутствуют в небольшом количестве чаши и миски. Они преимущественно лепные и явно изготавливались самими обитателями поселения. Преобладают чаши в виде шарового сегмента с плавно загнутым внутрь венчиком (рис. 18. 5), но известны также чаши конических очертаний (рис. 19. 11). Для изделия, показанного на рис. 20. 2, трудно определить даже вид сосуда. Это могла быть небольшая коническая чаша или горловина горшка.

Несколькими обломками представлены небольшие поделки на поддонах (рис. 18. 6–8) и ножках. Но судить об их полной форме трудно. Исключение может составить лишь нижняя часть сосуда, которую осторожно можно определять как основание курительницы (рис. 20. 5). В этом изделии следует обратить внимание на технику изготовления. Оно лепное и основание его образует отдельно изготовленный диск. Во втором горизонте обнаружена редкая, не находящая близких аналогов, форма. Вероятно, это подобие воронки, использовавшейся при переработке молочных продуктов (рис. 19. 10).

Анализ небольших керамических комплексов, полученных в верхних горизонтах восточного стратиграфического раскопа, свидетельствует, что обитатели Тоголок-депе отличались крайней консервативностью. Изменений в технологии изготовления керамики и в облике сосудов почти не происходит. Если анализировать керамику только из стратиграфического раскопа, то единственной новой формой можно считать крупную миску с горизонтально отогнутым венчиком-полочкой (рис. 22. 11). Но в условиях скудности имеющегося материала трудно утверждать, что эта чаша действительно проявление новаций позднесасанидского периода.

***

Стратиграфический раскоп на Тоголок-депе – это лишь первый и очень скромный по масштабам пионерский проект, призванный составить суждение о раннесредневековой культуре области Нисы не по субъективным предполо-

жениям и суждениям на основе аналогий, а на базе документальных данных. Эти конкретные знания еще очень скудны, и на их основе трудно делать какие-либо ответственные обобщения. Задачей этих исследований было подтверждение сасанидского возраста верхних культурных слоев Тоголок-депе. Получение представлений о динамике развития местной культуры в указанный период и, по возможности, выделение более дробных этапов в развитии раннесредневековой культуры области Нисы. Несмотря на то, что в процессе исследований не удалось получить монет и других, относительно узко датированных находок, общая принадлежность 6-метровой толщи культурных отложений к сасанидской эпохе определяется довольно уверенно. Эта датировка по эпохам в конкретном тоголокском случае основывается на следующих признаках.

1. Ранняя (парфянская) однотипность в оформлении венчиков (особенно горшков и кувшинов) с первого стратиграфического горизонта сменилась разнообразием. Иногда их следует признать даже вычурными. Особенно показательны изделия с подтреугольными или манжетовидными венчиками, имеющими с внешней стороны разделку на несколько параллельных валиков (рис. 18. 9). Этот прием декорирования, зародившийся в Бактрии в кушанскую эпоху, в раннесасанидский период получил распространение в области Нисы. Одновременно стали изготавливаться венчики с верхней горизонтальной площадкой и венчики, выступающие внутрь, наружу и в обе стороны сразу (Т-образные).

2. Предшествующее доминирование «вислых» преимущественно круглых в сечении ручек (в позднепарфянский период изготавливались также ручки желобчатого и квадратного сечения), дополняется гребенчатыми ручками. Спинки ручек теперь нередко поднимаются выше верхнего корня. Увеличивается число двуручных сосудов.

3. Количество орнаментированных сосудов в целом увеличивается, но в сравнении с другими среднеазиатскими областями, доля их по-прежнему не столь велика. Преобладает орнаментация одиночными прямыми и волнистыми линиями. Многорядный процарапанный орнамент охотно применяется только на раннем этапе.

4. Увеличивается число изделий, украшенных вмятинами. Особенно активно этот прием используется в оформлении хумов.

5. Внедряются некоторые технические новшества. Изготовление крупных сосудов на тканевой подложке. Съём готовых изделий с круга с помощью бечеvy.

6. Особенно показательно появление новой разновидности хумов, изготовленных из керамической массы с обильными специальными добавками. Внешне они резко отличаются от традиционных парфянских хумов с широким устьем, крутыми плечиками и небольшим плоским дном. У новых хумов, напротив, небольшого диаметра венчик сочетается с очень широким выпуклым дном.

7. В сасанидский период появились своеобразные, легко опознаваемые хумы яндаклинского типа, совершенно чуждые местной традиции, но они присутствуют и на Тоголок-депе.

8. На Тоголок-депе отсутствуют какие-либо следы его освоения в постсасанидский период. При последующих раскопках кроющего слоя памятника были обнаружены остатки 7-го стратиграфического горизонта, также относящегося к сасанидской эпохе.

Несмотря на отсутствие узко датированных артефактов, сама последовательность залегания культурных наслоений позволяет выделить в истории

Тоголок-депе сасанидского периода несколько условных этапов. Условность связана не с самой датировкой, а с уточнением границ между отдельными этапами.

Керамика из нижнего культурного слоя, залегающего непосредственно под платформой с отметками 300–350 см, по своему облику характеризуется как позднепарфянская. Но наиболее приемлемая общая датировка этой фазы функционирования поселения – 3 в. н. э., т. е. он может относиться как к позднеаршакидскому, так и раннесасанидскому периоду (в политическом смысле этого термина). Между этим периодом и следующим возможен какой-то хронологический промежуток. Но между «сасанидскими» горизонтами 1–6 (по Вдовину) никаких существенных перерывов не обнаруживается, и это допускает их разделение на три примерно равные по протяженности этапа: ранний (1 и 2 горизонт) – 4 в.; средний (3, 4 горизонты) – 5 в.; поздний – 6 – первая половина 7 в. До получения более точных знаний эта предварительная периодизация имеет право на существование.

Таким образом, в результате проведенных разведывательных археологических исследований на холме Тоголок установлено, что впервые это место было освоено в 6 тыс. до н. э. древнейшими в Туркменистане земледельцами – носителями джейтунской культуры. Размеры этого поселения точно не установлены, предположительно ок. 1 га. В течение последующих тысячелетий его остатки превратились в обширный плоский холм, который в 1 в. до н. э., то есть уже при парфянах, стал основанием для нового поселения, просуществовавшего предположительно до 2–3 вв. н. э. В сасанидское время на его руинах возвели подобие небольшого замка, который, подвергаясь многократным ремонтам и перестройкам, функционировал до завоевания этих мест арабами. Именно в это время и образовался холм Тоголок. Полученные при раскопках материалы впервые для территории Ахала дали возможность проследить развитие местной культуры на протяжении почти восьми столетий.

Комплексы находок, выявленные в стратиграфическом разрезе Тоголок-депе, невелики по объему, но выстроенные в хронологическом порядке, они позволяют составить общее представление об изменениях, происходящих в местной материальной культуре в сасанидский период.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердыев О. 1964. Стратиграфия Тоголок-депе в связи с расселением племен джейтунской культуры // СА 3, 271–277.
- Бердыев О. 1968. Изучение памятников эпохи неолита // Каракумские древности 1. Ашхабад, 9–17.
- Бердыев О. 1969. Древнейшие земледельцы Южного Туркменистана. Ашхабад.
- Вдовин В. Ю. 1984. Хумы Южного Туркменистана парфянского и сасанидского периодов (Парфиены и Апаварктикены) // Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад, 80–95.
- Вдовин В. Ю. 1985. Стратиграфическое исследование Тоголок-депе // Археологические открытия 1983 г., 549–550.
- Губаев А., Ханмурадов К. Н. 1987. Археологические памятники сасанидского времени Южного Туркменистана (III–VII вв.). Ашхабад.
- Коробкова Г. Ф. 1966. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии (по данным функционального анализа) // Автореф. диссертации канд. ист. наук. Ленинград.

- Коробкова Г. Ф. 1968. Производственный инвентарь поселений Чопан-депе, Тоголок-депе, Песседжик-депе // Каракумские древности 1. Ашхабад, 54–62.
- Коробкова Г. Ф. 1969. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии (МИА 158). Ленинград.
- Крашенинникова Н. И. 1963. Отвал битой тары середины I в. до н. э. из винохранилища Старой Нисы // Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук 5, 93–98.
- Логинов С. Д. 1999. Типология хумов Апаварктикены II–VII вв. н. э. // Культурные ценности 1997–1998. СПб, 194–199.
- Лоллекова О. 1988. Локальная вариабельность в культуре и хозяйстве джейтунских племен. Ашхабад.
- Марущенко А. А. 1939. Анау. Историческая справка // Н. Б. Бакланов (ред.), Архитектурные памятники Туркмении 1. Москва–Ашхабад, 95–101.
- Марущенко А. А. 1949. Краткий отчет о работе кабинета археологии Туркменского государственного института истории за первую половину 1936 года // Материалы ЮТАКЭ 1, 182–183.
- Массон В. М. 1971. Поселение Джейтун. Ленинград.
- Массон М. Е. 1953. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана (из работ ЮТАКЭ 1951 г.) // ВДИ 1, 143–160.
- Пилипко В. Н. 1990. Позднепарфянские памятники Ахала. Ашхабад.
- Таиров Я. 1904. Материалы по землепользованию туркмен Ахала. Асхабад.

Г. В. Требелева, Т. Ю. Шведчикова, В. Г. Юрков, Л. В. Яворская

РАСКОПКИ НА МАРКУЛЬСКОМ ГОРОДИЩЕ (2021–2022 гг.)¹

Аннотация. В 2021 г. на юго-западном склоне Маркульского городища, памятника местного населения в Очамчирском районе республики Абхазия, случайно был обнаружен склад пифосов. Под одним из них было открыто погребение, которое в тот год полностью исследовать не удалось. Доследование памятника было продолжено в сезоне 2022 г. Итогом этих работ стало исследование восточной части склада и погребения, обнаруженного в 2021 г., и открытие еще трех погребений (№ 2–4). Судя по стратиграфии и обнаруженному инвентарю, погребения № 1–3 относятся к римскому времени, погребение № 4 – к средневековому. Погребение № 3 оказалось непотревоженным, что может свидетельствовать о том, что восточная граница склада проходила западнее него. Детальное изучение найденных артефактов в лабораторных условиях еще предстоит сделать, в статье же представлены результаты полевых работ и предварительные выводы: в римский период 2 в. до н. э. – 2 в. н. э. на данной территории существует некрополь, который по какой – то причине забрасывается, население возможно покидает данную территорию. Не исключено, что это могло быть связано с Митридатовыми войнами и последующими за ними нашествием генов. Во второй половине 3 в. н. э. на городище, возможно, приходит новое население, не исключено, что частично это могли быть и беженцы от готско-сарматского нашествия из расположенного рядом на побережье города Гюэноса. Они строят здесь укрепления и сооружают между двумя линиями обороны, на заброшенном могильнике, продовольственный склад, который оказывается разрушенным в ходе землетрясения примерно в 7–8 вв.

Ключевые слова: Абхазия, Маркульское городище, римский период, античность, средневековье, пифосы, погребения.

G. V. Trebeleva, T. Y. Shvedchikova, V. G. Yurkov, L. V. Yavorskaya

THE MARKULSKOYE SETTLEMENT EXCAVATIONS (2021-2022)

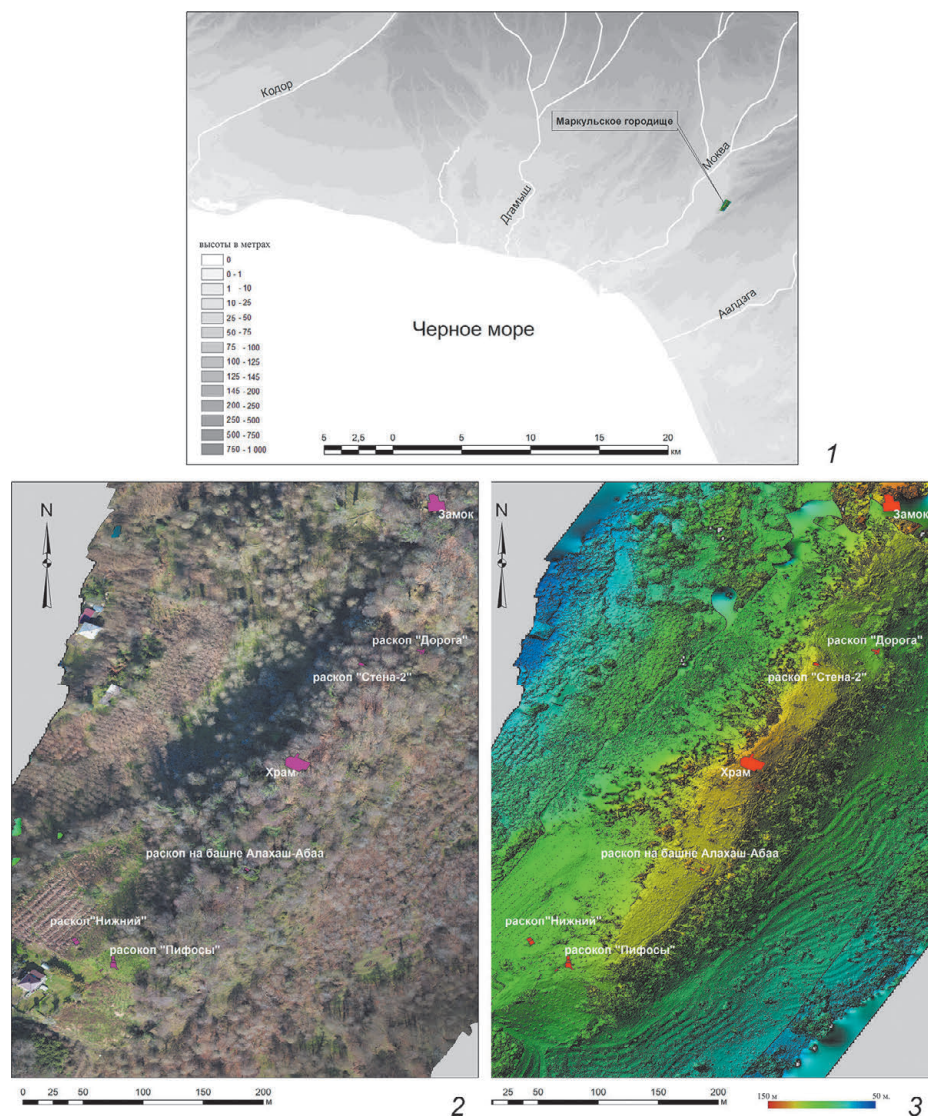
Abstract. In 2021, on the southwest slope of the Markulskoye settlement, a local culture monument, “a warehouse of pithoi”, was discovered in the Oчамchira district of the Republic of Abkhazia. Beneath one of the pithoi, a burial was found, but there was no time to fully excavate it during the 2021 season. The investigation of the site continued in 2022.

This work led to the further exploration of the eastern part of the warehouse and the burial discovered in 2021, as well as the discovery of three more burials (nos. 2–4). According to stratigraphy and the inventory found, burials I–III date back to the Roman period, while burial IV belongs to the mediaeval period. Burial III turned out to be undisturbed, indicating that the eastern boundary of the warehouse may have been located west of it. Detailed laboratory study of the artefacts is yet to be conducted. The article presents the results of fieldwork and preliminary conclusions: in the Roman period from the second century BC to the second century AD, a necropolis existed in this area, later abandoned for some reason, possibly due to the Mithridatic Wars and the subsequent invasion of the Heniochoi. In the second half of the third century AD, a new population might have arrived at the settlement, possibly including refugees from the nearby coastal city of Gyenos escaping the Gothic-Sarmatian invasion. They constructed new fortifications and built a food warehouse between two lines of defence around an abandoned cemetery. The warehouse was likely destroyed during an earthquake around the 7–8th centuries AD.

Key-words. Abkhazia, Markula settlement, Roman period, antiquity, Middle Ages, pithoi, burials.

В 2021 г. в ходе исследований на Маркульском городище – памятнике местного населения в Очамчирском районе республики Абхазия, на участке юго – западного склона, на 10 м выше остатков оборонительной стены первой линии

¹ Работа в целом выполнена в рамках НИОКТР 122011200269-4. «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций»; определение остеологических останков сделано в рамках НИОКТР 122011200264-9.

Рис. 1. : Месторасположение и общий ландшафт Маркульского городища в Восточной Абхазии (Очамчирский район). Основа: ЦММ COP-DEM_GLO-30 (1); места расположения раскопов на городище на ортофотоплане (2) и ЦММ (3), полученным с помощью съемки с БПЛА

обороны были открыты остатки продовольственного склада (рис. 1).² Под одним из пифосов обнаружено погребение, которое в этом сезоне полностью открыть не удалось. Доследование памятника продолжено в 2022 г.³

Раскоп, который получил название «Пифосы» (рис. 2), расположен на крутом склоне холма. На участке раскопа 2021 г. было обнаружено *in situ* 5 сосудов, из них два пифоса полностью, без повреждений (пифосы № 1 и 2) (рис. 3. 1), два пифоса целые археологически (№ 3, 4) и еще один, сохранившийся наполовину (№ 5). Кроме были обнаружены еще фрагменты 16 венчиков, 5 донцев и 4 целых горла. На участке раскопа 2022 г. был найден *in situ*, археологически целый пифос—«гигант», названный так за свои размеры (табл. 1; рис. 3. 2).⁴ Сделанная реконструкция позволила измерить объем сосуда. Еще два донца пифосов *in situ* были обнаружены в выбитых в песчанике под форму пифоса ямах. Именно форма ям позволяет говорить, что здесь располагались пифосы (сами они практически не сохранились). В перемешанном слое были найдены обломки еще 14 венчиков и 7 донцев. Необходимо отметить, что донца пифосов *in situ* в раскопе 2021 г. залегали на том же уровне, что и два донца пифоса в раскопе

² Юрков и др. 2022, 194–197.

³ Фиксация хода раскопок проводилась как традиционными методами, с помощью тахеометра, так и цифровыми: фотограмметрически послойно фиксировался ход раскопок (Юрков, Требелева 2022, 166–170).

⁴ Верх пифоса был раздавлен. Фотограмметрическая съемка производилась в раскопе, без выемки из грунта. Потом отдельно была произведена съемка дна. Эти две модели позволили соединить воедино весь сосуд, при этом верхняя часть была реконструирована.

Рис. 2. Совмещенная модель раскопов 2021 и 2022 гг. на основе фотограмметрической съемки для визуализации взаиморасположения пифосов *in situ*

Рис. 3. Фотограмметрические модели целых пифосов № 1 и № 2 (1), фотограмметрическая модель и реконструкция пифоса «гигант» (2), типы венчиков: «отогнутый» (3) и «прямой» (4)

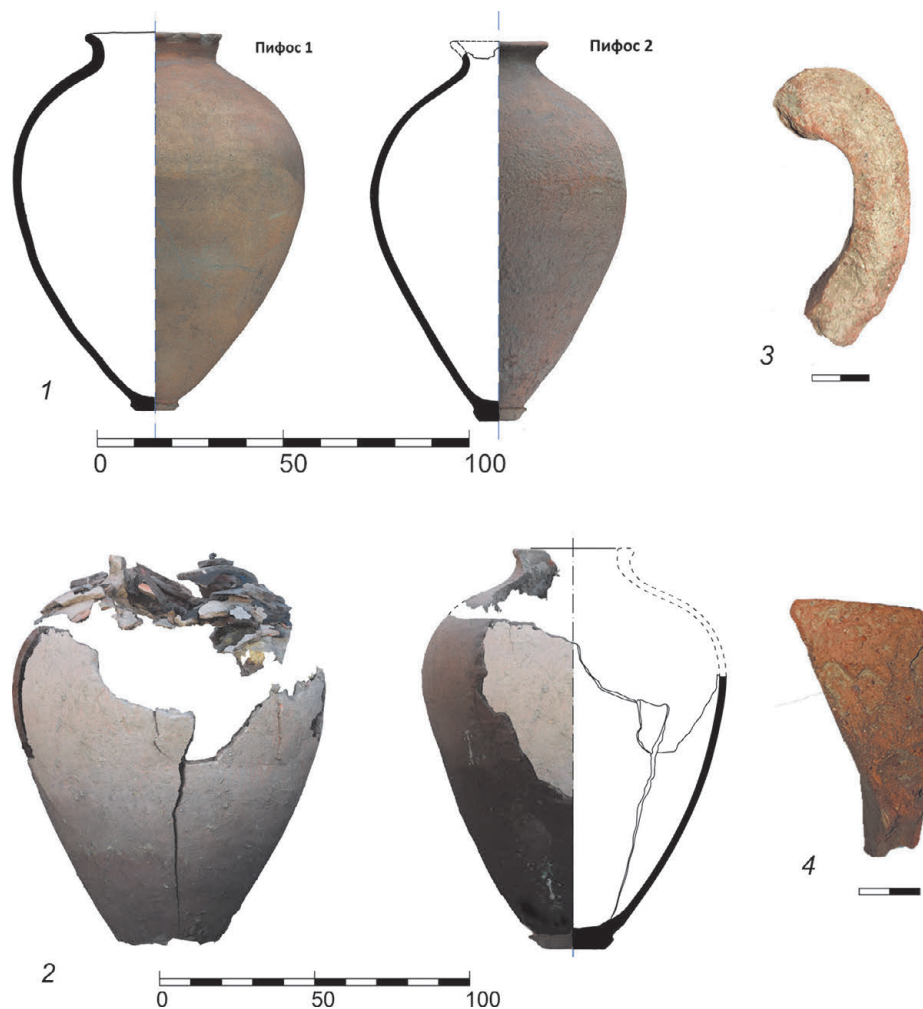

Таблица 1. Параметры пифосов

№ / название пифоса	Высота, см	Мах ширина тулова	Диаметр по венчику	Диаметр горла	Высота горла	Ширина венчика	Высота венчика	Диаметр дна	Объем	Толщина стенки
1	110	85	40	35,5	5,5	2	2,8	14	240	2 см
2	100	68	26	19	2	3,5	3,4	14	140	1,7 – 2 см
3	100	60	30	27	5	3	1	13	110	1,5 – 2
4	95	60	26	30	9	3	1,5	14	105	2
Пифос – «гигант»	125	98	40	28,5	9	4	2	12	450	3

2022 г. (108,73 м). Исключение составляет пифос-«гигант» – он залегал существенно ниже (на уровне 108,30 м). Возможно это можно объяснить его большими размерами, а частично и уклоном самого холма.

Пифос-«гигант» интересен еще тем, что в его заполнении на самом дне были обнаружены остатки почти полного скелета молодого козленка. Его сохранность специфична: есть рога и затылок от черепа, но совершенно отсутствует висцеральная часть (морда) и нижние челюсти. Есть остатки позвонков всех отделов и ребер, частично сохранены длинные кости обеих сторон тела животного. Нижние блоки плечевых костей обрублены, но в этом наборе они присутствуют. По-видимому, эту находку следует связать с жертвенным ритуалом и древними дохристианскими «охотничьими» традициями, когда кости жертвенного животного, съеденного на ритуальной трапезе, должны быть полностью собраны и сохранены. Но остается без ответа вопрос: почему их захоронили в пифосе?

Обращаясь к типам венчиков найденных пифосов, следует отметить, что абсолютное большинство венчиков (31 шт. или 82%) относятся к типу «прямого венчика» (рис. 3. 4), описанного А. Л. Якобсоном: «массивный венчик с сильным (шириной до 4 см), образующим широкую горизонтальную поверхность верхним краем»⁵, и лишь 7 фрагментов, или 18% – к типу «отогнутого» (рис. 3. 3). В работах А. Л. Якобсона⁶ подобный тип венчиков не отмечен. Не встречаем мы его и в работах по средневековым пифосам И. Б. Тесленко.⁷ Но зато, анализируя находки фрагментов пифосов на территории Абхазии и сопредельных памятников, обнаруживаем, что тип «отогнутого» встречается среди пифосов античного периода, в частности на Эшерском⁸ и Роговском городищах,⁹ а также в позднеантичных слоях Сухумской крепости.¹⁰ Еще одной важной характеристикой наших пифосов является и то, что поверхность стенок гладкая, без канелюр, налепов, обручей и т. п. элементов, которые характерны для средневековых пифосов, начиная с 8 в.¹¹ Фрагменты подобных пифосов встречаются на нашем городище наверху плато, но на данном участке не было обнаружено ни одного фрагмента.

Исследования по методике А. А. Бобринского и анализ РФА фрагментов пифосов, а также образцов природной глины из окрестностей городища, сравнение их с иными материалами, в частности, из гончарных производственных комплексов¹² у с. Атара¹³ и керамикой из более северных регионов (Боспорское царство), убедительно показали, что пифосы из обнаруженного склада однозначно местного производства.¹⁴

В перемеси слоя на всю толщину грунта залегания пифосов встречаются фрагменты бронзовых предметов (цепочки, пластины, крючки), бусины из пасты,

⁵ Якобсон 1966, 190.

⁶ Якобсон 1966; 1979.

⁷ Тесленко 2015, 125–163.

⁸ Шамба 1980, табл. IX–XI.

⁹ Шевченко 2013, 132, рис. 51.

¹⁰ Габелия 2014, 432–433, табл. IX. 1, 2.

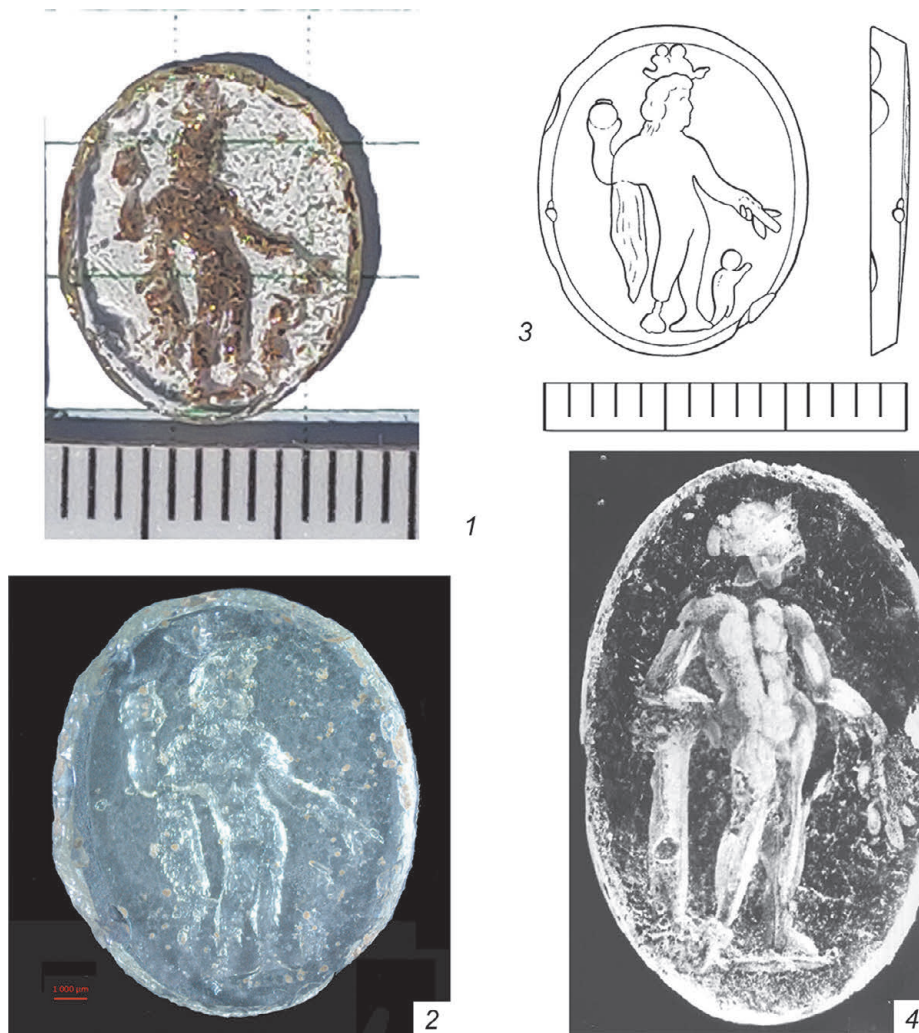
¹¹ Якобсон 1979, 33; Бгажба 1977, 10–12; Bakhtadze 2015, 52, рис. 46.

¹² Гунба 1985.

¹³ Авторы выражают глубочайшую благодарность Ю. Б. Цетлину за предоставленную возможность работы с этими материалами и консультации.

¹⁴ Клемешова и др. 2022, 196–201. Требулева, Клемешова, Юрков 2022, 160–167.

Рис. 4. Гемма: фото полевое (1), фото под микроскопом (2), прорисовка, рисунок Дементьевой А.С. (3), гемма из Фанагории, из публикации: Шавырина 2002, 243 (4)

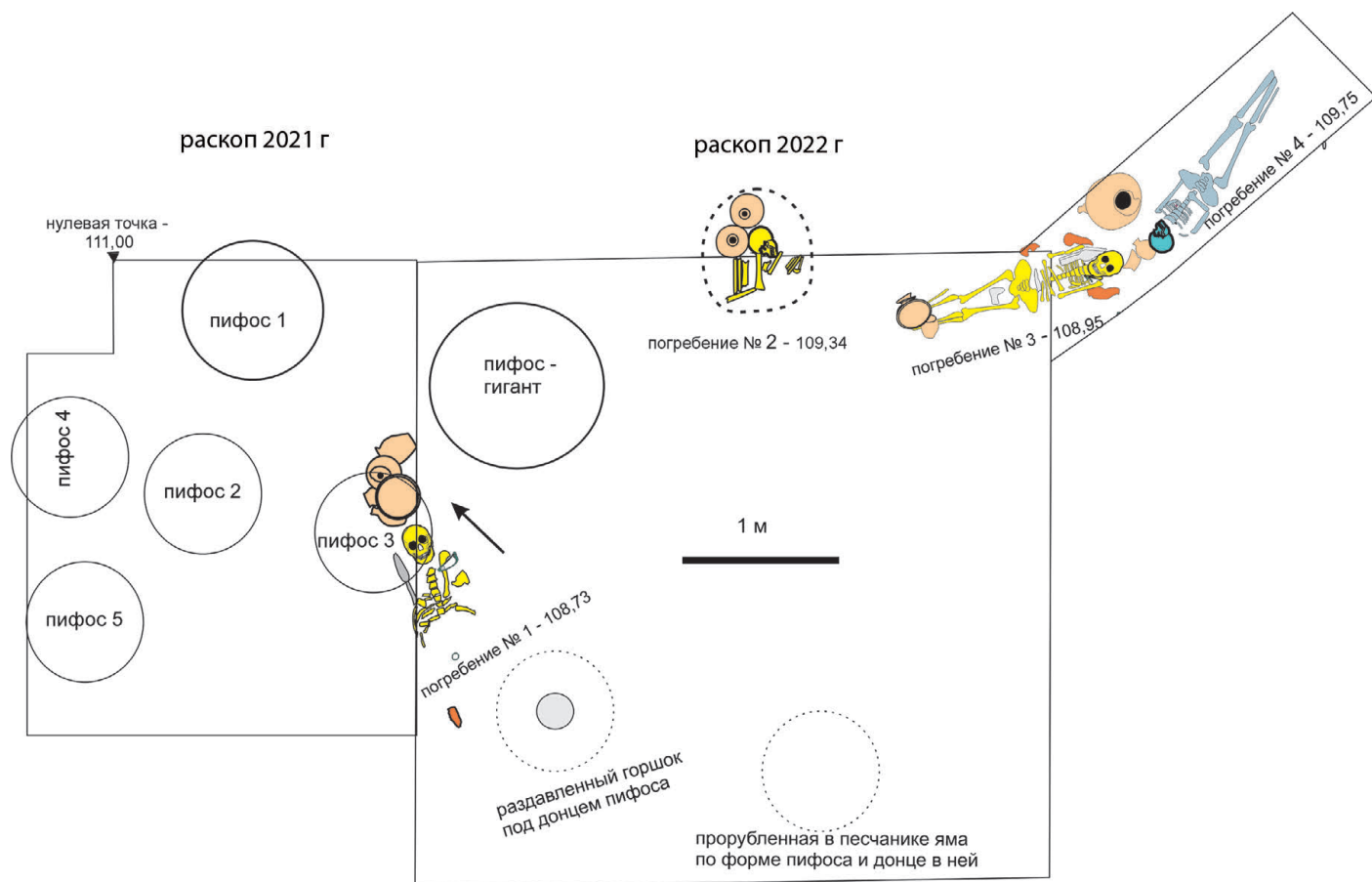
фрагменты тонкого (1 мм) стекла, с пузырьками внутри, венчиков стеклянных сосудов, из тонкого стекла как прозрачного, так и белого матового или синего цвета. Фрагменты малы и фактически не сохранили форму, поэтому типологическим методом их датировать практически нереально. Исключение составляет, найденная в раскопе 2022 г. стеклянная гемма с изображением Аполлона (?) (рис. 4). Изображение не совсем качественное, но очень близко по стилю к изображению Аполлона на гемме, найденной в 1980 г. в некрополе Фанагории.¹⁵ Полноценное исследование, включающее в том числе определение с помощью естественно – научных методов состава материалов данных изделий, еще предстоит сделать.¹⁶ Но в целом, эти артефакты характерны скорее для римского периода, условно 1–2 вв. н. э.

Обнаружение артефактов римского периода в слое перемеси грунта склада пифосов свидетельствует, что при сооружении данного склада были нарушены более ранние слои. И действительно, под слоем пифосов были выявлены погребения.

Погребение № 1 (рис. 5, 6) было обнаружено в 2021 г., полностью исследовано в 2022 г., когда стало возможным расширить раскоп. Оно имело фрагментарный характер и представлено костями не всех отделов скелета. Дно пифоса

¹⁵ Шавырина 2002, 242–248.

¹⁶ Материалы сданы на анализы, но результаты еще не получены.

№ 3 стояло прямо на черепе. Слева от головы погребенного, с небольшим наклоном на бок, были установлены 5 сосудов, 4 из которых, прикрытые боковой стенкой пифоса, оказались целыми.

Ориентация погребенного северная. Костяк сохранился в верхней части до пояса. Нижняя часть, по всей видимости, разрушена при раскопках грунта под пифос. Кроме пифоса № 3, установленного на череп, донце пифоса было найдено *in situ*, примерно в том месте, где должны были бы располагаться ноги погребенного. Под этим донцем находились мелкие фрагменты раздавленного горшка, вероятно поставленного изначально в ногах погребенного.

Пол: мужчина.

Возраст: adultus I (20–25 лет).

Сохранность и комплектность: череп во фрагментах, левая ключица, фрагмент правой ключицы, левая лопатка во фрагментах, фрагмент рукояти грудины, ребра во фрагментах, верхняя треть и головка левой плечевой кости, нижняя треть левой локтевой, 1 шейный, 5 грудных, нижний эпифиз левой большеберцовой кости.

Примечания: эпифизы стернальных окончаний ключиц не приросли.

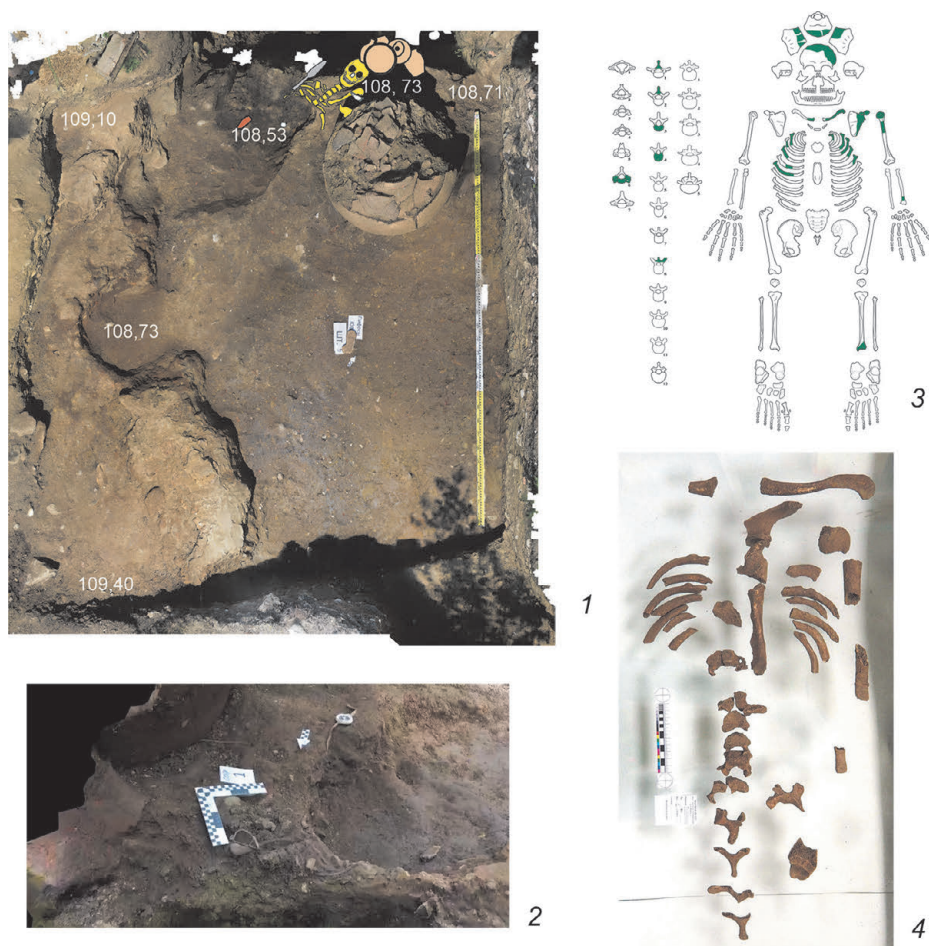
В грунте, на котором лежал погребенный, обнаружена примесь углей, к сожалению, в недостаточном для анализа на С14 количестве. Также в грунте с углями имела значительная примесь костей животных. Крупная нижняя челюсть собаки лежала справа у груди погребенного.

Инвентарь в погребении представлен (рис. 7):

Рис. 5. Общая схема могильника

Рис. 6. Погребение № 1: отрисовка погребения на ортофотоплане раскопа 2022 г. с указанием нивелировочных отметок (1); фотограмметрическая 3D модель фрагмента погребения 2022 г. (2), схема (3) и фото (4) сохранности скелета, мужчина, *adultus* I (20–25 лет)

1. Фибула бронзовая (рис. 7. 1) лежала на левом плече, длина фибулы – 8,6 см, проволочная, тетива наружу, завязка на спинке с 8 – ю витками, подвисной приемник. Данная фибула близка к типу лучковых подвязных фибул I серии варианта 2, но значительно больше их размером, поскольку, по указанию и Амброза и Кропотова¹⁷, они не превышают 2,5–5 см. Однако предпринятый поиск аналогий позволил найти похожие фибулы: в погребении 1 в. до н. э. в с. Бори, поселок Псырцха,¹⁸ ее длина 10 см; в погребении 2–1 вв. до н. э. в Сухуме,¹⁹ длиной 8 см; и среди донских позднескифских фибул, длина которых, судя по масштабу на изображении (автором не указаны параметры) – около 7 см.²⁰

2. Пряжка металлическая (рис. 7. 2), проволочная, с подвижной иглой, закрепленной в виде тройного завитка сверху. Размер пряжки 2×1,7 мм. Диаметр проволоки – 3 мм в центре и 1,5 на концах. Обнаружена под костяком, по всей видимости, крепилась на спине чуть выше фибулы.

3. Бронзовое кольцо (рис. 7. 3) из круглой в сечении проволоки. Размер кольца внутри 1,4×1,5 см, диаметр проволоки – 1,7 мм. Обнаружено было в месте, где теоретически должен быть живот (кости, ни позвоночника, ни рук, в этой части не сохранились).

4. Металлическая булавка (рис. 7. 4), круглая в сечении, толщиной 1,5 мм, общая длина – 40 мм, головка в виде утолщения длиной 5 мм и диаметром 35 мм.

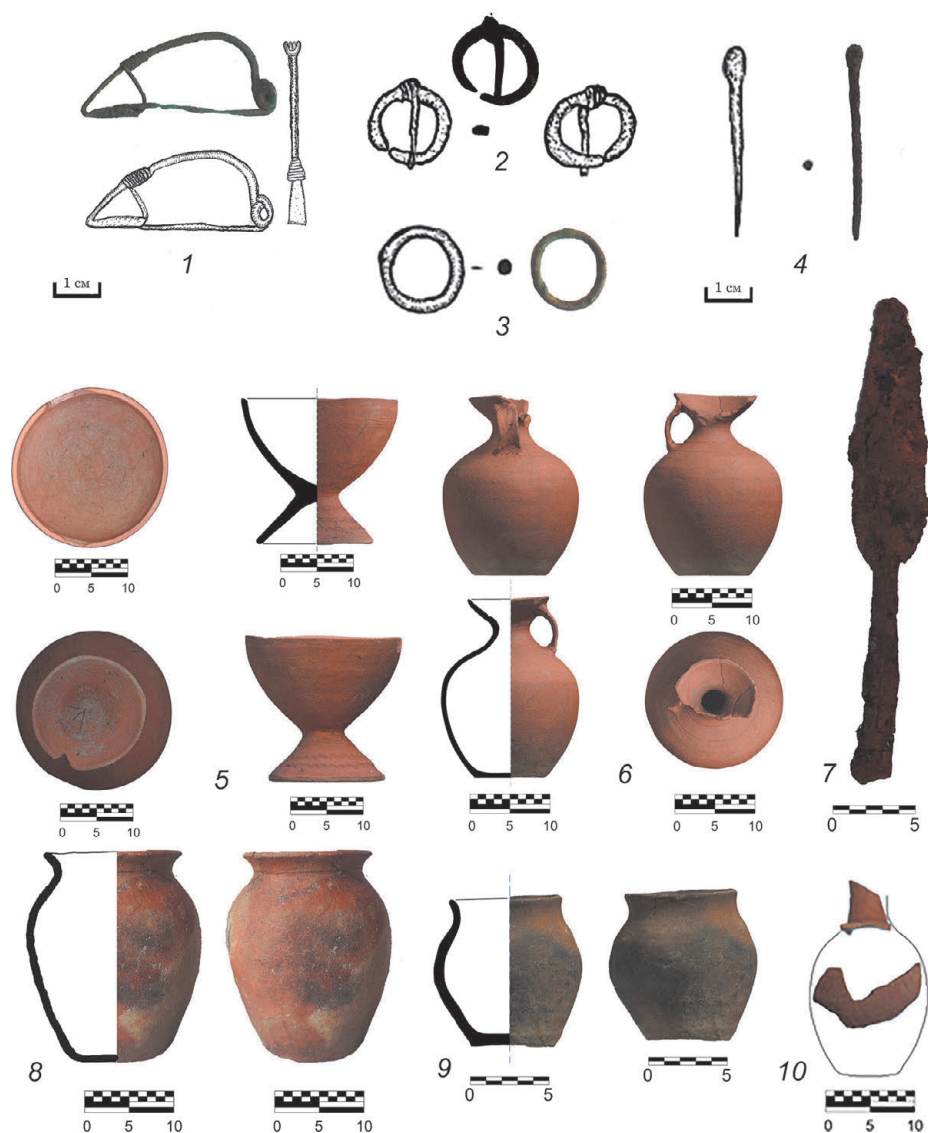
5. Сосуд 1 – кубок керамический (рис. 7. 5). Высота кубка – 20 см, диаметр – 21,5 см, диаметр ножки – 7,5 см, глубина чаши – 12 см, высота свода нож-

¹⁷ Амброз 1966, 49, табл. 9, 7; Кропотов 2010, 71–72, рис. 31.

¹⁸ Куфтин 1950, 55–56, рис. 13.

¹⁹ Габелия 2014, 427, табл. VIII. 31.

²⁰ Обломский 2022, 167, рис. 12. 11.

Рис. 7. Комплекс находок в погребении № 1: фибула (1), пряжка (2), кольцо (3), булава (4), кубок, 3D модель на основе фотограмметрии в 4-х проекциях (5), кувшин с раструбом 3D модель на основе фотограмметрии в 4-х проекциях (6), копье (7), большой горшок (8), малый горшок (9) и попытка реконструкции раздавленного кувшина (10)

ки – 7 см. Ширина ножки в самой узкой части – 6 см. Толщина стенок – 0,7 см. Поверхность покрыта мелкой легкой гребенкой, на ножке – три полосы из трех волнистых линий. Внутри свода ножки клеймо в виде прочерченных трех линий типа «лапки»: из одной точки три линии, крайние образуют почти прямой угол 87° , центральная чуть смещена от середины, образуя таким образом один угол 50° , второй 37° . Глина красная, хорошо отмученная, обжиг ровный.

6. Сосуд 2 – кувшин с раструбом (рис. 7. 6). Высота – 22,5 см, диаметр дна – 9 см, высота раструба – 2,5 см, диаметр раструба – 10,5 см, максимальная ширина тулова – 17 см диаметр горла – 4,7 см. От раструба к тулову идет тонкая, но широкая (2,5 см) ручка. В верхней части ручки клеймо, в виде прочерченной буквы «М», у которой от срединной галочки вниз уходит прямая линия. Внизу у ручки, в месте крепления, наблюдаются четыре «галочки» с удлиненной от центра палочкой (рис. 7, 5). Глина красная, хорошо отмученная, обжиг ровный, поверхность покрыта полосами с 5 – ю волнистыми линиями ширина около 1 см, далее гладкая поверхность около 0,5 см, и вновь полоса из 5-ти волнистых линий. И так, по всей поверхности сосуда. Толщина стенок – 0,7 см.

7. Сосуд 3 – лепной горшочек овальной формы (рис. 7. 8). Высота – 16 см, максимальная ширина тулова – 14 см, диаметр дна – 9 см, диаметр по венчику 10×11 см, ширина горла – 9,5–10 см. Красноглиняный, обжиг не ровный.

Сосуд 4 – лепной горшочек (рис. 7. 9). Высота – 10 см, диаметр дна – 5 см, диаметр горла – 6,5 см, венчик отогнут не сильно – ширина по венчику – 7,2 см, высота отогнутого венчика – 1 см, максимальная ширина тулова – 9,5 см. Толщина стенок – 0,4–0,5 см. Красноглиняный, обжиг не ровный. Само тулово слегка искривлено и наклонено.

8. Наконечник копья железный (рис. 7. 7). Лежал на правом плече. Наконечник остролистной формы, с максимальным расширением в нижней трети, уплощенной линзовидной формы в сечении, центровым ребром жесткости. Длина наконечника – 30 см, длина пера – 18 см. Максимальная ширина – 5 см, диаметр втулки – 2 см. Такие железные наконечники, по сути, копируют собой форму бронзовых наконечников и бытуют в Центральном Предкавказье и в Прикубанье до 2 в. н. э.²¹ Во втулке копья сохранились остатки древка, сделанного из дуба.²²

9. Кувшин (рис. 7. 10), стоявший у головы погребенного, и горшочек, в ногах, оказались раздавленными. Точные параметры их определить невозможно.

Погребение № 2 (рис. 8).

Погребение было обнаружено у северо-восточного борта раскопа 2022 г. на уровне 109,34 м. Часть погребения в границах раскопа, часть – уходила в борт. Расширение раскопа было невозможно, поэтому погребение было вскрыто методом подбоя по контурам могильной ямы, четко фиксированных в стратиграфии борта.

Пол: ребенок.

Возраст: infantilis II.

Сохранность и комплектность: основание черепа, череп во фрагментах, акромиальное окончание левой ключицы, верхняя треть правой плечевой кости, фрагмент диафиза левой плечевой, ребра во фрагментах, парные бедренные без нижних эпифизов, парные большеберцовые без нижних эпифизов, диафиз правой большеберцовой кости, 1–2 шейные позвонки, зубы.

Примечания: эпифизы стернальных окончаний ключиц не приросли.

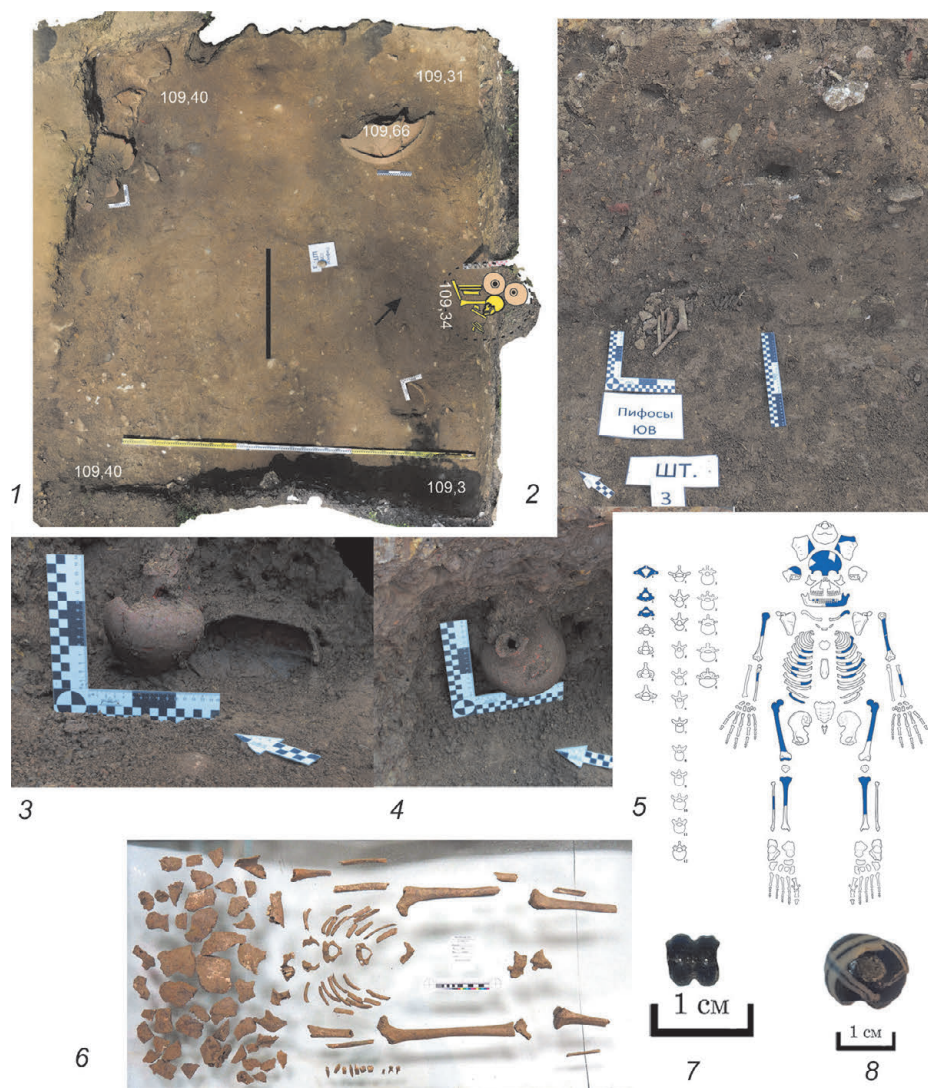
Совершено по обряду вторичного захоронения: внизу лежали длинные кости, на них позвонки и ребра. Рядом, восточнее продольной длины костей был поставлен череп и два кувшина, друг за другом с северной стороны от черепа.

Погребение сопровождалось небольшим количеством углей и костей животных от погребальной трапезы. Среди костей были обнаружены две бусины: одна прямо в третьем шейном позвонке и вторая рядом. Одна бусина – из пасты темно-синего цвета, с белыми двойными полосами, создающими сетку. Бусина не целая, чуть меньше половинки. Форма приплюснутого шарика. Высота 1 см, ширина 1,3 см, ширина отверстия – 3 мм. Вторая – мелкая двойная бусина, сломана пополам, тоже темно-синего цвета. Ширина 5 мм, высота каждого колечка 2 мм, отверстие – 1 мм.

Сосуды полностью не сохранились, после вынимания распались на мелкие фрагменты и еще требуют своей реставрации. Первый сосуд – сильно потрепанный кувшин, сохранившийся в основном в нижней части, второй сосуд, чуть лучшей сохранности – кувшин с раструбом, близкий подобному кувшину в погребении 1.

²¹ Абрамова 1993, 146; Малышев 2008, 159.

²² Сунцова и др. 2022, 46–51.

Рис. 8. Погребение № 2: отрисовка погребения на ортофотоплане раскопа 2022 г. с указанием нивелировочных отметок (1); фотография обнаружения костных останков у северо – восточного борта (2); сосуд 1 и часть черепа (3); сосуд 2 (4); схема (5) и фото (6) сохранности скелета, ребенок, infantilis II; бусины (7, 8)

Погребение № 3 (рис. 9) находилось на уровне 108,95 м, имело восточную ориентацию. Погребение сохранилось неповрежденным.

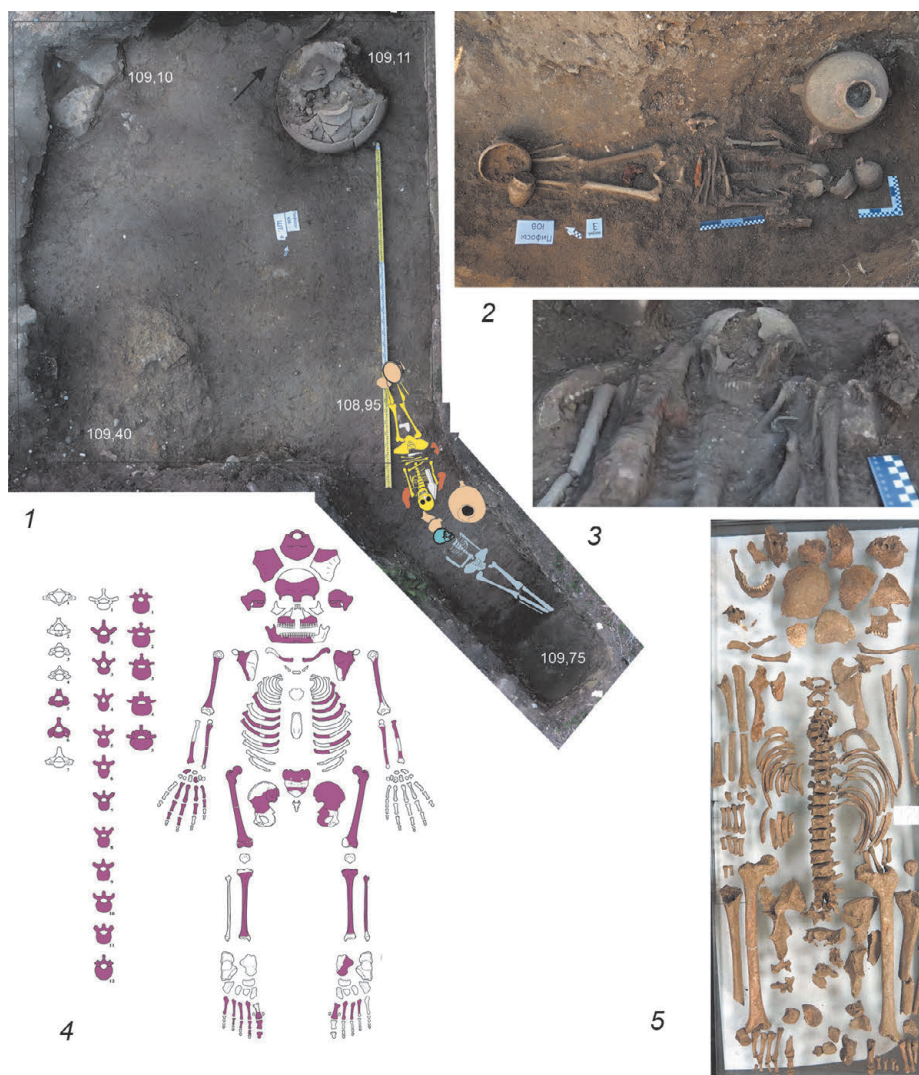
Пол: мужчина.

Возраст: adultus I (20–25 лет).

Сохранность и комплектность: череп во фрагментах, нижняя челюсть без левой ветви, левая ключица, стергальное окончание правой ключицы, парные лопатки с разрушениями, правая плечевая в двух фрагментах, диафиз правой локтевой, нижняя половина правой лучевой, 2–5 правые пястные, фаланги кисти правой руки, 7 шейных, 11 грудных, 5 поясничных позвонков, ребра во фрагментах, крестец и парные тазовые кости во фрагментах, парные бедренные с разрушениями нижних эпифизов, левый надколенник, парные большеберцовые во фрагментах, диафиз левой малоберцовой во фрагментах, 2–5 правые плюсневые, головка 1-й левой плюсневой, фаланги правой стопы, фрагмент левой таранной кости, 1–5 левые плюсневые кости.

Примечания: общая хорошая сохранность костной ткани погребенного. Кости плотные, тяжелые. Тем не менее, общая фрагментированность не позволяет получить размеры длин костей, а передние поверхности грудных и поясничных

Рис. 9. Отрисовка погребений № 3 и № 4 на ортофотоплане раскопа 2022 г. с указанием нивелировочных отметок (1); фото погребения № 3 (2); Вид на погребенного и лежавшие по бокам у плеч фрагменты черепов свиньи – вывод ракурса из 3D модели погребения (3); схема (4) и фото (5) сохранности скелета, мужчина, adultus I (20–25 лет)

позвонков разрушены. Левая ключица сохранилась плохо, на правой отмечены следы контакта с металлом. Череп был разрушен в процессе археологизации комплекса или нес следы травмы, послужившей причиной нарушения целостности свода. Ответить однозначно на вопрос о присутствии травмы на своде черепа не представляется возможным, реконструкция свода не проводилась. Прижизненный перелом (?) тела 4 шейного позвонка с последующим заживлением, артротические изменения на суставных поверхностях 5 и 6 шейных позвонков, вполне возможно посттравматического характера. Эмалевая гипоплазия на нижних клыках. Можно также отметить видимые зоны роста на внутренней структуре длинных костей (например, правой большеберцовой).

Инвентарь представлен (рис. 10):

1. Сосуд 1 – горшок лепной (рис. 10. 1). Высота – 15 см, максимальная ширина тулова – 12 см, диаметр дна – 7,5 см, диаметр по венчику 9,5 см. Объем – 900 мл. Красноглиняный, обжиг не ровный. Лежал в ногах погребенного.

2. Сосуд 2 – кубок (рис. 10. 2). Высота кубка – 17 см, диаметр кубка – 21,7 см, диаметр ножки – 13 см, глубина чаши – 10,5 см, высота свода ножки – 4 см. Ширина ножки в самой узкой части – 5,5 см. Толщина стенок – 0,7 см. Объем – 2,5 л. Поверхность покрыта разнонаправленной мелкой гребенкой. Глина красная,

Рис. 10. Комплекс находок в погребении № 3: горшок 3D модель на основе фотограмметрии: вид и сечение (1), кубок 3D модель на основе фотограмметрии: вид и сечение (2), вток общее фото (3б) и фото под микроскопом отверстия со следами дерева (3а), сосуд для воды (кальпида) (4), миска 3D модель на основе фотограмметрии: вид и сечение (5), кувшин с разрушенным верхом, фото в раскопе (6), топор (7), фрагмент наконечника меча или кинжала в ножнах, фото с верху (8а) и в сечении (8б), фрагмент ножа с рукоятью (9), копье 1 (10), копье 2 (11), фибула (12), бронзовая стрела (13), монета (14), перстень (15), бусины (16–22), вкладыш (23), булавка (24)

хорошо отмученная, обжиг ровный. Лежал в ногах погребенного, на ножке лежал железный вток копья (рис. 10. 3а, 3б)

3. Вток (рис. 10. 3б). Сохранился на длину 10,5 см. Диаметр отверстия – 0,95 см, сохранились следы древесины, их хорошо можно наблюдать на фотографии под микроскопом (рис. 10. 3а). Диаметр нижней части втока – 0,8 см.

4. Сосуд 3 – для воды (кальпида) (рис. 10. 4). Высота 50 см, диаметр дна 15 см, нижняя часть ручки крепится к тулову на высоте 17,5 см, верхняя часть – 27 см, максимальная ширина тулова – 37,5 см. Высота горла – 5 см, ширина горла 13,5 см, венчик отогнутого типа, диаметр по венчику – 18 см. Объем 22,5 л. Толщина стенок – 0,7 см. Поверхность покрыта чередующимися волнообразными полосами с 5–6-ю линиями мелкой гребенки. Ручка в сечении подпрямоугольная, со сторонами 1,5×3,3 см. Располагался сосуд с правой стороны у головы погребенного. Аналоги подобным сосудам встречаем еще в керамике колхидской культуры, в частности на Бомборском поселении.²³

5. Сосуд 4 – миска (рис. 10. 5). Объем 0,5 л. Высота 10,4 см, донце с немного расширяющимся трапецевидным контуром: диаметр дна, широкого основания – 10,8 см, высота – 1,3 см, диаметр верхней части – 10,3 см. Далее стенки миски поднимаются вверх с расширением, профилировка венчика отсутствует,

²³ Габелия 2014, 66, табл. XXVIII. 3.

диаметр по верху миски – 16,8 см. Располагался сосуд с левой стороны у головы погребенного.

6. Сосуд 5 – кувшин с разрушенным верхом (рис. 10. 6), распался на части и требует реставрации. Предварительно можно сказать, что близок к кувшину с раструбом из погребения 1. Располагался с левой стороны у головы погребенного.

7. Железный топор цебельдинского типа (рис. 10. 7). Его размеры: 10 см длина лезвия, 3 см ширина лезвия внизу, 9 см до начала обуха, диаметр отверстия в обухе – 4 см. В рукояти сохранились остатки древесины. Лежал между ног погребенного, чуть ниже таза.

8. На поясе лежал остаток наконечника (рис. 10. 8а) то ли кинжала, то ли меча с сохранившимися деревянными ножнами, их хорошо видно на фотографии в профиль (рис. 10. 8б). Ширина лезвия – 1,8 см, сохранившаяся длина – 10 см.

9. В районе пояса, уже при изъятии остеологических останков был обнаружен фрагмент ножа с прямой спинкой, цельный с рукоятью (рис. 10. 9). Видны следы дырочек для крепления рукояти обкладки. Рядом лежали фрагменты древесины с металлом внутри, возможно, как раз части от его рукояти.

10. На правом плече погребенного лежало два копья. Копье 1 (рис. 10. 10) – железное, наконечник остролистной формы, с максимальным расширением в нижней трети и уплощенным линзовидной формы сечением, имеется центровое ребро жесткости. Длина наконечника – 31 см, длина пера – 18 см; максимальная ширина – 4 см, диаметр втулки – 2 см. В небольшом количестве сохранились остатки древесины от древка

11. Копье 2 (рис. 10. 11) – железное, наконечник остролистной формы, имеющий максимальное расширение в нижней трети и уплощенную линзовидную форму сечения, центровое ребро жесткости. Длина наконечника – 31 см, длина пера – 19 см, максимальная ширина – 5 см, диаметр втулки – 2 см. В небольшом количестве сохранились остатки древесины от древка. Такие железные наконечники, по сути, сохраняющие форму бронзовых, бытуют в Центральном Предкавказье и в Прикубанье до 2 в. н. э.²⁴

12. Фибула бронзовая (рис. 10. 12), сохранилась не полностью, лежала на левом плече. Длина фибулы – около 6 см, проволочная, тетива наружу, множественные витками завязки на спинке, приемник не сохранился. По внешнему виду близка к типу лучковых подвязных фибул I серии варианта 2²⁵, но немного больше их размером.

13. Бронзовый наконечник стрелы (рис. 10. 13) очень плохой сохранности. Плоский, двулопастной, черешковый. Длина общая – 2,5 см, длина черешка – 0,9 см, максимальная ширина лопастей – 1,5 см. Данный наконечник явно выпадает своей датировкой из всего комплекса. Бронзовые черешковые наконечники бытуют с конца 2 в. тыс. до н. э. по 5 в. до н. э.²⁶ Однако он вполне может коррелировать с бронзовым топором колхидского типа, обнаруженным на территории памятника случайно при вспашке поля (рис. 11). Скорее всего, эта стрела попала в погребение случайно, о чем свидетельствует и то, что лежит она немного в стороне от самого костяка.

14. Важной находкой, которую еще предстоит исследовать, и, если удастся прочесть изображение на ней, представляет монета²⁷ (рис. 10. 14), найденная в основании раздавленного черепа при его снятии.

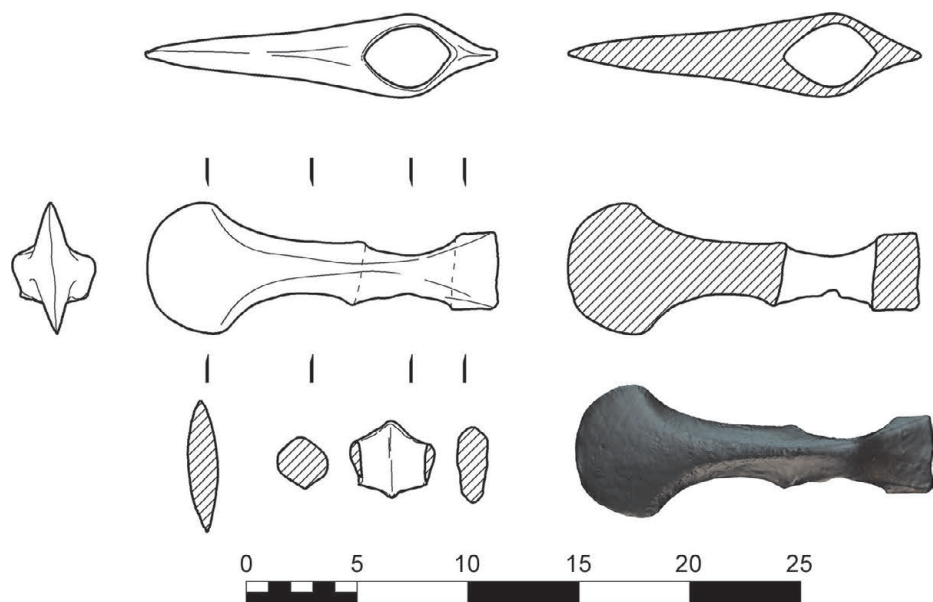
15. В районе рук обнаружен бронзовый перстень (рис. 10. 15): внутренний диаметр 1,5×1,5 см, толщина проволоки (слегка приплюснутой; плоской внутри,

²⁴ Абрамова 1993, 146; Малышев 2008, 159.

²⁵ Амброз 1966, 49, табл. 9,7; Кропотов 2010, 71–72, рис. 31.

²⁶ Иванов 2010, 36; Иванчик 2001, 32, рис. 11; Смирнов 1961, 62. Табл. I A29; Кузьмина 1966, 31–33.

²⁷ В данный момент монета сдана в лабораторию для анализа ее состава, она покрыта сильно патиной, поэтому разобрать изображение пока не удастся. После завершения исследования ее естественно-научными методами, будет произведена ее чистка от патины, и возможно, удастся прочесть на ней изображение и установить ее дату.

Рис. 11. Бронзовый топор колхидской культуры из подъемного материала на городище: 3D фотограмметрическая модель, рисунок и сечения на ее основе

округлой снаружи) – 3 мм. Припаяна бронзовая пластина, сломана, реконструируемый диаметр 1,1 см.

16. В районе шеи и груди погребенного были обнаружены бусины:

– бусина 1 (рис. 10. 16): из пасты синяя с белыми прожилками в виде волнистых линий и кругов. Ширина – 10 мм, высота – 8 мм, ширина отверстия – 3 мм;

– бусина 2 (рис. 10. 17): фактически идентична предыдущей;

– бусина 3 (рис. 10. 18): из прозрачного, слегка желтоватого стекла. Типа «шестеренка», диаметр – 12 мм, толщина бусины – 6 мм, диаметр отверстия – 3 мм;

– бусина 4 (рис. 10. 19): из пасты терракотового цвета, с 4-мя цветочками типа ромашки: в центре голубая середина и белые лепестки, разделенные голубыми линиями. Бусина расколота. Ширина – 10 мм, высота – 7 мм, диаметр отверстия – 4 мм, диаметр цветка – 4 мм;

– бусина 5 (рис. 10. 20): фрагмент бусины неправильной формы, белая, с темно-коричневыми, почти черными, прожилками (возможно, две, спаянные вместе);

– бусина 6 (рис. 10. 21): фрагмент бусины, похожей на бусину 5, белая, с темно-коричневыми, почти черными, прожилками;

– бусина 7 (рис. 10. 22): фрагмент бусины, форма не ясна, черная глазурь с легким рифлением.

17. Вкладыш стеклянный (?) (рис. 10. 23) ярко оранжевого цвета, гладкий выпуклый округлый с одной стороны; с обратной стороны видны следы ретуши – сработанности. Диаметр – 9 мм, толщина – 3 мм.

18. В районе груди найдена тонкая бронзовая булавка (рис. 10. 24). Длина – 52 мм, толщина от 1 до 0,3 мм, головка булавки граненая.

19. Около костяка были расставлены три части черепа кабана: два фрагмента у головы слева и справа, и один справа, в районе пояса (рис. 9. 2).

Как и в погребении № 1, костяк лежал на слое грунта с примесью углей и различных костей животных (возможно, следы погребальной тризны).

Погребение № 3, в отличие от погребения № 1, не было разрушено при постройке склада, следовательно, оно позволяет маркировать его восточную границу.

В целом, анализируя эти три погребения, можно сказать, что наблюдаем здесь схожий ритуал. Под останками усопшего фиксируется слой грунта с углями и раздробленные «кухонные» остатки костей животных, некоторые со следами пребывания в огне. Среди остеологических останков фиксируется небольшое количество костей оленей, что соответствует заполнению части культурных напластований, расположенных ниже могильника. Вблизи умершего человека помещали раздробленные части туши молодой свиньи: у головы размещали части разделанного черепа животного, хорошо зафиксированного в погребении № 3 (в погребении № 1 выявлены лишь отдельные фрагменты), а вдоль тела – мясные части конечностей, позвоночника, грудной клетки. Помимо этого, в погребении 3 в кисти погребенного оказались остатки птицы, а в погребении № 1, у пояса – челюсть собаки.

Погребение № 3 лишь своей половиной попадало в изначальный раскоп. К счастью, его ориентация позволила сделать прирезку и вскрыть его полностью послыно. При вскрытии прирезки для исследования погребения № 3, выше него и немного восточнее было обнаружено погребение № 4 (рис. 9. 1; рис. 12). Костяк был выявлен на уровне 109,75 м. Череп оказался на 20 см ниже, поэтому фиксация костяка и съём остеологических останков были произведены без черепа, а сам череп найден уже при снятии следующего слоя. В груди погребенного между ребер с левой стороны были видны остатки железной стрелы (рис. 12. 2), настолько коррозированные, что при снятии они распались. Интересно то, что в восточном углу квадрата, на уровне 109,8 м был обнаружен в слое наконечник стрелы с затупленным концом от удара о твердую цель. (рис. 12. 3). Наконечник длиной 9,5 см, при длине черешка 4 см, ромбовидный в сечении с цилиндрическим основанием пера, максимально расширяется в нижней четверти (1,1 см), при толщине 0,5 см, сечение черешка из-за коррозии металла не определяется. Наконечник близок к типу 97, по Медведеву²⁸, и датируется 13–14 вв. Эта датировка (14 в.) коррелирует с датой пожара в башне Алахаш-абаа²⁹, которым и датируется гибель самого городища. Конечно, учитывая перемешанность верхнего слоя, говорить о четкой связи гибели погребенного № 4 с найденной стрелой не представляется возможным. Остается лишь сожалеть, что стрела в груди не сохранилась.

Погребенный № 4:

Пол: мужчина.

Возраст: adultus II – maturus I.

Сохранность и комплектность: череп во фрагментах, фрагмент нижней челюсти с зубами, середина диафиза правой плечевой кости, середина диафиза левой плечевой кости, диафиз левой локтевой без нижней трети, 1-ая пястная левой кисти, верхний эпифиз 3 – ей пястной кости левой кисти, ребра в мелких фрагментах, фрагменты парных тазовых костей, диафизы парных бедренных с посмертными переломами, левый надколенник, диафизы парных большеберцовых костей, нижняя треть правой малоберцовой кости, правая пяточная, 1-я, 3 и 4-я плюсневые кости правой стопы, 1-я плюсневая кость левой стопы.

Примечания: утолщение свода черепа за счет увеличения количества губчатого вещества.

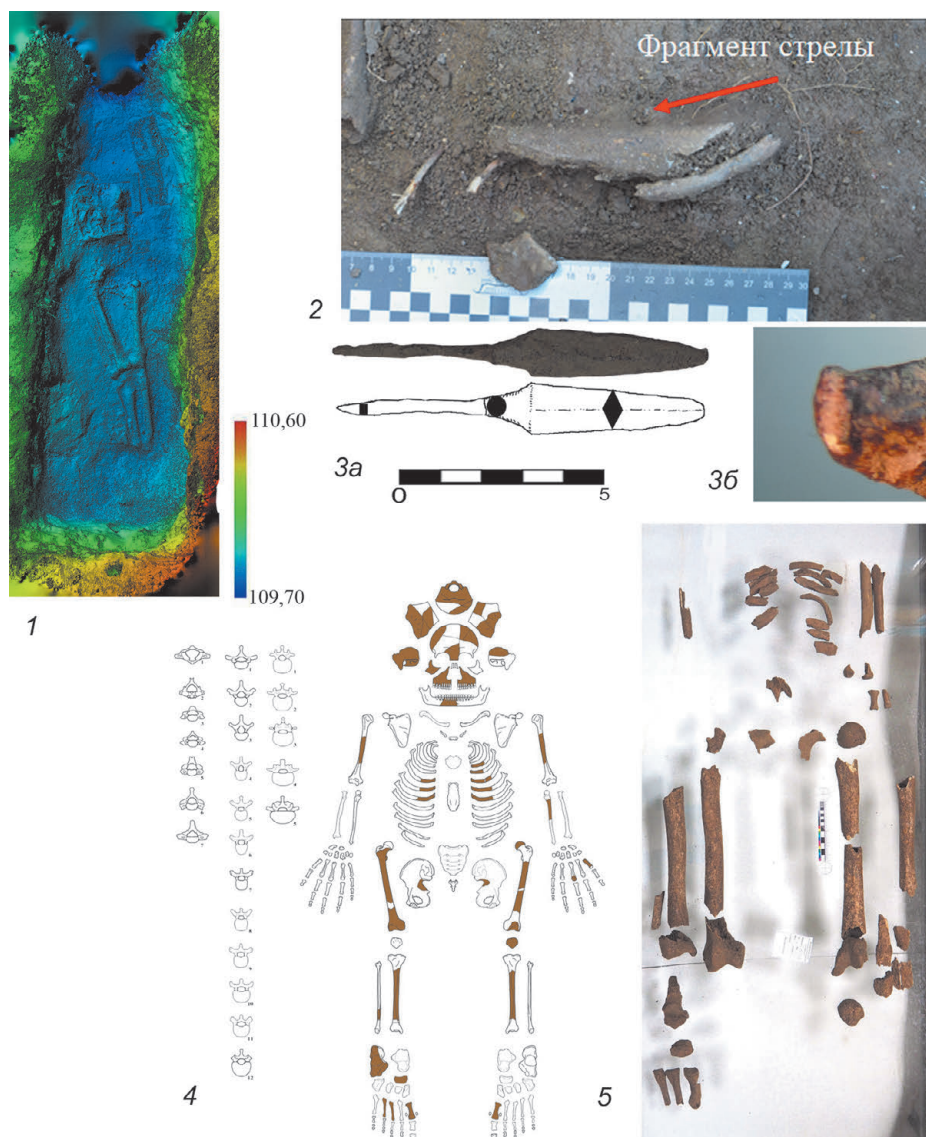
Следует отметить, что ранее, среди погребенных на территории Маркульского храма, данная патология уже встречалась несколько раз.³⁰

Работы на раскопе 2022 г. были остановлены на уровне снятия вышеуказанных погребений и пифоса-«гиганта». Они будут продолжены в следующем

²⁸ Медведев 1966, 85, табл. 30. 94.

²⁹ Требелева и др. 2019, 326–327.

³⁰ Требелева, Шведчикова 2019. 162–173.

Рис. 12. Погребение 4: ЦММ модель погребения (1), фото стрелы (?) в груди, рядом с ребром (2), стрела со сработанным концом, найденная на уровне залегания погребённого 4: фото и рисунок (3а), фото сработанного кончика под микроскопом (3б), схема (4) и фото (5) сохранности скелета из п.4, мужчина, *adultus II-maturus I*

сезоне. Также еще предстоит подробное исследование найденных артефактов профильными специалистами, поэтому выводы носят пока предварительный характер и будут, возможно, скорректированы по результатам дальнейших раскопок и исследования артефактов. Пока же ситуация видится следующей. В римский период (2 в. до н. э. – 2 в. н. э.) на данной территории функционирует некрополь, который по какой-то причине забрасывается, население, возможно, покидает данную территорию. Косвенным подтверждением этому является наличие эллинистических слоев и отсутствие средневековых в раскопках «Нижний» (рис. 1), здесь же, на юго-западном склоне, чуть ниже участков «Пифосы», при отсутствии эллинистических слоев на верху плато. Все артефакты, найденные на данный момент на верху плато, можно датировать не ранее позднеантичного времени.

Пытаясь объяснить полученную картину, обнаруживаем параллели в общеисторическом контексте событий на данной территории. В середине 1 в. до н. э. гибнет Эшерское городище.³¹ У Плиния Старшего имеется свидетельство того, что «богатейший город Питиус был разграблен гениохами» (HN. VI. 16).

³¹ Шамба 1980, 60.

По стратиграфическим данным исследований в Сухуме, на 1 в. н. э. приходится следы пожара и самые слабые следы культурного слоя.³² Таким образом, бурные события 1 в. до н. э. – 1 в. н. э., связанные как с Митридатовыми войнами, так и с последовавшим затем нашествием генихов, скорее всего, не прошли бесследно и для населения нашего памятника. Думается, свою роль могло сыграть и похолодание климата в 1 в. до н. э. – 1 в. н. э., продолжавшееся до 3 в. н. э. Оно отражается как на диаграмме климатических кривых за последние 5 тыс. лет, построенной на основании ширины колец одного из видов сосны³³, так и в палинологических колонках.³⁴ И наоборот, во второй половине 3 в. н. э. на городище, возможно, приходит новое население. Не исключено, что частично это могли быть беженцы из расположенного рядом на побережье античного города Гюэноса. Как пишет Зосима, во время готско-сарматских войн население с побережья стало искать убежище на возвышенностях (Zos. I. 32). Возможно, тогда и появляется новое население на городище, которое строит здесь оборонительные сооружения и исследованный нами склад (между первой и второй линиями обороны). Косвенным доводом в пользу этого может быть факт сооружения южной оборонительной башни Алахаш-абаа в римской строительной технике, описанной Витрувием.³⁵

Таким образом, можем предположить, что склад был сооружен во второй половине 3 в., так как у части пифосов отогнутый венчик, характерный для античной традиции. В процессе функционирования городища часть пифосов заменяли или ставили новые, по мере необходимости. А завершил свое существование склад, скорее всего, не позднее 8 в., поскольку пифосов, характерных для периода развитого средневековья, на данном участке пока не обнаружено. Позволим себе выказать гипотезу, что прекращение функционирования склада связано с землетрясением, следы которого обнаруживаем и на Дальней Башне (Замке) городища³⁶, и на близлежащих памятниках, которое, судя по перестройкам в храме Джал-Акуаскиа, можно предварительно датировать 7–8 вв.³⁷ В результате землетрясения продовольственный склад был погребен под завалом камней и грунта с вершины плато. Наличие в раскопе крупных каменных плит, в том числе перекрывающих собой пустоты (в частности, над пифосом № 1), также является косвенным свидетельством этого. После землетрясения жизнь на городище восстанавливается, о чем свидетельствуют следы ритуалов и восстановлений на Дальней Башне (Замке),³⁸ наличие стрелы 14 в. в слое здесь же на склоне, и средневекового погребения (№ 4). Однако склад откапывать и восстанавливать не стали.

Высказанные гипотезы, конечно, еще требуют дополнительных доказательств и могут быть как подтверждены, так и опровергнуты дальнейшими исследованиями памятника.

ЛИТЕРАТУРА

³² Шамба 2005, 85.

³³ Монин, Шишков 1979, 340.

³⁴ Кайтамба 2006, 57–58.

³⁵ Требелева и др. 2019а, 326–333; Требелева и др. 2019б, 231–236.

³⁶ Trebeleva et al. 2022.

³⁷ Требелева и др. 2021, 147–156.

³⁸ Требелева и др. 2022, 85–97.

Абрамова М. П. 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). Москва.

Амброз А. К. 1966. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н. э. – IV в. н. э. (САИ Д1-30). Москва.

Бгажба О. Х. 1977. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.), Сухуми.

Габелия А. Н. 2014. Абхазия в предантичную и античную эпоху. Сухум.

Гунба М. М. 1985. Атарские гончарные печи. Тбилиси.

- Иванов А. А. 2010. Бронзовые наконечники стрел VII – первой половины VI вв. до н. э. в погребальных комплексах урало-казахстанских степей // Вестник Южно-Уральского Государственного Университета. Серия 15.28, 35–38.
- Иванчик А. И. 2001. Киммерийцы и скифы. Культурно – исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. Москва.
- Кайтамба М. Д. 2006. Изменение растительности Восточного Причерноморья в течении последних 5000 лет (на примере разрезов Таманского полуострова и Приморской равнины в районе Сухума) // Вестник МГУ. Серия 5.2, 54–59.
- Клемешова М. Е., Юрков В. Г., Кириллов В. Е., Требелева Г. В. 2022. Исследования формовочных масс пифосов и плинфы и природной глины Маркульского городища // Геоархеология и археологическая минералогия – 2022. Миасс–Челябинск, 196–201.
- Кропотов В. В. 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев.
- Кузьмина Е. Е. 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. Москва.
- Куфтин Б. А. 1950. Археологические изыскания в Рионской низменности на Черноморском побережье 1935 и 1936 годов (Материалы к археологии Колхиды II). Тбилиси.
- Малышев А. А. 2008. Погребальный инвентарь Цемдолинского некрополя // А. А. Малышев (ред.), Аспургиане на юго-востоке Азиатского Боспора (по материалам Цемдолинского некрополя). Москва, 136–180.
- Медведев А. Ф. 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. Москва.
- Монин А. С., Шишков Ю. А. 1979. История климата. Ленинград.
- Обломский А. М. 2022. Позднезарубинецкие и позднескифские памятники востока Днепропровского Левобережья и Верхнего Подонья. Продолжение темы // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.) VIII. Севастополь. 147–173.
- Смирнов К. Ф. 1961. Вооружение савроматов. Москва.
- Сунцова Н. Ю., Юрков В. Г., Хондзия З. Г., Требелева Г. В. 2022. Древко копья и топориче из погребений на Маркульском городище (Республика Абхазия): археоботанический анализ // Геоархеология и археологическая минералогия – 2022. Миасс–Челябинск, 46–51.
- Тесленко И. Б. 2015. Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV–XV вв. // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Казань–Симферополь–Кишинев, 125–163.
- Требелева Г. В., Хондзия З. Г., Яворская Л. В., Юрков В. Г. 2019а. Результаты раскопок в башне Алахаш-абаа Маркульского городища в 2018 г. // Проблемы исследования древних и средневековых поселений и могильников Западного Кавказа. К 110 – летию со дня рождения Н. В. Анфимова («Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа IX). Краснодар, 326–333.
- Требелева Г. В., Кизилев А. С., Глазов К. А., Хондзия З. Г., Юрков Г. Ю. 2019б. Оборонительные сооружения Маркульского городища. К вопросу датировки // КСИА 256, 230–239.
- Требелева Г. В., Сакания С. М., Лобковский В. А., Кизилев А. С. 2021. Образы кошачьих в каменной пластике средневековой Абхазии (по данным новых находок Маркульской экспедиции) // Stratum plus 5, 147–156.
- Требелева Г. В., Яворская Л. В., Кизилев А. С., Сакания С. М., Хондзия З. Г. 2022. Жертвенные ритуалы в башнях Маркульского городища: интерпретация результатов археологических исследований // Stratum plus 5, 85–97.
- Требелева Г. В., Клемешова М. Е., Юрков Г. Ю. 2022. Керамическая традиция в цебельдинский период по результатам исследования тарной керамики из склада пифосов и керамических плинф из раскопок Маркульского городища с помощью методики А. А. Бобринского // Э. А. Хайрединова, Е. Б. Яцишина (ред.), Междисциплинарные исследования объектов культурного наследия естественно – научными методами. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Симферополь, 5–7 октября 2022 г.). Симферополь, 160–167.

- Требелева Г. В., Шведчикова Т. Ю. 2019. Захоронения на территории Маркульского храма // *Нурапис* 1, 162–173.
- Шавырина Т. Г. 2002. Гемма с изображением Аполлона из некрополя Фанагории // *ПИФК* 12, 242–248.
- Шамба Г. К. 1980. Эшерское городище (Основные результаты археологических раскопок 1968, 1970–1977 гг.). Тбилиси.
- Шамба Г. К. 2005. Древний Сухум. Сухум.
- Шевченко Н. Ф. 2013. Племена Восточного Приазовья на рубеже эры. Ростов-на-Дону.
- Юрков В. Г., Клемешова М. Е., Требелева Г. В. 2022. Вопросы хронологии Маркульского городища в свете новых открытий 2021 г. // *Актуальная археология* 6. Материалы международной научной конф. молодых ученых. Санкт-Петербург, 194–197.
- Юрков В. Г., Требелева Г. В. 2022. Цифровая форма представления данных археологического исследования Маркульского городища в Абхазии: Цели, задачи и методы // *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 49. Материалы международной научной конф. «Историческая информатика как “Historical Data Science” и XVIII конференции Ассоциации “История и компьютер”». К 30-летию АИК и 10-летию журнала «Историческая информатика». Москва, 11–13 ноября 2022 г. Москва, 166–170.
- Якобсон А. Л. 1966. Средневековые пифосы Северного Причерноморья // *СА* 2, 189–202.
- Якобсон А. Л. 1976. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Москва.
- Bakhtadze N. 2015. *Ceramics in the Medieval Georgia*. Tbilisi.
- Trebeleva G., Kizilov A., Lobkovskiy V., Yurkov G. 2022. Evolving Cultural and Historical Landscapes of Northwestern Colchis during the Medieval Period: Physical Environment and Urban Decline Causes // *Land* 11/12, 2202 (<https://doi.org/10.3390/land11122202>).

СОКРАЩЕНИЯ

АВ	– Археологические Вести
АДСВ	– Античная Древность и Средние Века
АН ТССР	– Академия Наук Туркменской ССР
БИ	– Боспорские Исследования
БПЛА	– Беспилотный Летательный Аппарат
БС	– Боспорский Сборник
ВДИ	– Вестник Древней Истории
ГИАМЗ ХТ	– Государственный Историко-Археологический Музей-Заповедник «Херсонес Таврический»
ДБ	– Древности Боспора
ИАК	– Известия Императорской Археологической Комиссии
КБН	– Корпус Боспорских Надписей. Москва–Ленинград, 1965
КГИАМЗ	– Краснодарский Государственный Историко-Археологический Музей-Заповедник им. Е.Д. Фелицина
КСИА	– Краткие Сообщения Института Археологии
МАИАСП	– Материалы по Археологии и Истории Античного Северного Причерноморья
МАИЭТ	– Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии
МИА	– Материалы и Исследования по Археологии СССР
ОАК	– Отчет Археологической Комиссии
ПИФК	– Проблемы Истории, Филологии, Культуры
РА	– Российская Археология
СА	– Советская Археология
САИ	– Свод Археологических Источников
ТССР	– Туркменская ССР
УЗ МОПИ	– Учене Записки Московского Областного Педагогического Института
Фанагория	– В.Д. Кузнецов (ред.), Фанагория. Результаты археологических исследований
ЦММ	– Цифровая Модель Местности
ЮТАКЭ	– Южно-Туркменистанская Археологическая Комплексная Экспедиция
ABSA	– The Annual of the British School at Athens
BAR	– British Archaeological Reports
BASOR	– Bulletin of the American Schools of Oriental Research
BCH	– Bulletin de Correspondence Hellénique
CAH	– The Cambridge Ancient History. Cambridge.
COP-DEM_GLO-30	– Copernicus Digital Elevation Model
ESF	– European Science Foundation
ICREA	– Institució Catalana de Recerca i Estudis Avançats

Сокращения

IS	– International Series
J. Surf. Invest.: X-ray, Synchrotron Neutron Tech.	– Journal of Surface Investigation: X-ray, Synchrotron and Neutron Techniques
JRA	– Journal of Roman Archaeology
LRP	– Late Roman Pottery
RE	– Pauly A.F., Wissowa G., Kroll W. et al. Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1894–1980.
SFECAG	– La Société Française d’Étude de la Céramique Antique en Gaule
SOMA	– Symposium on Mediterranean Archaeology
The Athenian Agora	– The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

HYPANIS
Труды отдела классической археологии ИА РАН
Том 5

Под общей редакцией В. Д. Кузнецова

Научное издание

Подготовка иллюстративного материала
и изготовление оригинал-макета: В. Б. Степанов

Подписано в печать 28.11.2023. Формат 60×90/8
Усл. печ. л. 25,0. Уч.-изд. л. 23,4. Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук
117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в типографии: ООО «Новые решения»

ISBN 978-5-94375-419-7

9 785943 754197